АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

В. Г. ОРЛОВА

ИСТОРИЯ АФФРИКАТ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СВЯЗИ С ОБРАЗОВАНИЕМ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1959

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

В. Г. ОРЛОВА

ИСТОРИЯ АФФРИКАТ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
В СВЯЗИ С ОБРАЗОВАНИЕМ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1959

Ответственный редактор

Р. И. АВАНЕСОВ

ВВЕДЕНИЕ

1

Различия между диалектами русского языка, независимо от того касаются ли они звукового строя, грамматики или лексики, неодинаковы по широте своего распространения. Некоторые наиболее распространенные диалектные особенности, свойственные большим диалектным массивам, положены, например, в основу той классификации русских народных говоров, которая представлена в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе», опубликованном в 1915 г. Московской диалектологической комиссией[1]. Противопоставление крупнейших объединений говоров (наречий) дается в «Опыте» на основании сравнительно небольшого количества диалектных особенностей, что вполне естественно, поскольку составителями «Опыта» привлекались для этой цели лишь черты, характерные одновременно для многих говоров русского языка. Из общего числа фонетических особенностей, отличающих северновеликорусские говоры от южновеликорусских, в «Опыте» использованы типы предударного вокализма и указания на качество звука *г*; такие фонетические черты, как произношение звуков, соответствующих этимологическому *ѣ* (для северных говоров), и типы яканья (для южных говоров) были положены в основу дальнейшего более дробного деления наречий на соответствующие подгруппы.

Характерно при этом, что такая чрезвычайно широко распространенная диалектная черта, как цоканье (неразличение *ц* и *ч*), или другие, также имеющие большое распространение, типы употребления аффрикат не использованы сколько-нибудь систематически в классификации, проведенной составителями «Опыта». Правда, в обзоре подгрупп в пределах северновеликорусского наречия имеются указания на наличие в них цоканья, но эти указания не охватывают всего многообразия реально существующих разновидностей цоканья. Это особенно ясно ощущается при сравнении с использованием в классификации подгрупп южновеликорусского наречия типов яканья, особенно яканья диссимилятивного, сведения о котором сообщаются в «Опыте» довольно обстоятельно.

По отношению же к употреблению аффрикат в «Опыте» имеется лишь самая общая попытка различить совпадение *ц* и *ч* этимологических в *ц'* мягком от аналогичного совпадения в *ц* твердом. Так, если на территории той или иной подгруппы говоров имеются, помимо твердого или мягкого цоканья, другие виды употребления аффрикат (совпадение *ц* и *ч* в одном шепелявом звуке, по образованию промежуточном между *ч* и *ц*; совпадение *ц* и *ч* в *ч* — так называемое чоканье),

[1] См. «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе». М., 1915. В дальнейшем в тексте будем именовать сокращенно — «Опыт».

то между ними не делается никакого различия при членении северновеликорусского наречия на подгруппы. В этом отношении показательна хотя бы характеристика цоканья в северновеликорусских говорах Вологодско-Вятской группы: «*ц* и *ч* в значительной части говоров совпали в одном звуке *ц* мягком: *отець*, *дивиця*, *цюдо*, *мойцять*; реже — в звуке *ч* мягком: *величять*, *чюдо*, *отечь*, *овчя;* во многих говорах вместо *ц* и *ч* произносится средний шепелеватый звук $ц^ч$, или $ч^ц$, или же эти звуки смешиваются...» («Опыт», стр. 22). Не предусматриваются в подобной характеристике и случаи сосуществования в пределах отдельных говоров различного произношения аффрикат. Это связано с невыясненностью типов употребления аффрикат, столь же реально существующих в русских народных говорах, как существуют в них, например, и типы яканья. Неточны представления авторов «Опыта» и о территориальном распространении цоканья. Так, например, в «Опыте» имеется указание на то, что цоканье якобы отсутствует на бóльшей части территории б. Владимирской губ. (стр. 26). Особенно неясным оставалось для авторов «Опыта» распространение цоканья за пределами собственно северновеликорусского наречия, на территории, например, средневеликорусских говоров «с белорусским наслоением» и на территории подобных же говоров с «южновеликорусским наслоением». Описание распространения цоканья на этих территориях дается более чем приблизительно.

Другие виды диалектного употребления аффрикат (в частности, утрата затвора в одной или в обеих аффрикатах: *ч'ай — куриса* или *ш'ай — курица* или *ш'ай — куриса)* не принимаются в «Опыте» во внимание, хотя глухое указание на наличие подобного явления, может быть, следует видеть в упоминании о шепелеватых и цокающих говорах «саянов» Курской губернии (стр. 31). Заметим попутно, что подобные говоры всегда рассматриваются в «Опыте» как северновеликорусские по происхождению.

Неполнота имевшихся в распоряжении авторов «Опыта» данных о типах употребления аффрикат в говорах русского языка и об их территориальном распространении, отсутствие специального исследования различных диалектных типов употребления аффрикат помешали авторам «Опыта» понять и правильно оценить характерные особенности цоканья по сравнению с другими диалектными различиями фонетического характера, использованными при классификации русских народных говоров.

Так, должна была быть учтена, но фактически не учитывалась наибольшая, по сравнению с другими диалектными явлениями, использованными при классификации русских народных говоров, древность цоканья как совпадения аффрикат *ц'* и *ч'* в одном звуке. Цоканье, в отличие от ряда других диалектных явлений, фиксируется показаниями памятников письменности, относящихся к определенным территориям, начиная с XI века, что дает основание предполагать значительное своеобразие территориального распространения цоканья по сравнению с более поздними по происхождению чертами, отличающими друг от друга северновеликорусское и южновеликорусское наречия, а также определенные подгруппы внутри этих наречий. На это своеобразие территориального распространения цоканья авторы «Опыта» наталкивались в ряде случаев, отмечая, например, что цоканье выходит за пределы северновеликорусского наречия, с которым его преимущественно связывают, или, наоборот, отсутствует на части территории этого наречия. Дальше констатации этих фактов авторы «Опыта» не шли.

Так обстояло дело с изучением употребления аффрикат ко времени составления «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе».

И в более позднее время работы, посвященные изучению употребления аффрикат, единичны и не охватывают всех необходимых вопросов. Таковы работы С. А. Копорского[2] и В. Г. Орловой[3].

В статье С. А. Копорского данные о цоканье относятся лишь к говорам ограниченной территории, что, однако, не снижает значения этой работы и заключенных в ней материалов при подготовке более широкого обобщающего труда.

В статье В. Г. Орловой дается очерк распространения типов цоканья (вопросы, связанные с другими типами употребления аффрикат, оставлены в стороне). В связи с неполнотой имевшихся материалов, очерк во многом неполон и неточен.

Отсутствие достаточно широкого изучения данного явления сказалось не только на собственно диалектологических работах, оно отрицательно отозвалось и на разработке данного вопроса в плане истории русского языка.

Известно, какое большое значение для дальнейшего развития исторической диалектологии русского языка имело исследование типов предударного вокализма после мягких согласных, проведенное Н. Н. Дурново[4], подвергшим углубленному анализу диалектные данные, собранные при подготовке «Опыта». Установление И. Г. Голановым границы диссимилятивного аканья[5], указания на различные типы звуков, появляющихся в произношении в первом предударном слоге при диссимилятивном аканье, также сохраняют до сих пор большое значение. Углубленному изучению на широком материале важнейших диалектных признаков русских народных говоров посвящены работы С. П. Обнорского[6], В. В. Виноградова[7] и других авторов. Ознакомление с этими монографиями показывает, как важно, наряду с классификацией русских народных говоров по тем или иным определенным признакам, вести детальное изучение самих этих признаков, изучение присущих им закономерностей развития, особенностей их территориального распространения.

2

История аффрикат в русском языке особенно нуждается в разработке ее на основе широкого исследования диалектного материала, разумеется, при полном использовании всего того, что достигнуто

[2] С. А. Копорский. Цоканье в Калининской области. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. III, М., 1949.

[3] В. Г. Орлова. Цоканье в русских говорах. «Ученые записки МГУ им. М. В. Ломоносова», вып. 128, М., 1948.

[4] См. Н. Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров, ч. I. Южновеликорусское наречие, вып. 1 — «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. VI, 1917; вып. 2 — там же, вып. VII, 1918.

[5] См. И. Г. Голанов. О диссимилятивном аканье. «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. 3, 1914; он же. Несколько данных к вопросу о географическом распространении диссимилятивного аканья. «Сборник ОРЯС», т. CI, № 3, 1928.

[6] С. П. Обнорский. Заметки по русской диалектологии. «Slavia», ročnik VII, sešit 4, 1929; ročnik XI, sešit 1, 1932; он же. Сочетание *чн* в русском языке. «Труды Комиссии по русскому языку», т. 1, Л., 1931; он же. Переход *е* > *о* в современном русском языке. «Труды Комиссии по истории Академии наук СССР», вып. 8, М.—Л., 1947; он же. Образование глагольных форм 3-го лица настоящего времени в русском языке. «Известия АН СССР», Отд. лит-ры и языка, 1941, № 3.

[7] В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия, вып. 1. Очерки из истории звука ѣ в севернорусском наречии. «Известия ОРЯС АН», т. XXIV, кн. 1 и 2, Л., 1923.

в изучении истории этого явления по данным памятников письменности.

Цоканье, поскольку оно является отличительной диалектной особенностью писцов ряда памятников письменности, в том числе и памятников, относящихся к весьма древним периодам, давно привлекает к себе пристальное внимание исследователей. Язык памятников, в той или иной степени отражающих цоканье, связывают обычно (с учетом сообщений о месте их написания и некоторых дополнительных особенностей графики и орфографии) с древними говорами Новгородской, Псковской или Смоленско-Полоцкой земли.

Если оставить в стороне тот факт, что некоторые исследователи нередко неправильно пользуются этим критерием и стремятся доказать новгородское (или псковское, смоленско-полоцкое) происхождение любого памятника, где зафиксировано цоканье, даже при наличии определенных указаний, что памятник написан не в Новгороде и не новгородцем (или не в Пскове и т. д.), все же значение цоканья для определения территориальной принадлежности памятников остается неоспоримым. Не должна быть недооценена и самая возможность представить себе территориальное распространение цоканья в древности при помощи памятников письменности, отражающих цоканье. Эта возможность должна быть использована при разработке истории данного явления. Однако следует заметить, что из числа памятников XI в., отражающих цоканье, сохранились лишь памятники новгородского происхождения. Смоленско-полоцкие памятники известны лишь с XIII в., а псковские даже с XIV в.[8] Поэтому, хотя в памятниках письменности трех названных групп содержатся исключительно важные для истории языка указания на территорию древнейшего распространения цоканья, их показания не дают полной уверенности в том, что цоканье является на всех этих территориях в равной степени исконным; сравнительно-историческое изучение соответствующего диалектного материала должно, таким образом, сыграть определенную роль также и в рассмотрении этого вопроса. При наличии псковских и смоленско-полоцких памятников XI в. эта уверенность была бы во всяком случае большей. В настоящее же время мы знаем лишь, что цоканье в период XIII—XIV и последующих веков существовало в языке населения названных земель, издавна представлявшего собой, несмотря на былые племенные различия, то значительное единство восточнославянского северо-запада, взятого в целом, которое с полным основанием подчеркивают историки. Тесное взаимодействие и взаимосвязь северо-западных восточнославянских земель объясняется исторически тем, что «на севере, в отдалении от политической жизни Причерноморья, течение исторической жизни было относительно мерным и непрерывным, и племенные группы сохранили свои этнические особенности и свою племенную целостность в течение многих столетий»[9].

Слабое отражение цоканья в памятниках письменности ростово-суздальского происхождения не соответствует нашим представлениям о современном распространении этого явления на данной территории, где имеется достаточно определенный массив цокающих говоров, размеры которого в прошлом были, несомненно, более значительными. Отражению цоканья в письменности препятствовало, очевидно, то

---

[8] Что же касается Паремейника 1271 г., то наиболее общепринятым является отнесение этого памятника к числу новгородских. Ср. Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. Brno, 1927, стр. 43.

[9] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 246.

обстоятельство, что древнейшие культурные центры Ростово-Суздальской Руси были расположены в ее северной части, где находились говоры с исконным различением *ч'* и *ц*. Играло свою роль и наличие тесных непрерывавшихся связей с Южной Русью, также в известной мере укреплявших традиционность ростово-суздальской письменности. В подобных условиях цоканье оказывалось за пределами местных орфографических норм, в то время как, например, в Новгороде оно не противоречило этим нормам.

Отметим также, что именно диалекты, а не памятники письменности дают нам наиболее полное представление и о древнейшем территориальном распространении цоканья: цокающие говоры на территории юго-востока Европейской части СССР (см. ниже), в древности которых сомневаться не приходится, в письменности не отражены.

В отношении показаний памятников письменности мы ограничиваемся обобщением существующих исследований, тем более, что в настоящее время история русского языка располагает значительным количеством работ этого рода, фиксирующих распространение цоканья на названных территориях[10].

Кроме вопросов о территориальной принадлежности памятников письменности, отражающих цоканье, исследователями языка этих памятников неоднократно делались попытки выяснить конкретную разновидность цоканья, нашедшую отражение в орфографии исследуемого памятника, или хотя бы определить качество того звука, в котором совпадали аффрикаты *ч* и *ц* в произношении писца.

Попытку решения вопросов этого рода находим, например, у В. Л. Комаровича, исследователя языка Минеи 1096 г.: «Диалектическая черта севернорусского говора — смешение *ч — ц* — присуща нашему памятнику и роднит его с другими памятниками Новгородского происхождения (Минея 1095 г., Минея 1097 г., 1-я Новгородская летопись Син. Сп., Вопрошение Кирика). Из четырех диалектических разновидностей этого явления севернорусской фонетики (совпадение *ч — ц* в одном звуке *с'* «шепелявом»; смешение при сохранении звуков *ч — ц*;

---

[10] Отметим важнейшие работы, посвященные исследованию языка Новгородских, Псковских и Смоленских памятников, отражающих цоканье.

По языку новгородских памятников: М. И. Карнеева. Язык служебной Минеи 1095 г. «Русский филологический вестник», т. LXXV, № 1—2, М., 1916, стр. 158—169; т. LXXVI, № 3, М., 1916, стр. 120—129; т. LXXVIII, № 3—4, Казань, 1918, стр. 23—45; В. Л. Комарович. Язык Служебной Октябрьской Минеи 1096 г. «Известия ОРЯС АН», т. XXX, Л., 1925; С. П. Обнорский. Исследование о языке Минеи за ноябрь 1097 г. Там же, т. XXIX, Л., 1924; он же. О языке Ефремовской Кормчей XII века. «Исследования по русскому языку», т. III, вып. 1, СПб., 1912; Б. М. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи. «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 2, СПб., 1900; А. А. Шахматов. Исследование о языке Новгородских грамот XIII и XIV века. «Исследования по русскому языку», т. I, вып. 2. СПб., 1885; он же. Исследование о Двинских грамотах XV в. «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 3, СПб., 1903, и др.

По языку псковских памятников: А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка. Киев, 1884 (о языке ряда псковских памятников XIV в.); А. А. Шахматов. Грамота псковского князя Ивана Александровича. «Известия ОРЯС АН», т. XVII, кн. 3, СПб., 1912; Н. М. Каринский. Исследование языка псковского Шестоднева 1374 г. «Журнал Министерства народного просвещения», 1916, № 2; он же. Погодинский апостол 1391 г. «Русский филологический вестник», т. XXXVI, № 3—4, 1896; он же. Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909; Т. Н. Кандаурова. Из истории древнепсковского диалекта (о языке псковского Пролога 1383 г.). Автореферат диссертации. М., 1951.

По языку Смоленско-Полоцких грамот: А. И. Соболевский. Смоленско-Полоцкий говор XIII—XV в. «Русский филологический вестник». т. XV, Варшава, 1886.

замена *ч* через *ц*; обратная замена) для нашего памятника надо, кажется, указать на этимологическое смешение при раздельном существовании обоих звуков, так как один звук не господствует над другим»[11]. Здесь обращает на себя внимание весьма прямолинейное перенесение исследователем показаний памятника письменности в живую речь.

Более осторожно обобщается М. И. Карнеевой материал, характеризующий употребление аффрикат в Минеях 1095 г. Систематизируя извлеченные из памятника примеры в зависимости от различных фонетических положений в слове: *ч* вместо *ц* и наоборот — *ц* вместо *ч* в положениях перед гласными (буквами) *а*, *е*, *ъ*, *оу*, *ю*, *ѣ*, *и* и перед группами согласных (стр. 124—125), автор приходит в результате анализа к несколько противоречивому выводу: «Главной диалектической особенностью памятника является мена *ц* и *ч*. Случаев этой мены встречается очень много, но нет никаких данных, чтобы определить, как произносил писец эти звуки (разрядка наша. — *В. О.*) — смешивал ли он их или же они совпали в каком-нибудь одном. Можно только отметить, что *ч* вместо *ц* встречается чаще нежели *ц* вместо *ч* и что *ц* вместо *ч* перед гласными *оу*, *ю* не встречается»[12]. Нельзя не согласиться с первой частью приведенного высказывания, отражающей скептическое отношение автора к собранному материалу, однако тот факт, что автор считает необходимым подчеркнуть количественное преобладание употребления буквы *ч* в определенных положениях, позволяет думать, что этому преобладанию придается известное фонетическое значение, что едва ли можно признать обоснованным.

Поскольку и другие исследователи, строившие свои выводы об употреблении аффрикат в живом произношении на основании показаний памятников письменности, считали более или менее существенным количественное соотношение случаев написания буквы *ц* вместо *ч* и буквы *ч* вместо *ц*, заметим, что это соотношение едва ли все же можно считать показательным для произношения этих звуков в живой речи, во всяком случае на протяжении периода с XI по XV век. Так, в частности, значительное распространение случаев замены буквы *ц* буквой *ч* на письме еще не свидетельствует о том, что именно совпадение *ц* и *ч* в звуке *ч* было представлено в произношении. Вернее предположить, что преобладание употребления буквы *ч* отражало лишь орфографию писца — бо́льшую или меньшую степень влияния на него традиционной письменности южного (киевского) типа. Именно в связи с тем, что в произношении писца отсутствовал звук *ч*, он чаще обращался к написанию буквы *ч*, употребляемой им, однако, в связи с навыком произношения одной аффрикаты как в соответствии *ч*, так и в соответствии *ц*, т. е. живое произношение писца скорее всего было при этом все же в собственном смысле слова цокающим. Для суждения о произношении аффрикат в говоре писца более всего показательные данные памятников письменности, близких по характеру языка к устной разговорной речи, а именно, данные грамот разного рода. Здесь мы видим всегда решительное преобладание написаний с *ц*, передающих, как можно полагать на основании общего характера языка и орфографии этих памятников, более непосредственно реальное произношение соответствующих слов.

Интересны в этом отношении наблюдения, сделанные А. А. Шахматовым при изучении двинских грамот: «Исключительно *ц* вм. *ч* на-

---

[11] В. Л. Комарович. Указ. соч., стр. 36.
[12] М. И. Карнеева. Указ. соч., стр. 124.

ходим в б о л ь ш е й ч а с т и грамот (разрядка наша. — *В. О.*), а именно в №№ 5, 22, 24, 26, 29, 34, 37, 68, 73, 74, 75, 77, 78, 72, 87, 89, 93, 99, 104, 112, 108; *руцьѧ*, *песцанои*, *рце*, *доцери*, *в опцихи*, *цимъ*, *Ѿцина*, *цто*, *внуцатъ* и т. д. Рядом видим правильное употребление буквы *ч*: *внучатамъ*, *Федорович*, *дочереи*, *оучастокъ* и т. д. № 5; *наволочка*, *оучастки*, *попович № 24; печати*, *четвереть*, *оучастокъ № 22; максимовичь*, *оучастокъ №* 29; *ручькхъ* № 34 и т. д. Но быть может, *ч* обязано во всех этих случаях начитанности писца, знавшего в своем произношении только тот звук, который он изображал буквой *ц*. На такое предположение наводят некоторые грамоты, где *ц* вытеснило окончательно *ч*. Ср. № 28, где совсем нет буквы *ч*: *цѧсть*, *оуцѧстокъ*, *в рицки*, *цетвертаѧ*. В № 99 буква *ч* только в *васильевич*; ср. *цистит*, *цѣрѣнъ*, *соцкои* и т. д. В № 8 *ч* только в *матфѣевич* и *степанович;* ср. *ни в цтъ же церноризець*, *ницимъ* и др.»[13]

Приведенное высказывание А. А. Шахматова вполне согласуется и с данными современных говоров. Однако следующее указание, сделанное в той же работе, имеет несколько иной характер: «Относительно *ч* и *ц* следует заметить, что смешение их во многих из издаваемых грамот наводит на мысль о том, что они совпали диалектически в одном звуке, среднем между *ч* и *ц*»[14].

Противоречивы и некоторые другие высказывания А. А. Шахматова, имеющиеся в этой же работе. Так, в написаниях вроде *старечь*, *конча*, имеющихся в двинских грамотах в весьма незначительном количестве, автор все же склонен видеть отражение живого произношения. Однако для такого отдаленного периода, как XV век, и для таких глубинных диалектов, какими являются говоры по Двине, в написаниях, представляющих замену *ц* на *ч*, правильнее видеть, как об этом свидетельствуют данные говоров этих мест, отражение той же «начитанности» писца, знавшего о существовании двух букв — *ц* и *ч*, но употреблявшего в приведенных случаях букву *ч* «невпопад», неправильно.

Правда, в современных северных говорах известно произношение типа *старечʼ*, *кончʼа*, но оно, по целому ряду соображений, должно быть признано поздним, появившимся в устной речи, очевидно, под влиянием письма, а также начинавшегося овладения устной разновидностью нормализованного типа языка или в результате систематического соприкосновения с носителями нецокающих говоров (см. ниже). В XV в. в говорах по северной Двине едва ли происходил процесс овладения звуком *ч* в живом произношении: еще и в настоящее время эти говоры в значительной степени сохраняют мягкое цоканье.

Резкое преобладание употребления на письме буквы *ц* в соответствии этимологическим *чʼ* и *цʼ* дают памятники письменности, еще более близкие к живому разговорному языку, а именно — найденные при раскопках в районе Новгорода в последние годы берестяные грамоты, представляющие собой письма и другие записи, сделанные частными лицами.

Так, опубликованные грамоты из числа находок 1951 г. представляют: случаи замены *ч* на *ц* — *ко церту*, *цто*, *руцил* (№ 4—XIV в.); правильное употребление *ц* — *отьць* (№ 9—XI в.); *кȣници* — 8 раз, *кȣницю*, *кȣница* — 4 раза (№ 2—XIV—XV вв.); *трицать*, *4 ваци* (или *каци*?) (№ 1—XV в.); правильное употребление *ч* — *сочита* (№ 7—XII в.);

---

[13] А. А. Ш а х м а т о в. Исследование о Двинских грамотах XV века. «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 3, СПб., 1903, стр. 80.
[14] Там же, стр. 74.

отвечал (№ 3—XIV в.). Таким образом в этих грамотах отсутствуют случаи замены *ц* на *ч*; единично в грамотах, найденных в 1951 г., написание *лисичь* (№ 7—XII в.), которое притом можно рассматривать как притяжательное прилагательное, т. е. как написание, не отражающее замены *ц* на *ч*[15].

В опубликованных грамотах из числа найденных в 1952 г. написания с заменой *ц* на *ч* вовсе отсутствуют. При анализе языка пятнадцати берестяных грамот, относящихся как к XII в. (№ 69 и 78), к XIII в. (№ 54), к XIII—XIV в. (№ 53), так и к XIV—XV вв. (остальные грамоты из числа находок 1952 г.), В. И. Борковский отмечает:

«Наиболее яркой фонетической чертой новгородских берестяных грамот является цоканье (*ц* на месте *ч*): *оуглицане, до углеца* (№ 69); *ѡзерици* (№ 53); *оцистим* (№ 41); *цоловѣкъ; сороцицю, сороцицѣ* (№ 43); *цита* (№ 46); *попецалуѥте* (№ 49); *цлвкъ* (№ 17); *оузцинку* (№ 21); *цасть, цьтвьрти* (№ 23); *цоловѣкомъ* (№ 24); *цто, у нѣмцина, нѣмцине* (№ 25). Единственный случай сохранения *ч* (но не замены *ц* на *ч*. — *В. О.*) — в грамоте XII в.: *савина чадь* (№ 69).

Следует отметить, что ни в одной из берестяных грамот нет случаев обратной замены — *ц* на *ч*: *с ѧковьцемъ* (№ 69); *оу въици* (№ 78); *у микифорцѧ* (№ 54); *на жерепцѣ* (№ 43); *угодице с кымъ* (№ 21)»[16].

Опубликованные берестяные грамоты из числа найденных в 1953[17], 1954[18] и 1955 гг.[19] содержат аналогичные данные об употреблении аффрикат и подтверждают наблюдения и выводы наших исследователей, сделанные на основе изучения грамот, найденных в 1951—1952 гг.

Таким образом, возможность построения выводов о характере цоканья на основе показаний памятников письменности, особенно памятников, по характеру своему далеких от живого разговорного языка, является весьма ограниченной. Чаще всего приходится, не придавая непосредственного значения количественному соотношению случаев замены *ч* на *ц* и обратно — *ц* на *ч*, констатировать лишь наличие в говоре писца цоканья как такового. Разная степень устойчивости орфографических навыков писца, степень его начитанности, наконец, даже различный удельный вес лексики, имеющей в своем составе аффрикаты, обусловливали разные возможности для возникновения колебаний в употреблении букв *ц* и *ч* даже в пределах памятников, более или менее однотипных по характеру языка. Это положение еще раз можно проиллюстрировать на примере работы Н. М. Каринского «Язык Пскова», посвященной изучению достаточно однородных по языку памятников, дающих, однако, различные показания о смешанном употреблении букв *ч* и *ц*, Особенно интересно в этом отношении употребление *ц* и *ч* в двух псковских памятниках, восходящих к одному оригиналу.

При анализе языка Палеи 1494 г. Н. М. Каринский указывает: «Мена *ц* и *ч* вполне обычна в рукописи, причем *ц* вм. *ч* встречается

---

[15] См. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М., 1953. — Здесь и в дальнейшем пользуюсь той, вероятно еще не окончательной, датировкой этих грамот, которая дается в настоящее время, в основном, по данным археологии.

[16] В. И. Борковский. Новые находки берестяных грамот. «Вопросы языкознания», 1953, № 4, стр. 128.

[17] См. А. В. Арциховский. Раскопки 1953 года в Новгороде. «Вопросы истории», 1954, № 3, стр. 106—113.

[18] Он же. Раскопки 1954 года в Новгороде. «Вопросы истории», 1955, № 2, стр. 61—68.

[19] Он же. Раскопки 1955 года в Новгороде. «Вопросы истории», 1956, № 3, стр. 66—74.

значительно чаще, чем *ч* вм. *ц*. Всего мы записали около 400 случаев этой мены»[20].

Относительно Палеи 1477 г. Н. М. Каринский замечает: «Цоканье встречается в рукописи в несколько раз реже, чем в Палее 1494 г. При этом наблюдается любопытное явление: *ч* гораздо чаще заменяет *ц*, чем происходит обратная замена. Так как в Палее 1494 г. наблюдается обратное явление, а обе палеи (как это будет разъяснено ниже) восходят, может быть, правда, не непосредственно, к одному оригиналу, то можно с некоторою вероятностью догадываться, что эта особенность введена в рукопись нашим писцом»[21].

Не имеет существенного значения и попытка М. И. Карнеевой выяснить, в каких фонетических положениях (в частности, перед какими гласными) встречается произношение *ц* вм. *ч* и *ч* вм. *ц*. Данные народных говоров и современного русского литературного языка достаточно ярко свидетельствуют о том, что установившийся тип употребления аффрикат реализуется независимо от того, в какой фонетической позиции находится та или иная аффриката. Таким образом, *ц* могло встречаться при цоканье в любых условиях, где исторически существовали аффрикаты *ц* и *ч*. Поэтому наблюдение М. И. Карнеевой над тем, что *ц* вместо *ч* перед гласными буквами *оу*, *ю* не встречается, могло бы иметь определенное значение, если бы наряду с приведенными ею примерами (*троичю* 012/24, *троичоу* 014/22, *застоупничю* 036/5, *родительничю* 036/5, *отьчю* 045/7, *тьмьничю* 017/17, *личоу* 038/101, *творьчоу* 045/3, *творьчю* 057/19, *питательничѹ* 070/2, *лѣствичоу* 077/5 и др., а также *творьцю*, *бцю*, *отроковицю*, *колесницоу*) были бы приведены и примеры с сохранением *ч* без изменения в *ц* в положении перед *у*. Если бы оказалось, что сохранение *ч* имеет место действительно только в положении перед *у*, то дополнительно должен был бы быть исследован вопрос, не имеем ли мы в данном случае дело с определенным образом морфологизованным явлением, так как все приведенные примеры с *ч* вместо *ц* и с сохранением *ц* представляют употребление этих звуков в суффиксах.

Таким образом, выясняется, что памятники письменности, даже такие значительные по объему, как Служебная Минея 1095 г., не могут предоставить в распоряжение исследователя материал, необходимый для установления разновидностей цоканья, а тем более для выявления процессов развития употребления аффрикат в целом.

Из числа показаний памятников письменности, характеризующих употребление аффрикат *ц* и *ч*, наибольшее значение имеют данные о мягкости или твердости этих звуков. При этом более всего важны указания на мягкость *ц* в более поздних памятниках, относящихся к территориям цокающих говоров, особенно тех, где в настоящее время имеют распространение твердые аффрикаты: *ц* твердое, выступающее при совпадении в нем обеих этимологических аффрикат, а также твердое *ч*, представленное при различении *ч* твердого и *ц* твердого.

Таковы, например, указания А. А. Шахматова в описании языка новгородских грамот XIII—XIV в.: «*ца* и *ча* в половине XIV в. следует читать, как *ця*, *чя* — на это указывает позднейшая история языка; рядом с обыкновенными написаниями *ца*, *ча* и т. д. мы иногда находим в наших грамотах цѧ и чѧ. . .»[22].

---

[20] Н. М. Каринский. Указ. соч., стр. 29.

[21] Там же, стр. 54.

[22] А. А. Шахматов. Исследование о языке Новгородских грамот XIII и XIV века, стр. 138.

На совпадение *ч* и *ц* в мягкой свистящей аффрикате в псковском Прологе 1383 г., т. е. в памятнике того же XIV в., указывает Т. Н. Кандаурова [23].

При анализе двинских грамот XV в. А. А. Шахматов указывает прежде всего [24], что «смягченные (разрядка наша. — *В. О.*) *ч*, *ц*, *ш*, *ж*, а также *щ*, которое можно читать или как *шш* или как *шч*, отличаются в своем буквенном употреблении от прочих смягченных согласных только тем, что за ними пишется не ѧ (вместо *а*), а обыкновенно *а*: *оулица*, *рѣпица*, *селюша*. Реже находим *печѧти* № 104, *печѧть* № 113, *оуцѧстокъ* № 79, 28, *тысачѧ* № 86, *кнжоостровьчѧмъ* № 86, *цѧсть* № 28 и др.»

Нельзя не заметить, что все приведенные примеры с ѧ, а не *а* представлены именно в положении после *ц* и *ч*, наименее отличавшихся по этой особенности употребления после них гласных букв от других безусловно смягченных согласных. Останавливаясь ниже на процессе отвердения *ж* и *ш*, отраженном некоторыми двинскими грамотами, А. А. Шахматов специально подчеркивает, что «звуки *ч*, *ц* произносились во всех говорах мягко» [25].

Интересны и важны, как построенные с учетом диалектных данных, и выводы Н. М. Каринского, сделанные им при исследовании языка псковского Шестоднева 1374 г. [26]

В свое исследование языка данного памятника М. Н. Каринский включил, как известно, краткое описание одного псковского говора, до сих пор сохраняющего, по мнению исследователя, ряд особенностей, роднящих данный говор с древнепсковскими.

По поводу употребления аффрикат в этом говоре, употребления, действительно, весьма типичного для современных псковских говоров, Н. М. Каринский пишет: «Мена *ц* и *ч* весьма обычна. Обычно мы находим *ц* (твердое) вм. *ч* и много реже *ч* (полумягкое) вм. *ц*: *проц*, *Андреица*, *ницово*, *мал'цышка*, *доцка*, *посицас*, *целовек*, *церес*, *цысавой*; *спичин'сшкий* (житель Спицынской волости), *Рудничи* (Рудницы — название деревни). В редких случаях отмечалось мягкое *ц*: *цяс*» [27].

В процессе анализа языка Шестоднева Н. М. Каринский установил определенные соотношения между явлениями языка памятника и современного псковского говора. По отношению к употреблению аффрикат Н. М. Каринский делает тот особенно важный для нас вывод, что в языке писца, на письме смешивавшего буквы *ч* и *ц*, скорее всего можно предполагать один — мягкий — звук (см. стр. 237).

Вывод Н. М. Каринского о том, что псковский говор имел в прошлом мягкое цоканье, подтверждается и наблюдениями А. А. Шахматова над языком одной из псковских грамот. Допуская в говоре писца этой грамоты совпадение *ч* и *ц* в одном шепелявом звуке, Шахматов ставил в связь с этим употребление после *ч* буквы ѧ, а не *а*, «что, — как он указывает, — не так обычно в древнерусских памятниках, даже в тех, в языке которых *ч* оставалось мягким» [28].

Указания на твердость или мягкость аффрикат по данным памятников письменности важны для историка языка не только в тех слу-

[23] См. Т. Н. Кандаурова. Из истории древнепсковского диалекта. Автореферат диссертации. М., 1951.

[24] А. А. Шахматов. Исследование о Двинских грамотах XV века, стр. 74.

[25] Там же, стр. 94.

[26] См. Н. М. Каринский. Исследование языка псковского Шестоднева 1374 г., стр. 229.

[27] См. там же, стр. 232.

[28] А. А. Шахматов. Грамота псковского князя Ивана Александровича, стр. 347.

чаях, когда памятник отражает цокающее произношение. Во всяком случае, следует специально подчеркнуть, что для XIV в. исследователями отмечается мягкость аффрикат *ч* и *ц* и при их различении. Так, например, мягкость согласных *ч* и *ц*, в отличие от других шипящих, отмечает П. С. Кузнецов в исследовании, посвященном памятнику XIV в. — Переяславскому евангелию 1354 г.[29] На мягкость *ц*, *ч*, как, впрочем, и на мягкость шипящих вообще, указывает В. И. Борковский в работе о языке Суздальской летописи[30]. К аналогичному выводу приходит Л. П. Жуковская в исследовании о языке Галичского евангелия 1357 г.[31]

П. Г. Стрелков устанавливает мягкость *ц* и *ч* во всех семи исследованных им грамотах[32]. В пяти из этих грамот исследователь находит возможным утверждать наличие мягких *ж* и *ш*.

Критическое отношение к показаниям памятников письменности, понимание недостаточности этих показаний при изучении ряда языковых явлений не означают общей недооценки всего того неоспоримого богатства фактов, которое извлекалось и еще будет извлечено в дальнейшем из памятников письменности. По отношению к тем явлениям и процессам, которые уже исчезли в современном языке, в том числе и в его диалектах, данные памятников имеют решающее значение. В тех же случаях, когда у исследователя появляется возможность сочетать данные памятников с данными диалектов, роль тех и других источников и их соотношение могут быть различными.

Разработка истории русского языка на основе органического соединения показаний памятников письменности и данных диалектов, вопросы теоретического и методического характера, связанные с подобной разработкой, давно уже привлекали внимание виднейших исследователей русского языка.

Даже и в тех случаях, когда данные памятников письменности сохраняют в том или ином исследовании ведущее значение, подчеркивается огромная роль диалектного материала. «Историк языка должен восстановить процесс диалектических разветвлений и перегруппировок языка и составить характеристику звукового состава различных диалектических групп в отдельные эпохи. Затем, прикрепляя памятник по палеографическим данным к определенному периоду жизни языка и известной его территории, исследователь проверяет на орфографии сложившееся у него на основе данных современной грамматики представление о развитии фонетического строя говора»[33]. В приведенном высказывании В. В. Виноградова, представленном в специальной статье, посвященной вопросу о методах изучения рукописей, диалектологическим изысканиям отводится весьма важная роль.

Роль диалектного материала велика не только при установлении наличия явления, но и при выяснении всех реальных условий его

[29] См. П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания Академии наук СССР», вып. 2, 1948, стр. 153.

[30] См. В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку. Л., 1931, стр. 46.

[31] См. Л. П. Жуковская. Из истории языка северо-восточной Руси середины XIV в. Автореферат диссертации. М., 1953.

[32] П. Г. Стрелков. О языке семи древнейших завещаний Московских великих князей XIV в. Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете, вып. II. Пермь, 1927, стр. 114—115.

[33] В. В. Виноградов. Методы изучения рукописей как материала для построения исторической фонетики русского языка в исследованиях академика А. А. Шахматова. «Известия ОРЯС АН», т. XXV, 1920, стр. 189.

существования в системе языка. Только диалектные данные дают нам возможность наметить определенные типы фонетических отношений, как это оказывается необходимым, например, при изучении типов яканья или типов употребления аффрикат вообще и разновидностей цоканья в частности.

Отсутствие исторической перспективы в понимании различных случаев употребления аффрикат в современных народных говорах препятствует правильному пониманию истории изучаемого явления, ведет к тому, что все конкретные случаи этого употребления возводятся к языку-основе.

Ср., например, следующее высказывание А. А. Шахматова, в котором не делается различия между диалектными случаями употребления аффрикат, не одинаковыми по их значимости в истории явления в целом: «Судя по некоторым современным говорам, можно думать, что *č* и *ć* собственно не смешивались, но перешли в один общий звук, средний между *č* и *ć*, следовательно в *ć* шепелявое; но рядом существуют говоры, которые действительно смешали этимологические *č* и *ć*, сохраняя раздельность обоих звуков, но употребляя их несогласно с этимологией, наконец, видим говоры, в которых *č* было вытеснено *ć*, а также и такие, где произошло обратное этому вытеснение»[34].

Однако и в том случае, когда разработка того или иного вопроса истории языка опирается в основном на диалектные данные, исследователь с большим вниманием использует все даже самые минимальные возможности, открываемые ему памятниками письменности, показания которых помогают наметить необходимые отправные точки исследования и пути изучения современного диалектного материала.

Роль диалектных данных об употреблении аффрикат, в частности, весьма велика еще и в связи с тем особым положением, которое занимает цоканье в истории русского языка. Эта черта возникла в восточнославянской языковой области еще до выделения отдельных восточнославянских языков, в связи с чем она могла бы получить в пределах этой области более широкое распространение. Однако тот факт, что цоканье развивалось в пределах одного из наиболее самостоятельных и относительно автономных ранних восточнославянских объединений — новгородского, отразился на распространении данной языковой черты. Цоканье оказалось ограниченным в своем территориальном распространении, а развитие употребления аффрикат в других восточнославянских говорах, а затем в восточнославянских языках складывалось самостоятельно.

В связи с этим ясно и не требует специальных доказательств то положение, что история употребления аффрикат в русском языке, особенно в его многочисленных цокающих говорах, не может изучаться на основе сравнительной грамматики восточнославянских языков. Лишь некоторые данные северо-восточных белорусских говоров могут быть приняты во внимание при изучении истории цоканья.

А. М. Селищев, специально занимавшийся вопросами, связанными с определенного рода сдвигами в рядах свистящих и шипящих согласных, в том числе и с изменением в употреблении аффрикат[35], отметил наличие подобных изменений в ряде славянских языковых групп Западной Европы.

---

[34] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. «Энциклопедия славянской филологии», вып. 11_1. М., 1915.

[35] См. А. М. Селищев. Соканье и шоканье в славянских языках. «Slavia», ročnik X, sešit 4, 1931; он же. Славянское языкознание, т. 1. М., 1941.

В нижнелужицкой и восточнолужицкой группах, у полабских славян, а также в некоторых хорватских населенных пунктах и у словинцев процессы этого рода развивались в позднее время — в XVI, XVII или даже XVIII вв., в условиях, когда славянская речь, носители которой принадлежали к отдельным незначительным славянским группам, находилась под сильным влиянием других языков (например, различных диалектов немецкого и итальянского языков), причем в ряде случаев это влияние приводило к тому, что намечалась утрата славянами своего языка.

Складывавшиеся в подобных условиях изменения, касающиеся употребления аффрикат, не могут быть приняты во внимание в качестве генетически единых явлений по отношению к цоканью в русском языке как разновременные по возникновению. Цоканье появилось, по свидетельству памятников древнерусской письменности, в иную эпоху, в резко отличных исторических условиях.

Вопрос о времени возникновения мазурения в польском языке является, как это будет показано ниже, спорным в соответствующей литературе. Однако мнение о позднем появлении мазурения является в настоящее время наиболее распространенным и, главное, более аргументированным (см. главу I).

Таким образом, из всего сказанного можно сделать вывод, что употребление аффрикат принадлежит к числу явлений, которые должны быть исследованы в каждом из славянских языков в отдельности. При наличии большого многообразия соответствующих явлений по говорам, как это имеет место по отношению к употреблению аффрикат в русском языке, на первое место в этих исследованиях выдвигается сравнительно-историческое изучение диалектных данных в пределах одного языка.

3

Планомерный переход к изучению диалектных явлений русского языка методами современной советской лингвистической географии развертывался в процессе подготовки атласов русских народных говоров, проводившейся под руководством Института языкознания Академии наук СССР. Опубликованные в настоящее время статьи Р. И. Аванесова [36], руководителя работ по подготовке этих атласов, посвященные анализу изоглосс языковых явлений на территории, картографированной в «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» и в «Атласе русских народных говоров северо-западных областей РСФСР», показывают, что в настоящее время, в частности в работе над атласами, оформляются принципы и методы изучения отдельных диалектных явлений, в ряде случаев существенно отличающиеся от тех, которые были представлены в дореволюционных исследованиях.

Изучение отдельного диалектного явления в его реальном распространении на определенной территории является теперь не исключением, как прежде (картографирование материала в работах Н. Н. Дурново, И. Г. Голанова), а непременным условием более глубокого и детального изучения диалектных явлений вообще.

Знаки карты, а тем самым и изоглоссы, устанавливаемые на основе этих знаков, не только дают представление о наличии того или иного

---

[36] См. Р. И. Аванесов. Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей. «Известия Академии наук СССР», Отд. литературы и языка, т. XI, вып. 2, 1952; он же. Лингвистическая география и история русского языка. «Вопросы языкознания», 1952, № 6.

явления на данной территории, но, согласно принципам советской лингвистической географии, отражают систему закономерных отношений, наблюдающихся при реализации данного явления (тип аканья, яканья, тип употребления аффрикат). Если подобная система отношений еще недостаточно выявлена или не может быть выражена на одной карте, понимание системы достигается сопоставлением нескольких карт, картографирующих одно и то же явление в разных аспектах. При этом картографирование диалектного материала по тем или иным явлениям, имеющее и самостоятельное значение, поскольку оно выявляет состояние современной системы говоров в ее развитии, представляет собой также необходимую подготовку материала для его дальнейшего исследования, а главное для построения выводов по истории развития изучаемого явления.

Методы использования диалектного материала с целью изучения истории фонетического явления, применявшиеся при подготовке данной работы, также формировались у ее автора, в основном, в процессе коллективной научной работы над атласами русских народных говоров.

Собирание данных для составления атласов русских народных говоров особенно планомерно развернулось в послевоенные годы (1946—1955). Накоплено огромное количество материалов о говорах русского языка, общее картографирование которых, представляющее собой большую кропотливую работу, займет еще несколько лет.

Однако наряду с этим собранные материалы дают возможность картографирования и изучения отдельных явлений еще до завершения работ над атласами русских народных говоров.

Эти материалы представляют собой ответы на вопросы «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (Москва, 1945), составленные участниками диалектологических экспедиций Института русского языка (в дальнейшем — Института языкознания Академии наук СССР) и кафедр ряда высших учебных заведений РСФСР, проводивших свою работу, в основном, в послевоенные годы (1946—1955). Материалы эти хранятся в настоящее время в рукописном виде в Секторе диалектологии Института русского языка АН СССР.

На качестве этих материалов, хотя и неравноценных в ряде случаев, выгодно сказалось единство построения вопросов «Программы», во многом определявшее характер построения ответов, а также и то, что при собирании материала был использован метод непосредственного наблюдения над обычной разговорной речью, в процессе которого наблюдатели и вели фиксацию отрывков этой речи по возможности в наиболее точной фонетической транскрипции.

Использование при картографировании диалектологических материалов, собранных на протяжении относительно небольшого промежутка времени (около десяти лет), было вызвано стремлением выявить современную систему употребления аффрикат в русском языке, взятом во всей совокупности его говоров, что можно было сделать на основе более или менее синхронных данных об отдельных говорах русского языка. Поэтому диалектологические материалы ранее опубликованных источников — ответы на вопросы дореволюционных диалектологических программ и разного рода диалектологические исследования — обрабатывались и изучались при подготовке данной работы; ниже они упоминаются в ходе изложения соответствующих вопросов, но при составлении карт не использовались. Роль этих материалов была иная: они давали возможность критиковать те рукописные данные, которые оказывались недостаточно удовлетворительными. На основании сравнения

двух групп материалов (собранных преимущественно в дореволюционное время и в период после 1945 г.) в ряде случаев удавалось также делать выводы о развитии некоторых явлений, характерных для употребления аффрикат на протяжении XX века, что давало возможность сделать определенные выводы о поздней истории изучаемого явления.

При картографировании материала, собранного в процессе подготовки данной работы, было проведено ограничение картографируемой территории: были обобщены сведения по нескольким тысячам населенных пунктов, расположенных, в основном, на территории западных и центральных районов Восточной Европы.

Ограничение картографируемой территории с востока определялось преимущественным интересом к употреблению аффрикат на местах древнейшего расселения восточных славян, где, как показывают составляемые в настоящее время карты атласов русских народных говоров, изоглоссы различных явлений отличаются обычно большой четкостью и определенностью. Именно здесь поэтому удается раскрыть связь между распространением различных типов употребления аффрикат и передвижением и размещением групп восточнославянского населения в процессе их истории.

В восточных и юго-восточных районах европейской части СССР (территория Пермской, отчасти Кировской областей, Коми АССР, Марийской, Чувашской, Мордовской АССР, в той их части, которая занята говорами русского языка, территория Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской областей), где славянское население распространилось значительно позднее, находим весьма неоднородные говоры с различными типами употребления аффрикат. Языковый строй этих говоров и судьбу отдельных явлений, характеризующих этот строй, не всегда можно изучать в обобщенном плане методами лингвистической географии. В этих случаях целесообразнее всего изучение их системы, а также отдельных явлений в каждом отдельном населенном пункте, в тесной связи с историей данного населенного пункта, потому что на подобных территориях рядом друг с другом нередко расположены говоры, имеющие весьма различное происхождение, что связано с переселениями позднего времени.

Ограничение картографируемой территории с юга вызвано было, кроме того, тем, что данная работа посвящена, в основном, диалектным явлениям, характеризующим употребление аффрикат, таким, как цоканье со всеми его разновидностями и утрата затвора в аффрикатах. Между тем, на южной части территории Европейской части СССР в основном распространено различение *ч'* и *ц*. Изучение распространения таких характерных для южновеликорусских говоров явлений, как утрата затвора в аффрикатах и различение твердых *ч* и *ц*, могло быть достигнуто и при том условии, если южная часть Европейской части СССР исключалась при картографировании. В южной части территории, как и в восточных районах, оказывалась также в ряде случаев нарушенной определенность территориального распространения явлений, связанных с употреблением аффрикат: в юго-восточной части — в связи с более поздними перемещениями населения, а в юго-западной части — еще и в связи с процессами взаимодействия русского и украинского языков.

Изучение употребления аффрикат на территории поздней колонизации не включалось, таким образом, в основную задачу работы.

В процессе подготовки к картографированию материала об употреблении аффрикат был выявлен ряд характерных закономерностей

этого употребления, что удалось сделать лишь пользуясь фонологическим подходом к собранным материалам: не ограничиваясь констатацией наличия тех или иных аффрикат, мы всегда стремились установить отношения между выявленными единицами, роль того или иного намечаемого типа употребления аффрикат в процессе общения в данном конкретном говоре, особенно при сосуществовании нескольких типов. Последующее картографирование материала дало возможность учитывать характерное территориальное распространение соответствующих явлений, что имело большое значение, как увидим это далее, для изучения генетических связей, имеющихся между различными видами употребления аффрикат.

Первый тип употребления аффрикат, распространенный в ряде говоров русского языка, представлен различением двух аффрикат — мягкой *ч* и твердой *ц*; этому типу исторически предшествовало различение двух мягких аффрикат — *ч'* и *ц'*, сложившееся в различных славянских языках на основе общеславянских историко-фонетических процессов.

Различение *ч'* и *ц*, обозначенное на картах 1, 2, 3, 4 прямыми линиями красного цвета, занимает почти сплошь определенную территорию, на которой распространены говоры, знающие этот тип употребления аффрикат в качестве исконного (см. карту V). Однако во многих говорах различение *ч'* и *ц* распространилось в результате влияния нормализованного типа языка[37]. Генезис различения *ч'* и *ц* как явления, не характерного для русского языка в отличие от других славянских языков, не подвергается в настоящей работе специальному рассмотрению. В связи с этим и при картографировании материала на картах 1, 2, 3, 4 различение *ч'* и *ц* обозначалось лишь в тех случаях, когда оно было единственным для данного говора типом употребления аффрикат. При сочетании с другими диалектными типами употребления аффрикат, указания на различение *ч'* и *ц* специального обозначения на карте не получали. При этом самом материал и специальные указания авторов многих сообщений не оставляют никакого сомнения в том, что различение *ч'* и *ц* является в подобных говорах результатом влияния нормализованного типа языка и представлено у тех слоев говорящих, на которые это влияние распространилось в большей мере. На современном этапе развития русского национального языка вне этого влияния не остается ни один из его говоров, и различение *ч'* и *ц* можно было бы отметить в каждом из них. В связи с этим при сочетании с диалектными типами употребления аффрикат различение *ч'* и *ц* не картографируется.

Различение твердых *ч* и *ц* обозначено на карте при помощи варьирования линий красного цвета. Таким образом, здесь на первое место выдвинута роль подобного употребления аффрикат в фонетических системах соответствующих современных народных говоров. Соображения о генезисе различения твердых *ч* и *ц*, о его возможной связи с цоканьем явились результатом проведенного картографирования и потому в знаках карты своего выражения не получили.

Второй тип употребления аффрикат представляет (с исторической точки зрения) результат совпадения *ч'* и *ц'* в одном звуке. В современных говорах самостоятельное распространение имеет (т. е. может быть

[37] Здесь и в последующем изложении автор предпочитает пользоваться данным термином, имея в виду, что в понятие «литературный язык» чаще всего не включают его устную нормализованную, хотя бы в фонетическом отношении, разновидность, о влиянии которой на народные говоры и идет преимущественно речь в данной работе.

единственным типом употребления аффрикат) как мягкое цоканье (*ц'ай*, *ц'исто*, *ноц'*, *коц'ка*; *кол'ц'о*, *кон'ец'*), так и твердое (*цай*, *цасто*, *ноц*, *коцка*; *кол'цо*, *кон'ец*). Оба эти вида цоканья получили на карте самостоятельное обозначение: мягкое цоканье при помощи прямых линий желтого цвета, твердое — при помощи прямых линий зеленого цвета.

Различные случаи соединения мягкого и твердого цоканья в пределах отдельных говоров, иногда представленные в различных соотношениях с употреблением *ч'*, подвергались в работе специальному анализу прежде всего при подготовке материала к картографированию. Наблюдения над характером распространения случаев этого рода и изучение определенных фонологических отношений в фонетической системе отдельных говоров выявили их значение для более глубокого понимания современных процессов, а также ряда пройденных этапов развития. В пределах цокающих говоров из числа подобных более частных случаев употребления аффрикат обозначение получили такие, как употребление мягкого *ц'* только в соответствии одной из аффрикат, чаще всего в соответствии *ч'*. Специально обозначено наличие *ц* ($\overline{ц}$) при произношении суффиксов причастий (*ушоццы* и под.) при отсутствии в говоре цоканья как системы. Первое явление обозначено вариантом линий желтого цвета, второе — вариантом линий зеленого цвета.

Чоканье, т. е. совпадение *ч'* и *ц* в *ч'* (*ч'ай*, *ч'асто*, *ноч'*, *коч'ка*; *ч'ар'*, *кол'ч'о*, *кон'ěч'*), обозначено на карте прямыми линиями коричневого цвета, что ставит его при картографировании в один ряд с другими типами совпадения аффрикат. Картографирование и изучение материала показали почти полное отсутствие у чоканья самостоятельной территории распространения, сосуществование его с другими видами употребления аффрикат и наличие для него таких фонологических отношений, которые свидетельствуют об особом положении этого рода неразличения.

Третий тип употребления аффрикат, являющийся, как и второй, диалектным, исторически связывается с изменением качества той или другой из аффрикат, именно — с утратой ими затвора. Наиболее распространенные разновидности этого типа зависят от того, утрачен ли затвор одной аффрикатой *ч'* (*ш'ай*, *ш'асто*, *нош'*, *кош'ка*, но *цар'*, *кол'цо*, *кон'ец*) или одной аффрикатой *ц* (*ч'ай*, *ч'асто*, *ноч'*, *коч'ка*, но *сар'*, *кол'со*, *кон'ес*). В первом из этих двух случаев имеет место замена аффрикаты *ч'* звуком *ш'*, который в других случаях в тех же говорах, как правило, не встречается, а из числа аффрикат остается только *ц*; употребление этой аффрикаты идет в подобных говорах по законам нормализованного типа языка. Во втором случае в говоре остается одна аффриката *ч'*, но не в результате изменения отношений между *ц* и *ч'* (как при чоканье), а в результате совпадения аффрикаты *ц* с фонемой *с*.

Редкие говоры, в которых отмечают утрату затвора обеими аффрикатами (*ш'ай*, *ш'асто*, *нош'*, *кош'ка*; *сар'*, *кол'со*, *кон'ес*), тоже не представляют результатов исторического совпадения аффрикат, а лишь определенное изменение каждой из них при их общем различении в период, когда это изменение имело место. Поэтому говоры с утратой затвора в аффрикатах отмечены на карте 4 при помощи варьирования линий красного цвета, т. е. поставлены в связь с говорами, в которых различаются *ч'* и *ц*.

Карты 1, 2, 3 и 4, взятые вместе, дают представление об употреблении аффрикат на тех территориях, где это употребление отличается от общенародного. Составлению этих карт предшествовало

картографирование материала на всей территории Европейской части СССР; отдельные карты были составлены уже после того, как было проведено общее картографирование материала, На каждой из этих карт представлены территории, для которых характерно преобладание какого-либо одного из типов или разновидностей употребления аффрикат.

Карта 1 «Употребление аффрикат на северо-востоке Европейской части СССР» показывает ярко выраженное преобладание мягкого цоканья и чоканья на всей выделенной территории.

Карта 2 «Употребление аффрикат на северо-западных и западных территориях Европейской части СССР» показывает явное преобладание на всей территории различения твердых *ч* и *ц* и (при наличии цоканья в том или ином говоре) преимущественное распространение твердого цоканья.

На карте 3 «Употребление аффрикат на юго-востоке Европейской части СССР» представлена самостоятельная территория цокающих говоров, по характеру употребления аффрикат во многом сходная с западной территорией. Однако говоры этой территории получают свою характеристику по распространению определенных разновидностей цоканья, а именно той разновидности, при которой *ц'* употребляется в соответствии *ч'*, а *ц* — в соответствии *ц*; твердое цоканье имеет на данной территории большее распространение, чем на западной.

На карте 4 «Утрата затвора аффрикатами *ч'* и *ц* в говорах юго-запада Европейской части СССР» видим, что указанное в названии карты явление характерно для безусловного большинства говоров. В остальных говорах находим различение *ч'* и *ц*. В связи с тем, что явление утраты затвора в аффрикатах углубленно изучается впервые, на карте показано также и его распространение за пределами основной территории.

За вычетом названных четырех территорий, показанных на отдельных картах, остается территория, на которой преимущественно распространено различение *ч'* и *ц* (см. карту 5), на которой эта территория выделена при помощи изоглосс, так как на различение *ч'* и *ц* особая карта не составлялась.

Карты 5 и 6 показывают сочетание границ между группами говоров с различным употреблением аффрикат с границами принятого членения русских народных говоров по «Опыту диалектологической карты русского языка в Европе» (карта 5) и с границами «земель-княжеств» второй половины XII—начала XIII вв. (карта 6); при нанесении последних использованы карты, имеющиеся в книге А. Н. Насонова[38].

Своеобразие того или иного типа употребления аффрикат складывалось прежде всего по законам развития фонетического строя русского языка, хотя исторические факторы имели в отдельных случаях известное влияние на оформление самого качественного своеобразия фонетического строя русского языка (в нашем случае — на оформление тех или других современных типов употребления аффрикат). Изменения исходного в том или ином процессе развития типа употребления аффрикат в ряде случаев зависели и от соприкосновения определенных диалектных групп друг с другом, и от положения, занимаемого теми или иными диалектными группами в общей структуре языка народности или национального языка, и от того, в частности, как осуще-

---

[38] См. А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

ствлялось влияние на те или иные диалектные группы нормализованного типа языка. В ходе исследования материала мы не раз сможем убедиться, что воздействие исторического фактора могло достаточно ощутительно сказаться и на оформлении определенных качественных признаков, характеризующих употребление аффрикат. Что же касается оценки и осмысления современного территориального распространения разных типов употребления аффрикат, то здесь учет исторических предпосылок играет решающую роль.

Значительную опасность в решении вопросов подобного рода могло бы лишь заключать в себе излишнее доверие к современному сходству или различию отдельных территорий в отношении распространения на них аналогичных типов употребления аффрикат. Нельзя не согласиться здесь со следующими соображениями Р. И. Аванесова:

«Нередко одно и то же явление бывает представлено на разных территориях в ряде своих разновидностей. Изучение структурных соотношений последних во многих случаях свидетельствует о неодновременном возникновении явления на разных территориях, о направлении и разных этапах развития изучаемого явления. В других случаях структурные различия данного явления в отдельных диалектах могут свидетельствовать о том, что в системе этих диалектов существовали различия до возникновения рассматриваемого явления, которые и обусловили его структурные особенности.

Отсутствие структурных различий в том или ином явлении на обширной территории не всегда свидетельствует о его возникновении на всей территории, так как в процессе своего распространения это явление может в конце концов приобрести тот вид, который оно имеет на месте своего возникновения. Иначе говоря, структурное тождество изучаемого явления в разных диалектах может оказаться результатом качественно различных и относящихся к разному времени процессов»[39].

В связи со всем сказанным становится ясной та роль, которую играет сравнительно-историческое изучение различных типов интересующего нас явления на территории языка, взятой в целом, с учетом общего диалектного членения языка. Такое изучение поможет правильно оценить и структурные различия и структурное тождество языковых явлений, а главное, позволит установить наиболее древнее состояние изучаемого явления, а также уберечься от прямолинейного перенесения в прошлое всех современных диалектных данных.

Из всего сказанного вытекает, что в данной работе история аффрикат будет выясняться прежде всего на основе современных диалектных данных, их сравнительно-исторического изучения, так как именно по диалектным данным мы имеем возможность изучить историю всей системы фонетических отношений, характерных для интересующей нас черты на протяжении развития данной группы говоров, включая и более поздние периоды этого развития. Само собой разумеется, что показания памятников письменности отнюдь не исключаются при разработке истории аффрикат: все выводы, которые могут быть сделаны на основании изучения памятников, безусловно принимаются во внимание, но исследование диалектных данных остается в центре внимания.

В процессе изучения диалектных данных при анализе материала систематически велись наблюдения над тем, не сопутствуют ли цоканью или какому-либо иному диалектному типу употребления аффрикат другие явления в области консонантизма. В первую очередь обраща-

---

[39] Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка. «Вопросы языкознания», 1952, № 6, стр. 26—27.

лось внимание на соответствующие ряды свистящих и шипящих (твердых и мягких, долгих и кратких) согласных, так как в некоторых славянских языках определенные изменения могут одновременно охватывать не только аффрикаты, но и свистящие и шипящие согласные.

Проведенные наблюдения, последовательно осуществленные по отношению ко всему привлеченному материалу, дают возможность сделать вывод: нет оснований утверждать, что цоканью или другим диалектным типам употребления аффрикат в русском языке регулярно сопутствуют единые с ними по генезису явления.

Изменения в рядах шипящих и свистящих: замена *с*, *з* на *ш*, *ж* и обратно, замена *с' — з'* на *с" — з"* или *ш' — ж'* — встречаются в русских народных говорах гораздо реже, чем цоканье. При этом изменение твердых шипящих и свистящих можно вообще считать не характерным для русского языка: это изменение отмечают в редких говорах и притом, как правило, в ограниченном кругу лексики, где появление этой мены может быть объяснено фонетическими условиями, характерными лишь для данного слова.

Что касается мены *с' — з'* и *с" — з"* или *ш' — ж'*, то, по данным составленных или составляемых атласов, говоры, где распространено это явление, занимают значительные территории на западе Европейской части СССР, вокруг Пскова и Великих Лук. К югу (южнее Западной Двины) территория распространения данного явления резко сокращается, и оно встречается лишь в очень узкой полосе по границе с белорусским языком на всем протяжении этой границы.

На более восточных территориях говоры, знающие *с' — з'* и *с" — з"*, группируются, как показывают соответствующие карты «Атласа центральных областей к востоку от Москвы», вокруг границы оканья и аканья, где происходит междиалектное взаимодействие носителей южнорусских и севернорусских говоров. Хотя территория говоров с шепелявым произношением мягких свистящих находится здесь в пределах цокающих говоров, однако размеры и очертания территорий, занимаемых этими двумя диалектными явлениями, столь различны, что нам представляется наиболее существенным подчеркнуть связь распространения говоров, знающих данное явление, с границей аканья и оканья, вокруг которой они преимущественно и расположены.

Исследование, проведенное в процессе подготовки материала к картографированию, показало также, что различение аффрикат, или их совпадение в одном звуке, а также утрата затвора в аффрикатах принадлежат к числу явлений, которые установились в результате собственно фонетических по своей природе процессов, из числа тех, результаты которых имеют всеобщий характер и могут быть представлены в языке в любых морфемах, в любых синтаксических условиях, в любой лексике данной языковой группы. В этом отношении типы употребления аффрикат, в частности типы цоканья, могут быть поставлены с исторической точки зрения в один ряд с такими явлениями, как аканье, яканье, произношение *г*, ассимилятивное оглушение согласных и оглушение их на конце слов и т. п. Явлениям такого рода в наибольшей степени свойственно развитие на основе импульсов внутреннего, собственно фонетического, характера. Возникающие при этом изменения в звуковой оболочке языка являются таким образом наиболее последовательно проведенными, не зависящими в своем распространении от каких-либо дополнительных условий. Лишь в процессе распространения влияния ведущего диалекта языка народности (а в дальнейшем — нормализованного типа национального языка)

на говоры, где имеется диалектное произношение аффрикат, в них, уже под действием факторов, вызванных к жизни определенными историческими условиями, могут развиваться явления, нарушающие единообразие звучания, установившегося под действием былых собственно фонетических процессов. Анализ подобных процессов, определение того круга явлений, который может считаться показательным для нивелировки говоров в отношении типов употребления аффрикат, требуют последовательного сопоставления фактов, изучения конкретных условий их бытования в фонетических системах различных говоров. На этом этапе развития, т. е. при отходе от диалектных типов употребления аффрикат, выявляются и условия морфологического или морфолого-лексического характера, имеющие определенное значение для сохранения, например, былого неразличения аффрикат, что и будет показано ниже при соответствующем анализе материала. Постоянный учет исторических предпосылок, создававших благоприятные условия для развития одних явлений и тормозивших развитие других, становится здесь одним из важнейших требований современного историко-фонетического исследования. Исследованию поздних исторических процессов, характерных для развития данной стороны консонантизма, посвящаются главы следующей специальной части работы.

Глава I

ЦОКАНЬЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

ЦОКАЮЩИЕ ГОВОРЫ СЕВЕРО-ВОСТОКА

В результате картографирования диалектных данных, в основном собранных диалектологическими экспедициями в послевоенные годы (1946—1955) при подготовке атласов русских народных говоров, имеются достаточные основания выделить при изучении употребления аффрикат в говорах русского языка территорию северо-востока Европейской части СССР (см. карту 1). Говоры этой территории характеризуются преимущественным распространением так называемого мягкого цоканья, т. е. совпадения этимологических аффрикат *ч* и *ц’* в одной мягкой аффрикате *ц’* (*ц’асто*, *ц’ай*, *ц’исто*, *ц’удо*, *пл’ец’о*, *ноц’*, *доц’ка*; *ул’иц’а*, *кол’ц’о*, *ул’иц’у*, *ц’елый*, *от’ец’*).

По характеру своего образования мягкая аффриката *ц’*, не известная в нормализованном типе языка, относится к числу альвеолярных звуков. При ее образовании участвует передняя часть языка, но не самый его кончик, который несколько опущен, чем такое *ц’* и отличается от *ч’*: при *ч’* происходит смычка кончика языка с альвеолами. Близость *ц’* и *ч’* друг к другу таким образом чрезвычайно велика и в том случае, когда фрикативный элемент каждого из этих звуков достаточно определенно различается при образовании (*с’* при *ц’* и *ш’* при *ч’*). Однако фрикативный элемент аффрикаты *ц’* может колебаться в произношении в современных цокающих говорах и приобретать то характер свистящего звука (в этом случае произносится мягкая свистящая аффриката *ц’* (*т’с’*) в собственном смысле этого слова) или становиться в различной степени шипящим, в связи с чем произношение аффрикаты становится как бы шепелявым и производит акустически впечатление звука, промежуточного между *ц’* и *ч’*, передаваемого наблюдателями при помощи разных приемов транскрипции, но преимущественно через $ц^{’ч’}$, $ч^{’ц’}$, ($ц^{’ч’}$*áсто*, $ч^{’ц’}$*áсто*, $ц^{’ч’}$*ай*, $ч^{’ц’}$*áй* и т. п.). Характеризуя подобные звуки, указывают нередко, что при восприятии их на слух трудно установить различие между очень мягкими *ц’* и *ч’*.

В связи с тем, что употребление подобных аффрикат, акустически производящих впечатление звуков, промежуточных между *ц’* и *ч’*, является обычно факультативным даже в речи отдельных лиц, а также факультативным в пределах целого ряда цокающих говоров именно данной северо-восточной территории, не оказалось возможным и целесообразным различать при картографировании произношение звуков типа $ц^{’ч’}$ и $ч^{’ц’}$ от того звука, который многими наблюдателями обозначается как *ц’*. Это не имело существенного значения еще и по-

тому, что наиболее характерным для говоров описываемой территории является факт употребления одной мягкой аффрикаты *ц'* или аффрикат типа $ц'^{ч'}$, $ч'^{ц'}$ в соответствии двум аффрикатам нормализованного типа языка.

Важно подчеркнуть и то, что попытка выделить произношение подобных промежуточных звуков при первоначальном пробном картографировании в процессе подготовки данной работы не дала положительного результата: распространение $ц'^{ч'}$, $ч'^{ц'}$ в отличие от *ц'* не получило никакой территориальной локализации. Это свидетельствует о том, что по своей природе $ц'^{ч'}$, $ч'^{ц'}$ являются лишь разновидностями той мягкой свистящей аффрикаты, которая при мягком цоканье является в соответствующих говорах единственной заменой этимологических *ч'* и *ц'*.

Варьирование *ц'* (*т'с'*) в произношении и приобретение этим звуком шипящей окраски объясняется, очевидно, отсутствием физиологической границы между сильно смягченными *ц'* и *ч'*; ср. также близость сильно смягченных *с'*—*з'* и *ш'*—*ж'*. Фрикативный элемент аффрикаты *ц'* легко изменяется при дальнейшем смягчении в сторону сближения со звуком *ш'*. Аналогия между изменением мягких *с'*—*з'* в соответствующие звуки с шипящей окраской и изменением мягкого *ц'* в $ц'^{ч'}$, $ч'^{ц'}$ является вполне правомерной и отмечалась уже специалистами в области общей и исторической фонетики[1].

Широкое распространение промежуточных звуков типа $ц'^{ч'}$, $ч'^{ц'}$ на территории говоров с мягким цоканьем подтверждается не только современными материалами, но и сообщениями диалектологов, проводивших свои наблюдения в начале XX в.[2]

Можно также допустить, что обилие случаев произношения звуков промежуточного характера ($ц'^{ч'}$, $ч'^{ц'}$) уже издавна, со времени усиления влияния на говоры со стороны нормализованного типа языка, связано в цокающих народных говорах с усвоением шипящей аффрикаты *ч'*, употребление которой представляет собой определенный этап перехода от мягкого цоканья к различению аффрикат *ч'* и *ц*.

В состав территории, где в настоящее время преимущественно распространены русские народные говоры с мягким цоканьем (см. карту I), входят: Карельская АССР, северные районы Ленинградской области — Вознесенский и Винницкий, а также незначительная (север-

---

[1] См. О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. «Энциклопедия славянской филологии», вып. 5_2, СПб., 1910, стр. 44. — В этой работе подчеркивается колебание в произношении мягких фрикативных свистящих согласных и возможность их изменения при дальнейшем продвижении вперед в соответствующие шипящие артикуляции. Для сравнения приводятся аналогичные, факультативно представленные, колебания в произношении фрикативного элемента в сербских *ћ*, *ђ*.

Ср. также: В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1935, стр. 253; М. И. Матусевич. Введение в общую фонетику. Л., 1948, стр. 49; Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. I. М., 1949, стр. 131—132.

[2] См. О. Брок. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского у. Сб. ОРЯС, т. 93, № 4, СПб., 1907, стр. 55; В. Мансикка. О говоре северо-восточной части Пудожского у. «Известия ОРЯС», Пг., 1914, стр. 153; С. А. Истомин. О причетах и плачах... «Живая старина», ч. II, вып. 3, 1892, стр. 144; Я. Светлов. О говоре жителей Каргопольского края. «Живая старина», ч. II, вып. 3, 1892, стр. 157; Н. Шайжин. Говор крестьян Нежигемской волости Пудожского у. «Олонецкие губернские ведомости», № 126, 1903. Ср. также ряд сообщений, представляющих собою ответы на вопросы диалектологических программ, помещенных в «Трудах постоянной комиссии по диалектологии русского языка» и «Материалах для изучения великорусских говоров» и относящихся к говорам б. Архангельской и Вологодской губерний.

ная) часть Подпорожского района той же области; Архангельская область, Вологодская область, кроме находящихся на западе территорий говоров Чагодощенского и Устюженского районов; части Арбажского, Даниловского и Пречистенского районов Ярославской области; северная часть Солигаличского района, а также Судайский, Кологривский, Межевской, Павинский, Пыщугский, Вохомский, Боговеровский, Нейский, Мантуровский, Шарьинский, Поназыревский, Кадыйский, Макарьевский, Ивановский, т. е. восточные районы Костромской области; Калининский, Ветлужский, Хмелевицкий, Тоншаевский, Варнавинский, Уренский, Краснобаковский, Заветлужский районы Горьковской области. Материал по районам, расположенным восточнее указанной территории, т. е. по территории русских говоров Коми АССР, Кировской области и других более восточных, примыкающих к Уралу областей, не картографировался, однако собранные материалы позволяют предположить распространение здесь, в основном, также мягкого цоканья, но с бо́льшим вкраплением других видов употребления аффрикат, имеющих здесь более разбросанное и островное распределение, что объясняется историей заселения этих территорий. Это заселение шло преимущественно из местностей, расположенных на территории цокающих говоров северо-востока с характерным для них мягким цоканьем, но также, в более позднее время, и из других областей.

Сопоставляя границы северо-восточной территории цокающих говоров с соответствующими границами говоров «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе», видим, что данная территория в основном, за небольшими отступлениями (см. карту V), соответствует таким группам северновеликорусского наречия, как Поморская, Олонецкая и Восточная или Вологодско-Вятская. Существенные расхождения границ сопоставляемых территорий видим лишь на юге. В состав северо-восточной цокающей территории не входят некоторые части Костромской, Ивановской, Ярославской областей, относящиеся тем не менее к Вологодско-Вятской группе северновеликорусского наречия. Таковы южная часть Солигаличского района, Чухломской, Парфеньевский, Буйский, Галичский, Антроповский, Сусанинский, Палкинский, Игодовский, Костромской, Судиславльский, Семеновский, Нерехтский, Красносельский районы Костромской области; Пошехонский, Пречистенский, Любимский, Арефинский, Даниловский, Середский районы Ярославской области; Ивановский, Наволокский, Кинешемский, Юрьевский районы Ивановской области.

Определяя территорию северо-востока Европейской части СССР как территорию преимущественного распространения мягкого цоканья, нельзя не подчеркнуть, что в огромном большинстве говоров данной территории наряду с мягким цоканьем отмечают и различение аффрикат *ч'* и *ц*. Представлены на данной территории также и другие виды неразличения аффрикат как в сосуществовании с мягким цоканьем, так и в самостоятельном распространении. Задачей данной главы и является прежде всего — выявить те отношения, которые устанавливаются между различными типами употребления аффрикат при их сосуществовании и которые характеризуют собой состояние данного звена системы консонантизма на том или ином этапе развития этой последней.

Выяснение вопросов этого рода дает возможность, как увидим далее, установить то различное значение, которое имеют те или иные сосуществующие типы и виды употребления аффрикат с точки зрения развития системы консонантизма говоров.

Подчеркнем, однако, что именно мягкое цоканье представляет собою тот наиболее устойчивый и последовательно распространенный вид цоканья, который в наибольшей степени характерен для современных говоров северо-востока.

Лишь в южной части описанной территории мягкого цоканья выделяется своего рода «клин», где говоры с мягким цоканьем особенно последовательно перемежаются с нецокающими говорами, в которых различение *ч'* и *ц* является единственным типом употребления аффрикат[3]. В других частях территории мягкого цоканья также встречаются говоры, перешедшие к различению аффрикат *ч'* и *ц* или, может быть, имевшие это различение исконно и попавшие на данную территорию в результате переселений их носителей, особенно в более позднее время. Однако нигде в другой части описываемой территории нецокающие говоры не представлены в таком количестве (см. карту 1).

Большое количество цокающих и нецокающих говоров расположено на территории описываемого «клина» в непосредственном соседстве друг с другом. В состав этой территории в направлении с севера на юг входят следующие районы Вологодской области: Ковжинский, Ивашкинский, Кирилловский, Кубено-Озерский (в этом районе вообще отмечены только нецокающие говоры), восточная часть Петриневского района, Чебсарский (здесь также отмечены только нецокающие говоры), Мяксинский, Вологодский, Сокольский, Междуреченский, Грязовецкий, Лежский, а также районы Ярославской области: Пречистенский, восточная часть Арбажского, западная часть Даниловского.

В других частях территории мягкого цоканья более или менее последовательное распространение говоров с различением *ч'* и *ц* можно отметить еще в трех местах:

1) на севере территории мягкого цоканья: в южной части Приозерного района Архангельской области, а также в Плесецком районе и северной части Емецкого района той же области;

2) на западе территории мягкого цоканья: в Пряжинском, Прионежском, Шолтозерском районах Карельской АССР;

3) на востоке территории мягкого цоканья: в Кичменско-Городецком районе Вологодской области и Опаринском районе Кировской области.

Анализ материалов по говорам территории северо-востока показывает, кроме того, что здесь можно выделить и такие районы, где мягкое цоканье распространено почти исключительно (хотя и в том относительном смысле слова, о котором мы говорили выше), где диалектная пестрота в отношении употребления аффрикат уступает место распространению мягкого цоканья, отмечаемого почти в каждом говоре. Это наиболее глубинные районы северо-восточной территории, находящиеся в Архангельской области, а именно: Пинежский, в большой степени Лешуконский и Карпогорский, Виноградовский, Верхне-Тоем-

---

[3] Как уже говорилось, различение *ч'* и *ц* отмечалось на карте лишь в тех случаях, когда оно являлось единственным для данного говора типом употребления аффрикат. Случаи различения *ч'* и *ц* встречаются в настоящее время, в период особенно интенсивного влияния на говоры со стороны нормализованного типа языка, в любом говоре современного русского языка, какой бы другой тип употребления аффрикат ни использовался говорящим наряду с этим. Отсутствие указания на случаи различения *ч'* и *ц* в сообщениях по одним говорам и наличие таких указаний в сообщениях по другим отражает лишь разный охват наблюдателем возрастных слоев населения при изучении того или иного говора, что следует иметь в виду также и в тех случаях, когда мы говорим об «исключительном» распространении того или иного диалектного типа употребления аффрикат в говоре (сведения о наличии *ч'* — *ц* в подобном случае, возможно, лишь опущены).

ский, Красноборский, Каргопольский, Няндомский, Шенкурский, Ровдинский, Вельский.

Можно выделить также и вторую территорию резко преобладающего (хотя и в несколько меньшей степени) распространения мягкого цоканья, расположенную в южной части Тотемского и Никольского районов Вологодской области, а также в Кологривском, Межевском, Нейском, Мантуровском, Кадыйском, Макарьевском районах Костромской области.

Именно материалы по перечисленным районам преимущественного сохранения и распространения мягкого цоканья прежде всего дают основание для характеристики мягкого цоканья как собственно фонетического явления соответствующих современных цокающих говоров. Мягкое цоканье широко представлено здесь в любой, в том числе и в проникшей в сравнительно недавнее время, лексике. Ср., например, по говорам Архангельской области: *духтур'йця* (Вельский р-н, дер. Тёмная); *сан'ита́роц'ка, нац'а́л'ство* (Виноградовский р-н, дер. Верхняя Кица); *нац'а́л'ство, колхо́зн'иц'а* (там же, с. Морж); *хрон'йц'еской, команд'йр ц'а́с'т'и, с парт'е́иц'ем, фил'шар'йц'а* (Каргопольский р-н, дер. Абакумово); *красноp'ец'йвый* (там же, дер. Калитинская); *сто про́ц'интоф* (там же, дер. Лазаревская); *позвоно́ц'н'ик'и* (там же, с. Но́кола); *капера́ц'ия, кр'ит'йц'еск'и* (Няндомский р-н, дер. Дор); *прец'ц'еда́тель* (там же, дер. Сергоручей) и мн. др.[4]

Встречающееся в этих же говорах *ч'*, проникающее в результате влияния нормализованного типа языка, отмечают обычно также и в местных, исконных словах, а если произношение *ч'* и бывает представлено в лексике городского или книжного происхождения, то далеко не исключительно, а наряду с употреблением *ц'*. Не связано в своем произношении с основным типом употребления аффрикат в данных говорах лишь слово *цвет*; его разновидности *квет, свет, с'в'ет, т'вет* имеют своеобразные изоглоссы распространения в цокающих и нецокающих говорах.

Употребление *ц'* не ограничено и по отношению к элементам морфологической структуры слова: *ц'* может быть употреблено в любых формах и любых морфемах, а также и на стыке основы и суффикса, что опять-таки наиболее ярко и последовательно иллюстрируют диалектные записи, сделанные в названных выше районах. Ср. в именных образованиях: *кон'е́ц', ку́р'иц'а, хл'йб'ец', слов'е́ц'ушко, рукав'йц'и, с'ем'о́нов'иц', до́ц'ка, п'е́ц'ка, ку́роц'ка*; в том числе в формах сравнительной степени: *пол'е́кц'е, побога́ц'е*; в глагольных основах настоящего времени: *колоц'у́, молц'йт, коко́ц'от, т'ец'о́т, кло́кц'ут*, в том числе в повелительном наклонении: *замолц'й, попла́ц', попла́ц'т'о*; в инфинитивах: *п'ец'й, б'ер'екц'й, п'екц'й, остр'йкц'и* и др.

Мягкое *ц'* выступает в морфологическом чередовании с *к*: *ру́ц'к'и, р'е́ц'ка, р'е́ц'ен'ка, ко́фшыц'ок, быц'о́к, го́диц'ик, горше́ц'ек, ватру́шоц'ка, кло́ц'ja, два м'ише́ц'ка, с пра́зниц'ком; кр'е́пц'е, громц'а́э, пом'е́л'ц'е; п'ец'о́т, толц'о́ш* и др.

Мягкое *ц'* выступает и там, где исторически возникало сочетание согласного *т*(*д*) с последующим твердым или мягким *с*. См. подобное произношение в формах 3 л. ед. ч.: *пр'ив'йнц'иваиц'ц'е, называйц'ц'е, вл'йпываиц'ц'е, пр'ив'а́зываец'ц'о, бойц'ц'е, буд'е́ц'ц'е*, (бодается), *буд'о́ц'ц'е*,

---

[4] Здесь и ниже материал проводится в том виде (в отношении транскрипции и обозначения ударения), как он дается в соответствующих рукописных сообщениях — ответах на вопросы программ, составленных в разное время и хранящихся в Институте русского языка АН СССР.

с'ерб'йц'ц'е (зудит, чешется), *см'иёц'ц'е, см'ијóц'ц'и, обуваёц'ц'е* и др.; в формах 3 л. мн. ч.: *заб'ерýц'ц'е, ц'ёшуц'ц'е, скáтываjуц'ц'и* и др.; в формах инфинитива: *мыц'ц'е, ц'есáц'ц'е, т'ел'йц̄'а, вод'йц'ц'о, зан'имáц̄'а, от'ел'йц̄'а*, в прилагательном *сус'ёц''к'ие*.

То же употребление мягкого *ц'* встречаем в соответствии сочетаниям *т* (*д*) с последующей аффрикатой *ц'*: *оц'ц'óм, тр'йц'ц'ет, д'ив'етнáц'ц'ат', ис колóц'ц'а, пýц'ц'о* (ср. в других говорах *путцо, пуццо* — часть цепа), *кáц'ц'а* (ср. *катца, кацца*), *молоц''ц''й*; в сочетаниях аффрикаты *ц'* (*ч'*) с предшествующим *с*: *сц'итáт', с'ц'от, засц'итáт', сц'асл'йвый, сцесл'йвый*. Сюда же, видимо, следует отнести и неоднократно встречающееся *сц'ýка* (щука).

Данные говоров северо-востока с широко распространенным мягким цоканьем показывают, что дальнейшее развитие употребления аффрикат в этих говорах, в ряде случаев связанное с воздействием на цокающие говоры со стороны нормализованного типа языка, не получает ограничений в пределах определенных лексических групп или какого-то круга формальных элементов. Исследование материала показало, что здесь отсутствует какая бы то ни было система в проникновении тех или иных видов произношения аффрикат. Это проникновение осуществляется путем спорадического употребления говорящими различных аффрикат в одной и той же лексике, в одних и тех же формальных элементах, что опять-таки указывает на развитие нового типа употребления аффрикат как на процесс, носящий собственно фонетический характер.

Особое место занимает здесь лишь вопрос о произношении аффрикаты *ч'*, исторически входившей в сочетание *чьн*, впоследствии изменившееся в *ч'н*. Произношение этого сочетания и характер употребления аффрикат в говорах оказываются нередко связанными друг с другом далеко не непосредственно,

Академик С. П. Обнорский в специальном исследовании, посвященном истории этого сочетания[5], приходит к выводу, что в русском языке исторически весьма широко действовала тенденция к упрощению сочетания *ч'н*, этого «согласного трифтонга (*т'ш'н*)», возникшего после падения редуцированных гласных. Поэтому сочетание *ч'н* должно было изменяться в *ш'н — шн* в нецокающих говорах русского языка и в *с'н—сн* в цокающих. Случаи сохранения *ч'н* (а тем самым, видимо, и *ц'н*) С. П. Обнорский считает вновь возникшими под влиянием соответствующих непроизводных образований; для сочетания *ч'н* он допускает, кроме того, возможность распространения в результате влияния книжно-литературной речи.

В отдельных случаях (когда ударение в слове находилось после сочетания *ч'н*), эти сочетания (*ч'н, ц'н—цн*) могли, по мнению С. П. Обнорского, сохраняться и по причинам фонетического характера. Проникновение сочетания *шн* и *ч'н* в цокающие говоры С. П. Обнорский объяснял также влиянием нецокающих говоров и общенародной формы языка.

Не подвергая соответствующий материал, характеризующий судьбу сочетания *чьн* по говорам, специальному дополнительному исследованию, укажем лишь, что, по данным северо-восточных цокающих говоров, тенденцию изменения *ц'н'* > *с'н* > *сн* нельзя считать распространенной столь же широко, как тенденцию *ч'н* > *ш'н* > *шн* в говорах

---

[5] См. С. П. Обнорский. Сочетание *чн* в русском языке. «Труды комиссии по русскому языку», т. I, Л., 1931.

с различением аффрикат. Наиболее глубинные говоры описываемой территории, хорошо сохраняющие мягкое цоканье, чаще всего представляют его и в этом сочетании (*молоц'ной*, *скуц'ной* и т. п.); говоры с изменением *ц'н* в *с'н* чрезвычайно редки. Встречаются здесь также говоры, в которых произношение данного сочетания как бы полностью укладывается в рамки фонетической закономерности. Однако в большинстве цокающих говоров северо-восточной территории, взятой в целом, наряду с сочетанием *ц'н—цн* в ряде слов представлено и *ч'н* и *шн*, что свидетельствует, вероятнее всего, о проникновении этих сочетаний по мере усвоения отдельных слов из нормализованного типа языка или изменения звучания определенных слов под его влиянием. Таковы соображения, которые могут быть высказаны до того как будет проведено картографирование территории северо-восточных говоров.

По данным цокающих говоров других территорий (например, «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы»), можно убедиться в том, что говорам, знающим твердое цоканье, в гораздо большей степени было свойственно изменение *цн* > *сн*; однако распространение вновь возникавшего сочетания *сн* было лексикализованным: изоглоссы разных слов с этим сочетанием весьма различны. В дальнейшем распространение случаев типа *молосный*, *пшенисный*, видимо, имело место и за пределами цокающих говоров, именно в говорах с различением *ч'—ц*; с другой стороны, во многих говорах с твердым цоканьем результаты изменения *цн* > *сн* отсутствуют.

Мягкое цоканье распространено, как уже было указано, преимущественно в говорах северо-восточной территории Европейской части СССР, для которой характерно широкое распространение и других видов неразличения аффрикат. Так, кроме мягкого цоканья, встречается и твердое цоканье, при котором наблюдается совпадение *ц* и *ч'* в *ц* твердом (*цасто*, *цай*, *цисто*, *цудо*, *плецо*, *ноц*, *доцка*; *ул'ица*, *кол'цо*, *ул'ицу*, *целый*, *от'ец*), а также чоканье, при котором аффрикатам *ц* и *ч'* соответствует *ч* (здесь в подавляющем большинстве случаев — мягкий звук — *ч'асто*, *ч'ай*, *ч'исто*, *ч'удо*, *плеч'о*, *ноч'*, *доч'ка*; *ул'ич'а*, *кол'ч'о*, *ул'ич'у*, *ч'елый*, *от'еч'*).

Характерной особенностью современного распространения твердого цоканья и чоканья на описываемой территории является то, что они чрезвычайно редко встречаются здесь в пределах отдельных говоров самостоятельно, т. е. вне сочетания с мягким цоканьем (таким образом *цасто* и т. п. встречается наряду с *ул'иц'а* и т. п.). Кроме того, важно отметить, что и те весьма редкие говоры, где твердое цоканье или чоканье распространены исключительно, расположены на данной территории разбросанно, в связи с чем и соответствующие явления не имеют здесь определенной изоглоссы.

В данном разделе мы и попытаемся выяснить те условия и отношения, которые складываются в фонетических системах говоров описываемой территории между сосуществующими в них разновидностями неразличения аффрикат (мягким цоканьем, твердым цоканьем, чоканьем). Исследование этих условий и отношений поможет пониманию процессов, имевших место в прошлом и намечающихся в настоящее время в развитии сосуществующих разновидностей цоканья. Результатом этого исследования должен явиться и вывод о том, какой вид цоканья на данной территории следует считать древнейшим.

Укажем при этом, что, по сложившейся традиции, несмотря на отсутствие специальных исследований, чоканье (*ч'асто*, *ч'ай*. . . *ул'ич'а*,

кон'еч') обычно рассматривают как разновидность цоканья, ничем не отличающуюся по своей природе, по характеру территориального распространения, по возможностям самостоятельного существования в фонетических системах отдельных говоров от твердого или мягкого цоканья. На это обстоятельство мы уже обращали внимание при анализе взглядов А. А. Шахматова на происхождение цоканья. Таков смысл и той характеристики употребления аффрикат, которая дана в «Опыте диалектологической карты...» для говоров Восточной (Вологодско-Вятской) группы северновеликорусского наречия: «*ц* и *ч* в значительной части говоров совпали в одном звуке *ц* мягком: *отець*, *дивиця*, *цюдо*, *моўцять*; реже — в звуке *ч* мягком: *величять*, *чюдо*, *отечь*, *овчя*; во многих говорах вместо *ц* и *ч* произносится средний шепелеватый звук — $ц^{ч}$ или $ч^{ц}$, или же эти звуки смешиваются...»[6]. Подобное описание фактов употребления аффрикат создает у читателя впечатление о широком самостоятельном существовании всех названных видов цоканья в говорах Вологодско-Вятской группы, при характеристике которых дается приведенное описание.

Почти десять лет спустя в «Очерке истории русского языка» Н. Н. Дурново находим ту же, по существу, оценку различных типов употребления аффрикат, сделанную с точки зрения истории русского языка и опять-таки построенную на простом перенесении современных диалектных данных вглубь веков: «Как произносился тот звук, в котором совпали о.-сл. *ц* и *ч*, первоначально, мы не знаем. Скорее всего, это был или звук средний между *ц* и *ч* мягкими (ср. говоры, где и теперь произносится такой же звук), или же на месте о.-сл. *ц* и *ч* получился звук *ч*, или звук *ц* мягкое, так как в большинстве говоров на месте старых *ц* и *ч* является именно звук *ц* (твердый или мягкий)...»[7]

Поскольку, как уже говорилось, вопрос о типах употребления аффрикат в современном русском языке специальному изучению не подвергался и исследование соответствующего материала не проводилось, с подобной оценкой чоканья как самостоятельного типа употребления аффрикат, исторически равнозначного мягкому цоканью и твердому цоканью, встречаемся и в настоящее время.

Полное непонимание того, что при изучении употребления аффрикат очень важно учитывать систему отношений между аффрикатами, нашло отражение, например, в «Лингвистическом атласе района озера Селигер», выпущенном в 1949 г. диалектологами марровского направления; случаям чоканья здесь также придано самодовлеющее значение. Вопросу об употреблении аффрикат в этом атласе посвящено три карты, явно показывающие, что отношение аффрикат *ч'* и *ц* друг к другу при обработке соответствующего материала во внимание не принималось. Об этом свидетельствуют самые названия этих карт: карта № 12 — «Вместо звука *ч'* произносится *ц'* (*сп'и́ц'к'и*, *о́бруц'* и т. п.)»; карта № 13 — «Вместо звука *ц* произносится *ч'* (*па́л'еч'*, *у́л'ич'а* и т. п.)»; карта № 14 — «Звук *ч* произносится твердо (*учы́л'и*, *час*, *рабочый*)». Сопоставление трех названных карт также не дает возможности уяснить себе систему употребления аффрикат в тех или иных говорах.

Ср. также в исторической грамматике русского языка, вышедшей в свет несколько лет назад: «Во многих севернорусских говорах и некоторых среднерусских на юг и на восток от Москвы с давнего вре-

---

[6] «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе», стр. 23.
[7] Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М., 1924, стр. 185.

мени сохраняются определенного рода отступления от этимологически правильного употребления *ц* и *ч*, — ненормальности (? — *В. О.*) то в виде цоканья, когда *ц* употребляется вместо *ц* и вместо *ч*, причем *ц* звучит или твердо (севернорусские говоры новгородского типа, хотя далеко не все, и др.)... или мягко (севернорусские говоры вологодского типа и др.)...; то в виде чоканья (например в Кировской области), когда *ч* употребляется вместо *ч* и вместо *ц*: *отечь*, *чярь*, *личё*, *чена*, *куричя* и пр., то в виде смешения *ч* и *ц*: *отечь* и пр., но *ноць* и т. д.»[8] (разрядка наша. — *В. О.*).

В приведенном высказывании обращает на себя внимание не только рассмотрение на равных правах, без исторической перспективы, разновидностей диалектного употребления аффрикат (мягкое цоканье, твердое цоканье, чоканье), но и необоснованное введение еще одной разновидности цоканья, когда *ц'* якобы регулярно занимает место этимологического *ч* — «*ноць* и т. д.», а *ч'* — место этимологического *ц* — «*отечь* и пр.». Подобная разновидность цоканья вводится, видимо, на основании единичных неполных по материалу сообщений, не подтверждающихся более широкими диалектными данными.

В связи с этим вопрос о распространении чоканья и о характере его сосуществования с мягким цоканьем должен быть рассмотрен и изучен на большом материале современных цокающих говоров.

Выделим прежде всего говоры, где чоканье выступает наряду с мягким цоканьем при ярко выраженном преобладании этого последнего. О преобладании в подобных говорах именно мягкого цоканья свидетельствуют и соответствующие специальные указания наблюдателей и в известной степени самый факт резкого количественного преобладания случаев произношения *ц'*, с которым мы постоянно встречаемся в сообщениях о данных говорах. Эти сообщения оставляют такое впечатление, что, наряду с преимущественно употребляемой мягкой свистящей аффрикатой *ц'*, в некоторых говорах употребляется в ограниченном количестве случаев и шипящая мягкая аффриката *ч'* (та же, что и в нормализованном типе языка). Своеобразным в подобных говорах является употребление этой мягкой шипящей аффрикаты: ее отмечают как в соответствии *ч'*, так и в соответствии *ц*. Тому факту, что наблюдатели чаще фиксируют именно случаи, когда *ч'* выступает в соответствии *ц* (*ул'ич'а*, *кон'еч'*), а не случаи употребления этого *ч'* по нормам общенародного языка (*ч'исто*, *ч'ай*), едва ли следует придавать существенное значение. Здесь, по-видимому, сказывается свойственное многим диалектологам стремление фиксировать в своих записях не столько состояние системы говора, сколько факты диалектных отличий, своеобразную «экзотику» говоров. Заметим также, что во многих подобных говорах твердая свистящая аффриката *ц* отсутствует.

Описанные отношения (наличие чоканья, отмеченного в ограниченном количестве случаев, при мягком цоканье и при отсутствии в говоре твердого *ц*) представлены в ряде сообщений.

Архангельская область. Емецкий р-н, дер. Сельцо: *ц'ас*, *ц'óрный*, *доц'*, *ноц'*, *гогóц'ет*, *мыц'и̂т*, *скýц'но*, *сердéц'ко*, *ц'исáл* (чесал), *шáпоц'ку*, *ч'ас*, *доч'*; *овц'á*, *яйц'ó*, *кýриц'а*, *кол'ц'ó*, *огорôдец'*, *будáец'ц'а*, *кольчó*, *овчá*[9]; Ленский р-н, дер. Тохта: *цясто*, *цяй*, *ц'ивô*,

[8] П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1952, стр. 130.

[9] По каждому населенному пункту сначала приводятся примеры, характеризующие произношение звуков в соответствии этимологическому *ч* (иногда примеры заменяются общим указанием), затем, после точки с запятой, приводятся примеры, характеризующие произношение звуков в соответствии *ц*.

горе́цю (горячую — со стяжением), *ночь, дочь, бочькя, чигун, горечей, от пчелы, чесо́ў, четвёртой, учитель, кре́пчей, вчерась*; *у́лиця, ку́риця, оте́ць, коне́ць, ц'ена, ц'ела́, ц'елу́ю, проц'иди́ла, палець, мисець, ц'ерква, отц'ей, личё, беспоко̂и̅че*; Онежский р-н, с. Унежма: *ц'о́рный, ц'а́сто* — «в архаичном диалекте вместо *ч* и *ц* систематически употребляется мягкий *ц'*, примеров бесчисленное множество»; *ку́р'иц'а, јеjц'о́, молод'е́ц', от'е́ц', на крыл'ц'и́, самова́р'ец'*, «в языке грамотных *ц'* смешивается с *ч'*»; Приморский р-н, с. Луда: *ц'ас, ц'орный, п'ец', доц', п'е́ц'ка, р'и́гац'а, ру́ч^ц'к'и, п'еч^ц'е́л'* (печаль), *час, чи́стый*; *па́лец', ку́р'иц'а, овц'а́, јаjц'о́, ц'а́пл'а, рез'ец', молод'е́ц', ц'в'еты́, буда́ўц'я, пти́ц'я, овч'а́*; Приозерный р-н, дер. Перщлахта: *ц'ас, ц'о́рноj, ноц', доц', п'е́ц'ка, кокоц'от, но́ц'jу, кон'е́ц'но, моло́ц'ноj, пшен'и́цноj*; *бода́ц'ц'а, бода́jец'ц'о, на у́л'иц'у, офц'а́, кон'ец', кол'ц'о́, ку́р'иц'а, офча́, рука́в'ичы*; там же, дер. Гороховская: *ц'аj, пл'ец'о́, ц'угу́н, ц'уло́к, к'ирп'и́ц', проц', ку́ц'к'и, нац'е́лс'и, доц', ц'у́рка, н'иц'ово́, ц'е́тв'еро, кац'а́лка, су́ц'jа, р'е́ц'ку, сту́л'ц'ик, ц'ордак'и́, но́ц'ес', луц'и́нок, голу́пц'ик, ухожо́роч'ка, ч'е́сно, дро́л'еч'ка*; *о́фц'и, па́л'ц'ом, пт'и́ц'а, кол'ц'о́, ц'ипл'а́т; ов'е́ц', м'е́с'ец', хл'е́пц'а, со́н'ц'е, продав'е́ц', на м'е́л'н'иц'е, м'е́л'н'ич'а*, там же, дер. Самково: *п'ец'ка, до́ц', ноц' п'екц'и́, ц'ас, моло́ц'ноj, наро́ц'но, поц'о́т, ку́ц'и*; *офц'а́, кол'ц'о́, л'иц'о́, ка́ц'а* (часть цепа), *ро́ст'иц'ц'а*, (о курице), *см'ејо́ц'ц'и, на у́л'иц'и, тр'и́ц'ц'ит', у́л'ича, рукав'ичы, кон'е́ц*; Сольвычегодский р-н, дер. Емышево: *ц''а́сто, ц''ай, полуц''и́ў, ц''у́до, ц''е́рви, ц''угу́н, плец''о́, петац''о́к, ц''его́, ноц'', до́ц''и, до́ц''ка, бо́ц''ка, ц''есо́в, плец''о̂, молоц''ко, читьви́рьг, туча́, крычи́т, горечо́, от пчолы́, с плачём с учи́телём, горечо, кричели, стучать, чайку́; улиц''а, куриц''а, офц''а, ейц''о, улиц''у, ц''елой, конц''о́м, отец'', конец'', ц''ве́т, пшони́ц''а, ц''ена́, ц''ела́, ц''идить, огурц'и, ми́с'ец'', лиц''о, в больниц''у, серц''о, огурчи-те*; Холмогорский р-н, дер. Мыза: *кло́кц'о, коко́ц'о, перц'а́тки, рыц'и́т, чёшитца, волоч'у́га, ч'ита́м, хоч'у́; овц'а́, кольц'о́, ц'веты́, пшони́ц'а, рукави́ч'и*; Черевковский р-н, дер. Новгородская: *ц'ас, ноц', ц'оловеку, церёмуха, ц^ч'оловека, ц'ас, колецько, цетверо, ноч', час, лоньшачёк; овця, куриця, яйцё, ц'веты, пшониця, заворниця, кольчо, конечь, отечь, церкви*.

Вологодская область. Биряковский р-н, дер. Пенкино: *доц', тоц' в тоц', ц'о́рной, ц'асы́, то́ц'ит, ц'ев͡о, отв'иц'е́йош, ун'иц'то́жытц'о, ру́ц'ка* — «звук *ч'* часто заменяется звуком *ц* и *ч* твердым»; *ку́р'иц'а, йайц'о́, ц'а́пл'а, овц'а́, кол'ц'о́, кон'е́ц', хл'и́пц'а, ку́р'ич'а, йейч'о́, ч'а́пл'а, овч'а́, кол'ч'о, кон'е́ч'*; там же, дер. Загоскино: *ц'асто, ц'ай, ц'и́сто, полуц'иў, ц'у́до, моу́ц'у́, ц'игу́н, пл'ец'о́, п'атац'о́к, ц'ево́, ноц', доц', до́ц'ка, бо́ц'ка*; *у́л'иц'а, ку́р'иц'а, офц'а́, ейц'о́, у́л'иц'у, ц'е́лой, кон'ц'и́, кон'ц'о́м, от'е́ц', кон'е́ц', овча́, кол'чо́, коне́чь, яйчо́, ку́рича*; Оштинский р-н, дер. Мининская: *ц''а́сто, ц'а́й, ц''и́сто, ц'у́до, полуц''и́ў, молц''у́, пл'ец''о́, бо́ц'ка, п'атац''о́к, ноц'', до́ц'и, чого́, ч'угу́н; ку́р'иц''а, офц''а́, јайц''о́, конц''и́, конц''о́м, кон'е́ц'', у́л'ич'а, у́л'ич'у, ч'е́лый, от'е́ч'*; там же, дер. Низ: *ц''а́сто, ц''ай, полуц''и́ў, моу́ц''у́, ц''угу́н, пл'ец''о́, п'атац''о́к, ц''ого́, ноц'', до́ц'и, бо́ц''ка, ч''и́сто, ч''у́до; у́л'иц'а, ку́р'иц'а, офц'а́, офц''а́*, — «*ц* здесь ближе к *ч*»; *на у́л'иц'у, ц'^ч'е́лэй, конц''и́, от'ец', кон'е́ц', јайч'о кон'е́ч'*; Пришекснинский р-н, дер. Городище: *ц'а́шка, ц'ас, п'ец', доц', ц'о́рной, ц'и́стой, ц'исло́, ц'асы, ц'ита́л, ц'ево́, ч'олов'е́к, н'е хоч'у́; ку́р'иц'а, йейц'о́, ц'а́пл'а, м'и́с'ец', молод'е́ц'; ц'в'еты́, па́л'ец', ф'ита́н'ц'иjа, офч'а́, кол'ч'о́, кон'е́ч'*; Устье-Кубенский р-н, дер. Замошье: *ц'а́шка, ц'ас, ц'о́рной, ноц', доц', ц'и́стой, ц'исло́, ц'олов'е́к, ц'асы́, ц'ита́у, уц'ит'ел', ц'ево́ бойч'а́йо; ку́р'иц'а, йец'о́, ц'а́пл'а, молод'е́ц', ц'в'еты́, кон'ец', кол'ц'о́ па́л'ец', огурц'и́, рукаич'и*; там же, дер. Горка: *ц'ас, ц'о́рной*

ноц', доц', п'éц'ка, ц'елов'éк, ц'итаў, уц'ит'ел', ч'ашка, ч'úстой, ч'исло́; кýр'иц'а, йейц'ó, ц'áпл'а, молод'éц', ц'в'еты́, оўц'а, кол'ц'о, пáл'ец', огурц'ú, см'ийóтц'о, рукав'ич'и, м'ис'еч'; там же, дер. Никифоровская: *ц'ас, ц'орный, ц'евó, человéк, читаў, учитель, вчерáсь, чужой, мочь, громче; куриц'а, яйц'ó, ц'веты́, овц'á, кольц'ó, овча, кольчó, пáлец, огурцы;* Череповецкий р-н, с. Нелазское: *ц'ас, ц'óрноj, ноц', дóц', ноц^{ч}', пéц'^{ч}'ка, ц'^{ч}'óрное, стариц'^{ч}'кý, закýсоц'^{ч}'ку, бóц'ку, по ц'асáм, отвиц'ájут, оц'удúлис', пец'ка, богоц'ú, водúч^{ч}ки*[10]; *девúц'а, сенц'á, кýриц'а, jajц'ó, ц'áпл'а, молод'éц', офц'^{ч}á, кол'ц'ó, руж'оц'ó, рукавúц'^{ч}'а, пáлиц'^{ч}'а, ц'ар'úц'а, бл'из'нец'éj, отец', мúс'ец', косúц'ам, неоц'енённый, девúц'а, сенц'á, офч'á, кол'ч'ó, конéч', ýлич'у.*

Карельская АССР. Медвежегорский р-н, дер. Пудожгора: *п'éц'ка, доц', сец'áс, ц^{ч}'áс, ноц^{ч}', ц^{ч}óрныj; кýр'иц'а, молод'éц', jajц'ó, с колóтц'а, óколо трuтц'ат'и, офц^{ч}'á кол'ц^{ч}'ó, кон'éч';* там же, дер. Пяльма: *ц'ас, ц'óрный, ноц', доц', п'éц', проц', скýц'но, рыц'úт, с вóжец'кам'и, кл'уцк'ú, волоц'уга, ц'истыj, муц'éнья, рéцьку, ц'етыр'и, ц'асá, с'ичáс, чо*[illegible]*ó; офц'á, кол'ц'ó, кон'éц', кýр'иц'а, jajц'ó, птúц'а, пáл'ец', у колóтц'а, п'úс'ел'н'иц'а, пшон'иц'у, офчá;* Повенецкий р-н, с. Пески: *скýц'но, упр'áжец'ку, п'áстац'ка, ц'áшка, т^{ч}'ас, т^{ч}'óрныj; jайт^{щ}'ó, кýр'ит^{щ}'а, пáл'ец',* но ср. *пшон'úча;* Пудожский р-н, с. Авдеево: *ц'ас, ц'óрныj, доц', п'ец'ка, ц'óрныj, ц'етыр'е, в'éц'ор, пец', нóжыц'ок, кýц'а, п'екц'ú, с кáртоц'кам'и, исц'óзнут, бц'ер'ет'; овц'á, jajц'ó, кол'ц'ó, кон'éц', кýр'иц'а, куп'éц', оγурц'óф, ц'éла, м'úс'ац', ч^{ч}éла, jайшн'ича;* там же, с. Коладозеро: *ц'ас, ц'орноj, доц', дóц'ер', ц'етыр'и, сýмоц'ка, громц'áje, крыц'úт, пиц';* «иногда очень мягкое *ћ*»: *ноћ, в'éћор, ћас, дóћ, п'ећка; кýр'иц'а, jajц'ó, ц'áпл'а, ц'ас, пúц', офц'á, кол'ц'ó, кон'éц', ц'ипл'áт, хл'éпц'а, ýл'иц'у, удал'éц', jajц'^{ч}'ó, кол'ч^{щ}'ó, офч'á, кол'ч'ó;* там же, с. Марнаволок: *ц'ас, ц'óрныj, ноц', доц', п'ец'ка, конéц'но, нарóц'но, молоц'на, п'ец'ноj, волоц'ýшка, рыц'áт; кýр'иц'а, молод'éц', пт'úц'а, из борон'úц', пшэн'úц'у, д'ел'н'úц'и, западн'úц'а, вдов'úц'а, офц'á, кол'ц'ó, кон'éц', jajц'о* — «*ц'* очень слабое, близко к *с'*», *с jajчóм, кон'éч, jajчó, кýр'ича;* там же, дер. Отовозеро: *пéц'ка, ч^{щ}'ас, ч^{щ}'óрной, рýч^{щ}'к'и, окýч^{щ}'ники, кл'áч^{щ}', ноч^{щ}', ц^{ч}елов'éк, шибчае, чегó, громчае, кáч'а, скýч'но: овц'á, кол'ц'ó, резец', кýриц'а, пт'úц'а, завóрн'иц'а, кон'еч^{щ}', кáч'а;* там же, дер. Ранина Гора: *ц'ас, ц'орный, ноц', доц', пéц'ка, наконéц'ник, пец', ловц'áje, рýчки, с рогачами, ноч'; кáц'а, отбирájец̄'а, зájац', jагн'иц̄'а, ковыр'áц̄'а, ругáц̄'а, лаjац̄'а, дрáц̄'а, навáливац̄'а, нав'áзывац̄'а, пустúц̄'а, изнур'úц̄'а, уход'úц̄'а, мúс'ац', франц'ус', гóрнича, на ýличу, jайчó, овч'á, кол'чó, конéч'.*

Кировская область. Свечинский р-н, дер. Дрягупята: *ц'áсто, ц'ай, ц'úсто, полуц'úл, ц'ýдо, молц'у, ц'игýн, ноц', плец'ó, пятац'óк, дóц'ка, бóц'ка, ч'астя́х, басмач'éй, ч'уть, нач'алúсь, онуч'и, оболóч'ка: ýлич'а, кýрич'а, овч'á, яйч'ó, ýл'ич'у, ч'éлый, конч'ём, отéч'ь, отч'ём, хлéпч'а, кислинич'а, шептунич'а* (знахарка), *сéльнич'а* (корыто для раскатывания теста), *крысач̄'а* (чесаться); там же, дер. Гущины: *ц'асто, ц'áй, ц'úсто, ноц', доц', получ'úл, молч'ý, пятач'óк, доч', ночь, учúлис, чотыре, фчорáся; ýлич'а, кýрич'а, офч'á, отéчь, конéчь, ч'éлые, яйч'а;* Шабалинский р-н, дер. Ново-Заводской Починок: *ц'áсто, ц'úсто, полуц'úл, бóц'ка, вод'иц'ка, в бáц'к'э, зáц'ал'и, ц'эты́р'э, р'эц', кон'ц'áлс'а; ц'э́лой, кон'ц'ú, от'э́ц', о кýзн'иц'э, м'ис'ац'óф, двáц̄'эт,*

---

[10] Отсутствие непосредственно приведенных примеров с *ч* в соответствии этимологическому *ч* не лишает нас возможности констатировать чоканье в данном и подобных говорах и по наличию примеров типа *офч'а, кол'ч'о.*

кон'ч'а́; там же, дер. Макаровская: *н'иц'эво́, с'иц'а́с, ч'ай, ч'и́сто, ч'угу́н, п'этач'о́к, до́ч'ка, бо́ч'ка, получ'и́ла; у́л'иц'а, ку́р'иц'а, офц'а́, јаіц'о́, самц'а́, пшэн'и́ц'и, пр'ид'а́ц'а, за́јач', нач'ижу́, јайч'и.*

Костромская область. Вохомский р-н, дер. Громово: *ц'ашка, цяс, ц'орной, ноць, доць, ц'истой, цисло́, хоцю, ц'оловек, цясы, цёо, крепце, цяйкю, па́лоцькя, ночь, учитель, пекчи, громчаё, вечо́р; куриця, ейц'о, молодець, двацця́ти, росставаццё, офця, кольцё, конець, потребуечче, палец*; там же, дер. Пустошки: *ц'ас, ц'о́рный, ноц', доц', пе́ц'ка, ч'олов'е́к, ч'асы́, ч'ита́у, ч'его́; па́лец', см'ийо́ц'ц'а, овч'а́, яйч'о́, ку́р'ич'а*; Судайский р-н, дер. Борисово: *ц'о́рн'ен'кайа, нойасо́ц'ка, изволоц'и́л, оно́ц'у, пла́ц'ет, ц'а́иу, ц'ор'о́муха, кр'иц'и́т, до́ц'ка, за́ц'ал'и, ц'ем, ц'и́с'т'ит', фц'игун'е, поч'о́м, ноч'ева́т', кло́хч'ет, гор'еч'е́й, ноч', уз'оло́ч'ку; пу́гов'иц'а, купц'и́, кон'е́ц', ку́р'иц'а, с ц'ипл'а́там, карто́вн'иц'у, два́ч'ч'ат', п'етна́ч'ч'ат*; там же, дер. Костино: *ц'ужо́ва, вц'ара́с', нац'е́л'н'ик'и, ц'ужы́х, п'ец'е́т', поч'ему́, ч'е́р'ес, ч'еты́р'е, до́ч'ка, до́ч'ку, па́ч'кам, ч'е́йем* (чаем — тв. п.); *тр'ап'и́ц'и, по гороц'с'ко́му, на гран'и́ц'е, кон'ц'а́, с'емпа́ч'ч'атово, исп'еку́ч'ч'о, два́ч'ч'ат, м'и́с'еца.*

При анализе материалов, характеризующих распространение чоканья и помогающих понять условия и соотношения, в которых оно находится с другими типами употребления аффрикат в фонетических системах изучаемых говоров, должны быть выделены и те весьма многочисленные в настоящее время говоры, где при чоканье, опять-таки сосуществующем с мягким цоканьем, в говоре отмечают и произношение твердой аффрикаты *ц*, употребляемой в соответствии аналогичной аффрикате нормализованного типа языка. В подобных говорах (что, видимо, является неслучайным) отмечается уже более широкое употребление *ч'* в соответствии аффрикате *ч'* нормализованного типа языка, а в некоторых случаях, поскольку мы имеем в данных говорах чоканье, и в соответствии *ц*.

Приведем соответствующий материал по этим говорам, где при совмещении мягкого цоканья и чоканья имеется также произношение твердого *ц*, в связи с чем в ряде случаев при наличии двух названных диалектных типов употребления аффрикат (мягкого цоканья и чоканья) возникает также и различение *ч'* и *ц*.

Архангельская область. Виноградовский р-н, с. Морж: *доц', ц'о́рный, п'ец'ка, нац'а́л'ство, ц'ас, ноц', ц'е́ю, ц'о, ц'еты́р'е* (2 раза), *кон'е́ц'но, поро́ц'но, моло́ц'ный, ру́ц'к'и, ку́роц'к'и, ц'о́шытцы* (чешется), *поро́цно, кон'е́цно, ч'ас, чо́рный; овц'а́, ку́р'иц'а, огурц'и́, пшен'и́ц'а, буда́ец'ц'е, пт'и́ц'а, колхо́зн'иц'а, овч'а́, овца́, пт'и́ца, отцо́м*; Емецкий р-н, дер.Ваймуга: *доц', пец'ка, ноц', ниц'его́, чистый, число, час, ч'орный, ноч', доч', печ'ка; птиц'а, палец', ку́риц'а, молодец', овча, кольчо́, ку́р'иса, йайсо́, ца́пл'а, кол'цо́, молод'е́ц, е́гнитце, рукав'и́цы*; Красноборский р-н, дер. Бернятино: *ц'асто, ц'исто, полуц'ил, ц'удо, молц'у, ц'угун, плец'о, ц'его, ноц', доц', боц'ка, ц'ай, пятац'о́к, кричать, чесов, чидит'* (цедить), *честей, кричели, ф четверг; улич'а, курич'а, овч'а́, яйч'о, улич'у, конч'и, конеч', цвет, процидила, мисяц, при отце*; там же, дер. Монастырские Пашни: *ц'у́тко* (чутко), *ц'ово́, ч'асто, ч'исто, ч'удо, молч'у, ч'угун, плеч'о* и другие примеры с *ч*; *водиц'а, и́сниц'а* (яичница), *курич'а, овч'а, яйч'о, ч'елый, конч'и, кончáм, отеч', улица, курица, целый, отец, цена, цела, пшоница, огурцы*; Ленский р-н, с. Козьмино: *молцю, плецё, бо́цькя, до́цькя, чясто, получи́у, ночь, плечо́, горе́чо́, ф чесу́, честе́й* (частей) *горечё, дочь, четырём; у́личя, ку́ричя, офчя́, ейчё, чино́й* (ценой), *кончи́, чвѐт, чьвету́т, чена́, чепа́м, чено́й, челу́ю, мисеч, при отчѝе, цыни́ть, процидила*; там же, дер. Харинская: *цясто, цюдо, петацёк, боц'кя, до́цькя, с плецяа́, ночь,*

плечё, чесо́к, чеди́ть (чадить), *к учи́лищу; па́лець, у́лиця, ку́риця, офця, ци̅елой, земляниця, храни́цё, яичё, ку́риче, цэна́ цэла́, цэна́м, цэлу́ю, процидила, заец, ми́сец, огурци́, при отцы́*; Мезенский р-н, дер. Погорелец: «*ц* мягкое (*ц'*) или шепелявое (*ц"*)»: *р'е́ц'ка, фартуц'о́к, офц"и́на, пр'иц"ета́ш* (причитаешь), *ту́ц'а, луц"и́на, ц'а́шк'и, ц"уло́к, ц'а́сто, ц"ерн'и́ц"а, пр'иц'ита́т', на́ ноц', ц'у́рк'и, ц'е́р'ф', кр'уц'о́к, молоц'ко́, вышец'ка, к'иц"и́гой, јец'м'ен'а́, башмац'к'и́, шч'е́ц'к'и, ов'е́ц"к'и, но́н'ц'е, ку́ц"у, слуц"а́ј, стар'иц'о́к, н'иц'ого́, ц'ого́, стоја́ц"ик, ф ку́ц'у, ту́ц"и, руц'е́ј, выц"ешут, ту́ц'ка, ч'есы́ руч'ныје, ч'улк'и́, кр'уч'ко́м, л'е́ч'ат, п'екч'и́, л'екч'и́, оч'к'и́, р'е́ч'ка, избач'о́м, пор'а́доч'ној, выуч'ил'и; от'ец", ма́сл'ен'иц'у, ц'ар', на бл'у̅́ц̅'о, крыл'ц'о́, с'ен'ц'а́, па́л'ц'и, офц'а́, п'т'и́ц"а, д'ев'и́ц"а, лу́жыц'и, ка́тан'ц'и, ов'ец", па́л'ц'и, рукав'и́ц'и-р'ез'е́ц", ц"ига́н'с'к'и, ма́т'иц'у, ма́т'иц'а, м'е́с'ец', отц'а́, ц'ел'ина́, ф ч'в'ету́, ч"апа́јут, офч'у́, м'е́л'н'ич'а, р'ешч'а́* (резца), *ч'ига́на, скла́дн'ицы, т'е́л'иц*, — род. мн. от «телица», *н'е́мцы*; Онежский р-н, дер. Калгачиха: *ц'ај, ц"а́јн'ик, ц"и́сто, ц"о́рный, ц'его́, ц'елов'е́к. ц'ер'т'и, ц'угу́н'ик, д'е́воц'ка, ц'е́рпат', в'ец'ерко́м, до́ц'ка́, полуц'и́л'и, уц'а́сток, уц'и́л'ис', ко́фшиц'ек, ч'е́стныје, пл'еч'о́, пл'е́ч'и; вос'м'ина́ц̅'ат', поц'илова́л, воронц'и́, ц'е́лыј, ц'е́нныј, в'и́ча* (ви́ца — «ветка», «прут»), *пл'и́ча* (пли́ца — «черпак»), *у́л'ица, ку́р'ица, д'ев'и́ца*; там же, дер. Петровская; *ф ц'а́шку,. ц'улк'и́, ц'орт, ма́л'ц'ик, ц'и́сто, с ко́л'е́ц'ком, до́ц'ка, ц"ај, ф ц"а́шку, ц"ја́, ц"ерн'и́га, зв'е́здоц'к'и, ц'олов'е́к, с по́ч"ты, таре́лочку, см'ечу́, часы́, чо́рныј, чугуны́, ч'ес', н'е́ч'ево, см'еч'у́, за полу́ч'кој, круч'е́ч'к'и, д'е́воч'ка; ц'ена, на кон'ц'е́, сп'и́ц'а, офч'и́, на у́л'ич'у, к в'енч'у́, в'инч'а́, в го́рн'ич'и, шв'еч', в'ин'ч'а́, сп'и́ца, м'е́с'ац, за́јац, кун'и́цы*; там же, дер. Юдмозеро: *ф п'ец'и́, ц'и́с'т'и, пл'ец'о́, ф п'е́ц', пла́ц'у, ру́ц'ка, вну́ц'ку, ц'ут', полуц'и́ла, суц'јо́, гор'ец'а́, ц'арпа́јт'е, ц'и́с'т'и, ц'а́ј, полуц'и́ў, к но́ц'и, ц'асо́ф, поц'о́т, вод'и́ч'ка, ма́ч'оха, л'еп'е́ч'от, ч'о́рна, н'и́точ'ка; ов'е́ц', офц'а́м, на крыл'ц'и́, со́нц'а, пт'и́ц'и, молод'е́ц', с'е́рц'а, в бол'н'и́ц'у, бра́т'ец', у́л'ичу, ку́р'ич, ч'ипл'а́т, от в'енч'а́, молод'и́ч'ам, л'ис'и́цам, з'ајац*; Плесецкий р-н, дер. Кочмас: *ц'ас, ц'орный, ноц', доц', пец'ка, скуц'но, ц'его, цитал*; «твердое *ч* отсутствует»: *чашка, час, чорный, очен', моч', пекчи́; куриц'а, йайц'о́, ц'а́пл'а, молодец', ц'веты, овц'а, кольц'о, кат'ц'а, смеецц'а, рукавиц'и, курича*; «*ц* твердое в слове *молодец*»; Приозерный р-н, дер. Степановская: «Вместо *ч* произносится *ц* и мягко»: *ц'ас, ц'о́рный, ноц', доц', п'е́ц'ка, уц'и́т'ел'-н'иц'а, цыпоц'ка, до́жд'иц'ек, ч'исло́, ч'ас, вчера́сь, громча́йа; офц'а́, кол'ц'о́, кон'е́ц', св'ин'е́ц', чв'ето́к, св'ин'е́ч', ку́р'ица, йайцо́, цв'еты́, см'ийо́тцы*; Черевковский р-н, дер. Черменинская: *ч^{ц}'ас, ч^{ц}'орный, ноч^{ц}', доч^{ц}', печ^{ц}'ка, до́ч^{ц}'ка, пе́ч^{ц}'ка, ове́ч^{ц}'ка, топе́риця, ч'ас, доч', чиво́; не тирпиц'ц'а; сеньц'о́, конечь, мисяц, катца, курица, германец.*

Вологодская область. Бабаевский р-н, дер. Володино: *поцёму́, кону́роц'ка, в'е́ц'ер, ноц', зна́ц'ит* (2 раза), *искал'е́ц'ат, н'ив'ер'бовоц'к'и, н'ипл'ец'а*; «*ч* иногда мягкое, иногда твердое»: *чо́рнојо, почому́, ключ, Сиуча* (назв. местности), *робо́чыи, волочу́шка, молочу́, сп'ичк'и, ча́шка, час, чёрный, ноч', п'еч', п'еч'ка, су́чья, кло́кч'от, ноч', ч'елов'е́к, громч'е́я, гро́мче, исп'е́ч', б'ер'е́ч', мя́ч'ик, грач'и́ уч'и́т'ел'; молод'ец', пшан'и́ця, ку́р'иц'а, офц'а́, пшан'и́ц'а, яишници, офч'а́, па́л'еч'; бо́л'е м'е́с'ича, полотенч'о, лис'и́ч'а*; «*ч* твердое»: *палеч, ча́рство, ку́р'ица, яйцо́, ца́пл'а, молод'е́ц, офца́, кол'цо́, па́л'ец, остаjо́тцы, учатцы, смеецца, яишницы, колос'и́цца, огурцы́*; там же, дер. Пальцево: *мужыцёк, стар'ицёк, науц'и́ли, ноц'е́с, ц'есо́ф, н'ицё, цево замолц'а́л'и, в'ено́ц'к'и, накрыц'а́тцы, кр'и́ноц'ка, нонц'е, замец'а́јот, мужыц'ка́, уц'ил'ис, исп'е́ц', вну́ц'ок, ове́ц'ка, тр'а́поц'ку, к'ип'ето́ц'ку, ру́ч'к'и, в бо́ч'к'и, гро́мче, грач'и́, учи́т'ел', чайку́; по л'иц'у́, офч'а́, кол'чё, кон'е́ч',*

яйчо́, ку́рич'а, на м'е́л'н'ич'е, ф Ц'ер'епо́вч'е (в Череповце), *ку́р'ица, яйцо́, молод'ец, па́лец, ф коло́дец, на у́лицу;* Бабушкинский р-н, дер. Чунино: *ягненоц'к'ов, щекоц'ит, час, черный, печь, дочка, печка, кокочет, кочка, кричат, чистые, чево, очень, часы́; яйця, овця, кольцё, конець, бодё́тц'а, овча, кольчо, конечь, курица, яйцо, молодец, цветы, овца, кольцо, конец, палец, огурцы́, смеецца;* Белозерский р-н, дер. Замо́шье: *ц"ёрная жмея́, квашбноц'"ка, в вйц"ере, ц'яс, пе́ц'ка, цеты́ре, су́пцика* (супчика), *до́ц'"ка, на тубор'ё́тоц'"ке, цяй, куде́лец'"ки, ц"южа́я, хо́ц"еццa, доуц"и́т', церемхо́вый, по кусо́ч'ку, получяеш, хо́чют, ко́ч'ка, волочюга, о́чен', вё́чером; пти́ця, вен'чи́, цветы́, вози́цца, остаё́цца, три́цат', овца́, па́лё́ц, церква, ско́пюца, собира́юца, хли́бец;* Кирилловский р-н, дер. Малое Шевелево: *ц"а́сто, ц"ај, ц"и́сто, полуц"и́ў, мыц"и́т, каў́ц"ит, рыц"и́т, ц'игу́н, п'етац"о́к, ц"у́ју, пл'ем'ё́н'н'иц'ок, пр'иц"ита́јот, до́ц'к'е, гр'а́доц"ку, пц"ё́л'н'ик, ц"а́шка, ц"ер'ес, јейц"ок, м'ешо́ц'ек, молоц"ко́, ча́шец"к'и, р'и́ц"ен'ка, в'ё́ц"ор, рукав'и́ц"к'и, н'ё́ц'ем, но́щ'ју, н'иц'иво́, но́н'ц'е, уц'и́л'ис'а, ц'ё́тв'еро, жер'ё́пц'ик, кл'и́ц'ка, муц'ё́н'јо, похл'о́боц'ку, ов'е́чка, пл'ечо́, че́рез, со вну́чкој, крыл'ечко, му́чк'и, ов'е́чк'и, јо́лочка, ночка, на тро́јечк'е, солда́точкој, доч', ноч', ч'елов'е́к, поч'и́н'ивајот, с в'еч'еро́ч'ка, обола́ч'иват'ца, оболо́ч'ка; ку́р'иц"а, молод'ец", бц"ен', кузн'е́ц", офча́, от'еч, брусн'ича, тр'и м'и́с'ачу, на у́л'ич'е, ку́р'ич'и, в бол'ни́ч'е, зо́лотч'о, у́л'ица, ку́р'ица, о́ўцу, јейц, брусн'и́ца, м'е́с'ац, вод'и́ца, в бол'н'и́цу;* Оштинский р-н, дер. Мегорский Погост: *ц'яс, ц'"ё́рный, ноц', доц', ц'ё́го, на плец'и́, пе́ц'ка, ц'елов'е́к, ц'яшка, ве́ц'ё́р, с'ц'"яс, лу́ц'"ц'"я, шту́ц'ка, н'езада́ц'я, ц'яйку́, потходя́ц'е, ни копе́ец'"к'и, јац'ме́нный, ниц'ё́го, пец'я́таные, сц'"ас, не ц'елов'е́к, ц'асо́ф, вц'ера́с', отц'ена, ц'еты́ре, пец'е́н'је, снач'я́ла; ку́риц'я, јайц'ё, молоде́ц', офц'я́, кол'ц'о́, коне́ц', сы́патц'я, ку́риц'ю, не пти́ц'я, у́лиц'ю, колесни́чи, отца́, ца́пля, жа́ловатца;* Петринёвский р-н, дер. Угрюмово: *ч'"ас, ч'"о́рној, доч'", пе́ч'"ка, о́бруч'"и, ведё́роч'"ка, му́ц'ка, ру́ц'ка, ч'"елов'е́к, ове́ч'"ка, гор'ач'"ка, ч'ас, ч'о́рној, ноч', печ', у до́ч'ки, ны́н'че, по́моч'; ку́рич'"а, јеј'ч'"о́, кол'ц'"о́, молод'е́ц', си́тец', франц'у́с, хли́бец', синц'"а́, ми́сец'", огур'е́ц'", ку́рич'а, јај'ч'о́, ч'а́пл'а, молод'е́ч', па́л'ч'а, ку́рица, јајцо́, ца́пл'а;* там же, дер. Дермянинское: *ч'"ас, ч'"о́рной, ноч'", доч'", п'е́ч'"ка, ц'"асы́, куч'"к'и, ц'"астоко́л, крич'"а́л, ц"и́стова, из руц'ја, фч'"ера́, ц"елове́к, ч'о́рној, ч'ас, ноч', пе́ч'ка, обруч'јо́, кр'уч'о́к; молодец'", о́фц'"и, ч'"веты́, ч'"в'оту́т, ц'в'ету́т, кон'е́ц'", ку́риц'а, јеиц'о́, јајц'о́, молод'е́ц', офц'а́, кол'ц'о́, коле́ч'"ко, конец', на у́лиц'у, огурц'о́ф, ку́рич'а, јај'ч'о́, молоде́ч', ч'а́пл'а, офч'а́, кол'ч'о́, ку́р'ица, јајцо́;* там же, с. Лохта: *ц'ас, ц'орный, ноц', доц', часы́, о́ч'ен', чего́, вчера́с'; офч'а́, кол'ч'о́, кон'е́ч', яйч'о́, па́л'ец, угурцы́;* Пришекснинский р-н, дер. Потеряево: *п'е́ч'"ка, ч'"ас, ч'"о́рныј, доч'", пе́ч'"ка, ц'"ас, ц'"о́рный, но́ц'", огорч'"е́н'јо, ф садо́ч'"к'е, ко́нч'"илас', ру́ч'"к'и, ч'ас, ч'о́рној, печ', ноч', луч'и́нку, чи́сто, о́чен, ц'"в'е́т, ц'"в'ет'о́т, ми́сец'", ры́ц'ар', к винц'у́, се́р'ц'у, ми́с'ец'оф, офц'а́, ку́рич'а, офч'а́, кол'ч'о́, коне́ч', јеј'ч'о́, ку́рица, јайцо́, молоде́ц, офча́, кол'ц'о;* Тарногский р-н, дер. Шевелевская: *цяшка, ц'ас, пецька, ц'орной, ноць, доць, громц'ае, чёрной, ночь, дочь, печька, чи́стой, число́; ейц'ё, кольцё ку́риц'а, овц'я, палець, ми́сець, молодечь, конечь, овца, цапля, огурцы;* там же, дер. Игнатовская: *ц'асто, ц'ай, ц'угу́н, ц'исто, полуц'ил, ноц', доц', боц'ка, мелч'е, часы, горечо́; улиц'а, ку́риц'а, отец', конец', полотенц'е, сердц'е, улич'а, яйч'о́, кон'ч'и́, ейч'нич'а, огурцы, целу́ю;* Тотемский р-н, дер. Печеньга: *ц'асто, ц'ай, ц'исто, полуц'ил, ц'удо, молц'у, ц'угун, плец'о, пятац'ок, ц'его, ноц', доц', доц'ка, бо́ц'ка, четверг, кричать, к дочере, ручка; яйц'о, улич'а, курич'а, овч'а, улич'у,*

ч'е́лый, конч'и́, отеч', конеч', церковь, молодцов, брусница, кольцо́; там же, дер. Ивановская: *ц'асто, ц'ай, ц'исто, полуц'и́л, ц'удо, молц'у́, ц'угу́н, плец'о́, пятац'ок, ц'его́, доц', доц'ка* (2 раза), *боц'ка, кричать, сичас, учитцо; у́лич'а, курич'а, овч'а́, яйч'о́, у́лич'у, кон'ч'и́, конч'о́м, отеч', чвет, чвету́т, че́рква, бойчём, церьква*; Усть-Алексеевский р-н, дер. Горбачёво: *у девоц'ки чашка, час, чорной, ночь, чесаться, кочка, волочуга, чево; куриця, ейцё, цяпля, молодець, сонцё, оўча* (овца), *конеч, пуццо* (часть цепа), *закатаёцца*; Устье-Кубенский р-н, дер. Марковская: *ц'ас, ц'орный, ц'а́шка, ноц', доц', пец'к'а, ц'и́стый, ц'исло́, п'ерц'а́тк'и, челове́к, читаў, учи́тель, чево́, громче, вчера́сь; куриц'а, яйц'о, ц'веты, овц'а́, кол'ц'о, ц'апл'а́, молод'ец', овч'а́, кон'е́ч', йейч'о́, ку́р'ич'а, па́лец, огурцы́, птица*; Чарозерский р-н, дер. Лохта: *ноц', п'ец'ка, в в'е́ц'ер'е, стар'иц'о́к с кусо́ц'кам'и, не полу́ц'оны, покр'и́пц'е, ц'оты́р'и, п'ец'е́ц'а, ло́доц'к'и, с'м'е́ц'ут, ц'оло-в'е́к, ску́ц'но, ов'е́ц'ка, уповодо́ц'ок, ру́т^{щ}'к'и, ч'ас, ч'орной, ноч', п'еч', п'еч'ка, ч'ет'в'ер'га, с'п'и́ч'к'и, ч'а́шка; ку́р'иц'а, ја́иц', овц'а́, кол'ц'о́, пшан'и́ц'а, огурц'и́, ку́рич'а, јайч'о, молод'еч', от'еч', ку́р'ица*; там же, дер. Лобаново: *ц'ас'т', ц'орный, скуц'но, у́ц'ат, ны́н'ец'ка, уц'о́ный, ч'ас, ч'о́рный, но́ч', час, ру́чк'и, мыч'и́т, п'ерча́тк'и, волочу́га, п'екч'и́, ча́шка; ку́р'ит'с'а, йайт'ц'о́, йайц'о́, ц'а́пл'а, молод'е́ц', овц'а́, кол'ц'о́, молод'е́т'ч', овча́, кон'е́ч, рукав'и́цы*; там же, дер. Новоспасское: *ц'ас, ц'о́рный, вну́ц'ка, ме́чут, ч'аро́з'оро* (название села); *ку́р'иц'а, йайц'о́, клад'е́ц'ц'а, до сон'ц'а́, зб'ира́йуц'ц'а, овча́, кол'ч'о, коне́ч', це́ркву*; там же, дер. Русино: *ску́ц'но, ночь, дочь, часы́, чита́ў, чево́, громчаё; ку́рича, яйчо́, рукави́цы, па́лец*; Череповецкий р-н, с. Ботова: *ч^{щ}'о́рный, пе́ч^{щ}'ка, ч^{щ}'ас, ч^{щ}'о́рноj, ноч^{щ}, доч^{щ}, пе́ч^{щ}ка, ч^{щ}'ужо́j, пец'а́лицы, круч^{щ}'и́не, ч^{щ}'орнобо́куjу, пец'а́л', веч^{щ}ор'ко́м, пла́ч^{щ}', кроса́фч^{щ}'ик, купе́ц'ескоj, ре́ц'к'и, ч'ас, ч'о́рноj, ноч', печ', пе́ч'ка, де́воч'к'и* и другие примеры с *ч'*; *ч^{щ}'а́пл'а, пти́ч^{щ}'а, ку́рич^{щ}'а, jejч^{щ}'о́, офч'ц'а́, сер'ц'у, ми́сец', коне́ч', ку́рица, jajцо́, мо́лод'ец, ца́пл'а, офца́* и другие примеры с *ц* твердым; там же, дер. Пача: *ч^{щ}'а́с, но́ч^{щ}', ц'ас, ц'о́рноj, ноц', доц', пе́ц'ка, пе́ч^{щ}'ка, ри́ц'ки* (речки), *ноц'ка, крици́т, фстриц'а́ла, запиц'а́лилсы, пец'а́л'ноj, води́ц'ку, ци́тывал, ты́сеци, нац'ала́с', ц'ис'т'ит, но́н'ц'е, помоц'и* (инф.), *ч^{ш}'о́рноj, до́ч^{ш}'; ку́рич^{щ}'а, ч^{щ}'а́пл'а, молоде́ч^{щ}', колч^{щ}'о́, па́л'ц'^{ч}'и́, па́л'ч^{щ}'а, ц'^{ч}'в'еты́, ч^{щ}'вету́т, ку́риц'а, jajц'о́, ц'а́пл'а, молод'е́ц', офц'а́, крыл'ц'а́, бр'а́кнет'ц'а, хле́пц'а, кол'ц'о́, коне́ц', спуска́т'ц'а, кон'ц'а́, сп'и́ц'и, называ́jотц'а, микил'ниц'а* (мяки́нница), *в ми́сец', пл'ет'о́т'ц'а, на у́лиц'е, полоте́н'ц'ам, здоби́т'ц'а, яич'о́, револ'у́цыя, пшени́ца, зде́лаэццы*; там же, с. Любец: *си́ц'ц'ыку, ц'е^{ч}лове́к, ноц', криц'и́, вну́ц'ки, фа́ртуц'ки, ц'и́ста, ч^{ц}'о́рный, ноч', доч', пе́ч'ка, фчёра́, ска́чют, лесо́ч'ком* и другие примеры с *ч*; *яйцё, молоде́ц', коне́ц', ясне́ц'* (лед без снега), *пот туре́ц'к'им, кузне́ц', куне́ц'* (конец), *фран'цю́с, овчя́, кол'чо́, на туре́ч'кова, в бол'ни́чю, па́леч', ку́рица, ца́пля, пшени́ця, я́рица, п'ти́ца* и другие примеры с *ц* твердым; там же, с. Даргун: *но́ч^{щ}', пе́ч^{щ}'ка, ц'ас, ц'о́рна, ноц', доц', пе́ц'^{ч}'ка ч^{щ}'ас, ч^{щ}'о́рноj, но́ч^{щ}', пе́ч^{щ}ка, д'ен'о́ч^{щ}'ок, годо́ч^{щ}'ик, городо́ч^{щ}'ик, дрему́ч^{щ}их, ту́ч^{щ}'а, печ^{щ}'ал'ная, из оч^{щ}'еj, плато́ч^{щ}'ок, ку́ч^{щ}'ки', jец'ме́н', ску́ц'^{ч}'но, волоц'^{ч}'у́шка, ве́ц'ором, ч^{щ}'аjку, ч'ас, ч'о́рноj, ноч', ч'а́шка, ме́ч'ик; ку́риц'а, jajц'о́, ц'а́пл'а, молод'е́ц', офц'а́, кол'ц'о́, коне́ц', ц'веты́, пшен'и́ц'а, ми́сец'^{ч}', офц'^{ч}'а, коне́ц'^{ч}', офс'а́ниц'у, пшени́ц'у, jейшниц'у, па́лец', кол'ч'о́, коне́ч', огурцы́, цэ́д'ит*.

Карельская АССР. Беломорский р-н, дер. Вирьма: *ниц'о́, ноць, дочь, молоцько, ницево́, ч^{ч}ас, ноц^{ч}ь, пе́ц^{ч}ка ч^{ч}исло́, ч^{ч}и́стый, моло́ч^{ч}ный, час, число́; ку́р'иц'а, jajц'о́, молод'ец', офц'а́, кол'ц'о́* —

«*ц*, как правило, мягкое, но в произношении встречается и твердое *ц*. Довольно явственно слышится *ц* с очень слабым затвором, и звук распадается на составные элементы *т* и *с*. Такое произношение у младшего поколения. Старики и старухи произносят *ц'*»; *ку́рича, яйчо́, молодечь, овча́, кольчю, конечь, яйчо́, огурчи*; Пудожский р-н, дер. Калакунда: *гор'е́ц'иј, уц'и́л'и, в'е́ц'ера, до́ц'ка, ф п'е́ц'к'и, с до́ц'ер'ју, по ц'аса́м, пл'ечо́, в р'е́ч'ках, на уч'а́стк'и, сп'и́ч'к'и; в'инц'а́ крыл'ц'о́, конц'и́, кон'е́ц', мал'е́ц', со́н'ц'е, кол'ч'о́, жер'еб'и́ца, јајцо*; там же, дер. Подберезье: *ноц', доц', пец', кац', печ*^{щ}*ка, ску́ц'но, сарайцик, час, чорный, куча, ру́чки, рогачи, су́чја, мычит, ска́чот; сад'а́ц̄'а, бран'и́ц̄'а, ла́јац'а, руга́ц̄'а, измори́ц̄'а, умори́ц̄'а, истоми́ц̄'а, смијоц'а, овча́, ку́рица, јайцо́, ца́пл'а, молоде́ц, кол'цо* и другие примеры с *ц* твердым; Медвежегорский р-н, с. Повенец: *ц'асоф, ц'исла́, ц'ас, ц'о́рныј, ч'ас, ноч', ч'о́рный; Пов'ен'е́ч'к'и соберу́ч'ч'а* (повенецкие жители соберутся), *ф Петрозаво́чке, мили́чия, овча́, кол'чо́, офца́ кон'е́ц*; там же, дер. Ворожигора: *ску́ц'но, офц'и́ны, сц'ита́йетс'а, ц'асо́ф, ц'етв'о́рым, ц'ут', ц'ужы́х, офц'и́ны, пшан'и́ц'ный, ч*^{щ}*'а́хлый, ч'асы́, ноч', ч'о́рный, п'е́ч'ка, ску́ч'но; резе́ц', три́ц'ат', со пти́ц'амы, два́ч'ат, ка́жеч'а, д'ел'е́ч', ка́жеч'ч'а, черес у́л'ич'у, личо́м, офца́, кон'ец, кол'цо́, ку́р'ица, молод'е́ц*; там же, дер. Тайгинцы: *ску́ц'но, офц'и́ны, наре́ц'ийа, кладец̄'а, сц'итайетс'а, ц'асо́ф, ц'етв'о́ртым, ц'у́т', ц'ужы́х, офц'и́ны пшан'и́ц'ный, ч*^{щ}*'ахлый, ску́ч'но, ч'асы́, ч'о́рныј, ноч', п'е́ч'ка; резе́ц', не отели́ц'а, ку́р'иц'а, саме́ц', зов'е́ц'а отц'и́, ф Пов'ен'ц'и́, полот'е́н'ц'и, па́леч*^{щ}*', ц'*^{ч}*'веты́, ц'*^{ч}*'вету́т, офч'а́, кузн'е́ч', от'е́ч', офча́м, јасн'е́ч'* (лед-яснец), *отч'о́ф, напро́т'иф, с'е́рч'а, посло́в'ич'а, н'ет пт'ич'и, св'ин'е́ч', рукав'и́ч'и*; там же, с. Кунасозеро: *вц'ера́, ц'о, ц'а́ју, ц'е́р'ис, м'ец'у́, уц'и́ла, скуц'а́т', ц'у́до, ц'*^{ч}*'е́р'ес, ч*^{щ}*'ај, ц'*^{ч}*'а́шец'к'и, ц'*^{ч}*ого́, ц'*^{ч}*емода́нц'ик, уц'*^{ч}*'илас', с'иц'*^{ч}*'ас, доч, ноч, ча́сто, соро́чк'и; пт'и́ц'у, у́т'иц'у, у купц'а́. го́рн'иц'а, јаиц'*^{ч}*'о́, комсомо́л'ец'*^{ч}*, па́л'иц'*^{ч}*ој, офч'а́, па́л'цы, цыфр, це́лују*; там же, дер. Лекса: *ц'ај, ц'а́ска, с'ец'а́с, п'ец'а́т', ц'а́јник, врац', кусо́ц'ик, п'е́ц'ка, кро́моц'к'и, ноц', запр'акц'и́, б'ер'екц'и́, мокц'и́, б'ер'ец', бо́ч*^{щ}*'ка, ч*^{щ}*'ајку́; ку́р'иц'а, йайц'о́, молод'е́ч', офца́, кол'цо́, кон'е́ц*.

Кировская область. Лальский р-н, дер. Сомово (Гавриловское): *ц'асто, полуц'ил, молц'у, ц'угун, ц'асовня, сец'ас, да́в'ец'а, ц'ё, ц'ево, фч'ёра́сё, кусто́чкима, четы́р'е, уча́сток; дождац'ц'а, улич'а, курич'а, конеч', яйч'о, ч'елый, лу́ковичи, во́з'ицца, оста́н'ецца, цэ́рков'*; Свечинский р-н, дер. Хмельнички: *ч*^{щ}*'а́сто, ч*^{щ}*'и́сто, ч*^{щ}*'а́й, плечо́, до́чк'а, до́чэрь, ноча́м, случа́йно, дичи́на, с'эча́с, получ'и́л, ч'у́до, молч'у́, ч'угу́н, ч'о, ночь, дочь, бо́ч'ка, ч'о́рныјо; конч*^{щ}*'ом, коне́ч*^{щ}*'ь, у́лич'а, ку́рич'а, овч'а, яйч'о, у́лич'у, ч'елый, кон'ч'и́, оте́чь, отч'а, лу́кавич'у, поцара́пајот*.

Костромская область. Вохомский р-н, Вторая Хмелёвая: *цяшка, цяс, ноць, доць, цисло, не хоцю, чорной, печькя, ричькя, чистой, чево, сечас, човек; курица, ейцё, овця, конець, пуццё, чапля, молодеч, палец, смеёццо, огородец*; там же, дер. Кокоры: *ц'а́шка, доц', ц'ас, чашка, час, чорной, ночь, дочь, печ'кя, чистой, число, ч'ас, человек, не хочу, захо́чем, читаў, вчера́сь; с Франчиёй, курица, ейцо, молодец, офца, кольцо, конец* и другие примеры с *ц* твердым; Пыщугский р-н, дер. Рыжаково: *ц'асто, ц'ай, ц'исто, полуц'ил, ц'удо, молц'у́, ц'угу́н, плец'о, петац'ок, ц'ово, ноц', доц', доц'ка, боц'ка, полуц'аю, пец'ка, ницево, по оконц'ании, полуц'алис, че́тверы, четверть, заключил, случаи; ку́риц'а, овц'а, ейц'о́, ц'е́лый, отец', улича, уличу, кончи́, конч'о́м, конеч', станчии, грани́чу, мисяц, царя, дватцати, процентоф*; Судайский р-н, с. Шартаново: *ф куп'е́ц'ском, ч'аты́р'е, на вч'ера́шн'уйу, ноч', до́ч'ка, ч'о́рнайа, хач'у́* и другие примеры с *ч'*; *апа́рн'иц'ей, кладъфшы́ц'а,*

ф тро́иц'у, ч'е́ркву, го́рн'ица, ф канце́, м'е́с'аца, у́мн'ица, пшан'и́ца, стуч'и́тца; Черновский р-н, дер. Новая: *ове́ц"ек, ч'а́сто, ч'ай, ч'и́сто, получ'и́л, ч'у́до, молч'у* и другие примеры с *ч'*; *у́л'иц"а, ку́риц"а, овц"а́, яйц"о́, у́лиц"у, ц"е́лый, конц"и́, конц"о́м, от'ец', конец", шаклец"* (название породы рыб), *вернёцца, сва́тацца*; «иногда на месте *ц* произносят *ч'*»: *ку́рич'а, шата́еч'ч'а*.

При изучении говоров, в которых чоканье сочетается с мягким цоканьем, нельзя не обратить особого внимания на те случаи, когда в соответствии этимологическому *ч'* представлено лишь употребление *ч'*, а в соответствии с *ц* — выступают звуки разного рода: *ц'* и *ч'* и *ц* (имеются следы мягкого цоканья). Подобные говоры не являются особенно многочисленными.

Архангельская область. Вилегодский р-н, дер. Быково: в соотв. *ч* указано только *ч'*[10a], но ср.: *улиц'а, овц'а, ц'елый, конц'и, отец', в мисяц', за стары месеча́, три ийча́, чиди́* (цеди!), *до свиданьича, учича* (учиться — инф.), *петь мисече́й, угоро́дча, колодча, с отчом*; там же, с. Никольское: *ч'а́сто, ч'ай, получ'и́л, ч'у́до, плеч'о́, до́ч'ка, бо́ч'ка*; *улиц'а, курич'а, оўц'а́, ейц'о́, ц'е́лый, званьича то нет, чиплята, племяннича, отча, ку́рича, кокочот, доуч'и́ч'а, мы́ч'ч'а* (мыться — инф.), *офца*; там же, дер. Нырма: в соответствии *ч* указано только *ч'*, но ср.: *улиц'а, куриц'а, оўц'а, ейц'о́, ц'елый, мисеч, с малово конча, пальчи те, по уличе, серчо, пугвичи, в отч'овых рубахах*; там же, дер. Путятино: в соответствии *ч* указано только *ч'*, но ср.: *улиц'а, куриц'а, оўц'а, ейц'о́, ц'елый, трицчеть, двацчеть, овеч, учича, отеч, три мисича, ситчу, з дьяконичей, курич, овеч*; Котласский р-н, дер. Прошутино: *ч'а́сто, ч'ай, ч'исто, получ'ил, ч'у́до, моу́ч'у́* и другие примеры с *ч'*; *заец', мисец', пшониц'а, ц'ипляты, смиетьц'а, ложитьц'а, улич'а, курич'а, овч'а, ейч'о, улич'у, ч'елый, конч'и, отеч', конеч', го́йбеч', пшонича, ф петнич'у, напьётца*; там же, дер. Шиппцыно: *ч'асто, ч'ай, плеч'о, пятач'ок, ч'ай, доч'ка* и другие примеры с *ч'*; *пшониц"а, мисец", улич'а, курич'а, овч'а, ейч'о, улич'у, ч'елый, конч'и, конч'ом, отеч', еишнич'а, ч'ветам, пшонич'а, ч'ена, ч'ела, проч'идила, к петнич'е, двенадцеть, целую, без цены, ценить, учитса*; Ленский р-н, дер. Лантыш: *плечо́, пчела́, пчоло́й, дене́чик, ме́льче, кре́пче, четырём, черни́ца, нача́у, чя́сто, получиў, моўчю, петачёк, бо́чкя, ночь; оте́ць, коне́ць, у́личя, ку́ричя, овчя, ченой, конци́, расцвели́, цэна́, цэла́, цэпа́м, цэлу́ю, процеди́ла, яйцы, брусни́ца, черница*; Сольвычегодский р-н, дер. Вёшкурье: примеры с *ч'*; *в огородьц'е, огурьц'ов, у́лич'а, ку́рич'а, офч'а́, ейч'о́, у́л'ич'у, ку́рич'у, ч'е́лой, конч'и́, конч'о́м, отеч', конеч', сули́тца* (обещается).

Вологодская область. Тарногский р-н, дер. Осинник: *час, чистой, число, очень, чайку, читав, крипче, ночь, дочь, печь; палець, месець, смиецце, ку́рича, яйчо́, молодеч', овча, кольчо, конечь, яйцо́*; Устье-Кубенский р-н, с. Чирково: *чы́стый, чысло́, чыгу́н, н'е хочу́, ча́шка, ч'ас, ч'орный, ноч', доч'* и другие примеры с *ч'*; *офц'а, офч'а́, кур'иц'а, йайцо́, ца́пл'а, цв'еты́, кол'цо́, па́л'ец, см'ейо́ца*; там же, с. Заднее: *час, чо́рный, чи́стый, число́, чита́у, ме́чик, чево́, ночь, дочь, ч'ас, ч'а́шка, ч'о́рной, п'е́ч'к'а, ч'и́стой, ч'исло́; куриц'а, яйц'о́, овц'а́, кол'ц'о́, ку́р'ичи, ку́рица, яйцо́, молоде́ц, овца, кольцо, конец, хлебца, нагреба́ётца, па́лец, огурцы́, ца́пл'а*; Харовский р-н, дер. Кубин-Бор: *час, чёрной, ночь, дочь, печкя, чистой, число, человек, не хочу,*

10a Здесь и ниже при наличии значительного количества примеров на произношение той или иной ффрикаты, совпадающих с произношением в нормализованном типе языка, примеры не приводятся, а делается лишь общее указание на их наличие в ответе по данному населенному пункту.

часы, читау, учитель, чёю, испечь; *овця, конець, куриц'а, курич'а, овч'а, молодеч, чьветы, палец, огурцы, смеецца*; Чарозерский р-н, дер. Иваново: *час, часа́, чита́у, чево́, ночь*; *циплятниця, офча, кольчо, буда́еччё, па́лец*; там же, дер. Сварозеро: *ча́шка, вр'е́м'ечко, час, су́ч'и, ч'ита́л, пекч'и́'*; *ку́р'ит'с'а, йайт"ц"о́, д'в'и́гает'т'а* (двигается), *молод'е́т'ч', кон'еч, овча́, кол'цо́, пал'ец, см'ейо́цца*.

Кировская область. Опаринский р-н, дер. Нижне-Зотинская: примеры с *ч'*; *молодець, курича, яйчо, чапля, овча, кольчо, конечь, чайкю, учитель, цветы, смеецо, палец, бодётцо*; Шабалинский р-н, дер. Новые Лелёки: примеры с *ч'*; *конц'и, у́лича, ку́рича, овча́, личо́, у́личу, челый, кончи́, отеч, конеч, яича, це́лый, конец*.

Как уже говорилось, на данной территории редко встречаются говоры, в которых чоканье являлось бы единственным диалектным типом употребления аффрикат, т. е. такие говоры, в которых, кроме произношения типа *ч'ай, ч'исто, ч'удо, плеч'о, ноч'*; *ул'ич'а, кол'ч'о, от'еч'*, не встречались бы другие диалектные случаи употребления аффрикат. Редки также и говоры, в которых наряду с чоканьем отмечают только произношение *ц* в соответствии этимологическому *ц*, т. е. такие говоры, в которых на основе распространения *ц* наряду с чоканьем, устанавливается и различение *ч'* и *ц*. При картографировании те и другие говоры обозначены как чокающие, поскольку на картах показаны лишь диалектные типы произношения аффрикат. Приведем сведения о говорах, где чоканье распространено исключительно, и сведения о говорах, где оно совмещается с различением *ч'* и *ц*.

Говоры с исключительным распространением чоканья отмечены, как уже было сказано, в весьма немногочисленных сообщениях.

Вологодская область. Верховажский р-н, дер. Большое Ефимово: *ча́шка, час, чо́рный, ночь, пе́чка, чи́стой, число́, чёсатьче* (чесаться — инф.); *ку́рича, ейчо́, молодеч', чветы', офча́, кон'е́ч', еишнича, пти́ча, рукави́чи*; там же, дер. Боровина: *чашка, час, чо́рный, ночь, до́чка, дочь, чи́стой, число́, чита́у, учи́тель, чево́*; *ку́рича, яйчо́, ча́пля, молоде́ч', чветы́, овча́, кольчо́, коне́чь, яишнича, пти́ча*; там же, дер. Ботыжная: *ч'а́шка, ч'ас, ч'о́рной, ночь, дочь, пе́ч'ка, ч'и́стой, число́, ко́ч'ка, волоч'у́га*; *ку́рич'а, ейч'о́, молодеч', ч'веты, офч'а́, кольч'о́, конеч', пти́ч'а, чёсаччe* (чесаться — инф.); там же, дер. Митюк: *ча́шка, час, чо́рный, ночь, дочь, пе́чка, чи́стой, число́, су́чья, ко́чка*; *ку́рича, яйчо́, ча́пля, молодеч', чветы́, офча́, кольчо́, коне́ч', ку́рич'а, ейч'о́, яишнича, пти́ча, зудичче* (зудится — безличн.), *рукави́чи, кочка*; там же, дер. Сурмино: *ча́шка, час, чо́рной, пе́чка, чи́стой, число́, чёво́, кoко́чёт, ночь, дочь*; *ку́рича, ейчо́, молоде́ч', чветы́, офча́, кольчо́, коне́ч', пти́ча, па́леч', чёсаччe*; Кирилловский р-н, дер. Передово: *ноч, доч, дочка, бочка, ча́стой, чай, чу́до, молчу́, пятачо́к, чи́сто, получи́л, чигу́н*; *отеч, конеч, улича, курича, овча, яйчо, уличу, челый, кончи, кончом*.

Карельская АССР. Сорокский р-н, дер. Оштомозеро: *ч'ај, нач'ал, ч'а́сто, ч'и́сто* и другие примеры с *ч'*; *кол'чо́, кон'е́ч, јеjчо́, ку́р'ича, со́н'ча, личо́м, кузн'е́ч, от'е́ч, молод'е́ч, на м'е́л'н'иче, офч'а, па́л'ч'и, чв'еты́, чв'ету́т*.

Кировская область. Котельнический р-н, дер. Шмелёвское: примеры с *ч'*; *у́лич'а, ку́рич'а, офч'а́, ейч'о́, у́лич'у, ч'е́лой, конч'и́, конч'о́м, оте́ч', конеч', палеч', ме́льнич'е, собра́т'ч'а, пшони́ч'а, гасти́неч'*; Макарьевский р-н, дер. Глинно: примеры с *ч'*; *у́лич'а, ку́рич'а, у́лич'ей, конч'и, коне́ч', отеч', конч'ом, я́йч'о, больни́ч'и, леч'и́ч'ч'а, к с'эрч'у*; Свечинский р-н, дер. Баруткины: *ч'ай, ч'и́сто, получ'ил, ч'игун, ночь, до́ч'кя*; *бо́ч'кя*; *ку́рич'а, ле́снич'а, офч'а́, ч'е́лой, отеч'*,

коне́чʼ, кузнечʼо́м, ме́льничʼу, больни́чʼу, му́чʼичʼчʼа, поправлѐчʼчʼа; там же, дер. Кроты: примеры с *чʼ*; *ку́ричʼа, у́личʼа, офчʼа, я́ичʼа, оте́ч, конечʼ, на коньчʼе́, со́ньчʼо, купчʼо́ф, очʼчʼо́ф*; там же, с. Октябрьское: примеры с *чʼ*; *оте́чʼ, коне́чʼ, чʼелико́м, крыльчʼо́, нʼэ́мчʼи, офчʼа́, хлʼе́бничʼа, рукави́чʼи, кузне́чʼ, ско́тничʼа, у́личʼа, куричʼу, лиси́чʼа, умыва́ечʼчʼа, нарежа́ечʼчʼа, поʸклóничʼчʼа, поʸздоʸрóваечʼчʼа, повéрнечʼчʼа, сади́чʼчʼа*; там же, дер. Спасское: примеры с *чʼ*; *ку́рича, овча, яйчо, у́личу, кончи́, кончо́м, коне́ч, у́личʼа, чʼе́лый, оте́чʼ*; там же, дер. Шалагиновы: примеры с *чʼ*; *ку́ричʼа, у́личʼа, офчʼа́, я́йчʼо, чʼе́лой, конʼчʼи, конʼчʼо́м, оте́чʼ, коне́чʼ, чʼветы, у́личʼу, вя́занича, у́чʼичʼчʼа*.

Говоры, где при наличии чоканья отмечено также употребление *ц* в соответствии этимологическому *цʼ* лишь относительно более многочисленны.

Архангельская область. Котласский р-н, дер. Заухомье: *чʼасто, чʼай, чʼисто, получʼиў, чʼудо, моўчʼу* и другие примеры с *чʼ*; *уличʼа, куричʼа, офчʼа, ейчʼо, уличʼу, чʼелой, кончʼи, кончʼом, отечʼ, конечʼ, чʼена, чʼела, чʼенить, к петничʼе, сестричʼа, птичʼа, чʼвет, цвета́м, пшоница, цена, цела, цепам, целую*; Холмогорский р-н, дер. Вавчуга: *накрʼичʼи́ссе, хо́чо* (3 л. ед. ч.), *иго́лочка, часо́ф; ку́рʼича, че́рнофʼ, овча́, коне́ч, на у́лʼичу, сеа́тайучче, зашива́цце, цʼеты́*.

Вологодская область. Бабаевский р-н, с. Кальцево: *ночʼ, чʼисло́, чʼи́стый, час, чо́рный, фчʼера́сʼ, волочʼу́шка, пʼекчʼи́, чʼево́, уча́сток; йа́ича, ку́рʼича, ку́рʼица, цʼеты́, йа́гнʼитца, птʼи́ца, па́лʼец, смʼейе́цца, на у́лʼицу, око́нца*; Биряковский р-н, дер. Дороватка: примеры с *чʼ*; *йейчʼо́, чʼа́плʼа, молодʼе́чʼ, чʼвʼеты́, офчʼа́, конʼе́чʼ, йейчʼо́, смʼийо́тчʼо, ку́рʼица, йейцо́, ца́плʼа, молодʼе́ц, овца́, колʼцо́, конʼе́ц*; Нюксенский р-н, дер. Бобровское: *чашка, час, чорный, печка, спички, чайка, чистый, число, читав, ночь, дочь; курича, яичо, молодеч, овча, кольчо, конечь, палеч, месяц, птица*; там же, дер. Звегливеч: *чашка, час, чорный, печка, чистый, число, ночь, дочь; курича, яйчо, молодеч, овча, кольчо, палеч, катча, цветы, у оконца, смеецца, птица*; там же, дер. Зеблуха: *чашка, не хочу, час, чорный, печка, чистый, число, человек, ночь, дочь; курича, яйчо, молодеч, овча, кольчо, конечь, огурчи, птича, зудитче, смиётче, палеч, цапля, отец, на улицу*; там же, дер. Кишкино: *чашка, час, чорный, печка, чистый, число, человек, ночь, дочь; палеч, курича, яйчо, молодеч, овча, кольчо, конеч, человек, огурчи, катча, цапля, цветы, конец, смеецца, птица, овца*; там же, дер. Овинчи: *чашка, час, чорный, печка, чистый, число, ночь, дочь; палеч, курича, яичнича, огурчи, катча, путчо, молодеч, овча, кольчо, конечь, цапля, зацветает, смеецца*; там же, дер. Шульгинская: *чашка, час, чорный, печка, чистый, число, ночь, дочь; палеч, курича, яйчо, молодеч, овча, кольчо, конечь, огурчи, зудитче, цветы, месяц, оконце, смеецца*; Петринёвский р-н, дер. Прислон: *чʼас, ночʼ, чʼи́стый, чʼисло́, чʼелo̍вʼе́к, чʼитаў, чʼево́; офчʼа́, колʼчʼо́, ку́рʼица, йайцо́, па́лʼец, огурцы, птʼи́цы*; Усть-Алексеевский р-н, дер. Воронино: *читат, пекчи, громчая, волочуга; овча, кольчо, мякинница, путьце, кадца, резец*.

Карельская АССР. Медвежегорский р-н, с. Янгозеро: *чʼа́сто, чʼаj, чʼи́сто; офчʼа́, jajчʼо́, колʼчʼо́, ку́рʼица, конʼе́ц*.

Кировская область. Опаринский р-н, дер. Гремячевское: примеры с *чʼ*; *чапля, молодечь, овча, кольчо, курича, яйчо, курица, цветы, палец, огурцы, оконца, смеецо, бодётца*; там же, д. Дуванное: примеры с *чʼ*; *овча, кольчо, яйчо, курича, цветы, огурцы, на улицу, смеецо*; Свечинский р-н, дер. Шапки: *чуде́сно, доч, ноч, бо́чка, че́рез, четвéро, чʼа́сто, чʼай, чʼи́сто, получʼил, молчʼу́, чʼугу́н, плʼечʼо́,*

ч'ово́; *оте́ч*, *коне́ч*, *сенчо́*, *коло́деч*, *жаро́веч*, *с очч͡ом*, *св'атцы*; Тужинский р-н, дер. Тайбанур: примеры с *ч'*; *у́лича*, *ку́рича*, *офча́*, *яйчо́*, *че́лый*, *кончи́*, *ни оц͡у́* (ни отцу), *относи́ц͡а*.

Таким образом, распространение чоканья на территории современных цокающих говоров северо-востока Европейской части СССР характеризуется прежде всего тем, что чоканье — само по себе или в сочетании с различением *ч'* и *ц* — является здесь весьма редким и не имеет сколько-нибудь определенно очерченной изоглоссы своего распространения. Чоканье, сосуществующее с мягким цоканьем, распространено широко, но все же не захватывает в своем распространении наиболее глубинных районов данной территории, где, как указывалось выше, мягкое цоканье распространено в качестве единственного диалектного типа употребления аффрикат. Характерно, однако, при этом, что чоканье не распространено или весьма слабо распространено там, где цокающие говоры непосредственно соприкасаются с говорами, для которых исконным является различение *ч'* и *ц*, например на южной границе описываемой территории, где возможности соприкосновения с нецокающими говорами являются особенно непосредственными. Точно так же и в цокающих говорах на территории описанного выше «клина», перемежающихся здесь с нецокающими говорами, не отмечают, как правило, чоканья, хотя, наряду с мягким цоканьем, в них в настоящее время уже установилось различение *ч'* и *ц*.

Все эти особенности территориального распространения чоканья, наряду с другими мотивами, позволяют определить роль и значение чоканья в развитии системы консонантизма цокающих говоров северо-востока, причем следует заметить, что именно северо-восточные цокающие говоры дают для решения вопроса о генезисе чоканья особенно богатый материал: чоканье, как мы только что видели, встречается здесь в разнообразных условиях и различных сочетаниях с другими видами цоканья.

Возникновение чоканья в цокающих говорах связано, очевидно, с тем влиянием со стороны нормализованного типа языка, которое начинает особенно ощутительно сказываться на территории северо-восточных говоров в период оформления русского национального языка. В результате этого влияния в данных говорах должен был прежде всего наметиться, как показывают наблюдения над многими говорами, переход к употреблению мягкого *ч'*, отличия которого в акустическом отношении от мягкого *ц'*, исконно распространенного в подобных говорах, видимо, раньше стали осознаваться говорящими, чем различия между *ц'* и *ц*.

При этом следует учитывать, что влияние нормализованного типа языка в различные периоды существования цокающих говоров сказывалось с различной степенью интенсивности и по-разному распространялось на отдельные особенности.

В отношении такой яркой диалектной черты, как цоканье, черты, обычно осознаваемой самими говорящими, цокающие говоры давно испытывали на себе влияние нормализованного типа языка. Это влияние на ряде территорий уже весьма ощутительно сказывается во второй половине XIX в., когда образование всероссийского рынка, отлив рабочей силы в города в связи с общим развитием капиталистических отношений в России постепенно давали себя знать. Однако следует тут же подчеркнуть, что на основную массу изучаемых нами говоров северо-востока влияние общенародной формы языка распространялось далеко не непосредственно. Развитие школьной сети в этих краях было особенно слабым, количество городов промышлен-

ного типа незначительно; сеть учреждений государственной администрации в связи с тем, что населенные пункты здесь расположены на большом расстоянии один от другого, была чрезвычайно разреженной. Важнейшим проводником влияния нормализованного типа языка оказывалась в этих условиях та часть населения, которая занималась отхожими промыслами, уходила на заработки в город. Одной из самых резких отличительных диалектных особенностей речи этих людей, оказывавшихся в среде городского населения, было отсутствие в их произношении второй аффрикаты — аффрикаты *ч'*, в то время как отличие мягкого *ц'* от твердого, видимо, осознавалось позднее. На основе усвоения этой частью населения произношения *ч'* и началось еще в давнее время проникновение аффрикаты *ч'* в говоры с мягким цоканьем. Влияние школьного обучения, а тем самым и письменного языка, конечно, играло некоторую роль и оказывало свое, впрочем, еще очень слабое, воздействие. В связи с этим ясно, что вновь появлявшаяся аффриката *ч'* могла употребляться в ряде говоров беспорядочно — как в соответствии *ч'*, так и в соответствии *ц*.

Отношения этого рода и показаны выше на примере тех немногочисленных в настоящее время и с каждым днем идущих на убыль говоров, где мягкое цоканье сосуществует с чоканьем, но употребление твердого *ц* отсутствует. Тот факт, что носителями чокающего произношения в подобных говорах являлись лица, так или иначе испытавшие влияние нормализованного типа языка, подтверждается особенно убедительно сообщениями дореволюционных наблюдателей-диалектологов, неоднократно подчеркивающих, что чокающее произношение отмечается преимущественно у мужчин (поскольку именно мужчины были в бóльшей степени связаны с отхожими промыслами), а также вообще у людей бывалых или хотя бы в неполной степени грамотных. На основе указаний этого рода, которыми буквально пестрят описания цокающих говоров, опубликованные в первой четверти XX в. и ранее [11], в «Опыте диалектологической карты», при описании говоров Вологодско-Вятской группы, сообщается, что «в части говоров мужчины произносят *ч*, а женщины — *ц* мягкое или средний звук между *ц* мягким и *ч* мягким» [12].

Вновь возникавший в говорах с мягким цоканьем вид неразличения аффрикат — чоканье — мог до известной степени стабилизоваться, особенно в определенных слоях представителей говора; стабилизации чоканья несомненно содействовало воздействие привычной системы пользования одной аффрикатой. Однако развитие цокающих говоров не могло остановиться на этой ступени, поскольку говоры продолжали

---

[11] См. описания говоров, относящихся к данной территории, в которых имеются подобные указания на распространение чоканья и делаются замечания о характере этого распространения: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Говоры Верхнего Поветлужья. Нижний Новгород, 1931, стр. 28; Е. В. Матвеева. Заметки о говоре населения восточной части Коршинской вол. «Труды Вятского пед. ин-та», т. III, вып. 2, Вятка, 1928, стр. 29; Т. С. Кислицына. Описание говора деревни Выставки-Котлас. — Там же, стр. 72; А. Грандилевский. Родина М. В. Ломоносова. «Сборник ОРЯС,», т. LXXXIII, № 5, СПб., 1907, стр. 32; М. Едемский. Говор жителей Кокшеньги. «Живая старина», год четырнадцатый, вып. I—II, 1905; А. Мельницкий. Говор жителей северо-восточной части Вытегорского у. «Живая старина», год третий, вып. III, 1893, стр. 390; М. И. Романов. Диалектологические наблюдения в Кокшенско-Илезской вол. Тотемского у. — Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1929 г. Л., 1930, стр. 27; А. М. Иорданский. Наблюдения в Пежонгском сельсовете Кологривского р-на. — Там же, стр. 65; А. Дмитриев. Говор Велико-Устюжского у. Вологодской губ. «Живая старина», год третий, вып. III, 1893, стр. 393, и мн. др.

[12] «Опыт», стр. 23.

регулярно испытывать на себе влияние нормализованного типа языка.

Еще менее возможен был путь развития в направлении вытеснения мягкого цоканья чоканьем, представленный тем не менее, как мы видели выше, небольшим количеством говоров, не образующих, однако, сколько-нибудь определенного массива. Подобный путь развития мог, видимо, оказаться возможным лишь там, где в силу тех или иных исторических условий влияние общенародной формы языка временно ослабевало. Между тем для основной массы говоров это влияние оставалось непрекращающимся процессом и вело прежде всего к упорядочению употребления аффрикаты *ч'* (т. е. к употреблению этой аффрикаты в соответствии *ч'*) и к постепенному усвоению твердого *ц*.

Подобный этап развития показан выше на примере тех говоров, где в соответствии *ч'* широко может употребляться *ч'*, наряду с которым бывает отмечено и *ц'* — след исчезающего мягкого цоканья. В соответствии *ц* в подобных говорах уже лишь изредка, в виде своего рода «обмолвок», встречается произношение *ч'* (*курича*, *отеч* и под.); чаще же в соответствии *ц* отмечают произношение *ц'* и, что особенно важно, вновь появляющееся *ц* твердое, употребляемое лишь в соответствии *ц*. В то время как *ч'*, проникавшее на раннем этапе воздействия общенародной формы языка, нередко, как мы видели выше, употреблялось беспорядочно, твердое *ц*, усваиваемое в говорах в более позднее время, под более регулярным и ощутительным воздействием нормализованного типа языка, употребляется в них по нормам этого последнего.

Говоры, в которых мягкое *ч'* уже широко распространилось и вытеснило употребление *ц'* в соответствии *ч'*, а определенного рода колебания (*курич'а*, *куриц'а*, *курица*) наблюдаются лишь в соответствии *ц*, возможно, представляют последний этап на пути перехода к различению *ч'* и *ц*. Тот факт, что колебания в употреблении разного рода аффрикат дольше всего наблюдаются именно в соответствии *ц*, еще раз подтверждает сделанное выше наблюдение, что переход к различению *ч'* и *ц* начинается в говорах с мягким цоканьем с усвоения *ч*, и что усвоение твердого *ц* имеет в них место на более позднем этапе развития.

Заметим и специально подчеркнем, что описанный сложный процесс перехода от мягкого цоканья к различению аффрикат *ч'* и *ц* не наблюдается в тех наиболее глубинных и, видимо, позднее попавших под влияние общенародной формы языка говорах, которые дольше сохраняют в своей истории лишь одну систему употребления аффрикат, а именно мягкое цоканье (см. выше описание двух территорий, где мягкое цоканье до настоящего времени имеет определенное преобладание в своем распространении). В этих говорах современные наблюдатели очень часто отмечают наряду с мягким цоканьем правильное употребление *ч'* и устанавливающееся таким образом различение *ч'* -*ц'*, что еще раз подтверждает предположение о том, что шипящая аффриката усваивается в подобных говорах раньше свистящей. Отмечают также и наличие в тех же говорах различения *ч'* и *ц*, сосуществующего на этом этапе развития с идущим на убыль мягким цоканьем, однако чоканья на этих территориях наблюдатели не отмечают. Все эти особенности развития объясняются, видимо, тем, что говоры названных территорий начали испытывать влияние нормализованного типа языка в послереволюционное время, когда это влияние шло одновременно по многим каналам (школьное образование, радио, звуковое кино

и т. п.), что давало говорящим на данном диалекте определенную надежную опору для различения усваиваемых звуков *ч'* и *ц*.

Чоканье очень редко отмечается и в тех говорах, которые издавна находились в непосредственном соседстве с нецокающими говорами (см., например, данные о говорах с мягким цоканьем на территории юго-западного «клина», где преобладает распространение нецокающих говоров, а также о говорах на границе цоканья и различения аффрикат). Здесь правильное, упорядоченное усвоение *ч'* и *ц* могло начаться в давнее время и поддерживаться непосредственным общением с представителями нецокающих говоров. Однако, судя по тому, что в подобных говорах, наряду с различением *ч'* и *ц*, до сих пор стойко держится и мягкое цоканье, можно предположить, что непосредственное влияние соседних нецокающих говоров начало здесь ощутительно сказываться лишь в период, когда стало более интенсивным воздействие нормализованного типа языка, гораздо более властно подчиняющего себе развитие тех или иных диалектных черт, которые при взаимодействии с соседними говорами могли оставаться незыблемыми или колебаться в незначительной степени.

В этом сказывается и принципиальное различие между взаимовлиянием диалектов и влиянием на них со стороны общенародной формы языка. Несмотря на то, что при междиалектном взаимодействии в конце концов побеждают те языковые особенности, которые совпадают с аналогичными особенностями общенародной формы языка, усвоение особенностей, полученных в результате междиалектного взаимодействия, протекает намного медленнее и ускоряется лишь по мере того, как начинает ощутительнее сказываться идущее в аналогичном направлении воздействие на говоры нормализованного типа языка.

Иной смысл и значение имеет на территории северо-восточных говоров распространение говоров с твердым цоканьем (*цай, цисто, доцка, ноц*; *цена, ул'ица, кон'ец*). В самостоятельном и исключительном распространении говоры с твердым цоканьем здесь единичны. Приведем примерные данные по некоторым таким говорам.

Вологодская область. Вологодский р-н, дер. Погорелово: *цас, доц, чистый, число, волочуга, вчерась, громчае, колочу*; примеры с *ц*; Кирилловский р-н, дер. Ферапонтово: «Очень редко у старого поколения проскальзывает: *до́цка-та, вну́цек* и т. п.»; *чяс, чёрной, ноч', доч', пе́ч'ка* и другие примеры с *ч*; примеры с *ц* твердым; Ковжинский р-н, дер. Якшино: *фцэра́с', ноч, доч, час, чо́рной, сапо́жничају, руче́ц, волочу́шка', бочо́нок, гро́мче, мячик, чита́л*; примеры с *ц*; Устюженский р-н, дер. Глинки: *цас, ру́цк'и, цо́рной, ноц, доц, пе́цка, час, чо́рной, ноч; пе́чка, ру́чки, волочу́га, моч*; примеры с *ц*; там же, с. Лентьево: *п'е́цка, ча́сто* (2 раза). *чај, ча́јн'ик, ча́сто, пл'ечо́, получи́л, стуча́л, ко́нчил'и, че́тв'еро, чер'о́мха, о́чер'ет'* — «*ч* звучит твердо в любом положении»; примеры с *ц*; там же, с. Марфино: *ходя́ца вода́, цас, цо́рной, ноц, доц, пе́цка, час, чо́рной, ноч, доч, пе́чка, ру́чк'и, бо́чка, гро́мче, бере́ч', убе́ч'*; примеры с *ц*; Чагодощенский р-н, с. Избоище: *цас, цо́рной, ноц, доц, пе́цка, час, чо́рной, ноч, доч, печка, ру́чки, волочу́шка, громче́я, колочу́;* примеры с *ц*; Чарозерский р-н, дер. Федьково: *цас, цорный, ноц, доц, пецка, цистый, цисло, уцитель, цево, пекци, читау̯, вчера́сь*; примеры с *ц*; там же, дер. Чаронда: *ч*^{ч}*е́рный, доч*^{ч}*, ч*^{ч}*и́стый, ч*^{ч}*исло́, пец*^{ч}*и, коне́ч*^{ч}*но, ноч*^{ч}*, ц*^{ч}*ево́, цас, цо́рный, цыстый, час, дочь, чо́рный, вчера̂сь, громчая*; *офц*^{ч}*а, ку́рица, яицо́, ца́пля, оу̯ца́, цветы* и другие примеры с *ц*.

Карельская АССР. Пудожский р-н, дер. Кривцы: *цас, ноц, доц, п'е́цка, ку́ци, ницего́, цасо́ф, цаст'и, ску́цно, час, чо́рный, ноч, доч,*

п'е́чка, кл'ӣчут, учы́л; примеры с *ц*; там же, с. Пудож: *ницегӧ, час, чо́рный, ноч, печ, печка, волочу́га, крыча́т', ска́чет, громчее, береч, убеч*; примеры с *ц*.

Кировская область. Опаринский р-н, дер. Верхняя Валманга: *цас, цорный, ноц, доц, пецка, чистый, число, час, человек, не хочу, часы, сучья, читал, громчее*; примеры с *ц*; там же, дер. Колоулино: *цас, цорный, ноц, доц, пецка, чашка, чистый, число, час*; примеры с *ц*; там же, дер. Нижняя Плоская: *цас, цорный, ноц, доц, пецка, чашка, чистый, число, час, не хочу, человек, учитель, пекчи, вчерась*; примеры с *ц*; там же, дер. Шадрино; *цас, цорный, ноц, доц, пецка, чашка, человек, не хочу, часы, учитель, читал, кричат*; примеры с *ц*; Шарангский р-н, дер. Арзаматово: *с п'ефцым, ч'асто, ч'ай, ч'исто, получ'ӣл, ч'у́до, молч'у́* и другие примеры с *ч'*; примеры с *ц*.

В то время как исключительное распространение твердого цоканья является редким и единичным в говорах данной территории, твердое цоканье в сосуществовании с мягким цоканьем встречается часто, так же как и мягкое цоканье в сосуществовании с чоканьем (о говорах, в которых сочетаются мягкое цоканье, твердое цоканье и чоканье, см. ниже).

Характерно, что говоры, представляющие сосуществование твердого и мягкого цоканья, имеют определенное своеобразие территориального распространения. Внимательное изучение карты I показывает, что они в своем территориальном распространении тесно связаны с массивом говоров, в наибольшей степени сохраняющих мягкое цоканье в качестве единственного диалектного типа употребления аффрикат (см. выше описание территории говоров с преимущественным распространением мягкого цоканья в глубинных районах Архангельской области, а также на юго-востоке Вологодской и Костромской областей).

Так, говоры с совмещением мягкого и твердого цоканья (*ц'асто* и *цасто, ноц'* и *ноц, доц'ка* и *доцка*; *ул'иц'а* и *ул'ица, от'ец' и отец* и т. д.) встречаются в разбросанном виде среди говоров Лешуконского, Карпогорского районов Архангельской области, которым, в основном, свойственно мягкое цоканье. Говоры с совмещением мягкого цоканья и чоканья здесь не отмечены. Значительно количество говоров с совмещением мягкого и твердого цоканья в Коношском р-не Архангельской области и Вожегодском р-не Вологодской области, примыкающих с юга к территории, на которой преимущественно распространено мягкое цоканье.

К юго-восточной территории наибольшего распространения мягкого цоканья как единственного диалектного типа употребления аффрикат примыкают также районы, где распространены говоры с совмещением мягкого и твердого цоканья, такие как Бабушкинский, Рослятинский и северная часть Никольского р-на Вологодской области, а также Шарьинский, Поназырёвский, Ивановский районы Костромской области.

Говоры этих глубинных районов, как было показано выше при анализе распространения чокающих говоров, принадлежат к числу тех, которые, как можно судить по языковым данным, начали ощутительно подвергаться влиянию нормализованного типа языка в весьма позднее, в основном послереволюционное, время. Об этом свидетельствует, например, широкое распространение правильного (по соответствию с нормами общенародной формы языка) употребления *ч'* в этих говорах наряду с сохранением в них же мягкого чоканья. Сообщения об этих говорах свидетельствуют о подобном распространении *ч'* не только в говорах с мягким цоканьем, но и в говорах, где представ-

лено совмещение мягкого и твердого цоканья, именно тех, которые непосредственно примыкают к территории преимущественного распространения мягкого цоканья.

Поэтому нет оснований предполагать, что твердое *ц* распространилось здесь под влиянием нормализованного типа языка и начало употребляться в соответствии *ч'* и *ц* в давнее время, представляя собой как бы аналогию чоканью. Мы видели выше, что чоканье устанавливалось в говорах, подвергавшихся влиянию нормализованного типа языка в наиболее давнее время, когда это влияние не было в достаточной мере непосредственным и регулярным.

Кроме того, следует иметь в виду, что среди говоров, в которых представлено сосуществование твердого и мягкого цоканья, имеется немало таких, в которых употребления *ч'* вообще не отмечено. Приводя далее образцы подобных говоров, мы хотели бы подчеркнуть, что, при отсутствии в этих говорах *ч'*, в них представлена широкая факультативность в употреблении *ц'* или *ц* в одних и тех же словах; обе эти аффрикаты употребляются здесь в одинаковых фонетических положениях; указания на то, что один из типов произношения связывается с определенными слоями говорящих, как это имело место при описании чоканья, по данным говорам отсутствуют.

Архангельская область. Коношский р-н, дер. Хмелево: *ка́доц'ка, клохо́цёт, на пецé, ницево́, кри́пце, цас, цо́рный, ноц, доц, с пе́цы, ца́шка, цысло́, цы́стой, ко́нцыцца, цасы́, уцы́тель, ко́роцкой; пу́ц'а, ку́риц'а, ку́рица, ейцо́, молоде́ц, цветы́, не ди́еццa*; там же, дер. Федýловская: *цяйник, пець* (сущ.), *цяс, цёрный, ноць, доць, вецёруют, пецёли* (печали — им. мн.), *полуцёет, цистой, цисло́, луци́ну, беззаро́цная, ветро́цки, ру́цки; ку́риця, овця́, кольцё, ейцё, краса́виця, пшони́ця, ицо́, молодец, кольцо, отец, пта́шицы, купцы́*; Лешуконский р-н, с. Цепогоры: *цяс, ноць, доць, ци́сто, хоцю́, цего́, кре́пце, гро́мце, цисло́, ку́ц''и, ц''еты́р'и, вну́ц''ек, н'иц''ево́, в'е́ц''ер, п'е́ц''ка, т'еп'е́р'иц''о, ц''ерн'и́ца, ц''епо́ц''ка, цо́рной, п'ецка; куриця, ейцё, молодець, овця́, кольцё, коне́ць, угурци, циди́т, отец, птица*; Приозерский р-н, дер. Верещагинская: *ц'ас, ц'о́рноj, д'е́воц'ка, п'екц'и́, берекц'и́, ноц, доц, п'е́цка; офц'а́, кол'ц'о́, ку́р'иц'а, в'и́ц'а* (ветка, прут), *сам'е́ц', кон'е́ц*; Устьянский р-н, дер. Бестужево: *криц'еть* (инф.), *уц'есь* (учесть — инф.), *сиц'ес* (сейчас), *испо́ўнице, уца́сток, целовек, цево, цасто, цай, молцу, плецо, доци, цигун; улиц'а, куриц'а, отець, ейцо, цвет, церква*; там же, дер. Спасское: *ц'асто, ц'ай, ц'у́до, molц'у́, петац'о́к, ц'игу́н, плец'о́, боц'ка, мистецьке, годоцька, цево́, до́ци, поцти́, нацáлом, ка́ртоцку; конц'и, отец', конец', согриёцца, улица, курица, овцы, ейцо, улицу, целой, дрофца;* там же, дер. Сабурово: *ноць, боц'ка, ца́сто, цай, ци́сто, полуци́ў, цу́до, молцу́, цугу́н, плецо́, петацо́к, цово́, до́ци, молоцу́, крицеть; улиц'а, куриц'а, овц'а́, у́лиц'у, конц'и́, оте́ць, коне́ць, торгова́тце* (инф.), *смеюцце* (3 л. мн. ч.), *ейцо́, цвет*; там же, дер. Климовская: *ц'угу́н, плец'о́, бо́ц'ка, ц'асто, ца́й, ц'исто, полуциў, цу́до, цетве́рк, крицеть, яцмень, церес, ми́сецная, телу́жецка, цетвёртой, нонце; отець, конгць, курица, ейцо, овца, цвет, хлипца*; Черевковский р-н, дер. Васьково: *ц'ас, ц'орный, доц', ноць, пець, солоницька, котёноцькя, ёлоцьки, цас, выруцай; овц'а, кольц'о, грани́цю, заворниця, цветы, концицца.*

Вологодская область. Кирилловский р-н, дер. Болванцы: *косы́ноц''к'и, в бот'и́ноц''ках, до в 'е́ц'ера, на да́ц'е, ц''угу́н, ц''аj, к'иц'и́г'и, пр'иц'ита́jут, до́ц'к'и, заjц'ик'и, уц'и́т', п'ец'и́ну, внуц''а́та, ц''а́сто, ц'аj, ц'и́сто, моўц'у́, jац'м'ен', пл'ец'о́, ц'игу́н, н'ец'о́, ф корц'а́г'е, б'ес п'ец''к'и, ку́ц'ор, нац'ина́jут, уц'и́т'ел', коц''ер'га́, л'ежа́ноц'ка, ц'есо́ф, ц'олов'е́к,*

н'ецк'и, шäецка, рýцку, н'éцо; јејиц'ó, пшен'ũц''у, ý л'иц'ý, оўц'и, огурц'ú, полот'éн'ц'о, јайшн'иц'а, пт'ũц''а, кýр''иц''а, кýр'иц'у, ц'ипл'äтам, на ýл'иц'е, д'ев'ũц'и, ц''éло, п'éр'е'ц'', оўцá, в'ũцеј, п'ис'м'ицó, от'ец, кузн'éц, моло тобóјец; Тарногский р-н, дер. Тырково: *ц'äсто, ц'ай, ц'ýдо-моўц'у, пл'иц'ó, встрéцу, инаце, крúноцку, молоцкó, три нацéльника*; *ýлиц'а, яйц'ó, отец', конец', приведётце*; Тотемский р-н, дер. Нефедиха: *ц'äшка, ц'ас, ц'óрной, ноц', доц', пéц'кя, ц'úстой, ц'ислỹо, целовиек, не хоцý, цасы́; кýриц'а, ц'äпля, молодец', ц'веты́, овц'á, коль-ц'ó, конéц', еиц'ó, кýрица, цäпля, цветы́*; там же, дер. Софрониха, *цас, цорный, ноц, доц, пецка, чашка, человек, часы, чего, громчае, вчерась; овц'á, кол'ц'ó, конец', яйц'ó, кýриц'а, курица, яйцо, цапля, молодец, цветы, огурцы*; там же, дер. Федоровская:, *ц'äшка, ц'ас, ц'орной, ноц', доц', п'ец'кя, ц'úстой, ц'ѝелỹо, клокỹоц'от, пекц'ú, цас, ноц, доц, пец, цислỹ; кýриця, ейц'ó, цяпля, молодéц', офця, кол'ц'ó, ейц'ó, отец', птиц'а, пекц'и, отéц, еицó, кýрица*; Чарозерский р-н, дер. Демидовское: *волоцюшка, громцéя, уцúтель, цúстый, цислó, цас, цóрный, ноц, доц; на ýлицю, овц''á, кольц''ó, кýрица, ейцó, цветы́, рукавúцы, огурцы́*; там же, дер. Екимово: *колоцю, не хоцю, клóци, цистоё, уцúтель, росцёт, цас, цóрный, ноц; доц, цистый, цислó, пóмоц, скýцно, робóцая; куриця, овця, кýрица, éйца, птица, мúсец, огурцы́, пáлец*; там же, дер. Козлово: *ејцё, целовéк, огурцú, цитáу, уцúтель, пекцú, цáс, цóрный, доц, ноц, цистый, цисло; птиц'а, кольцё, огурцú, курица, ейцó, овца, мисяц.*

Карельская ССР. Пудожский р-н, дер. Семеновская: *кýц'а, рý'ц'ка, кáц'а, сýц'ја, ц'елов'éк, ц'алмак* (высокая гора), *волоц'ýга, ноц', грóмц'е, моц', п'ец', б'ер'éц', ц'ајкý, доц, кóцка, цужы́х, пецéт, сецéт, в'éцером, п'éцку, сп'úцк'и; кáц'а* (часть цепа), *јагн'úтц'а, кýр'ица, јајцó, цäпл'а, молод'éц, овцá, кол'цó, кон'éц* и другие примеры с *ц*; там же, дер. Стешевская: *больнúц'а, лецебниц'а, р'адн'úц'а, уц'äсток, ц'огó, не хоц'ý, ц''ерпáло, цас, цóрный, ноц, дóцка, пéцка, поцтóва, цéркоф; кýр'иц'а, ја йц'ó, ц'äпл'а, ц'в'еты́, овц'á, кольц'ó, конéц', р'адн'иц'а*; там же, дер. Шалы: *ржавц'úна, сц'итäл'и, ц'асá, ноц', доц', ц'еты́р'е, рýц'к'и, цас, цóрный; ц'ед'úл'и, кáц'а, ц'елов'éк, овц'á, кýр'иц'а, кол'цó, кон'éц, јајцó.*

Костромская область. Кологривский р-н, дер. Рубцово: *ц'äсто, ц'úсто, поуц'úл, ц'евó, ноц' доц', дóц'ка, бóц'ка, цýдо, молцý, цугýн, пл'ецó, п'атацóк; ýл'иц'а, кýр'иц'а, офц'á, јайц'о, ýл'иц'у, цéлој, от'ец', кон'ц'óм, концы́*; Павинский р-н, дер. Пустошка: *ц'äшка, ц'ас, ц'орный, не хоцю, цúстый, цислó, ц'оо* (= чего), *целовéк, ноц, доц, пецкя; ейц'о, куриц'а, молодец', овця, кольцё, конець, огурци, кýрица, ейцó, молодец, офцá, кольцó, конец, пáлёц*; Поназыревский р-н, дер. Городок: *ц'äсто, ц'ай, ц'úсто, полуц'úл, ц'ýдо, молц'ý, ц'ýгун, плец'ó, пятац'óк, ц'евó, ноц', доц', дóц'ка, бóц'ка, у пц'óл, ны́ньце, пéцку, ноцам, девцóнки; отец', конец', улица кýрица, овцá, яйцо, ýлицу*; Шарьинский р-н, дер. Безнег: *цюдо, молцю, цюгун, плецё, пятоцёк, цево, ноць, доць, доцька, боцька, полуцил, цасто, цай, цысто; улиц'а, куриц'а, овця, ц'елый, конц'и, конц'ом, отец', конец'.*

Приведенные выше выборочно в качестве иллюстрации сообщения показывают, что говоры, где представлено колебание в произношении между *ц* и *ц'* при отсутствии употребления *ч'*, нельзя признать связанными в своем возникновении с влиянием нормализованного типа языка и усвоением того типа различения аффикат, который присущ этому последнему.

Гораздо более правомерно видеть в появлении твердого *ц*, во всяком случае в тех говорах, где произношение *ч'* не отмечено, отражение

фонетического процесса отвердения *ц'*, издавна свойственного этим говорам, имевшим в качестве исконного типа употребления аффрикат мягкое цоканье. При этом можно сделать предположение, что отвердение *ц* в говорах изучаемой северо-восточной территории является процессом поздним, о чем свидетельствует широкое распространение говоров, совмещающих твердое и мягкое цоканье, и где, следовательно, процесс отвердения *ц* является незавершенным. Об этом свидетельствует и то, что на северо-восточной территории чрезвычайно редки говоры, где бы твердое цоканье было распространено исключительно. В ряде говоров отвердение *ц* начало развиваться уже после того, как в результате влияния нормализованного типа языка в них сложилось так называемое чоканье; отсюда — значительное распространение говоров, совмещающих твердое цоканье, мягкое цоканье и чоканье.

Характерны в интересующем нас отношении и данные тех говоров, где после твердого *ц* при твердом цоканье сохраняется, например, ассимилятивное смягчение *к*.

Так, в говоре дер. Лущево (Архангельская обл., Черевковский р-н) при колебании в употреблении *ц'* и *ц* (*цяс*, *доцъ*, *ницево*, *оцень*, *нацяла*, *цею*, *цас*, *цорный*; *овця*, *кольцё*, *конец*, *катаньци*, *гриюц'ц'я*, *цветы*, *овца*) имеем *веревоцкя* с сочетанием *кя* после *ц*, в ряде случаев твердого в современном говоре. В аналогичных условиях в говоре дер. Липово (Костромская обл., Павинский р-н) *овецкя*, в говоре дер. Леденга того же района — *пецкя*.

С поздним отвердением *ц* в северо-восточных говорах связано и слабое распространение в них твердого *ч* (см. карту I). Ср. широкое распространение твердого *ч* в говорах, в которых твердое цоканье установилось с давнего времени (см. следующие разделы, в частности, описание цокающих говоров северо-западной группы). В говорах же описываемой северо-восточной территории твердое *ч* спорадически отмечено лишь при совмещении мягкого и твердого цоканья. Возникновение *ч*, поскольку на его произношении сказалась установившаяся в подобных говорах тенденция произношения аффрикат как твердых звуков, имело место в этих говорах, видимо, в тот период, когда отвердение *ц* в них уже достаточно определилось. Однако такие говоры, как уже говорилось, немногочисленны на северо-восточной территории.

Еще реже встречаются на северо-восточной территории говоры, в которых при различении *ч* и *ц* твердых твердое цоканье как таковое в настоящее время отсутствует. Для таких говоров все же следует допустить наличие твердого цоканья в прошлом (указания на это встречаются в материалах). В период усвоения *ч* твердое произношение аффрикат было в подобных говорах ведущим, на его основе было усвоено произношение твердого *ч* и лишь затем твердое *ц* стало употребляться в соответствии только *ц*, что произошло под решающим влиянием нормализованного типа языка.

Наиболее широко распространены на данной территории такие говоры, в которых при наличии твердого цоканья (в сосуществовании с другими видами употребления аффрикат) все же усвоено различение мягкого *ч* и твердого *ц*, что свидетельствует о позднем развитии в подобных говорах тенденции к отвердению *ц*, в связи с чем переход от мягкого цоканья к твердому и различение *ч'* и *ц* могли устанавливаться в них параллельно у разных слоев говорящих.

Конечно, с полной уверенностью говорить о том, что появление твердого цоканья не связано с влиянием нормализованного типа языка, а развивалось в результате действия самостоятельной фонети-

ческой тенденции, можно лишь по отношению к тем говорам, в которых при совмещении твердого и мягкого цоканья отсутствует *ч'*, проникновение которого, как было показано выше, знаменует в изучаемых говорах первый этап в усвоении различения аффрикат. Однако и по отношению к говорам, где имеется совмещение твердого цоканья, мягкого цоканья и чоканья (*ц'асто, цасто, ч'асто, ноц', ноц, ноч', доц'ка, доцка, доч'ка; ул'иц'а, ул'ица, ул'ич'а, от'ец', от'ец, от'еч'* и т. п.), или по отношению к говорам, где при совмещении твердого и мягкого цоканья имеется произношение *ч'*, употребляемого в соответствии *ч'* нормализованного типа языка, предположение о развитии твердого цоканья в результате фонетического процесса отвердения *ц* сохраняет все же большую степень правомерности.

Выше мы видели, что проникновение твердого *ц* в результате взаимодействия с нецокающими говорами или в результате воздействия нормализованного типа языка имело место в изучаемых говорах северо-восточной группы после того, как в тех же говорах происходило усвоение звука *ч'*. Такая последовательность усвоения *ч'* и *ц* наблюдается лишь при наличии предпосылок, обеспечивающих регулярное воздействие нормализованного типа языка. В связи с этим во всех говорах, где в твердом *ц* совпадают аффрикаты *ц* и *ч*, т. е. где наблюдается твердое цоканье, мы вправе предположить действие фонетической тенденции отвердения *ц*.

В некоторых сообщениях по говорам северо-восточной группы отмечен и такой тип употребления аффрикат, при котором *ц'* или другие палатальные звуки типа *ц''*, *ц'*^{ч}*'*, *ч*^{ш}*'* наблюдатели фиксируют лишь в соответствии звуку *ч'* нормализованного языка. В соответствии *ц* здесь обычно бывает отмечено только *ц* твердое. В некоторых случаях такому употреблению аффрикат может сопутствовать и твердое цоканье, а также (факультативно) и произношение *ч*, твердого или мягкого.

Наиболее характерным отличительным признаком системы употребления аффрикат становится здесь, таким образом, распространение мягких свистящих аффрикат в ограниченной сфере (только в соответствии *ч'*). Дополнительным существенным признаком является наличие или отсутствие в подобных говорах твердого цоканья или твердого *ч*.

Типичны для характеристики говоров этого рода, например, следующие сообщения.

Архангельская область. Онежский р-н, дер. Павловская: *казац'и́хам, казац'и́х, до́ц'ка, до́цку, ноц, час, чо́рныj, ноч, доч, п'еч; в бол'н'и́чу, офча́, ку́р'ича, кон'е́ч, ча́пл'а, jajчо́, офца́, ку́р'ица, jajцо́, кон'е́ц, молод'е́ц*; Плесецкий р-н, дер. Нермуша: *ц'о́рнъj, ноц', доц', ц'ас, до́ч, но́ч, ча́с, чо́рнъj*; «*офча* — в отдельных случаях»; *цв'еты, цв'оту́т, кон'е́ц, кол'ц'о́, офца́*; Ровдинский р-н, дер. Игнатовка: *ч*^{ш}*асто, ч*^{ш}*угун, плеч*^{ш}*о́, петач*^{ш}*о́к, ч*^{ш}*его́, доч*^{ш}, *ноч*^{ш}, *боч*^{ш}*ка, с плеча, чесок, стучеть* (инф.), *ф четверг*; *улица, курица, овца, яйцо, улицу, целой* и другие примеры с *ц*.

Вологодская область. Белозерский р-н, дер, Барково: *разлуц'яца* (инф.), *напецём, заце́м, ц*^{ч}*яю, ц*^{ч}*яшка, ц*^{ч}*яйная, передоц*^{ч}*'ка, ц*^{ч}*ясоф, ноц'*^{ч}, *местец'*^{ч}*'ко, звёздоц'кам, на пе́ц'ке, мал'чы́шко, чяс, доч', ф четы́рнацатом году́, ту́чя, чя́стым; ку́рица, ицо́, моло́де́ц, офца, кол'цо* и другие примеры с *ц*; Биряковский р-н, дер. Воробьево: *ця́шка, цёрный, цас, ноц, доц, па́цкя, ци́стый, цислу́, пе́цкя, ча́шка, чи́стый, число́, час, ме́чут, громча́ё, чево́; ку́рича, ейчо́, молодеч, чвёты, чиди́т, овч'а́, кольчё, конечь; цыплятная*; Вашкинский р-н, с. Дру-

жинное: *вы́молоц'у, ц'айку́, ч'ас, ч'о́рный, но́ч', п'еч', п'е́ч'ка, пря́теч'ку* и другие примеры с *ч'*; *ку́р'ич'а, ч'ел'ина́, ку́р'ица, яйцо, ца́пл'а, молод'е́ц, афца́, пшан'и́ца, та́нцы* и другие примеры с *ц*; Вытегорский р-н, с. Девятины: *ноц', доц', ч'и́стый, ч'исло́, уч'а́сток, ску́ч'но, вч'ера́с'*; *ку́р'ица, цв'еты́, овца́, кон'е́ц, об'и́агн'и́цца, цыпл'а́тн'ица, пт'и́ца, па́л'ец, ч'еса́т'ца*; Тарногский р-н, дер. Ильинская: *цяс, цёрный, ноць, доць, цясть, пецка, громчае, вчерась*; *офча́, кольчо́, конечь, яичё, курича, палец, огурцы, мисец, смиетцэ*; Чарозерский р-н, дер. Монастырек: *су́ц'jё, не хоц'у́, дđц', уци́тель, цево́* (2 раза), *цасо́к, ци́стый, цисло́, ца́шка, цас, цо́рный, ноц, челове́к, читау́, вчера́сь*; *овча, кольче, курица, яйцо, молодец, цветы, па́лёц, огурцы́, смеице, птица, рукавицы*; Череповецкий р-н, с. Чаево: *волоцюга, цёлове́к, ц'а́сто, ца́с, цо́рной, ноц, доц, пе́цка, цо́шеца, цово́, бцын', не хоцу́, час, чо́рной, ноч, доч, пе́чка, чово, не хочу* — «*ч* твердо»; *молоде́ч, ку́рич'а* — «редко у стариков»; *рукави́цы, хо́чецы, дожда́ца, у огурцов*; Шольский р-н, дер. Слобода: *ц'а́сто, ц''ай, ц''и́сто, полуц''и́л, ц''удо, молц''у́. пл'ец'о́, п'атац''о́к, ц''аγо́, доц'', до́ц''ка, бо́ц''ка, ч'угу́н, ноч', до́ч'ка, бо́ч'ка, п'атач'ок*; примеры с *ц*.

Карельская АССР. Пудожский р-н, дер. Канза-Наволок: *л'е́кц'е, ч'ц'а́шка, су́ч'ц'jа, ч'ц'о́рны, ноч'ц, доч'ц, цас, рутцк'и, вну́цык, р'а́пцык, ску́цно, бо́цки, час, п'еч'ка*; *jajч'ц'о́, офча́, кол'чо́, огурчы́, кон'е́ц, ку́р'ица, пшени́ца, д'ал'н'и́цы, вдов'и́ца*; там же, с. Корбозеро: *ц'ас, ноц', ц'о́рноj, ноц', ц'исло́, кр'е́пц'е, зац'е́м, п'екц'и́, б'ер'екц'и́, хоц'у́, цо́рноj, цас, но́ц, св'е́цка, ску́цно, ч'ас, ч'исло́, громч'а́jе*; примеры с *ц*; там же, дер. Охтом-Остров: *ц'аст'э́й, п'есо́ц'наjа, волоц'у́ска, кон'е́ц'но, п'екци́, б'эр'екци́, ч'ц'ошыццы, рабо́ч'цаjа, до в'эч'цора, до в'эцора*; примеры с *ц*; там же, дер. Тамбичозеро: *ноц', п'ец', доц', ц'а́с, ц'о́рноj, мурц'и́т, ку́ц'икат', ф п'е́ц'к'и, куфшы́ноцык, ца́jу, в'еце́рн'а́*; *кол'цо́, jajцо́, ку́р'ица, клад'о́ца, с цыпл'а́там'и, см'еjа́ца*.

Кировская область. Кикнурский р-н, дер. Ворона: *кузово́ч'ц'ки, валёч'ц'ик* — «в этих двух словах звук *ч* — средний между *ч'* и *ц'*: такое *ч* встречается очень редко», — *чя́сто, чяй, ч'и́сто, получ'и́л, чю́до, молчю́* и другие примеры с *ч'*; примеры с *ц*; Опаринский р-н, дер. Изгновская: *доць, ноць, цас, цорный, пецка, кадоцка, палоцка*; примеры с *ц*.

Костромская область. Кадыйский р-н, дер. Никитино: *до́ц'', ц''я́й, ц''игу́н, ц''ума́, до́ц''ка, но́н'ц''е, ц''ево́, д'ефц''о́ноц''ка, ц''у́пц''ик, ц''у́п* (чуб), *руц''ее́к*; примеры с *ц*; Макарьевский р-н, дер. Марковица: *ц'а́сто, ц'ай, ц'и́сто, полуци́л, ц'угу́н, цево́, до́ц'ка, доц', бо́ц'ка, овц'а́, уц'а́сток, не́цево, в о́цереди, церни́ка, снаця́ла, уци́лася, часто, чай, чи́сто, получи́л, чугу́н, чево́, дочка, бо́чка* — «Старшее поколение говорит *ц'* (*ц'а́сто*), а молодые говорят *ч* (*ча́сто, ча́с, чугу́н*)»; *ку́риса, у́лиса, овца́, яицо́, це́лой, кoнцо́м, коне́ц, води́тца*; Межевской р-н, дер. Ивановское: *ц''асто, ц''ай, ц''исто полуц''и́л, ц''удо, ц''угу́н, плец''о́, пятоц''ок, ц''ово, ноц'', доц'', доц''ка, боц''ка, ц''элов'ек, куроц''ка, замоу́ц''ал, ц''этверо, ниц''ово, рец''ка, косыноц''ка, моц''эн-от* (намоченный), *пшениц''ных, колотушэц''ку, ц''етвёртом, ц''еты́рнацать, ниц''ово, встрец''ала*; *улица, курица, оу́ца, яйцо, улицу, цэ́лой, концы́, концо́м, отец, конец, ситцэвая, мастерица*; там же, дер. Королево: *ц''асто, ц''исто, полуц''ил, ц''удо, молц''у, плец''о, петац''ок, ц''ово, ноц'', доц'', доц''ка, боц''ка, доц''энька, нац''овать, уц''обы, ц''этыре, ц''истить, ц''уда, уц''ителям, бра́тоц''ку, сец''ас, ёлоц''ки*; ряд примеров с *ц*.

Подробный анализ данных, свидетельствующих о таком типе употребления аффрикат, как в приведенных выше случаях, будет дан в последующих главах работы на материале говоров тех территорий,

где подобное употребление имеет широкое распространение. Здесь укажем лишь, что на северо-восточной территории данное своеобразное различение *ц*' (*ц*", *ц*'*ч*', *ч*'*ц*') и *ц* не имеет определенной изоглоссы. Можно лишь указать, что чаще оно встречается все же в западной части северо-восточной территории. Отсутствие на северо-восточной территории широкого распространения данного явления и определенной его изоглоссы и позволяет перенести более подробное его рассмотрение в другие части работы.

Проведенный анализ диалектных данных, относящихся к северо-восточной территории цокающих говоров Европейской части СССР, позволяет сделать выводы о современном состоянии употребления аффрикат на данной территории, а также о закономерностях тех процессов развития, которые имели место в изучаемых говорах в прошлом или наблюдаются в настоящее время.

Именно мягкое цоканье наиболее часто выступает в современных говорах северо-востока в сочетании с другими видами диалектного употребления аффрикат; мягкое цоканье имеет на территории этих говоров и наиболее значительное самостоятельное распространение. Современное широкое распространение мягкого цоканья соответствует, как об этом свидетельствуют данные истории русского языка об исконной мягкости *ч*' и *ц*', аналогичному распространению данного диалектного типа употребления аффрикат и в прошлом, при заселении этого края славянами. Таким образом, мягкое цоканье следует здесь признать наиболее исконным типом употребления аффрикат, представляющим собою исходный пункт при возникновении других видов цоканья на данной территории.

Различные говоры и группы говоров данной территории в разной степени испытали на себе в дальнейшем влияние нормализованного типа языка в отношении употребления аффрикат. Это влияние, обычно начинавшееся с проникновения аффрикаты *ч*', долгое время, например во второй половине XIX и начале XX века, не было для подавляющего большинства носителей говоров достаточно эффективным, так как не основывалось на восприятии устной речи, соответствующей общенародным нормам.

В результате подобного влияния могло устанавливаться беспорядочное употребление вновь усваиваемой аффрикаты *ч*', т. е. так называемое чоканье. Усвоение твердого *ц*, наличие которого в нормализованном типе языка, очевидно, позднее привлекает к себе внимание говорящих, происходит во многих цокающих говорах, видимо, в иное время, чем усвоение *ч*', и потому мы имеем возможность отметить ряд говоров с параллельным существованием мягкого цоканья и чоканья как при отсутствии в подобных говорах твердого *ц*, так и при правильном (в соответствии нормализованному типу языка) его употреблении. Цокающие говоры, расположенные в наиболее глубинных районах описываемой территории, испытывали интенсивное влияние нормализованного типа языка гораздо позднее, в ряде случаев уже в послереволюционное время. Различение аффрикат устанавливается в них гораздо более непосредственно и упорядоченно: эти говоры, в основном, минуют в своем развитии ступень чокающего произношения, хотя, разумеется, отдельные случаи чоканья наблюдаются и в них. Важно лишь, что возникновение случаев чоканья не сопровождается их стабилизацией и не ведет к оформлению двух сосуществующих видов совпадения аффрикат.

Независимо от влияния нормализованного типа языка многие говоры данной территории переживали также и фонетический процесс отвердения *ц*, т. е. переход к твердому цоканью. Впрочем, в данных

говорах это имело место в довольно позднее время, так как в подавляющем большинстве говоров северо-востока этот процесс не успел завершиться к настоящему времени, в связи с чем имеется немало говоров, совмещающих мягкое и твердое цоканье, причем часть подобных говоров (хотя и небольшая) не имеет в употреблении аффрикаты *ч'*; это свидетельствует, в свою очередь, о появлении *ц* в этих говорах в результате внутреннего развития, а не влияния нормализованного типа языка.

В таких говорах, где сосуществуют твердое и мягкое цоканье, может быть, опять-таки по-разному, отражено влияние нормализованного типа языка. Так, в некоторых из этих говоров представлено беспорядочное употребление аффрикаты *ч'* (говоры, совмещающие твердое цоканье, мягкое цоканье и чоканье или только твердое цоканье и чоканье). При более правильном усвоении *ч'* в подобных говорах, имеющих твердое *ц* в результате отвердения *ц'*, также налаживается переход к различению *ч'* и *ц*, к которому направлено все развитие современных цокающих говоров. В говорах северо-восточной территории это развитие идет, если иметь в виду исходный тип, от мягкого цоканья, являющегося здесь наиболее древним типом употребления аффрикат.

Итак, именно мягкое цоканье следует считать наиболее характерным общим типом употребления аффрикат в современных говорах Олонецкой, Поморской и Восточной или Вологодско-Вятской групп северновеликорусского наречия, причем именно такой особенностью, которая, наряду с другими чертами языкового строя, свидетельствует о единстве этих групп. Современные разновидности, более поздние по происхождению (твердое цоканье, чоканье, употребление *ц'* только в соответствии звуку *ч'*), нельзя рассматривать в качестве характерных признаков определенных подгрупп в пределах северо-восточной группы говоров; в расположении говоров, в наибольшей степени сохраняющих мягкое цоканье, и говоров, в которых распространены упомянутые разновидности употребления аффрикат, отражается различие между глубинными говорами данной территории и говорами окраинными, по-разному и в разное время подвергавшимися воздействию нормализованного типа языка; соответствия Олонецкой, Поморской или Восточной группам северновеликорусского наречия, взятым в противопоставлении друг другу, при этом не наблюдается.

Для понимания особенностей территориального распространения разных видов употребления аффрикат следует вспомнить, что колонизация территории северо-востока Европейской части СССР шла как из Новгородской, так и из Ростово-Суздальской Руси. На основе распределения языковых особенностей (см. ниже), по крайней мере на основе данных о распространении цоканья, следует признать, что говоры новгородского типа здесь доминировали. Преобладание говоров этого типа могло объясняться не только бóльшей древностью новгородской колонизационной струи и ее количественным преобладанием, но и тем, что строй говоров новгородского типа получал здесь перевес, чем и объясняется, в конечном счете, современное противопоставление северо-восточной группы северновеликорусского наречия, взятой в целом, его Владимирско-Поволжской группе.

В связи с этим должно быть специально отмечено, с какими другими языковыми чертами, имеющими наиболее широкое и общее распространение в говорах названных групп северновеликорусского наречия, мягкое цоканье сосуществует. При этом во внимание принимаются именно те черты, которые характеризуют фонетическое

своеобразие трех названных групп северновеликорусского наречия, взятых вместе.

Указывая эти черты, мы не придаем им того значения, которое придали бы языковым особенностям, имеющим внутренние, органические связи с употреблением аффрикат. Таких черт, как уже указывалось, отметить не удалось. В нашем случае мы отмечаем признаки, на основе которых может быть установлен общий тип языковой системы цокающих говоров в отличие от нецокающих, т. е. ставим задачу скорее классификационного характера.

Нельзя также не заметить, что конкретное территориальное распространение важнейших диалектных особенностей говоров северновеликорусского наречия на данной территории еще совершенно не изучено (соответствующие атласы русских народных говоров еще не составлялись), поэтому указания, приводимые ниже, делаются лишь в самом общем виде.

Так, важно подчеркнуть, что многим цокающим говорам свойственно широко распространенное здесь произношение *ê* (закрытого) в соответствии этимологическому *ѣ*, причем по отношению к различным вариациям в произношении *ê* (произношение неоднородного звука типа *ие͡*, наряду с *ê*, разные степени дальнейшего сужения и повышения подъема при образовании этого звука, приводящего, в конечном счете, к совпадению его с *и*) уже укрепилась та точка зрения, что все эти звуки признаны производными от *ê*, выступающими в процессе развития этого последнего.

Широко распространена именно в этих северновеликорусских говорах тенденция к сильной передвижке вперед гласного *а* между мягкими согласными, приводящая к чередованию *а* с *е* в этом положении.

Встречаются на данной территории говоры, в которых отмечены единичные слова с отсутствием изменения *е* > *о* в случаях типа *б'ер'еза*; довольно широко распространены говоры, в которых этот «непереход» отмечен только в глагольной флексии: *н'ес'ем*, *н'ес'ешь*, *н'ес'ет*.

Заметим, что мягкому цоканью по говорам в ряде случаев сопутствует произношение долгих твердых *ж̄* и *ш̄* или (что реже) твердых сочетаний *шч*, *ждж*. Укажем в качестве негативного признака и на то обстоятельство, что шепелявое произношение мягких свистящих *с'* — *з'* и особенно мена шипящих со свистящими не имеют широкого распространения на данной территории, хотя и встречаются в отдельных говорах. Напомним, что аналогичное соотношение цоканья с меной шипящих и свистящих по говорам отмечалось и по данным уже картографированных территорий (см. выше). Таким образом, можно подчеркнуть, что последовательно представленных связей между этими явлениями и цоканьем не наблюдается.

Для говоров изучаемой территории характерно сохранение этимологической мягкости согласных в случаях типа *д'ер'ев'ен'ской*, *москóв'кой* и типа *мен'ше*, *ран'ше*. Наряду с этим следует, однако, отметить довольно широкое распространение произношения отвердевших губных на конце слова.

Широко распространено на территории северо-востока губно-губное произношение *в* в конце слова и слога и чередование *в* и *у* в начале слова перед согласным, исторически возникшее на основе определенных изменений губно-губного *в*. Отметим наличие здесь же говоров с результатами изменения *л* > *ў* также в конце слова и слога.

Замена *ф* на *х*, *хв*, обычно сопутствующая губно-губному произношению *в* в южнорусских говорах, здесь встречается гораздо реже; ее отмечают лишь в узком кругу слов, в то время как в южновеликорусских

говорах эта замена наблюдается во всех соответствующих словах. Возможно, что в развитии северновеликорусских говоров, являющихся новгородскими по происхождению, в определенный период их истории, когда носители этих говоров принимали особенно активное участие в торговле древней Руси, имелись предпосылки для более точного усвоения определенных групп заимствованной лексики и в частности, лексики со звуком *ф*.

Сочетание *дн* часто представлено в говорах данной территории в виде *нн*.

Широко, хотя и не повсеместно, встречаются в изучаемых говорах окончания родительного падежа единственного числа мужского рода с окончаниями *-ого*, *-оγо*, *-оо* и форма именительного падежа множественного числа местоимения 3-го лица *оны*, а также форма творительного падежа множественного числа существительных на *-м* (*с рукам*, *с ногам*, *за грибам*).

Развитие названных черт не находилось, как уже говорилось, в необходимой связи причинно-следственного характера с развитием определенного типа употребления аффрикат — мягким цоканьем. Однако для последующего решения вопроса о происхождении цоканья на различных территориях оказывается немаловажным указать наиболее характерные фонетические и морфологические особенности тех говоров, которым свойственно мягкое цоканье.

Завершая обзор цокающих говоров на территории северо-востока Европейской части СССР, следует указать, что далеко не все конкретные случаи употребления аффрикат, встретившиеся в отдельных сообщениях, подвергались обобщению. Учет полноты или неполноты соответствующего материала, критический анализ качества отдельных ответов и, в частности, представленной в них системы транскрипции, учет частоты и повторяемости отдельных случаев употребления аффрикат или, наоборот, их исключительности, единичности, пробное картографирование соответствующих явлений обеспечивали необходимую общую критику материала, без которой было бы невозможно установить и выявить по этим обширным материалам особенности современного состояния и внутренние закономерности развития употребления аффрикат.

Одну из наиболее значительных трудностей при обработке собранного материала составило отсутствие в нем единообразной системы обозначения мягкости аффрикат *ч* и *ц*, в связи с чем необходимо было выработать определенные критерии в решении этого вопроса, нередко имеющего большое значение при выяснении типа употребления аффрикат.

Так, например, часто встречающееся в материалах отсутствие обозначения мягкости аффрикат перед гласными переднего ряда (*ц'ай*, *ц'удо*, *ц'олн* или *цяй*, *цюдо*, *цёлн*, но *цеп*, *конци* и под.) не принималось как указание на твердость *ц* перед этими гласными; в этих случаях наблюдатели, очевидно, считали, что употребление букв *е* — *и* само по себе служит для обозначения мягкости предшествующего *ц* и потому не ставили специального знака мягкости. Колебание в пределах одного говора между употреблением *ц* и *ц'* считалось, таким образом, при анализе материала надежно установленным лишь при наличии в ответе случаев с обозначением мягкости *ц* и без ее обозначения перед одними и теми же гласными (*ц'асто* и *цасто*, *ц'истый* и *цистый* и т. п.).

В решении вопроса о наличии мягкого *ц* в том или ином говоре определенную трудность представили и те случаи, когда наблюдатели

дают в своих сообщениях обозначение мягкости *ц* только перед *е* и притом чаще всего в одном-двух словах, из числа таких, как *ц'еп*, *ц'елую*, *ц'едить* и подобных им. Анализ большого числа сообщений, пробное картографирование такого, как бы ограниченного, сохранения мягкости *ц* именно перед *е* привели к выводу, что мы имеем здесь дело не с сохранением мягкости *ц* в отдельных случаях, а лишь с определенным приемом транскрипции, основанным на неправильном применении к звуку *ц* известного правила — о позиционном смягчении перед гласным *е* всех согласных.

Само собой разумеется также, что заключение о мягкости *ц* не строилось на основании обозначения этой мягкости только в слове «цвет» (*ц'в'ет*), где эта мягкость появляется в результате ассимиляции следующему согласному.

Передача мягкости *ч* нередко также получает обозначение в ответах только перед гласными непереднего ряда и отсутствует в положении перед *е*, *и*. В этом случае, разумеется, *ч* рассматривалось как мягкий звук. Однако и при полном отсутствии обозначения мягкости *ч* в ответе, т. е. при прямом следовании орфографии (*часто*, *чай*, *чудо*, *хочу*, *черви*, *чисто*, *ночь* и под.) при картографировании, по вполне понятным причинам, отмечалось мягкое *ч*. Для выявления твердого *ч* пришлось установить несколько специальных критериев, о которых говорится в следующей главе в связи с рассмотрением говоров, знающих широкое распространение твердого *ч*.

При изучении говоров, представляющих чоканье, выявилась известная группа слов, произношение которых не может считаться свидетельством наличия чоканья или цоканья в говоре. Не имеет отношения к цоканью или чоканью произношение слов *цепь* или *чепь*, а также в связи с ними, *цеплять* или *чеплять*: данный корень известен как с этимологическим *ц*, так и с *ч*. Наличие *ч* в слове *чапля* (как в значении «птица», так и в значении «приспособление для доставания сковороды из печи») является этимологически правильным и потому не используется для суждения о чоканье в говоре. Лексикализовано, во всяком случае в пределах цокающих говоров, произношение *ч* в таких словах, как *чиган* и *черковь*, нередко встречающееся в говорах, не знающих чоканья. Однако все же эти слова в подобной огласовке чаще всего встречаются именно на северо-восточной территории, представляя собою, вероятнее всего, проникновение из чокающих говоров в нечокающие в результате междиалектного общения.

В отдельных случаях при обработке материала и его подготовке к картографированию приходилось строить заключения о типе употребления аффрикат по неполным данным. Так, заключение о твердом цоканье по неполным данным делалось и при наличии твердого *ц* только в соответствии аффрикате *ч'*, как зто имело, например, место в приводимом далее примере. См. **Вологодская область.** Усть-Алексеевский р-н, дер. Долмашево: *цяс*, *ноц'*, *цяйкю*, *кóц'кá*, *грóмц'е*, *кадоцка*, *руцка*, *цáсто*, *цáрка*, *пýтцо*, *чёрной; кýриця*, *яйц'ó*, *кольцё*, *конецъ*, *умывáц'ц'а*.

Заключение о наличии чоканья по неполным данным делалось и при наличии примеров с *ч* лишь в соответствии *ц*. См. **Вологодская область.** Белозерский р-н, дер. Березняк: *ц'ас*, *ц'óрный*, *ноц'*, *доц'*, *п'éц'ка*, *не плáц'*, *во берёзниц'ку*, *дóцка*, *внýцка*, *к венцéн'йицу*, *рýцен'кой*, *несцáсной*, *цаскá; кýричя*, *яйч'ó*, *молодéч'*, *офчя*, *кол'ч'ó*, *конéч'*, *кýричя*, *офцá*, *кол'цó*, *цапáм'и* и другие примеры с *ц*.

Подобные ограничения в приведении автором примеров понятны, так как указание на наличие в говоре *ч* только в соответствии этимо-

логическому *ч*, а *ц* только в соответствии этимологическому *ц* могут свидетельствовать прежде всего о проникновении соответствующих аффрикат под влиянием нормализованного типа языка.

ЦОКАЮЩИЕ ГОВОРЫ И ГОВОРЫ С РАЗЛИЧЕНИЕМ ТВЕРДЫХ *Ч* и *Ц* НА СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ И ЗАПАДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Анализ употребления аффрикат одновременно на всей западной территории русского языка, безотносительно к имеющемуся здесь подразделению говоров на южновеликорусские и северновеликорусские, может показаться на первый взгляд недостаточно мотивированным.

На карте 2 мы видим, что собственно цокающие говоры, обычно представляющие твердое цоканье (*цай*, *цисто*, *ноцка*, *доц; ул'ица*, *кол'цо*, *целый*, *от'ец*), встречаются в более северной части западной территории. При внимательном изучении карты мы сможем заметить, однако, что и здесь твердое цоканье редко является по говорам единственным диалектным видом употребления аффрикат. В огромном большинстве случаев твердое цоканье сочетается в одних и тех же говорах с различением твердых *ч* и *ц* (*часто*, *чисто*, *ночка*, *доч; ул'ица*, *кол'цо*, *целый*, *от'ец*). То же различение твердых *ч* и *ц* нередко встречается в более северной части западной территории и в сочетании с таким реликтом твердого цоканья, каким является произношение *ц* в суффиксах причастий (типа *ушоццы*).

В более южной части западной территории преобладает различение твердых *ч* и *ц*. Однако в редко встречающихся здесь цокающих говорах обычно бывает представлено твердое цоканье, причем преимущественно опять-таки в сочетании с различением твердых *ч* и *ц* в пределах одних и тех же говоров. Исследование материала при подготовке его к картографированию показало, что в некоторых говорах различение твердых *ч* и *ц* сложилось при отходе от твердого цоканья (в связи с переходом к различению *ч'* и *ц*), хотя в других говорах различение твердых *ч* и *ц* могло создаться и иным путем (см. ниже).

Таким образом, различение твердых *ч* и *ц*, как связанное генетически с отходом от твердого цоканья, так и не связанное с ним, является наиболее характерным видом употребления аффрикат на территории западных говоров русского языка.

По отношению к твердому цоканью, которое распространено на западе менее компактно, чем мягкое цоканье на северо-востоке, в связи с тем, что на западе цокающие говоры чаще перемежаются с нецокающими и убывают в своем распространении по направлению к югу, возможно предположение о его более широком распространении в прошлом. Цоканье подвергалось интенсивному устранению на западных и северо-западных территориях в связи с тем, что нивелировка диалектных черт вообще началась здесь с более давнего времени, в отношении некоторых черт — еще под влиянием ведущего диалекта языка великорусской народности. Нельзя также упускать из виду наличие сложных процессов междиалектного взаимодействия, начавшихся на западных территориях после XV в., когда Новгородское княжество было присоединено к Москве и на западной территории происходили значительные перемещения населения.

На всем своем протяжении западные говоры противопоставлены по употреблению аффрикат соседящим с ними с востока говорам (ср. карту 2 с картами 1 и 4). На северо-востоке они отчетливо отделяются от говоров с преимущественным распространением мягкого цо-

канья; в центральной части — от говоров с различением *ч'* и *ц*; в южной части нешироая полоса говоров с различением *ч'* и *ц* отделяет западные говоры от говоров с утратой затвора в аффрикатах (*ш'ай*, *ш'удо* и т. п.; *ул'иса*, *от'ес* и т. п.).

Различение твердых *ч* и *ц* известно если не всем, то подавляющему числу западных говоров. В связи с этим возможность дальнейшего членения западных говоров по употреблению аффрикат является недостаточно определенной; оказывается возможным выделить на территории западных говоров русского языка лишь некоторые подгруппы по данной диалектной черте (см. карту 2), проводя наряду с этим и общее изучение употребления аффрикат на территории западных говоров, взятой в целом.

Кроме различения твердых *ч* и *ц* и твердого цоканья (как широко реализующегося, так и ограниченного произношением *ц* только в суффиксах причастий), в говорах западной группы гораздо шире, чем на северо-востоке, распространена и такая разновидность цоканья, при которой *ц'* или другие мягкие свистящие аффрикаты типа *ц''*, *ч'*[ч], *ц'*[ч] произносятся только в соответствии этимологическому *ч*; в соответствии *ц* в этих случаях произносится чаще всего *ц* твердое (*ц'асто*, *ц'ай*, *ц'исто*, *ц'удо*, *пл'ец'о*, *ноц'*, *доц'ка*, но: *ул'ица*, *кол'цо*, *ул'ицу*, *целый*, *от'ец*).

Случаи сосуществования и сочетания разных видов и типов употребления аффрикат в пределах отдельных говоров показаны на карте 2, а также рассматриваются и обобщаются специально в последующем изложении; результаты этого обобщения в тех случаях, когда оно приводило к определенной внутренней группировке западных говоров, показаны на карте 2.

Западная группа говоров, взятая в целом, занимает почти всю территорию Ленинградской области, за исключением северной части Подпорожского района и территории Вознесенского и Винницкого районов этой области. В состав западной группы целиком входят Псковская и Новгородская области, причем к территории Новгородской области с востока примыкает бо́льшая часть Чагодощенского района и весь Устюженский район Вологодской области. На юге в состав территории этой группы входит целиком Великолукская область, а также Калининская, за исключением ее восточных районов — Кимрского, Калязинского, Нерльского; бо́льшая (западная) часть Смоленской области, за исключением ее восточных районов — Сычёвского, Кармановского, Новодугинского, Гжатского, Издешковского (исключается бо́льшая, восточная, часть этого района), Вяземского, Тумановского, Темкинского, Всходского, Знаменского; западная часть Брянской области, за исключением восточных районов — Дятьковского, Брянского, Навлинского (в большей его части), Карачевского, Брасовского, Севского.

В отношении к общепринятому членению русских народных говоров (см. «Опыт диалектологической карты») западная группа говоров охватывает (см. карту 5) Западную, или Новгородскую, группу северновеликорусского наречия, распространяясь на востоке отчасти на территории Вологодско-Вятской и Владимирско-Поволжской групп северновеликорусского наречия. Южнее цокающие говоры западного типа находим на территории так называемых средневеликорусских говоров с южновеликорусским наслоением, расположенных к западу от линии Тверь—Зубцов, почти совпадающей с течением Волги, а также на территории средневеликорусских говоров с белорусским наслоением. От г. Зубцова граница говоров западной группы, которая становится границей различения твердых *ч* и *ц*, спускается почти перпендику-

лярно к югу по территории говоров, переходных от белорусских к южновеликорусским, а затем по территории говоров, относимых в «Опыте» к числу собственно белорусских.

Таким образом, распространение твердого цоканья, а также сопутствующего ему или выступающего самостоятельно различения твердых *ч* и *ц* и некоторых других видов употребления аффрикат, перекрывает здесь границы того диалектного членения, которое до настоящего времени лежит в основе общепринятой классификации русских народных говоров. Далее мы покажем, что такому географическому распространению отдельных типов употребления аффрикат соответствует распространение и некоторых других языковых черт.

Для суждения о распространении подобных черт дают материал карты составляемых атласов: «Атласа русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы» и «Атласа русских народных говоров юго-западных областей РСФСР», а также ранее составленного и сданного в печать «Атласа русских народных говоров северо-западных областей». В связи с тем, что составление карт первых двух атласов не было закончено к моменту написания работы, обзор интересующих нас явлений окажется неполным, а намечаемый круг черт является в известной мере случайным. Однако для понимания общей характеристики строя западных цокающих говоров указание на эти черты все же, несомненно, сыграет свою роль. Перечень этих черт поможет также и при последующей исторической интерпретации разных фактов употребления аффрикат.

Так, на территории распространения северо-западных и западных говоров, наряду с твердым цоканьем и различением твердых *ч* и *ц*, встречаются черты, общей особенностью которых является то, что они представляют сохранение определенных сторон строя русского языка в их более архаическом состоянии.

К числу этих черт относится отсутствие изменения *е* в *о* в основах слов (типа *овес*, *опенки*, *котенок* и т. п.), встречающееся на данной территории реликтово, в отдельных словах, круг которых, однако, достаточно разнообразен по говорам, что свидетельствует о том, что мы имеем дело с пережитками определенного, в прошлом более широкого, собственно фонетического явления. Ср. также распространение гласного *е* (не *о*) в глаголах *несешь*, *несем* и т. п., широко представленного по всей данной территории.

Губно-губное произношение *в*, особенно часто выступающее на конце слога или слова, также широко распространено в западных и северо-западных говорах, кроме их северной части, расположенной на территории древней Новгородской земли. Однако тот факт, что произношение *w* (*ў*) широко представлено далее во многих говорах северо-востока, новгородских по происхождению, позволяет допускать наличие подобного образования *в* в прошлом и в новгородском говоре, где в более позднее время происходила усиленная нивелировка диалектных особенностей.

Из числа морфологических особенностей следует отметить распространение в западных и северо-западных говорах таких окончаний родительного падежа единственного числа прилагательных мужского-среднего родов, как *-ого*, *-оγо*, *-оо* (напомним также, что эти окончания имеют распространение и в цокающих говорах северо-востока). Вопреки данным «Опыта», эти формы, как в этом можно убедиться, обратившись к соответствующей карте «Атласа русских народных говоров северо-западных областей», встречаются, но более редко, и в северной части западных цокающих говоров (Новгородская группа); большее

распространение эти формы получают к югу, причем здесь территория, где эти формы распространены особенно широко, почти совпадает с территорией цоканья и различения твердых *ч* и *ц*.

Известно, что распространение названных черт (отсутствие изменения *е* в *о* в основах слов и в глагольной флексии, губно-губное образование *в* и наличие окончания *-ого*, *-оγо*, *-оо* в родительном падеже прилагательных) имеет место также и в южновеликорусских нецокающих говорах. Однако это обстоятельство не устраняет необходимости учитывать факт сосуществования названных черт с цоканьем и различением твердых *ч* и *ц* в северо-западных и западных говорах. Напомним о распространении этих же языковых черт и в цокающих говорах северо-востока. В качестве сопутствующих цоканью три названные выше черты могут быть рассмотрены, таким образом, как характерные для общего строя цокающих говоров; далее мы сможем назвать и такие языковые черты, которые, будучи распространены на западе, северо-западе и северо-востоке в разного рода цокающих говорах, отсутствуют в нецокающих как южновеликорусских, так и северновеликорусских говорах, т. е. черты, которые в еще большей степени характеризуют строй цокающих говоров, в отличие от всей совокупности говоров с различением *ч'* и *ц*.

Так, изменение гласного *а* > *е* в положении между мягкими согласными широко известно в качестве собственно фонетического явления в северновеликорусских цокающих говорах северо-востока (не Владимирско-Поволжского типа). Это фонетическое явление, видимо, также должно быть отнесено к числу характерных, хотя бы в прошлом, для северо-западных и западных цокающих говоров, так как в настоящее время, по данным «Атласа русских народных говоров северо-западных областей», а также «Атласа русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы» и «Атласа русских народных говоров юго-западных областей», оно встречается здесь во многих цокающих говорах, хотя и в единичных словах. Однако круг этих слов достаточно разнообразен (*п'ет'* — пять, *гл'ед'а*, *д'ед'а*, *вз'ет'* и т. п.), что и дает повод исходить из представления о наличии в прошлом хотя бы на части (видимо, северо-западной) данной территории собственно фонетического явления, подвергшегося определенной нивелировке, а не о распространении единичных лексем в соответствующей огласовке.

Отвердение конечных губных в случаях типа *голуп*, *сем* и т. п., характерное для северновеликорусских говоров, не принадлежащих к числу Владимирско-Поволжских, также является чертой, широко распространенной на всем нашем северо-западе и западе. Это явление было на данной территории весьма продуктивным, в связи с чем его граница, как, впрочем, и граница распространения слов с результатом изменения *а* > *е*, проходит восточнее границы цоканья или различения твердых *ч* и *ц*. Однако наличие этих явлений в цокающих говорах и отсутствие их в говорах Владимирско-Поволжских и южновеликорусских дает основание считать их наиболее характерными для языкового строя цокающих говоров.

К числу подобных явлений следует отнести и форму именительного падежа множественного числа местоимения 3-го лица *оны*, территориальное распространение которой аналогично распространению двух названных выше черт.

Имеются в пределах цокающих говоров и говоров с различением твердых *ч* и *ц* и такие языковые черты, распространение которых совпадает лишь с отдельными видами употребления аффрикат.

Так, территория изменения *л* > *ў* в основном совпадает с территорией, на которой преимущественно распространены говоры с различением *ч* и *ц* твердых, а не собственно цокающие говоры. Аналогично распространение случаев отсутствия изменения *е* в *о* типа *дешево, лепешка*, свидетельствующих прежде всего о том, что в соответствующих говорах долго сохранялась мягкость шипящих.

Лишь в северной части описываемых западных говоров распространены формы творительного падежа множественного числа, совпадающие с дательным (*с рукам, с ногам, за грибам* и т. п.), и результаты изменения сочетания *дн* > *нн* (*онна́, ла́нно*). Южная граница их распространения почти полностью совпадает с произношением *ц* в суффиксах причастий (*ушоццы* и т. п.).

Конечно, перечисленными языковыми чертами далеко не исчерпывается характеристика строя разных подгрупп говоров в пределах изучаемых северо-западных и западных цокающих говоров и говоров с различением твердых *ч* и *ц*, тем более, что и самый перечень этих черт далеко не полон. Карты составляемых атласов несомненно значительно расширят наши представления в этой области и дадут возможность привлечь еще ряд языковых черт.

В различных по общему строю говорах указанные черты выступают в сложном сочетании с другими особенностями их строя, что объясняется, в свою очередь, историей формирования современных групп говоров, складывавшихся на данной территории в более позднее время при взаимодействии различных диалектных групп. Возможно также, что не все перечисленные черты распространялись здесь в одно и то же время.

Перечень приведенных выше черт помогает, однако, осознать генетические связи между современными говорами, относимыми в данной работе к одной группе по употреблению аффрикат.

Изучая современное распространение цоканья и других видов употребления аффрикат на территории западных говоров, нельзя отметить каких-либо связей причинно-следственного характера между типами употребления аффрикат и другими языковыми явлениями; может быть отмечено лишь сочетание всех этих видов употребления аффрикат с определенными языковыми особенностями. Таким образом, данные, относящиеся к современному состоянию диалектов, сами по себе, до их изучения в связи с историей народа, не могут еще стать основанием для решения вопроса о том, каков был языковый строй говоров, впервые развивших тот или иной тип употребления аффрикат.

Анализ современных диалектных данных преследует поэтому прежде всего цель — подготовить соответствующий материал для заключений подобного характера, причем здесь в центре внимания оказывается изучение взаимосвязей и взаимодействия между различными типами употребления аффрикат, развивавшимися на данной территории, безусловно, не изолированно, а в несомненной генетической связи друг с другом.

Выше уже говорилось, что, хотя совпадение *ч* и *ц* в твердом *ц* является наиболее типичным для территории западных говоров видом цоканья (который, как увидим далее, мог иметь в прошлом более широкое распространение), все же резко преобладающим в количественном отношении является на этой территории различение *ч* твердого и *ц* твердого: лишь этот вид употребления аффрикат встречается на описываемой территории повсеместно. В южной части территории этот вид имеет почти исключительное распространение.

Приходится отметить, что выявление твердого *ч* по материалам сообщений, использованных в данной работе, было сопряжено с не-

обходимостью постоянной критики привлекаемых данных, нередко являвшихся весьма неопределенными. Подобная критика материала и осторожность в подходе к нему были особенно важны в связи с тем, что необходимо было выработать четкие критерии для выявления твердого *ч* не только в говорах данной территории, где его широкое распространение не вызывает никаких сомнений и известно из соответствующей литературы, но и во всех изучаемых говорах Европейской части СССР, для которых в ряде случаев наличие твердого *ч* является достаточно проблематичным. Нужно было поэтому пользоваться в решении данного вопроса наиболее безусловными показателями.

Так, например, представленное в ряде ответов отсутствие обозначения мягкости *ч*, особенно, при ограниченном количестве примеров (*чай*, *часто*, *чудо*, *чисто*, *через* и т. п.), не могло с уверенностью быть принято как указание на твердость *ч*, если не сопровождалось специальными замечаниями, содержавшими указание на то, что мы не имеем здесь дело с орфографическими написаниями. На карте в этих случаях приходилось отмечать различение *ч'* и *ц*.

Обозначение мягкости *ч* лишь в некоторых из приведенных в ответе примеров преимущественно перед гласными непереднего ряда (*ч'ало*, *ч'ай*, *ч'удо*, *хоч'у*... но *чисто*, *чинный*, *честный*, *черви* и под.), могло как уже указывалось, объясняться тем, что, по мнению автора ответа, мягкость в словах типа *чисто*, *черви* уже передана при помощи букв *е* и *и*. Поэтому отмечать в данном говоре при картографировании материала наличие *ч* твердого, наряду с *ч* мягким, не было оснований.

Не продолжая разбора всех сомнительных случаев передачи мягкости или твердости *ч*, укажем приемы транскрибирования твердого *ч*, считавшиеся вполне показательными. Твердое *ч* отмечалось на карте: а) в случае наличия прямых указаний на это авторов сообщений (количество подобных сообщений по материалам западной группы говоров весьма значительно); б) когда автор ответа пользовался приемами транскрипции, непосредственно подчеркивающими твердость *ч* и построенными на противопоставлении соответствующим орфографическим написаниям (ср. в большом количестве ответов такие приемы обозначения твердости *ч*, как *чысто*, *чынно*, *частный*, *чэрви*, *ноч*, *доч*); в) когда в сообщении указывались разные степени палатализации *ч*. Ср. наряду с *часто*, *чудо*, которые могли бы считаться обычными орфографическими написаниями, наличие обозначений типа *ч'асто*, *ч'удо*, служащих для указания на *ч* полумягкое. Конечно, применение подобных суженных критериев при выявлении твердого *ч* могло привести к неполному показу его распространения на карте. Возможность еще более широкого распространения твердого *ч*, особенно для говоров западной территории, действительно, является вполне допустимой и должна быть специально подчеркнута и учтена.

В ответах, содержащих надежные сведения о наличии твердого *ч*, существенное значение имеют указания авторов ряда сообщений на то, что *ч* может также иметь по говорам различную степень палатализации. Подобные указания относятся к разным частям изучаемой территории; приведем в качестве иллюстрации некоторые из них.

Новгородская область. Батецкий р-н, дер. Большие Курсонги: «мягкое *ч* иногда с некоторым оттенком твердости (*тш*)»; ср. и в Боровичском р-не, с. Волок: «*ч* больше твердое, чем мягкое». В сообщении по одному из говоров Валдайского р-на, дер. Вороново указано, что там представлено «*ч*, близкое к твердому звуку, больно бьющему на слух». По одному из говоров Демян-

ского р-на, с. Ватолино, в котором представлено и цоканье и чоканье, указано: «у лиц, не чокающих и не цокающих, *ч* полумягкое, а иногда и твердое». Ср. и данные по Маловишерскому р-ну, дер. Заполек: «*ч* произносится немного тверже, чем в литературном языке»; по Хвойнинскому р-ну, дер. Смердомца: «*ч* в ряде случаев не вполне твердое, а произносится средне между твердым и мягким».

Псковская область. Гдовский р-н, дер. Кануновщина: «*ч* — звук, средний по твердости, произносится с различной степенью твердости. При *ч* нет знака мягкости, *чи* и *чы* оба твердые, но различаются по степени твердости». В сведениях о говоре Плюсского р-на той же области, дер. Большие Лышницы указано, что «*ч* всегда полутвердое»; в сведениях о говоре Полновского р-на, дер. Драготин: «*ч* среднее по мягкости». Характерно сообщение по говору Порховского р-на, той же области, с. Загорье, где подчеркнуто, что «*ч* твердое, *ч* среднее, *ч* мягкое встречаются даже в речи одного и того же лица».

Подобного рода указания на наличие звука *ч*, имеющего различную степень палатализации, сосуществующего при этом по говорам чаще всего с *ч* твердым, непалатальным, можно встретить в сообщениях, относящихся к разным частям описываемой территории, как более северным, так и более южным (Великолукская, Смоленская, Брянская области). Наряду с этим, в большом количестве сообщений отмечается наличие твердого *ч* без дополнительных указаний на его сосуществование с *ч*, имеющим неполную степень смягчения. Поэтому нет оснований считать распространение такого *ч* самостоятельным диалектным явлением, характерным для говоров западной территории, в отличие от говоров каких бы то ни было других территорий.

Нет также оснований противопоставлять (тенденции подобного противопоставления имеются в ряде сообщений) различение *ч* и *ц* твердых в русских народных говорах (где возможно также и появление звука *ч*, несколько палатализованного) аналогичному различению *ч* и *ц* в говорах белорусского языка, где употребление *ч* твердого является более устойчивым и последовательным и не сопровождается в настоящее время развитием разных степеней палатализации этого *ч*.

Появление звука *ч*, в той или иной степени палатализованного, в некоторых русских народных говорах, где распространены *ч* и *ц* твердые, следует, видимо, связывать со все более усиливающимся воздействием нормализованного типа языка и постепенным усвоением мягкости *ч*, характерной для этого последнего. Устойчивое сохранение твердого *ч* в говорах белорусского языка связано, в свою очередь, с тем, что в белорусском литературном языке *ч* также является твердым.

Во многих говорах описываемой территории различение твердых *ч* и *ц* сочетается с произношением долгого твердого *ц̄* (*цц*) в суффиксах причастий, т. е. в случаях типа *ушедши*, *пришедши*, которые в данных говорах произносятся как *ушоццы*, *пришоццы*, *вышоццы* (вместо ожидаемых *ушоччи*, *пришоччи*, *вышеччи*).

Характерно, что подобное произношение причастий чаще всего бывает представлено в говорах, различающих именно твердые *ч* и *ц* (см. карту 2). Следует напомнить, что число случаев, когда произношение *ц* в причастиях сочетается с твердым *ч*, фактически, вероятно, еще больше, так как твердое *ч* отмечалось на карте только при наличии наиболее определенных указаний (см. выше).

По данным той же карты удалось выявить, что распространение говоров, в которых подобное различение аффрикат сочетается с про-

изношением *ц* в причастиях, имеет определенную локализацию на описываемой территории. Эта диалектная особенность распространена в северной части западной территории (см. границу на карте 2), охватывая таким образом Ленинградскую область (за исключением районов, входящих в северо-восточную территорию цокающих говоров, см. выше), Псковскую область (за исключением ее наиболее южных районов — Качановского, Палкинского, Славковского, Пыталовского, Новоржевского, Ашевского), Новгородскую область (за исключением самых южных, Молвотицкого и Демянского районов), а также территорию некоторых северных районов Калининской области, таких, как Осташковский, Есеновичский, Фировский, Бологовский, Удомельский, Максатихинский, Сандовский, Кесовогорский, Молоковский, Краснохолмский, Бежецкий.

На всей территории перечисленных областей перемежаются говоры, сочетающие различение твердых *ч* и *ц* с произношением *ц* в причастиях, говоры, представляющие только различение твердых *ч* и *ц* или соединение подобного различения с твердым цоканьем в одних и тех же говорах.

Таким образом, на территории северо-западных и западных говоров можно выделить ту часть этой территории, где при отходе от твердого цоканья сохранялся след этого последнего лишь при произношении суффиксов причастий. Изоглосса произношения *ушоцы*, *пришоцы* указывает тем самым на то, что часть западных цокающих говоров в той или иной степени обособлялась на протяжении своего существования и тогда на территории этой части говоров развивались языковые процессы, не получавшие ни более южного, ни более восточного распространения.

Что же касается твердого цоканья, то его распространение, как и распространение различения твердых *ч* и *ц*, не может быть так четко локализовано в территориальном отношении; в данном случае возможна лишь относительная локализация.

Так, преимущественное распространение говоров с твердым цоканьем, хотя и перемежающихся на одних и тех же территориях с говорами, имеющими различение твердых *ч* и *ц*, можно отметить севернее линии, идущей от Витебска к истоку Днепра (см. карту 2).

В подавляющем большинстве говоров с твердым цоканьем на современном этапе их развития представлено и различение, чаще всего опять-таки твердых, *ч* и *ц*. Сочетание в пределах одного и того же говора твердого цоканья и различения твердых *ч* и *ц* также обозначено на карте. Сочетание твердого цоканья с различением *ч'* и *ц* на карте специального обозначения, согласно принятой системе картографирования, не получило; в этих случаях на карте показано лишь твердое цоканье. Не получило обозначения и наличие в говорах с твердым цоканьем такого различения *ч* и *ц*, при котором мягкость или твердость *ч* осталась невыясненной по данным ответа, что дает основание предположить еще более широкое распространение на изучаемой территории говоров, сочетающих твердое цоканье именно с различением твердых *ч* и *ц*.

Наиболее компактное распространение говоров с твердым цоканьем наблюдается в Псковской области и западных районах Ленинградской и Великолукской областей, а с востока — на территории тех районов Калининской области, которые входят в рассматриваемое объединение говоров. Отметим, что с исторической точки зрения все эти территории являются периферийными по отношению к былым центрам Новгородского княжества. Имеются основания полагать, что твердое

цоканье еще в сравнительно недавнее время встречалось на большей территории.

Н. Н. Соколов, обобщивший современные ему данные по Псковской губернии[13], указывает на твердое цоканье как почти на общий признак большинства говоров губернии, дифференцируя также данные о твердом цоканье и по уездам.

Более широко было распространено в прошлом твердое цоканье в западных уездах Новгородской губернии, где теперь оно встречается редко. В настоящее время здесь резко преобладает различение твердых *ч* и *ц* или сочетание этого рода различения с произношением *ц* в причастиях типа *ушоцы*[14].

С. А. Копорский, составивший карту распространения цоканья в Великолукской и Калининской областях РСФСР[15], использовал при ее составлении как опубликованные материалы, так и те, которые были собраны под его руководством студентами-заочниками, а также данные своих личных наблюдений. Раздельное рассмотрение этих источников, опубликованных С. А. Копорским при издании карты, показывает, что непосредственные сведения о систематическом употреблении твердого цоканья чаще всего дают именно более ранние по времени собирания опубликованные материалы, извлечения из «Трудов Московской диалектологической комиссии», из «Материалов для изучения великорусских говоров» и работ отдельных авторов того же периода.

В расположенных на север от Смоленска районах Смоленской и Великолукской областей, соответствующих, в основном, Бельскому, Духовщинскому и Поречскому уездам б. Смоленской губернии, говоры с твердым цоканьем отмечаются, по современным данным, лишь как единичные. В сообщениях о говорах с твердым цоканьем имеются также специальные указания, что эта диалектная черта находится в состоянии исчезновения. В настоящее время на этой территории широко распространено различение *ч* и *ц* твердых или — реже — *ч'* и *ц*. В связи с тем, что сообщения о твердом цоканье, относящиеся к данной территории, являются единичными, приводим имеющиеся в нашем распоряжении немногочисленные современные материалы этого рода полностью.

Смоленская область. Батуринский р-н, дер. Большие Фомёнки: *зъпáцкъла*, *Цýрк'ина* (Чуркино — деревня), *Чýрк'ина*, *ноч*, *час*, *чаγó*, *с'ичáс*, *чы́стују*, *нъчувáт'*, *пчóл*, *нъкручý*, *чóрнайа*, *чорт*, *папóрчыны*, *ч'атв'óртайа*, *пч'ол*, *н'ӣтач'кýй*, *м'аст'ѐч'ка*, *ч'аγó*, *йач'м'ѐн* и другие примеры с *ч*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Пречистенский р-н, дер. Вёртка Старая: *науцы́л'и*, *на цýцелу*, *уцóра*, *мъцáлка*, *къцáн*, *в'ицар'ӣнка*, *нъцынáит'*, *тыцы́н'ина*, *тарцы́т*, *цымудáн*, *цай*, *цáста*, *р'ѐцка*, *цы́ста*, *пълуцы́ла*, *цýда*, *цуγýн*, *мглцý*, *пл'аціó*, *п'ьтацóк*, *дъцкá*, *бóцка*, *оўцá*, *цумудáн*, *γърлáц'ик*,

---

[13] См. Н. Соколов. Говоры Псковской губернии. «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. VIII, М., 1919. По говору Гдовского у. ср. также: Н. П. Гринкова. К диалектологии Ленинградской губ. 1. Говоры центральной части Гдовского у. «Известия ОРЯС», т. XXX, 1925.

[14] Указания на распространение твердого цоканья в западных уездах Новгородской губ. см., например, в следующих работах: Н. Н. Соколов. Поездка в Тихвинский уезд Новгородской губ. «Русский филологический вестник», т. LXII, 1909, № 3 и 4; он же. Народные говоры Новгородской губ. в связи с вопросом о составе и границах северновеликорусского наречия. «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. III, 1914.

[15] См. С. А. Копорский. Цоканье в Калининской области. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. III, М., 1949.

*м'иц'йт*ᶣ', *кр'ицыт*ᶣ' (*γус'*). «Среди молодого поколения цоканье совсем не встречается; это явление характерно лишь для одних старух»; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Амшара: «В говоре наблюдается исчезновение цоканья, которое можно услышать только от старух, причем не у всех последовательно. Уже пожилые сознательно не цокают»; *ноц*, *ďружбцък*, *у в'ёцыру*, *дъцка*, *п'ёцку*; «*ч* полутвердое или мягкое»: *ч̇итаў*, *нач̇алъ*, *ч̇астўшк'и*, *зач̇им*, *уч̇ўла*, *у ноч'*, *хач'ў*, *ч'аγб*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Между тем, судя по данным ранее опубликованных источников, основанных на сведениях, собранных в конце XIX — начале XX в., твердое цоканье было распространено на этой территории шире.

Так, цоканье в Бельском уезде Смоленской губернии отмечается, по «Сводам материалов» Московской диалектологической комиссии, в селах Покров-Жирковский и Холм-Жирковский[16], а также в дер. Урово Болшевской вол.[17]; случаи чоканья, связанные, как было показано выше, с первоначальным этапом отхода от цоканья, отражены в записях песен, сделанных В. Н. Добровольским в с. Шоптово того же уезда[18].

В Духовщинском у. твердое цоканье также отмечено в некоторых селениях. Так, о говоре с. Шиловичи и всей Шиловичской вол. наблюдатель сообщает, что там «цокают (*пятацок*, *цепила*, *цугунок*, *цыжик*, *царь*, *царича*, *царство*), и в Духовщинском у. их называют цикунами; это сообщение подтверждается Гущиным, который говорит, что цоканье (*мальцик*, *царёпка*, *цаго*...) слышится почти по всей Шиловичской волости...»[19]. Немало примеров цоканья и в записях фольклора, сделанных В. Н. Добровольским в том же с. Шиловичи[20]: *у цуцельскую адёжу* (в одежду, как у чучела — «чучельскую»), *пакрепци*, *странный цуцела*, *хлапоцуть*, *цорт*, *натацу*, *на смыцок*, *тацить*, *цураютца*, *ни хацу*, *пратацу*, *патаци* (стр. 4); *при мастоцку*, *прицосыны*, *перевенцан* (стр. 41); *пазалоцаная* (стр. 282); *дяўцоныцка*, *реци* (стр. 391); *галубоцик*, *малойцык*, *дяўцонка*, *плацить*, *не плац* (стр. 406).

В начале XX в. цоканье отмечено по тому же Духовщинскому у. в селах Пречистом, Скачкове и Колковичах и их приходах; при этом указывается, что цоканье здесь твердое и что жителей этих приходов также зовут цикунами[21]. Приведем и примеры с цоканьем из записей фольклора, сделанных в с. Пречистом[22]: *цатыри*, *цатвярых* (стр. 661); *цатыри*, *крицить*, *хоцить*, *на пецы* (стр. 662).

Значительно количество примеров с цоканьем в записях фольклора, сделанных В. Н. Добровольским в с. Бересневе того же Духовщинского у.[23]: *вяноцку*, *па люлицки* (стр. 96); *по цатыри* (стр. 99); *пад цатвертым* (стр. 125); *галубоцка*, *доцак* (4 раза), *цыстый*, *пра дацусик* (стр. 126); *пра дацусик*, *дацушки*, *цастынька* (стр. 136); *тысицу*, *ўспряцым*, *тысица* (стр. 153); *каласоцки* (два раза на стр. 164); *нацинаиш*, *к нацы* (стр. 212); *разлуцала* (стр. 263).

---

[16] См. «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. II. Варшава, 1914, стр. 74—75.

[17] См. там же, вып. X, Л., 1928, стр. 6: «(*ч*) мягко: *дочь*, *бочька*, *чистый*, *чяй*; (*ц*) твердо: *царь*, *концы*, *отцу*, *цэрковь;* изредка: *доцка*, *пецка*, *овча*, *сонче*».

[18] См. В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, ч. II. М., 1894, стр. 545, 594, 597.

[19] «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. II, стр. 82.

[20] См. В. Н. Добровольский. Указ. соч., ч. IV. М., 1903.

[21] См. «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. II, стр. 74—82.

[22] См. В. Н. Добровольский. Указ. соч., ч. I. СПб., 1891.

[23] См. там же, ч. IV.

Цоканье в Поречском у. Смоленской губ. отмечено, как об этом свидетельствуют материалы Московской диалектологической комиссии, в двух волостях — Бородинской и Слободской[24].

Приведенные данные особенно ценны в том отношении, что помогают нам зафиксировать прямую преемственность между твердым цоканьем и непосредственно сменяющим его различением твердых *ч* и *ц* почти в одних и тех же местностях. Фиксируя переход от твердого цоканья к различению аффрикат *ч'* и *ц*, через различение *ч* и *ц* твердых как промежуточную ступень, эти данные объясняют одновременно и преимущественное сохранение твердого цоканья лишь в наиболее периферийных, с исторической точки зрения, районах изучаемой территории. Распространение твердого цоканья на западной территории, взятой в целом, было значительно шире еще в недавнем прошлом.

Приведенные материалы показывают, что при переходе к различению *ч'* и *ц* именно от твердого цоканья труднее всего усваивалась мягкость шипящей аффрикаты, в связи с чем и устанавливалось различение *ч* и *ц*. При этом наблюдатели часто указывают, что при совмещении твердого цоканья и различения твердых *ч* и *ц*, последнее является новым в говоре, а твердое цоканье бывает представлено в произношении наиболее типичных представителей данного диалекта.

Приведем некоторые образцы подобных сообщений, фиксирующих процесс отхода от твердого цоканья.

Великолукская область. Ильинский р-н, дер. Ковали: «Старое и пожилое население (женщины) цокает. Иногда (редко) у них слышится *ч*. Молодые и мужчины не цокают; *ч* полумягкое, приближается к твердому. Очень редко *ч* мягкое»: *цай, ца́шка, цы́ста, пыцын'а́т', уну́цка, но́н'ицы, ч'аγо́, ч'ышы́ей, кр'ич'а́т', но́н'ич'и; ч'ибу́л'а, γурч'о́ў; ву́л'ица, ку́р'ица, аўца, ат'е́ц, йа́йцы, цыбу́л'а;* там же, дер. Крутики: «Раньше было цоканье, теперь *ц* можно услышать только у старух»: *пл'ач'о́, пч'ала̂, ноч', ч'а́ста, кр'ич'а́ў, ч'аγо́, пр'ич'ита́ла, лу́ч'ч'и, ч'истако́л*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Трубники: «По рассказам, было цоканье. Сохранилось сейчас у некоторых старух; когда с ними разговариваешь, стараются не цокать»: *зыплац"у́, н'е́ц"ива, к'итац"о́к, пл"ац"о́, до́ч'ка, м'ач', кр'ич'а́т', ч'арн'и́л'и, ч'аты́р'и, н'ич'аγо́, ч'и́ста, ч'а́йн'ик, скуч'а́т'; ву́л'иц"а, ку́р'иц"а, ч'арн'и́ц"а, мылад'и́ц"а, брус"н'и́ц"а, з'имл'ан'и́ц"а, ц"оп, б'иц", ц"ап'и́л'ина, аўц"а̂, ма́л'ц"и, ма́л'иц", дыц"ар'а́, ат'е́ц", абл'иγа́ц"ийи, лажы́тц"а;* «иногда могут произносить и *ц: кан'цо́ў, це́л'ный*»; Пеновский р-н, дер. Б. Горки: «Произношение шипящей аффрикаты в говоре многообразно. Большинство носителей говора произносит ее как *ч*, некоторые представители молодежи иногда произносят как *ч'*; несколько же старых женщин последовательно заменяют ее звуком *ц*. У одной пожилой женщины на месте *ч* звучит нечто среднее между *ц* и *ч* твердым»: *къцар'га́, п'е́цку, н'ицаво́, с'аца́с, цут' жыва́jа, т'ал'и́нъцка, ав'е́цък, до́л'ицк'и, ручаjко́м, jайчк'и, мълачко́, су́м'ърн'ичът', част'е́j, кача́н'jа, куз"н'ачк'и́, к чаму́*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Калининская область. Весьегонский р-н, деревни Бодачево, Горка, Грязлицев, Дуброва, Лекма, Никулино, Плосково (ответ дан суммарно): «Говор цокающий; звук *ц* вм. *ч*, произносят постоянно»: *цас, цо́рнаj, ноц, п'ец, н'ецово́, сыпу́цоj, го́рстоцк'и, корцу́jот'*, «колхозная масса в молодом и среднем возрасте ...

[24] См. «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. II, стр. 76—77.

в большинстве своем уже различает в произношении *ч* твердое и *ц*»: *тýча, чáшка, чыгуны, по-д'ěв'ичјu, чáсто, чúсто, кр'ичáл'и, ч'úхат', јейч'ко*; «*ц* произносится твердо»: *сóнце, цéну, от'éц, цéлај, цоловáтцы, угýрцы* и другие примеры с *ц*; Оленинский р-н, дер. Новинки: *н'ецъм, цатыр'и, цěтв'ира, пълуцáит', с'ицáс, врацý, цумадáны, зацым*— «цоканье встречается спорадически даже у одного и того же лица, чаще и более обычно употребляется *ч* твердое»—*н'éчъва, учылъс'*, и ряд примеров с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Ржевский р-н, дер. Гороватка: «Раньше в Гороватке было цоканье, еще на памяти старшего поколения. Сейчас почти все население произносит литературное *ч*, только иногда проскальзывает *ч* твердое или полумягкое. И только у объекта № 3 (самого старшего по возрасту—75 лет) можно услышать *ц* на месте *ч* в отдельных словах. Системы употребления *ц* вместо *ч* нет»: *д'éвъцк'и, кóръцк'и, дóцушкъ, нацáл'н'ик'и, бур'ацкóш, ъгур'éцк'и, н'ицавó, п'éцкъ, кóзъцкъ, вýчытцъ, н'а плач, нóчйу, лýччь, н'ичавó, прáзн'ичът', ч'асóш, нъч'авáт', ч'úстъйь*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Псковская область. Дновский р-н, с. Чертёны: *цовó, палуцáт', с'ич'áс, нóнч'а;* кроме того, указано: «*ч* твердое используется очень широко в речи и старыми и малыми»; примеры с *ц* твердым; Печорский р-н, дер. Кулье: *дацкá, мáл'цык, царн'úцы, н'ипацóм, бóцка, цулáны, царн'úца, к'ип'атóцку, цыснацынкај, цěр'ес, бцен', нáчалас', тýча, чыста°кóл, часначóк, кýчы, чырыс, кл'ýч', пр'ич'áс'т'а, бóч'ку*—«*ч* твердое, но немного мягче, чем в дер. Березье, почти мягкое. Изредка встречается мягкое *ч*. Цоканье сохранилось в основном у стариков; молодые стараются вместо *ч* произносить *ч'*»; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Пушкино-Горский р-н, дер. Брюшково: *ц'áста, ц'úста, кóфтацка, дацкá, набóјн'иц'к'и, ноц, мáл'цык, внýцка, кýцка, чáста, чыста.* «Старшее поколение произносит на месте *ч*—*ц*, младшее поколение—*ч* твердое; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым».

Здесь же уместно заметить, что с подобными замечаниями наблюдателей мы встречаемся только в сообщениях, фиксирующих отход от твердого цоканья. В материалах отсутствуют сообщения о переходе к различению твердых *ч* и *ц* от различения *ч'* и *ц*, что, казалось бы, теоретически также является возможным.

Широкое распространение на территории современных западных говоров различения *ч* и *ц* ведет к предположению, что переход от твердого цоканья к подобному различению аффрикат происходил здесь с давнего времени. В огромном количестве говоров с различением *ч* и *ц* твердых не осталось никаких следов твердого цоканья. Таким образом можно предположить, что некоторые говоры совершили отход от твердого цоканья еще в XVI в. и на протяжении XVII в., под влиянием ведущего диалекта языка народности. В говорах более южной части описываемой территории тот же отход мог иметь место в результате междиалектного взаимодействия.

Однако наличие значительного числа говоров, где различение твердых *ч* и *ц* до сих пор сосуществует с твердым цоканьем, показывает, что переход от твердого цоканья к различению *ч'* и *ц* через различение твердых *ч* и *ц* являлся актуальным для многих говоров до последнего времени. На соответствующих картах случаи сочетания твердого цоканья и различения твердых *ч* и *ц* получили обозначение. В сообщениях о таких говорах приводятся также указания на то, что переход к произношению твердого *ч* нередко идет в говорах через широкое употребление разного рода твердых аффрикат, по своему

звучанию производящих впечатление звуков, промежуточных между *ц* и *ч* (*ч*^{ч}, *ц*^{ч} и под.) Ср. следующие сообщения по говорам Псковской обл.

Карамышевский р-н, дер. Марьинское: *цай*, *ца́шка*, *на харч*^{ч}*ы*, *ч*^{ч}*ерн'и́ка*, *чылов'е́к*, *чужы́х*, *моло́чн'ик*, *о́чын'*, *учы́т'ил'*, *колачы́*, *в'е́чыр*, *чолов'е́к*, *молочка́*, *с'еч'а́с*, *ч'ай*, *кр'ич'а́л*, *нач'ина́ј*; *ц'е́лыј*, *жыл'и́ч*^{ч}*а*, *ч*^{ч}*ылава́т'*, *полот'е́нсы*, *полот'е́нсов*, *с отцо́м*, *офца́*, *ко́л'цы*; Новосельский р-н, с. Углы: *цардяко́м* (чердаком), *јацм'е́н'*, *цылав'е́к*, *слав'е́цка*, *палуцы́л*, *па́лоцку*, *мыцы́т*, *д'е́вач*^{ч}*ку*, *пр'ија́тач*^{ч}*ка*, *ма́чыха*, *н'е́чыва*, *ноч*, *нау́чыт*, *кл'уч*, *ч'е́р'ип*, *д'е́вач'к'и*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Печорский р-н, с. Стуколово: *ина́цы*, *цылав'е́к*, *пла́цу*, *рыца́ла*, *ты́с'ацы*, *к врацу́*, *малацко́*, *в'е́цырам*, *п'е́цка*, *ч*^{ч}*ашка*, *к'ирп'иц*^{ч}*ом*, *са св'е́ц*^{ч}*кам'и*, *доч*, *печка*, *чын'и́т'*, *пастучы́тца*, *ча́ју*, *чы́ста* — «преобладает *ч* мягкое»; *шыты́рнацат'*, *п'ирша́тк'и*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Приведем также характеристику этого перехода, данную одним из авторов «Опыта диалектологической карты» Н. Н. Соколовым[25], который при описании говора Тихвинского у. обобщил свои наблюдения над цоканьем в Новгородских говорах: «. . . говоры Тихвинского уезда и всей области прежней колонизации Новгорода представляются мне замечательно однообразными, цельными. Отличия одного говора от другого сводятся к отличиям в словаре да в таких чертах, которые можно поставить в хронологическую связь друг с другом. . . (разрядка наша. — *В. О.*), например, в одних диалектах мы находим *ц* или *ц*^{ч} (твердое) на месте старого *ч*, в других—уже *ч*^{ч} или просто *ч* твердое, во многих говорах слышатся оба произношения: в более старых словах, которые почему-либо уклонились от нормирующего влияния со стороны, слышится *ц* или *ц*^{ч} (например, в слове *ушотцы* с различными вариантами во всех Тихвинских говорах), в других уже господствует произношение с *ч* твердым; если в языке старшего поколения слышится еще произношение с *ц* (*ц*^{ч}), то молодое поколение уже всюду употребляет *ч* твердое».

Все сказанное о различении твердых *ч* и *ц* как переходном виде употребления аффрикат, возникающем при отходе от твердого цоканья, разумеется, относится не ко всем современным говорам с подобным различением.

В южной части западной территории различение твердых *ч* и *ц* может иметь иное происхождение: оно могло здесь быть связано с общим процессом отвердения *ч* в других восточнославянских языках, белорусском и отчасти украинском (напомним, что южная часть территории западных говоров непосредственно примыкает к территории распространения этих языков).

Ср. у Н. Н. Дурново: «Звук *ч* отвердел, как и остальные шипящие, в б.-р. и значительной части м.-р. говоров (именно, в тех говорах, в которых отвердели и прочие шипящие). В письменных памятниках на отвердение *ч* указывают написания *чы* — *чъ*, появляющиеся в зап.-р. грамотах с XV в. В ю.-в.-р. и в тех с.-в.-р. говорах, в которых *ч* не перешло в *ц*, оно осталось мягким. То *ч* твердое, которое теперь существует в некоторых с.-в.-р. и ср.-в.-р. говорах, заменило собою более старое *ц*, получавшееся из *ч* под влиянием говоров, различающих *ц* и *ч*»[26].

---

[25] См. Н. Н. Соколов. Поездка в Тихвинский уезд Новгородской губ. «Русский филологический вестник», Варшава, 1909, т. LXII, № 3—4, стр. 279—280.

[26] Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М. — Л., 1924, стр. 179.

Как мы видели выше на примере цокающих говоров северо-восточной территории с характерным для них мягким цоканьем, усвоение *ч* (как мягкой аффрикаты на данной территории) нередко может характеризоваться в цокающих говорах известной «беспорядочностью» в употреблении вновь усваиваемого звука, приводящей в некоторых говорах к известной стабилизации такого употребления *ч*, когда оно бывает представлено как в соответствии *ч*, так и в соответствии *ц*, т. е. к так называемому «чоканью», являющемуся по своей природе переходным видом употребления аффрикат.

Выше было показано, что возникновение чоканья, а особенно его временная стабилизация, имеет место преимущественно в такие периоды развития говоров, когда переход к различению *ч'* и *ц* идет в них без должной опоры на непосредственное восприятие устной формы нормализованного типа языка, а основывается на более или менее эпизодических случаях его воздействия. Возможность возникновения чоканья, т. е. случаев употребления *ч* не только в соответствии *ч*, но и в соответствии *ц*, собственно, не была исключена и для говоров с твердым цоканьем, расположенных на западной территории. Однако следует иметь в виду, что в процессе перехода к различению *ч'* и *ц* эти говоры на протяжении их истории имели известные преимущества в отношении усвоения норм общенародного языка по сравнению с говорами северо-востока (см. выше).

В связи со всеми этими условиями чоканье едва ли было широко распространено на данной территории и в прошлом. Во всяком случае, возникавшие здесь случаи чокающего произношения не получили значительной стабилизации и легко устранялись в процессе дальнейшего воздействия общенародной формы языка.

Говоры с подобным сочетанием твердого цоканья и чоканья отмечают в дер. Жилино Осьминского р-на Ленинградской обл. и в дер. Карино того же района, где чоканье отмечено при твердом цоканье; в дер. Голосово Нелидовского р-на Великолукской обл. — чоканье при твердом цоканье; в с. Дно Дновского р-на и в с. Малые Пети Славковского р-на Псковской обл. — чоканье при твердом цоканье; в с. Соловьево Волотовского р-на Новгородской обл. — чоканье при произношении *ц* в причастиях; в дер. Горное Марино Новгородского р-на — чоканье при твердом цоканье; в дер. Дубьё Слободского р-на Смоленской обл. — чоканье при твердом цоканье.

Наибольшее число случаев чоканья отмечено в Калининской обл. В сочетании с твердым цоканьем оно встречается в дер. Ям Есеновичского р-на, в дер. Мясково Кировского р-на, в с. Костешино Новоторжского р-на, в дер. Шеметово и с. Юрьецево того же района, в с. Медведиха и дер. Кромцово Рамешковского р-на. В сочетании с произношением *ц* в причастиях — в дер. Андреево Есеновичского р-на. В сочетании с неопределенным типом цоканья — в дер. Гузеева Максатихинского р-на.

При общем незначительном числе говоров, сочетающих чоканье с другими видами диалектного употребления аффрикат, можно назвать, на основании имеющихся в нашем распоряжении материалов, лишь один говор дер. Сосницы Дедовичского р-на Псковской обл., где чоканье указано как единственный тип употребления аффрикат, и несколько единичных говоров, где при чоканье отмечены случаи употребления *ц* в соответствии *ц* и где, таким образом, намечается различение двух аффрикат, являющееся новообразованием: дер. Летошницы Волосовского р-на Ленинградской обл., дер. Большие Гривы Волотовского р-на Новгородской обл., дер. Кавширы Демидовского р-на Смоленской обл.,

дер. Ещево Овинищенского р-на Калининской обл., с. Поречье Моловского р-на; дер. Завирье Кировского р-на.

По отношению к этим говорам одинаково возможны два допущения: это могут быть говоры, переходящие от системы чоканья и твердого цоканья, совмещавшихся в одном говоре, к различению *ч* и *ц*, или чокающие говоры, усваивающие *ц* под влиянием нормализованного типа языка.

Напомним также вывод, к которому пришел в свое время С. А. Копорский, изучивший данные о цоканье на территории современных Калининской и Великолукской областей: «О чоканье можно говорить, как о явлении сравнительно позднего происхождения, возникшем в стремлении овладеть *ч* литературного языка. Чоканья в точном значении термина, т. е. существования *ч* как единой фонемы на месте этимологических *ц* и *ч'* в Калининской и Великолукской областях не отмечено. И этот факт подтверждает мысль, что *ч*, смешиваемое с *ц'* в наших говорах — лишь переходная ступень к различению фонем *ц* и *ч*»[27].

Следует подчеркнуть, что и в опубликованных по данной территории материалах, собранных в несколько более ранний период, сообщения о чоканье не особенно обильны, хотя все же, видимо, чоканье имело в конце XIX — начале XX в. несколько большее, чем в настоящее время, распространение. Характерно, что и в то время чоканье особенно незначительно было распространено в центральных районах описываемой территории (западные уезды б. Новгородской губ.); чаще его отмечают в тех же более окраинных местах б. Псковской и б. Тверской губерний.

Все эти данные свидетельствуют о том, что, при широком распространении в западных говорах и в настоящее время и в прошлом твердого цоканья, переход от него к различению *ч* и *ц* (чаще всего твердых) мог и в весьма давнее время происходить непосредственно, минуя ступень беспорядочного употребления вновь усваиваемого *ч* (ступень чоканья). Это объясняется тем, что, как уже говорилось выше, воздействие нецокающего ведущего диалекта языка народности, ставшее особенно интенсивным с XVI в., а в дальнейшем и влияние нормализованного типа языка нации, становится на описываемой территории, по-видимому, регулярным, длительным и непосредственным. Этим же объясняется и то, что чоканье как единственный тип употребления аффрикат не могло или почти не могло закрепляться в данных говорах. Таким образом, и на материале говоров западной территории подтверждается высказанное выше, при анализе говоров северо-восточной группы, предположение о развитии чоканья в сосуществовании с другими, более исконными, видами цоканья именно в тех условиях, когда влияние нормализованного типа языка шло окольными путями, являлось нерегулярным и недостаточно продолжительным, что объясняется, в свою очередь, соответствующими предпосылками исторического характера.

При изучении употребления аффрикат на данной территории особо должен быть рассмотрен вопрос об употреблении мягкого *ц'*, которое имеет здесь в настоящее время известное (и даже довольно значительное) распространение.

Это обстоятельство (то, что наблюдатели фиксировали факт употребления мягкого *ц'* в говорах изучаемой территории) и дало, видимо, повод составителям «Опыта диалектологической карты» так охаракте-

---

[27] С. А. Копорский. Указ. соч., стр. 14.

ризовать употребление аффрикат в средневеликорусских говорах с белорусским наслоением, соответствующих, в основном, территории б. Псковской губ.: «В значительной части говоров *ц* и *ч* совпали в одном звуке *ц* твердом или шепелявом *ц*ч твердом; в некоторых немногих говорах — в звуке *ц* мягком...» (разрядка наша. — *В. О.*)[28].

Как показывает изучение материала, употребление мягкого *ц* наблюдается в настоящее время не в столь уж «немногих» говорах и не только на той территории, о которой идет речь в приведенной выше цитате. Самый факт употребления *ц'* отмечают преимущественно на территории Псковской обл., а также западной части Великолукской обл.; однако распространение *ц'* не имеет определенной локализации, его можно встретить и в других местах; на территории Псковской и Великолукской областей можно отметить лишь его сгущение.

Несмотря на то, что наличие *ц'* в перечисленных говорах подмечено правильно, нельзя все же ограничиться лишь его констатацией, так как тем самым было бы стерто весьма существенное различие между западной и описанной выше северо-восточной группами говоров. Отличительной особенностью западных говоров является то, что встречающееся в них *ц'* почти никогда не выступает здесь в качестве единственной аффрикаты, в связи с чем мягкое цоканье как таковое в данных говорах отсутствует. Поэтому осторожнее и по существу правильнее характеристика употребления аффрикат в Псковском говоре, данная Н. Н. Соколовым[29], указывавшим, что при совпадении *ц* и *ч* в этих говорах выступают твердые *ц* и *ц*ч. Лишь в дальнейшем изложении автор пишет, что *ц'* отмечено им в Русановской и Грибулевской волостях Островского у. О совпадении *ц* и *ч* в *ц'* Н. Н. Соколов не говорит.

По современным данным, в западных говорах, знающих *ц'*, это последнее выступает только в соответствии *ч*, нередко наряду со звуками, акустически производящими впечатление промежуточных между *ч'* и *ц'*, или наряду с *ч'*, также употребленным лишь в соответствии *ч*.

Особенно важно подчеркнуть и то обстоятельство, что в говорах, где отмечают употребление *ц'* лишь в соответствии *ч*, подобное его употребление сочетается с твердым цоканьем и намечающимся различением *ч'* и *ц*.

Великолукская область. Бежаницкий р-н, дер. Большие Ляды: *ц'и́ста, п'е́ц'ку, ску́ц"ное, наки́дацк'и, н'е хацу́, дацку́, уш́тцы, ску́цна, чаты́р'и, п'инжачо́к, в пл'ачо́, чаты́р'и, часо́к, н'ичаво́, пла́чут, с'ича́с* — «*ч* произносится полумягко, *ц* вм. *ч* наблюдается у отдельных лиц непоследовательно»; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Макарино: *но́ц'каj, на пл'ец'е́, уци́ца, ф п'е́цы, хо́це* (3 л. ед. ч.), *ска́цут*; «у большинства *ч* полумягкое»: *часо́вн' и, п'е́чка, до́чк'и, атучу́, вну́чка, ту́ча, ов'е́чак*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Красногородский р-н, дер. Ломы: *на́п'ец', варо́ц'ут, су́ц'jа, нача́л'и, кр'ица́* (3 л. мн. ч.), *пацаму́, н'ицаво́, палуцу́, лапо́ца* (лопочет), *до́цка, закр'ица́л, луцы́н'инку, ны́н'еце, цугу́нку, д'и́цы, пацарн'е́л'и, ца́ста, му́цыл'и, вы́скаца* (выскочит), *ца́j, мачы́ла, че́рес, челав'е́к, ч'етв'е́р'ек, в'е́черам*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Опочецкий р-н, дер. Болдино:

[28] «Опыт», стр. 37.
[29] См. Н. Н. Соколов. Говоры Псковской губернии. «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. VIII, 1919, стр. 6—7.

сп'ӥц'к'и, крыц'ӥт, ц'ълав'ėк, в'ėц'ер, ф пл'ац'ė, зъ дац'кој, нъц'инáйа, нá п'ец, н'иц'авó, н'а хóц'ыт'и, стър'иц'óк, нъц'лá, касы́нъцка, с лýцкъм, кóнцылас", *цардáк, йайцка, вуцыцъ, кóнцыла, дацкá, дáмъцк'и, нóцы, рагáц, цайкý* и другие примеры с *ц*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Глубокое: *нац'ál'ствъ, мал'ц'ышкъ, ц'ъстапл'óт, ц'асóў, н'ъц'авó, зъмац'ӥл, сабáц'къ, пац'т'ӥ, п'атл'ӥц'къ, нъ кр'ýц'к'е, дóц'ка, мълац'кó, нъ пл'ац'áх, б'ар'ėц'* (беречь), *нóн'ц'е, ц'аснáйъ, лóдъц'ку, зъкр'иц'áла, луц'ӥнкъй, ц'аты́р'и, в'анц'áлас', пълуц'ы́л'и, рýц'к'и, дрáц'ка, св'ėц'ка, с'ицáс, църъ'ак'ӥ, цасóвн'а, цълав'ėка, н'ъ задáцца, стакáнцык, рабóцый, цавó, накрыцы́цъ, уцыт'ал'ėй, случ'айнъ, хач'ý, óч'ън', ч'авó, н'ъч'авó, уч'асткóвый*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; д. Столбово: *гóр'ъц* (горечь), *картóшъц'ку, ц'угýнку, кадýшъц'к'и, руц'ėй, с"иц'áс, ав'ėц'ки, иржы́ц'к'и, акóшъц'къ, пáлъц'къ, с"ėм'ъц'къ, кóфтъцка, горшėцк'и, малошн'ицкъ, ад'инóцкъ, цардáк, карз"инъцку, с пáлъцкъй, в апóцку, óцън', в зы́бъцках, л'ýл'уцкуй, цътв'артýшкъ, врацы́, гар'áццй, в'ėцъръм, фстр'ėцнъй, н'ъ прамáцывъйа, кýцу, навýцыт'ъс", зъ пцалáм'и, ч'авóш* (чего же?), *йач'м'ėн', хóч'а, вч'арáс", вóч'ър'т, жбанóчък, чардак*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым. Подберезинский р-н, дер. Сергейцево: *агур'ėц"к 'и,н'иц"авó, с'иц"áс, ц"авó, шáпач"ку, н'ицавó, хóчыт, квóкчыт, кудáкчыт, чатв'óртыва, дóчка, учы́т'ил'н'ица, н'ет чардака*; «*ч* полумягкое, шепелявое»: *закр'ич"ӥт, н'и выплáч'ивал'и, п'ач'ӥна, мáл'ч'ик'и*; *јáјца, јáјцы*.

Калининская область. Максатихинский р-н, дер. Гузеева: *ц'оты́ри, в ц'отыр'óх, ты́с'ец, час, чóрныј, ноч, óчен', пėчка, уjėхатчы, дефчóнка, м'áчик, ч'ас, ч'óрныј, п'ėч'ка, доч', уч'асток; кýр'ич'а, ч'áпл'а, овėч', молод'ėц, кýрица, јајцó, молодėц, офцá, конėц* и другие примеры с *ц* твердым; Осташковский р-н, дер. Зеленин: *ц'óрный, ноць, доць, цас* — «сохранилось у стариков», *час, мальчӥшечка, п'ечáлину, чаловėк, калачý, крėпче, вчьрáс', бóчка, ч'óрный, ноч', доч', ч'ислó, ч'ӥстый, сýч'á*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым. Рамешковский р-н, дер. Хромцово: «Старики и старухи цокают» — *ноць, доць, цас, цóрнай, пėцка*; «ч мягкое» — *чӥстый, числó, час, спички, чáшка, мячик, молчать, палач, часы*; *Хромчово* (Хромцово), *кýр'ица, ицó, цáпля, молодėц, отėц, овцá* и другие примеры с *ц* твердым.

Ленинградская область. Волховский р-н, дер. Ульянова: *молоц'кó, попóт'ц'еват', нит'ц'евó, два огýрцыка, цај, час, чы́сто, чысл'ó, хочý, рубáшэчка, очы́с'т'ила, чяс, чёрный, ночь, доч', пėч'ка* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Оредежский р-н, с. Нестерово: *фц'ерáс', цасы́, ушóццы, вы́шеццы, ч'асто, ч'ај, ч'ӥсто, ч'ýдо, получ'ӥл, молч'ý* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Осьминский р-н, дер. Карино: *биз дъц'ар'ėј, гáлац'к'ин, малáшец'к'ин, на ч"ардáк, ч"алав'ėк, ав'ецја, с'ицáс, фс'áцаскы, знáчыт, чылав'ėк, бывáлач, чырдакóм, ф п'ėч'к'и, ч'аты́р'и; карм'ӥл'еч, м'ėл'н'ица, м'ėл'н'иц, н'ėмцы, жыл'цы́* и другие примеры с *ц*.

Новгородская область. Валдайский р-н, дер. Вороново: *рėц'ка, сцитáт', цėрис, сóпъц'ку* — «в случаях цоканья *ц* произносится мягко; встречается особое *ч* — это *ч*, близкое к твердому звуку, больно бьющему на слух»: *час, чóрный, ноч, печ, чолнóк, молочý, чоловėк*, «но и *грóмч'е, уч'ител', уч'ӥццы*»; «как правило, чоканье отсутствует, но *курича*», *жы́т'ница, пáлец, птӥца, цыплятница, јагнӥцца*: Демянский р-н, дер. Мошонка: *хóц'от, моц'ӥл'и, уцы́л'и, п'ėцку, óбруц, кузн'ецы́ха, ушóтцы, кл'уцы́, цай, п'ėцк'и, цы́стой, пáроцку*,

яйцк'и, бар'ётоцк'и, ч'ас, н'еч'ӧва, с дӧч'кой; ф кӯзн'ицы, хл'ёб'ец, тáнцы; Залучский р-н, дер. Озерки: *бӧц'ка, доц, дӧцка, ноц, пл'ичӧ, чáста, палуч'ил, пл'ичӧ, ноч', доч';* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Новгородский р-н, дер. Марино: *с'ец'ас, ц'угӯн, ц'áју, ц'овӧ, ц'ӯшка, ц'ёр'ис, ц'итáт', ушӧтцы, пр'ишӧтцы.* «Как система в говоре произносится *ч'*»; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Долгово; «В речи очень старых проскальзывает цоканье»: *ноц', доц', п'ёц'ка, ц'ај, цас, цӧрный, ч'ӣстой, ч'ислӧ, ч'ас, офчá;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Псковская область. Карамышевский р-н, с. Рыдалы: *на п'ёц'ку, н'ец'ӣтана, н'ёц'ем, п'ёч*^{ш}*'ка, ч*^{ш}*'атӹр'и, ч*^{ш}*'áшка, н'ёцава, дацкá, па дасӧцкам, вӹшетцы, вӹскач'ӣл;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Качановский р-н, с. Дядно: *п'ац'áл'и* (печали) *тӯч*^{ш}*'а, ц*^{ч}*'елав'ёка, рыц*^{ч}*ӹт, п'ёцка, цатӹр'и, картӧшецка, царвӧнцы, цатӹрнаццать, дӧцк'и;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Шумилкино: *дац'кá, ц'ёр'ис, п'ач*^{ц}*'ӧры* (пещеры), *тӹс'иц, п'ёцка, св'ацá, намалӧцын, мацӹла, зачӹн'шыца, в'ёчырам* (2 раза), *дачкá, намалӧчын, кумачӧм, сл'ӣвач'ик, лӯч'ч'и;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Новоржевский р-н, дер. Черноярово: *гӧрац'ка, в'ёрац'ка, плáц'а, в'ад'ӧрац'ка, пр'им'ец'áла, мац'ӣл, дач*^{ц}*кá, ч*^{ц}*ӯствују, мáлч*^{ц}*ык, в'ёч*^{ц}*ыр, кӧнц*^{ч}*ыш, ф кӯцу, малацкӧ, с р'ёцк'и, кӧнцым, с самцӹх'и, д'евацк'и, л'ӣчна, чужӧј, в начáл'е, с'ичáс, афчӹны. п'ёчку, чылав'ёка, в'анчáл'и, вӯчат, часӹ, п'ат'ӧрачку, чатӹр'и;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Новосельский р-н, дер. Моложане: *пл'ац'ӧ, н'иц'ӧва, дӧц'ка, ц'угӯн, ц'ыста, фс'áц'ына, п'ёц'ка, ц'асӧв'инка, ч*^{ц}*'áјн'ик, пцӧлы, целá, царн'ӣга, крыч'áла, ч'ужӹх, ч'атӹр'и, ч'асӧф, тӯч'а;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Палкинский р-н, дер. Сысоево: *ч*^{ш}*'итыр'и, пр'ич*^{ш}*'ӣсл'иш, ноц, дацкá, цӹста, пакарӧце, јацмён', с'ицáс, ав'ёцки', мацӹл'и, ч'áј, ч'иста, ч'угӯн;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Троши: *бӧц'ка, ц'ај, цáста, цај, цӹста, ноц, цугӯн, пл'ацӧ, палучӹл; ӯл'иса, м'ёс'ас, кӯр'ица, ат'ёц, афцá;* Печорский р-н, дер. Малы: *ц'асáт', ц'им, нац'ёсут, тӧц'ивал'и, дацкá, цӹста, слуцáлас', дач'кá;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Плюсский р-н, дер. Борки: *ц*^{ч}*'áсто, ц*^{ч}*'ај, ц*^{ч}*ӹсто, ц*^{ч}*'угӯн, пл'ец*^{ч}*ӧ, полуц*^{ч}*ӹл, ноц*^{ч}*, пр'ишӧдцы, ч'ӣсто, ноч', получ'ӣл, дӧч'ка;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Пыталовский р-н, дер. Дрени: *ц'ӣста, плáц'ут, дац'ӯш, цај, цӧрныји, цугӯн, цашка, цáста, тӯч"а;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Сунево: *ц'ӣста, ц*^{ч}*'атӹр'и, цалӧ, галӧвацык, в'ёцыром, карӧцы, суцӧк, цáјн'ик, ф п'ёцку, скуцáла, дацкá, цас, рагáц, ф чом, палӯчка, атв'ичáје, с*^{ш}*'ич'áс, п'итач'кӧф, ч'исӧф, ч'итáт', ч'илав'ёка, шатӹр'и;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Пушкиногорский р-н, дер. Крылово: *хӧц'ут, сич*^{ц}*áс, ч*^{ц}*ас, н'иц"авӧ, ц*^{ч}*авӧ, цардáк, фцарá, цӹсто, н'и хацӯ, снацáла, пл'ацӧ, паталӧчыну, на замӧчык, ӧчын', вучӹл'и, кӧнчылас', апр'ӣч', ч'ӣсты;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Салтаново: *п'ёц'ка, ноц', пл'ацӧ, дӧцка, тӯца, пл'ёцы, к в'ёцыру, с луцӹны, уцӹт'ил',назнáцут, чӹста, чӯда, ч'áста, доч';* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Сошихинский р-н, дер. Поварнино: *в'ец'еркӧм, пцӧлы, бацӧк, цај, чај, ч'áју, ч'елав'ёк;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Сергино: *ц'ај, с п'ер'едáц'ај, дасӧц'к'и, нацáл'н'ик, цáсто, снацáла, тӯч'а, ч'áста, ч'угӯн, дач'кá;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Струго-Красненский р-н, дер. Рошелёво: *с'иц'áс, с'ём'ац'ка, кӧзац'ку',*

с'ицас, р'ецк'и, фс'ацыноj; н'ичаво, дачка, кусочык, сыночык, мочыш, кач'ан, фч'арас; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Смоленская область. Велижский р-н, дер. Дятлово; *яц'мень, пець, клюц'и, цасто, цай, цысто, полуцыл, цудо, молцу, цугун, плец, пятацок, цеγо, ноц, доц, доцка, боцка, хыдячыя, чым, трошыч'ки, ч'аjу*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Демидовский р-н, дер. Лоскотово: «В говоре старшего поколения, по-видимому, господствовало цоканье. В настоящее время цоканье наблюдается в меньшей мере, наряду с более частым произношением *ч* твердого, главным образом, у некоренных жителей деревни»: *д'ауц"онка, п'ецку, цап'ец, сыцас, учыл'ис', чарн'ицы, ав'ечка, учыт'ил', дыч'ка, ч"аста, ч"и хад'ил'и*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Пашино: «В говоре по словам стариков, господствовало цоканье. Сейчас оно наблюдается сравнительно редко. Наряду с ним распространено произношение *ч* твердого»: *п'ец"ка, стриц", туц", кудакц"иш, ц"и пад'еш, дыц"ка, кр'иц"ит'', цаγо, рыγац, цашше* (чаще), *л'ехчы, учыт''ил', дочка, н'ичоγа, учоба, муж"ынка, ап чом, чатыр'и, чарн"ицы, часы*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Понизовский р-н, дер. Калериново: *конц'ыл, мал'ц'ык, вну'ц'къ, ц'атырнъц'т' л'ет, ац иту, д'исц'ипл'инъ, пец'ка, плац'у, д'ауц'онкъ скуц'айу, н'и хацу, н'ецъва, тр'и дъцк'и, тутъцк'и, н'ицаво, тыс'ицу, ты цаво, мъцалка, лучшы, рабочым, чытайу, очын', учашшыис"ь, фкл'учаитцъ, д'ауч'онкъ, пъ ч'ырдаку, уч'оръ* (вчера). «Преимущественно старшее и среднее поколение цокает; *ц*, произносимое на месте *ч*, звучит более мягко, чем *ц* истинное, мы его обозначали *ц* полумягким (*ц'*). Но у среднего поколения отмечается преимущественное употребление *ч* твердого, причем этимологически правильно. У детей школьного возраста то же самое»; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Ярцевский р-н, дер. Скачково; *шапъц'к'и, хоц'ит'а, заму́ц'ила, кружайц'ик'и, цым, γар'аца, н'ицоγа, уцыт'ъл', выскъцыл'и, jajицк'и, цул'и* (чуяли), *ч'атыр'и, ч'уγун, ч'аjу, туч'а, вауч'онъч'ък*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Устойчивость употребления твердого *ц* именно в соответствии аналогичной аффрикате нормализованного типа языка, представленная в приведенных материалах, наиболее ярко свидетельствует о том, что наличие в этих же говорах мягкого *ц'*, употребляемого только в соответствии *ч'*, не является само по себе реликтом мягкого цоканья. В говорах с мягким цоканьем, как мы видели выше, при переходе к различению *ч'* и *ц* наблюдались как раз обратные отношения. По мере усвоения *ч'* в них дольше всего сохраняют неразграниченное употребление *ц'* и *ц* именно в соответствии *ц*: различение двух свистящих аффрикат по мягкости и твердости фиксируется позднее, чем различие шипящей и свистящей аффрикаты.

В приведенных же материалах вероятнее всего отражен процесс усвоения мягкого *ч'* определенными группами говоров, именно тех говоров, которые наиболее долго и последовательно сохраняли на данной территории твердое цоканье.

Широкий процесс усвоения *ч'* начался в подобных говорах под влиянием нормализованного типа языка, вероятнее всего уже в послереволюционное время, когда это влияние стало особенно глубоким и последовательным. Процесс усвоения *ч'* на этом этапе протекал в говорах с твердым цоканьем иначе, чем прежде, а именно, при более точном воспроизведении усваиваемого звука *ч'* как звука шипящего и мягкого. Попытки произнесения этого звука и могут выражаться в произнесении *ц'* (близкого по артикуляции к *ч'*), а также разного

рода промежуточных звуков, которые передаются наблюдателями то как звуки, промежуточные между *ц'* и *ч'* (*ц'ч'*, *ч'ц'*), то как *ц'* шепелявое (*ц''*), то как *ч* шепелявое (*ч''*). Отмечены в сообщениях о подобных говорах также случаи употребления *ч'* как такового.

Наблюдаемое в тех же говорах известное распространение твердого *ч*, а также наличие отдельных случаев цоканья уже не являются основными фактами, знаменующими собою отход от твердого цоканья, а имеют лишь эпизодический характер. В некоторых же случаях употребление твердого *ч* и наличие чоканья могут быть и пережиточными явлениями, связанными с развитием различения *ч* и *ц* в более давнее время.

На примере многих диалектных черт, находящихся в настоящее время под нивелирующим воздействием нормализованного типа языка, можно убедиться в том, что, хотя общее направление развития подобных диалектных особенностей определяется в конечном счете влиянием этого последнего, самый характер развития, его специфика складываются на основе закономерностей развития, присущих системам тех или иных говоров.

Очевидно также и то, что развитие одной и той же диалектной особенности, идущее в одном и том же направлении, может по-разному протекать в разные исторические периоды.

В связи с этим понятно, что в сообщениях конца XIX—начала XX в. редко отмечают мягкое *ц'* в говорах данной территории. Появление этого *ц'* связано здесь с усвоением мягкого *ч'* в новое, преимущественно послереволюционное, время. Не случайно поэтому, например, и то, что в характеристике западной группы северновеликорусского наречия, которая дана в «Опыте диалектологической карты», указания на наличие мягкого *ц'* совершенно отсутствуют [30].

Указание на совпадение *ц* и *ч* в мягком *ц'*, т. е. на мягкое цоканье, данное при описании среднерусских говоров с белорусским наслоением и приведенное выше, не соответствовало действительности и было, как мы отмечали, исправлено еще Н. Н. Соколовым в работе «Псковские говоры» (1919 г.). Сообщения о наличии мягкого *ц'* в этих говорах относились также, видимо, к употреблению мягкого *ц'* в соответствии только этимологическому *ч*.

В материалах, использованных С. А. Копорским при составлении карты цоканья Калининской и Великолукской областей, сообщения о распространении мягкого *ц'* также приводятся исключительно современными наблюдателями, участниками диалектологических экспедиций сороковых годов текущего столетия.

Таким образом, путь усвоения мягкого *ч'* через произнесение звуков типа *ц'*, *ц''*, *ц'ч'*, *ч'ц'* может быть признан характерным и типичным лишь для говоров, долго сохранявших твердое цоканье, т. е. преимущественное произношение одной твердой свистящей аффрикаты, и оказывавшихся на этом этапе своего развития под непосредственным воздействием нормализованного типа языка. Выше получил уже свою характеристику иной путь развития говоров с твердым цоканьем в сторону различения твердых *ч* и *ц*, широко распространенный в более раннее время и сохранивший позднее свое значение лишь в весьма ограниченной степени.

Небольшим количеством сообщений засвидетельствован и тот этап развития говоров с твердым цоканьем в сторону различения *ч'* и *ц*, когда произношение твердого *ц* в соответствии *ч* уже совершенно

---

[30] См. «Опыт», стр. 13.

устраняется, но самое произношение мягкого ч еще не установилось и в соответствии с ч встречаются ц’, ц’^{ч}’, ц” и другие палатальные свистящие аффрикаты. Таким образом, в говорах может на некоторое время сложиться различение одной твердой аффрикаты одновременно с несколькими мягкими аффрикатами, объединенными между собой характерным для них признаком палатальности; отношения этого типа и отражены в приводимых далее сообщениях.

Великолукская область. Идрицкий р-н, дер. Ильичино: ко́нц’ифшы, мац’и́л’и, смац’и́лс’а, ц’аса́л’и, бо́ц’ен’, д’е́воц’к’и, ц’аво́, руц’ајо́к, помо́ц’им, с’иц”а́с, но́н’ец”а, п’ац”и́, на п’е́ц”к’и, помо́ц”, кусо́ц”ек, бо́жец”ко, гарц”а́јет, јац”м’е́н’, чо́рнаја, з до́чкај, у чатыр’о́м, на ка́ртачках, п’ач’и́на, н’ич’аво́, на да́ч’е, ма́л’ч’ик, доч’, в’е́ч’ера, с’еч’а́с, д’е́вач’ка; ат’е́ц, у н’е́мцех, с’енцо́, н’ет канца́, карм’и́л’ец; Ленинский р-н, дер. Голенищево: ц’аво́, нар’е́ц’ьйъ, нац’ин’е́л’и до́ц^{ч}къ, па́л’ц^{ч}ьк, ц^{ч}ем, съндуц^{ч}о́к, ру́ц^{ч}к’и, заму́ц^{ч}иу́шис”ъ, квоկц^{ч}ут’, хац^{ч}у́, ла́мпъц^{ч}к’и, зънац^{ч}у́йу, ц^{ч}ьтыр’о́м, како́ц^{ч}ьт’, п’ец^{ч}, нац^{ч}а́л, ст’а́рец^{ч}, ц^{ч}ирв’и́вый, хо́ц^{ч}ит’, но́ц^{ч}и, ръскула́ц^{ч}ивал’и, ц^{ч}аса́х, гар’а́ц^{ч}айъ, зац^{ч}ина́йут’, мълац^{ч}у́, атв’ац^{ч}айу, ч^{ц}ерда́к, зъкр’ич^{ц}ел’и, како́ч^{ц}ит’, кр’ич^{ц}ит’, зъкрич^{ц}а́л’и, ч^{ц}арн’и́цы, н’ич^{ц}аво́, с”е́тъч^{ц}къй, уч^{ц}о́ный, по́ч^{ц}тъ, скач^{ц}у, нач^{ц}ала́, пътч^{ц}ин’а́шс”ъ, пла́ч^{ц}ит’, назна́ч^{ц}нъ, ту́ч^{ц}ъ, галч^{ц}о́нък, муч^{ц}найь, дъч^{ц}ар’е́й, к п’е́ч^{ц}и, доч^{ц}, мал’ч^{ц}ишк’и; «ц^{ч} и ч^{ц} — звуки, ближе к мягким, чем к твердым... У молодежи деревни никаких следов цоканья не осталось. Произносится ч’. Приведенные примеры относятся целиком к представителям старшего поколения»; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; Торопецкий р-н, дер. Шатры: пр’ийехътц’и, пац’к’и́ (почти), зажéч’, сп’и́ч’ки, късар’а́шкъ, зъ р’ач’а́м’и, зъ ав’е́ч’ьк, кл’уч’и́ и другие примеры с ч’; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым.

Калининская область. Кесовогорский р-н, дер. Поцепы: ц’и́сто полуц’и́ў, моўц’у́, ц’игу́н, ц’ово́ ’до́ц’ка, т’а́сто, т’ай («т’а́сто, т’ай звучит как среднее между т’, ц’ и ч’»), п’итачо́к, ча́сто, чай, чу́до, пл’ечо́, до́чка, бо́чка, моўчу́, бочо́нок; «ч полумягкое, не ч’и и не чы, а нечто среднее: ч̇а́сто, ч̇ай, ч̇и́сто, получ̇и́ў, моўч̇у́, ч̇угу́н, пл’еч̇о́, п’итач̇о́к, ч̇ево́, ноч̇, доч̇; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; Молодотудский р-н, дер. Хмелёвка: ма́л’ц’ик, И́ръц’ка, вы́скъц’и, ч’ай, ъгурч’и́шк’и, н’ич’аво́, н’ич’е́во́, ў́ну́ч’ек, ў́ско́ч’ит, ч’угуно́м и другие примеры с ч’; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; Осташковский р-н, дер. Кравотынь: н’иц’аво́, зд’аф, ц’о́нкај, н’и сц’о́ту, н’и пр’иц’о́ту, малац’ка́, гаршéц’ек, д’афц’о́нка, но́н’иц’а, внуц’а́т, до́ц’к’и, сц’о́ту, ц’^{ч}’а́с’ик’и, ч’аты́р’и, ко́н’ч’ила, ч’ахо́тка, пл’ач’а́; цéркаф, глыбачи́ца; Сонковский р-н, дер. Пуршево: ц’а́сто, ц’ово́, ч’а́сто, ч’а́ј, ч’и́сто, получ’и́л, ч’у́до, молч’у́ и другие примеры с ч’; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым.

Новгородская область. Валдайский р-н, дер. Ящербово: целовéк, цясо́вня («ц мягкое»), рога́ч, кри́ночка, ру́чки, ручéй; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; Крестецкий р-н, дер. Шеребуть: с молото́ц’ка, чяс, чёрной, ноч’, доч’, печ’ка, число, чистый, чячынь; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; Маловишерский р-н, дер. Глутно: ц’ерф с’јéл, ц’еты́ре рубля, ц’я́сная дачя, чяс, чёрной, ноч’, доч’, п’е́ч’ка; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; Мстинский р-н, дер. Гостцы: ц’угу́н, ц’ай, мал’ц’и́шка, ц’а́шьц’ку, н’иц’ово́, д’е́въц’к’и, popла́ц’у, ц’аты́р’е, ч’еты́р’е, у́лъч’ка, ч’угу́н, ч’ай, огу́рч’ик’и, ноч’, до́ч’ка; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым.

Смоленская область. Демидовский р-н, дер. Максимово: кл’уц”и́, ц”и (вопросительная частица), р’е́чка, часо́ў, учытце, н’ичо́ɣа,

дычка́м'и, ча́ста, учо́ра; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Починковский р-н, дер. Хатросово: *нъц"ан'е́ш, ма́ц"ъха, пл'ачо́, изво́шчък, разно́шчък, п'е́чку, в'ачо́рк'и, пл'ачо́, р'е́чка, мо́чим, чатыр'ъ, пчъла́, часо́у, н'ичо́уа, чи́стый, кр'иче́у, зд'е́вуч'куй, къч'а́л'и, н'а лу́ч'ч'е* («мягкое *ч* встречается редко. Преобладает полумягкое, которое иногда звучит близко к твердому»); в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Употребление мягкого *ц'* (часто наряду с разного рода звуками типа *ц"*, *ч"*, *ц"*) в тех случаях, когда оно выступает в соответствии только этимологическому *ч*, не принимается, таким образом, нами как свидетельство о наличии мягкого цоканья в говоре. Выше уже говорилось, что употребление *ц'* в подобных случаях скорее может свидетельствовать о процессе приспособления носителей данного говора к произнесению мягкого *ч'* именно при отходе от твердого цоканья в более позднее время.

Лишь в немногих сообщениях, относящихся к западной группе говоров, содержатся данные, свидетельствующие о сосуществовании мягкого и твердого цоканья как двух систем совпадения аффрикат.

Калининская область. Рамешковский р-н, дер. Холмы: *выц'иркн'и, ц'эрн'и́ц'эй, н'иц"о́м, ф ц"ужы́ја, цово́, пърал'и́ц, цас'т', ма́л'цык, уцы́цца, вр'и́м'и́цка* (времечко), *ф цыр'о́т, с'ица́с, н'ицо́м, до́цыр'и, цо́р'ис, цы́ста, сп'и́цк'и, закрыцы́т, ф цугу́н, но́цы, па в'о́цыру, п'о́цк'и, цоты́р'и, цай, цужу́ју, цылов'о́к, д'о́воцка, ку́ртъцк'и, покоро́цы, л'о́нтъцк'и, л'у́бъцка, цуп, цуло́цк'и, ов'о́цку, с'ица́с, нын'цы, ацы́с'т'иш, вод'и́цк'и, зъбрус'н'и́цэй, молч'у́, ч'а́ста, ч'и́ста, ч'ай, пълуч'и́л, ч'у́да* и другие примеры с *ч'*; *у́л'иц'а, ку́р'иц'а, офц'а́, у́л'иц'у, ц'о́лый', к от'ц'у́, у отц'а́, пълов'и́ц'у, офц'у́, п'ис'м'эц'у́, ку́р'иц'у, пъшэн'и́ц'а, пъшэн'и́ц'у, с'п'и́ц'а, с'п'и́ц'у, кан'цы́, цэла́, пълат'о́нцаф, ат'зц, в'энца́, дв'эна́ццът'* и другие примеры с *ц* твердым; Удомельский р-н, дер. Белавино: *до́ц'ка, ф п'е́ц'к'и, н'ицаво́, вышетцы, мычы́т, рычы́т, м'ау́чыт, ноч, ч'ас, ч'о́рнъј, ноч', ч'итырнацат', о́ч'и"н', уч'а́стк'и* и другие примеры с *ч'* — «звук *ч* в большинстве случаев средней твердости. В речи стариков *ч* в некоторых словах твердый..., в некоторых — средней твердости. В речи грамотной молодежи *ч* мягкий»; *карм'и́ле"ц', ку́р'ица, јајцо́, малад'е́ц, афца́, кал'цо́, цв'иты́* и другие примеры с *ц* твердым; там же, дер. Мушина: «*ц* мягкое только у стариков... У молодежи и среднего поколения звук *ч* звуком *ц* не заменяется. Звук *ч* средней мягкости, очень близок к литературному, несколько тверже: *ц'о́рныји, ц'асо́к, ја́блац'ка, ц'илав'е́ка, ц'улк'и́, разлу́ц'н'ика, д'ифч'о́нкај, ч'и́стај, ч'исло́, ч'ас, хач'у́; гул'а́н'јиц'е, ји'јцо, је́јцы , ку́р'ица, малад'е́ц, л'ицо́, в'енцы́* и другие примеры с *ц* твердым.

Ленинградская область. Капшинский р-н, дер. Лукино: *ц'ај, шчот, чи́ст'ен'ка, кл'учова́ја, учи́ца* — «*ч* произносится тверже, чем в литературном языке»; *на конц'е́, учи́ц'а, це́рква, л'ицево́ј*.

Новгородская область. Демянский р-н, дер. Гороетцы: *мужыц'к'и́, ц'а́сто, до́ц'ка, ноч', ре́ч'ка, хоч'у́, н'едал'е́ч'е, ч'асо́в'енка, лучи́нк'и, ч'а́шк'и, јо́лоч'ку, реч'; с'е́рц'о, м'е́с'ац'оф, конц'а́, ма́л'ца, це́ркоф', круп'и́ц, цыд'и́м, яйца́,*

Псковская область. Павский р-н, с. Бортно: *ц'орноз'о́м, ц"олов'и́к, гор'а́ц"ии, пр'ишо́ццы, ч'ужо́ј, фч'ара́, н'ич'ово́; в'инц'о́, винц"о́, у́л'иц"у, ф це́ркву, ку́р'ицу, огурцы́.*

Смоленская область. Велижский р-н, дер. Коже́ки: *ц'аста, ц'ай, ц'иста, пулуц'и́у, ц'уда, ц'у́гун, п'итац'ок, ц'ауо, ноц', доц', доц'ка, боц'ка, малцу, пл'ацо́; ц'елый, канец', вул'иц'а, курица, авца, яйцо, вулицу, канцы* и другие примеры с *ц* твердым.

Говоры, представляющие сосуществование твердого и мягкого цоканья, не имеют, как показывает карта 2, определенно очерченной территории своего распространения. Количество таких говоров невелико.

По отношению к этим весьма немногочисленным говорам не исключена возможность предположения, что вновь появившаяся палатальная аффриката *ц'* — результат приспособления к произнесению звука *ч'* — употребляется в них в отдельных случаях и в соответствии этимологическому *ц*. В подобных говорах мы имеем как бы известную аналогию чоканью, тем более, что эти говоры находятся в тех частях изучаемой территории, где условия для развития в сторону сближения с общенародной формой языка наименее благоприятны. Лишь исследование истории каждого из подобных говоров могло бы дать полную уверенность в том, что это не говоры выселенцев, например, с северо-восточной территории мягкого цоканья, хотя подобные переселения, за исключением отдельных случаев, неизвестны.

Таким образом предположение о том, что это могут быть говоры, сохраняющие, наряду с твердым цоканьем, также и мягкое цоканье, полностью не исключается. В окончательном решении этого вопроса мы не можем также опереться и на ранее опубликованные материалы, представленные по данной территории в виде разного рода сводок ответов на диалектологические программы. В этих материалах, как правило, содержатся лишь общие указания на употребление *ц'* и весьма ограниченное число примеров, в связи с чем выявить систему употребления *ц'* оказывается чаще всего невозможным.

Проведенный анализ материалов, характеризующих употребление аффрикат на западной территории русских народных говоров, позволяет сделать некоторые выводы о значении и внутренней связи современных и пережитых в прошлом процессов, наблюдаемых в развитии интересующего нас явления.

Широко распространенное в прошлом твердое цоканье сохраняется преимущественно на тех частях изучаемой территории, где в ходе исторического процесса позднее имелись благоприятные условия для эффективного воздействия на говоры со стороны нормализованного типа языка.

Несмотря на то, что современное разнообразие употребления аффрикат сложилось в изучаемых говорах на основе твердого цоканья, нельзя все же признать это последнее самым древним типом для говоров данной территории; несомненно, что твердому цоканью предшествовал в процессе развития фонетической системы данных говоров более древний тип совпадения этимологических *ч'* и *ц'* в *ц'*, т. е. мягкое цоканье. Наличие в прошлом именно мягкого цоканья засвидетельствовано данными древнейших памятников Новгородской земли.

Наличие мягкого цоканья во многих говорах северо-восточной территории, преимущественно заселенной выходцами из Новгородской земли, также показательно для суждения о самом древнем виде совпадения аффрикат: северо-восточные говоры, как говоры выселенцев Новгородской земли, дольше сохраняли мягкое цоканье, характерное для них с древнего времени.

Тенденция к отвердению *ц'* при мягком цоканье действовала и действует, как мы имели возможность убедиться, и в северо-восточных говорах, однако там это отвердение еще не получило значительного распространения. В Новгородских же говорах твердое цоканье было еще до того, как здесь, начиная, может быть, уже с XVI—XVII вв., стало развиваться различение твердых *ч* и *ц*, которое складывалось на основе твердого цоканья.

Различный ход этих процессов объясняется различиями в условиях исторического существования носителей тех и других говоров. Распространение любого фонетического новообразования, в том числе и отвердения *ц*, гораздо успешнее шло в говорах центра, каковыми являлись в прошлом говоры исконных вотчин Новгородского княжества по отношению к его северо-восточной окраине. Взаимодействию говоров западной территории содействовала и бо́льшая плотность населения, и большее, чем на северо-востоке, развитие экономических связей между различными частями этой территории, и больший охват государственной властью, гораздо слабее распространявшейся в то время на окраинные земли.

В связи со всем этим в говорах новгородских выселенцев на северо-востоке и могло дольше сохраняться более древнее состояние отдельных сторон языкового строя. Подобное явление мы наблюдаем и в другие исторические эпохи в говорах переселенцев, оторванных от своей первоначальной языковой среды; наряду с сохранением более древних языковых особенностей, в таких говорах могут развиваться и свои новообразования.

Итак, западные говоры на определенном этапе своего развития стали отличаться по типу употребления аффрикат от говоров северо-востока широким распространением твердого цоканья, создавшим основу для последующего усвоения *ч* как твердой аффрикаты. Переход к различению твердых *ч* и *ц*, несомненно, наметился в говорах данной территории с давнего времени (возможно, еще с XVII в.) и продолжал оставаться актуальным процессом долгое время (см. современное распространение говоров с твердым цоканьем в сочетании с эпизодическим различением *ч* и *ц* твердых). Ср. также наличие твердого *ч* и в тех говорах, где переход к усвоению *ч'* совершается в процессе употребления разного рода палатальных аффрикат. Установившееся различение вело с течением времени к устранению твердого цоканья в ряде говоров, причем в определенной группе говоров, очевидно наиболее тесно связанных общими языковыми процессами, при отходе от твердого цоканья могло сохраняться лишь произношение *ц* в соответствии *ч* в нескольких словах, принадлежащих к категории причастий. Характерно также и наличие определенной территории распространения данного явления.

Сделанная попытка рассмотреть употребление мягкого *ц'* в изучаемых говорах в системе определенных отношений, характеризующих употребление аффрикат, показывает также, что мягкое *ц'* развивалось на данной территории вторично в говорах имевших до его появления твердое цоканье, но совершавших переход к различению *ч'* и *ц* в другое время и в других условиях, чем говоры, переходившие в более раннее время к различению твердых *ч* и *ц*. Относительно немногочисленных говоров, для которых характерно сосуществование мягкого и твердого цоканья, оказалось возможным сделать несколько предположений, в том числе и допущение о реликтовом для данной группы говоров сохранении мягкого цоканья. Окончательное решение этого вопроса требует исследования истории каждого из таких говоров, что не входило в задачу данной работы.

Переход от твердого цоканья к различению в конечном счете *ч'* и *ц*, через ступени различения твердых *ч* и *ц*, в отдельных случаях при сохранении *ц* в суффиксах причастий, или через употребление мягких свистящих аффрикат только в соответствии *ч'*, имел место во многих говорах, в том числе и в тех, которые уже не сохраняют следов былого цоканья.

При этом необходимо учитывать, что для значительного числа говоров западной группы, как в ее северной, так и в южной части, различение *ч'* и *ц* является исконным: говоры эти никогда не знали цоканья. «Вывод» населения в Новгородское княжество с центральных территорий Московского государства лишь положил начало изменению состава населения. Западные территории принадлежали и в дальнейшем к числу тех мест нашего государства, где состав населения, в том числе и интересующего нас крестьянского, был особенно сложным по истории своего формирования.

Именно в связи с этим намечаемая по материалам говоров этой территории история цоканья, заключающаяся на более поздних этапах развития (начиная с XVII в.) в переходе к различению аффрикат, не имеет отношения к истории консонантизма тех говоров, для которых различение *ч'* и *ц* является исконным.

ЦОКАЮЩИЕ ГОВОРЫ ЮГО-ВОСТОКА

По характеру употребления аффрикат говоры на территории юго-востока Европейской части СССР представляют значительное сходство с только что рассмотренными говорами западных территорий, особенно с той частью этих последних, где в наибольшей степени сохраняется твердое цоканье и ближайшим образом связанные с ним виды употребления аффрикат, отражающие поздние процессы развития, совершающиеся под влиянием нормализованного типа языка нации (ср. в пределах северо-западных и западных говоров употребление аффрикат на территории Псковской, Калининской, Великолукской областей).

В пределах современного русского языка цокающие говоры юго-востока отделены как от западных, так и от северо-восточных территорий цокающих говоров широкой полосой нецокающих говоров. Однако не только наличие у этой группы цокающих говоров самостоятельной изолированной территории побуждает нас отдельно анализировать представленные здесь данные об употреблении аффрикат: на юго-восточной территории значительный интерес представляет территориальное распространение отдельных видов цоканья и характерных процессов их развития и даже количественное соотношение разных видов цоканья друг с другом, сравнительно с говорами западной группы. Все эти явления заслуживают специального рассмотрения и должны в дальнейшем получить свое объяснение на основе исторических данных о формировании диалектных групп на этой территории.

В своем современном состоянии территория юго-восточных цокающих говоров охватывает следующие области и районы: Ивановская область — Тейковский, Гаврилово-Посадский, Лежневский районы; Ярославская область — Рязанцевский район; Владимирская область — целиком, за исключением расположенных с запада Струнинского, Александровского, Киржачского районов; Московская область — Павлово-Посадский, Куровской, Орехово-Зуевский, Егорьевский, Шатурский, Кривандинский районы; Рязанская область — Рыбновский, Спас-Клепиковский, Тумский, Бельковский, Касимовский, Елатомский, Ермишинский, восточная часть Спасского, Ижевский, Ерахтурский, Пителинский, Кадомский, северо-восточная часть Мосоловского, Шиловский, Чучковский, Каверинский, Сасовский, Путятинский, Шацкий, Конобеевский, Можарский, Ухоловский, Сараевский районы.

С востока к описанной территории Владимирской и в небольшой степени Рязанской областей примыкают западные районы Горьковской области, на территории которых цокающие говоры постепенно

сменяются по направлению к востоку говорами, в которых широко распространено различение твердых *ч* и *ц*. Различение аффрикат того же типа нередко встречается и далее на восток — в русских говорах Чувашской АССР. Цокающими, в основном, являются и смежные с Рязанской областью русские говоры Мордовской АССР, где также по направлению к востоку увеличивается общее количество говоров с различением твердых *ч* и *ц*.

Отметим, однако, что наиболее четкие изоглоссы различных видов цоканья находим именно на территории Ивановской, Ярославской, Московской, Владимирской, Рязанской областей, где славянское население существовало с особенно давнего времени. Естественно, что при рассмотрении вопросов, связанных с историей употребления аффрикат, в первую очередь принимается во внимание именно эта наиболее западная группа соответствующих изоглосс.

В отношении к классификации говоров, принятой в «Опыте диалектологической карты», юго-восточные цокающие говоры занимают значительную часть территории Владимирско-Поволжской группы северно-великорусского наречия, именно ее юго-восточную часть. Таким образом, нецокающей оказывается вся северная часть Владимирско-Поволжских говоров (узкая полоса с севера) и почти вся западная их половина, за исключением той части этой последней, которая включается в западную территорию говоров с диалектным употреблением аффрикат (см. выше).

Описываемые цокающие говоры юго-восточной группы охватывают также и примыкающую с юга к Владимирско-Поволжским говорам полосу средневеликорусских говоров, точнее, ту часть этих говоров, которая расположена на восток от линии Москва—Коломна. На юге цокающие говоры выходят на территорию южновеликорусского наречия; особенно заметный выступ цокающих говоров, хотя и в значительной степени перемежающихся с нецокающими, образуется на территории таких юго-восточных районов Рязанской области, как Чучковский и Шиловский.

В связи с тем, что юго-восточная группа цокающих говоров целиком входит в территорию вышедшего из печати «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М., 1957), имеется возможность указать, в каком отношении к изоглоссе цоканья находятся изоглоссы других языковых явлений, что наиболее целесообразно будет сделать ниже, после анализа конкретного соотношения разных типов и разновидностей употребления аффрикат на юго-восточной территории.

Наиболее характерной и широко распространенной на описываемой юго-восточной территории говоров является разновидность цоканья, при которой употребление мягкого *ц*', а также мягких звуков типа *ц*'', *ц*'ч', *ч*'ц' наблюдается лишь в соответствии аффрикате *ч*', в то время как в соответствии *ц* произносится только твердое *ц*. Напомним, что с отношениями этого рода мы уже встречались при анализе данных, характеризующих употребление аффрикат в говорах северо-западной группы.

В ряде подобных говоров устанавливается, таким образом, как бы своеобразное различение нескольких мягких, преимущественно свистящих, аффрикат, противопоставленных во всей своей совокупности (поскольку все эти аффрикаты употребляются в соответствии *ч*') одной твердой свистящей непалатальной аффрикате *ц*. В отдельных случаях противопоставленными по говорам могут оказаться также одна свистящая палатальная и одна непалатальная аффриката.

В интересах последующего анализа материала существенно различать две разновидности подобных говоров, в зависимости от того, представлено ли в них также и твердое цоканье. При наличии твердого цоканья ряд звуков в соответствии *ч’* усложняется: здесь могут оказаться *ц’*, *ц”*, *ц*$^{’ч’}$, *ч*$^{’ц’}$, *ч’* а также *ц*, в то время как в соответствии *ц* (за исключением отдельных случаев чоканья в некоторых говорах, о чем см. ниже) находим только *ц*.

При описании говоров западной группы уже было отмечено, что подобное употребление аффрикат распространено в говорах, наиболее долго сохранявших твердое цоканье и совершающих переход к различению *ч’* и *ц* в сравнительно поздние эпохи под непосредственным влиянием общенародной формы языка нации. Наличие звуков *ц’*, *ц”*, *ц*$^{’ч’}$, *ч*$^{’ц’}$ только в соответствии *ч’* отражает, как мы уже это видели на примере говоров западной группы, попытки непосредственного овладения произношением мягкой шипящей аффрикаты *ч’*.

На описываемой юго-восточной территории генезис аналогичного употребления аффрикат, видимо, тот же. Рассмотрение соответствующего материала мы начнем с тех говоров, в которых, наряду с произношением палатальных свистящих аффрикат в соответствии *ч’*, сохранено также и твердое цоканье: подобные говоры представляют собой как бы первый этап в переходе от твердого цоканья к различению *ч’* и *ц*. Поэтому при изложении материала мы будем руководиться теми соображениями генетического порядка, которые были уже сформулированы при анализе данных, относящихся к говорам западной группы, тем более, что данные по обеим группам говоров свидетельствуют о существенных чертах сходства.

Несмотря на наличие сходства в реализации рассматриваемого явления на двух описываемых территориях, анализ соответствующего материала, собранного на территории юго-восточных говоров, сохраняет значительный интерес. Данный вид употребления аффрикат не был ранее описан в литературе. Любое сообщение о факте употребления мягкого *ц’* рассматривали обычно, без учета сферы распространения этого звука и его места в системе консонантизма, как свидетельство о наличии мягкого цоканья в говоре. Лишь в результате экспедиций, совершенных при собирании данных для составления «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», мы впервые смогли полностью убедиться в том, что противопоставление ряда мягких свистящих аффрикат одной непалатальной аффрикате существует как определенная, хотя и временно стабилизовавшаяся разновидность цоканья (о временной стабилизации приходится здесь говорить потому, что, как уже упоминалось, этот вид цоканья прежде всего характеризует собою процесс перехода от твердого цоканья к различению *ч’* и *ц*).

При этом важно подчеркнуть, что в территориальном отношении говоры, представляющие сосуществование твердого цоканья с намечающимся различением двух свистящих аффрикат, палатальной и непалатальной, преимущественно расположены в наиболее глубинных районах описываемой территории, в основном к югу от течения реки Клязмы (см. карту 3).

Владимирская область. Владимирский р-н, дер. Соколово: *нóц”и*, *уц”úл’и*, *плáц”ет*, *с’ец”áс*, *дурац”óк*, *с’ел’óдоц”ка*, *цы́сты*, *цай*, *доч*, *п’еч*, *нáчал’и*, *учы́л’и*, *начылá*, *знáчыт’*, *сучк’ú*, *чужéjа*, *кóчета*, *ч’ит’в’ортнýjу*, *нóч’и*, *гор’ач’á*, *нач’áл’н’иком*, *л’еч’úт*, *ч’ас* и другие примеры с *ч’*; *стрóитча*, *в’ен’чá*, *в бол’н’úч’у*, *оп’ерáч’иjа*, *от’éч’*. *отч’á*, *к’úнутч’а*, *жен’úтч’а*, *в’ен’éч’*, *с’éрч’е*, *пjáн’ич’а*, *мýч’итч’а*, *ýл’ич’и*.

ч'ипл'áты, двáдч'ат', род'úтч'а, с'úтч'у, в соответствии *ц* приведены также примеры с *ц* твердым; Гусь Хрустальный р-н, дер. Заколпье: «Обычно *ч* = *ц* твердому... изредка *ц', ц"*: *зб'ер'éц", дóц"ка, ц"áс'ик, с'иц'áс, п'ец', рýц'ка, ноц', нóнц'и, ноцът* (*ночь-от*), *цáста, цац, цыстъц, о цóм, цулóк, ноц, бóцка, дóцър'и, доц, дóцка, пътацóк. д'éвъцка, гр'éца, пцóлы, цердáк*, из *гр'éцы, цувáшы;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Ковровский р-н, с. Милиново: *ноц', ч'^{ш}'áй, ч^{ш}'úстай, ч'^{ш}'áшеч'ка, с'ейч'^{ш}'áс, толч'^{ш}'óш, крышеч'^{ш}'ка, фч^{ш}'ерá, н'ич^{ш}'овó, гор'áч^{ш}'им'и, тыс'ацу, р'ýмоцку, цыр'ей, на цыр'úу, доц, н'éцева, полуцáйу, целов'éк, цай, п'ер'еколáцываетца, кýца, внýцк'и, п'éцк'и, д'ефцóнкай, в'ецóрк'и, рýцку-ту, венцáл'и, т'áшку, ф п'ет'ýрк'е, с'ейт'áс, по нот'áм, рубт'áтый, т'етыр'и, н'ичовó, п'ечы; пр'ид'ер'óтча, выстоитча, у отч'á, двáтцат', ул'ожытца, отцóф, яйцó, уч'éн'атца, ýл'ица. óфцá;* Курловский р-н, дер. Уляхино: *ц'ижóлъ, ноц', ц'óрта, ц'арн'úка, в уц'úт'ел'н'ицах, рýц'ка, кв'óкц'ет, ц'ер'х* (червь), *ц'арв'úвъца, нъц'авáт', ц'ужáца, нъ п'ацы, моцы н'éту, м'úлоцка, карцáга, ф цугунáх, сар'хвáн'цык'и, нъцыпáц, пълуцыла, куртáвъцку, кáртъцк'и, ф цужыиа, мыцыт, рýцен'к'и, н'ъцавó, кýцку, уцывс"а, акóнцыла, акóнцым, съцáс, дóцку, кадýшьцк'и, нъ пл'ацы, кудáцыт, тýцы, кóцет, пóмац, ван'ýца, плáцот, п'ец, гар'цыт, у падр'áтчыка, лýч'ше, кóч'ет, в'ъч'аркóм, ч'авó, пракóп'ич'у, н'ъ хач'ý, ф п'éч'ку, ч'áсу, дóшта* (дочь-то), *палýч'шь, ч'ълав'éк, нь хóч'ат, пъм'ел'ч'éй, з дóч'ер'ју;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Меленковский р-н, дер. Двоезеры: *кр'иц'éла, кóц'ет, ц'óрныј, мал'цышко, с п'éцк'и, цéрн'ин'ка, коц* (кочет), *с цéм то, цовó, дóцыр'е;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Илькино: *парц'óвыј, кóн'ц'ила, нóн'ц'и, доц'ер'éйт'е, уц'úт'ел'ъм, н'éц'ем, пц'éл'н'ик, молоц'ка, поц"éпъц'ка, мнуц"óнък, цотыр'е, н'ицовó, цóрны, платóцк'и, уч'ов'úдно, ч'ас'т'éй, ч'етыр'е, ч'óрны, ч'асы; кýр'ит'а, тв'отýт* и примеры с *ц* твердым; там же, дер. Каменки: *ц'овó, нáпроц', р'úц'ка* (речка), *врац', н'иц'овó, мал'ц'úшк'и, ц'отыр'е, на в'ец'éр'е, р'éц'ка, ц'улóц'к'и, за бóц'к'им'и, помоцыло, пъцытаjем, молцым, у пцолы, дóцка, молоцкó, н'ич'авó, пч'олá, цв'етóч'кам'и, н'е óч'ен';* примеры с *ц* твердым; там же, дер. Ратново: *ц"áста, ц"ай, пл'ец"ó, дóц"ка, пълуц"úл, уц"úлас', кóнц"ил, внуцáты, хлъпоцý, суцóк, гр'éцы, пъцэмý, цылов'éк, пълуцыла, уцылас', пл'ец, с'ецáс, кр'ицáла, цай, цетыр'и, ъбуцáла, нъ п'ецé, óцен', суцóк, нынч'и, съмоýч'къ'й;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Синжаны: *ц'ем, н'и коз'úц'к'и н'ет, н'иц'овó, гър'ац'ó, внуц'áт, л'éтц'ик, ф ц'улáн'и, ц'овó, ноц", тýца ,дóцка, к пл'ецý, уцыт'ел'н'ица, тоцыл'и, кл'úцк'и, цас'т'éј, цъстокóл, цут' лýчше, ч'ух, дот';* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Муромский р-н, дер. Берёзовка: *ц'ай, хóц'úт, ц'úста, н'иц'овó, ноц', ц'óсыныц'к'и, с'ецáс, нацýйут', начáл'ства, чóрны, н'ипочóм, учóны, л'ечылъс', плáчыт, убучáла, н'ичовó, с пл'еч'á, пл'еч'ó, пъ пл'еч'é* и другие примеры с *ч* мягким; *м'éл'н'ич'а, офч'â, см'ийóтч'а*, в соответствии *ц* приведены и примеры с *ц* твердым; Никологорский р-н, дер. Ивановка: *ноц', цовó, козл'óноцка, молчý, пл'ечó, бóчка, ч'áсто, ч'úсто, пълуч'úл, п'ътач'óк, дóч'ка; кýр'ич'а, ýл'úца, офцá, йайцó, цéлъй, концы, от'éц, кон'éц;* Селивановский р-н, с. Захарово: *в л'есн'úц'иств'е, доц', умýцылас', уч'áстыцък, пърал'úч, н'ичовó, чай, учыл'и, тимофéич, дочка, расплáчывус'* (расплачиваюсь; со стяжением) *óчын', начыс'т'ил'и, плáчыт', вълочыл, н'éчыва, човó, н'ич'овó, фс'арá, с'ин'ч'укóс'кай* (синчуковский), *ч'ýт'* и другие примеры с *ч'*; *отч'óскай* (отцовский), *двáтч'ат', отч'óф, ч'ил'икóм, от'éч* — «большей частью

звучит твердое *ц*»; Ставровский р-н, дер. Кишлеево: *ф ц'юж'ых, н'е р'ец'исты, р'ец', ц'йа́, фц'ара́, н'иц"ово́, снац"а́ла, ф ц"угу́н, бц"ен', ко́нц"ено, д'е́воц"ка, хо́ц"иш, ц"ижо́м, до́ц"ер'и, н'иц"ово́, ц"етыре, йа́роц"к'и, к'ип'ато́цку, харцо́ф, у про́тцых, ф п'ец, но́н'це, цай, н'ицово́, огу́рцык'и*, «*ч* твердое»: *ча́с'т'и, дл'а рабо́тчево, н'ичово́, фс'а́чыны, доч; лов'е́ч*, в соответствии *ц* приведены и примеры с *ц* твердым; Юрьев-Польский р-н, дер. Кинобол: *ны́нц'е*, «часто встречается произношение неопределенного звука, промежуточного между *ч* и *ц*»: *нач'ц'ала́с', ч'ц'а́сто, хо́ч'ц'иш, ч'ц'илов'е́к, с'еч'ц'а́с, ч'ц'айку́, о́ч'ц'ен', д'е́воч'ц'к'и, цас, ф ш'угу́н'ч'ик'е, с'ейш'а́с, н'иш'у́т', дош', ниш'ово́, п'еч', р'у́мач'ка, уч'и́т', ч'етв'е́рк, ко́ч'а* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Фроловское: *ц'ч'ово́, ц'ч'еты́р'и, с'иц'ч'а́с, ц'ч'ула́н, ц'ч'угу́н, ц'ч'а́ј, ц'ч'ытыр'о́х, ц'ч'и́р'из, доц'ч', н'ич'ц'ово́, н'и уч'ц'о́на, цај, цас, ч'угу́н, ч'ир'епо́к, ч'ула́н, ч'а́јнаја*; примеры с *ц* твердым.

Московская область. Егорьевский р-н, с. Куплиям: «чаще у всех *ч*, реже *ц"—ц'*, очень редко *ц* твердое» — *ц'ац, п'ец', с'ец"а́с, с ц"ем, ц"и́стъц, пл'ец"о́, ц"ац, п'ец", п'е́цка, до́цка, цы́стыц, пр'а́ч'уцца, нар'е́ч'ица, ч'есы́, п'е́ч'ку, м'е́л'ч'е, с'еч'а́с* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Полбино: *ко́фтъц'к'а, да в'е́ц'иру, н'иц'аво́, пц'ол, пъв'енц'а́л'ис', ц'ужа́йа, бъɣацы́, бъɣа́ц, гр'ецы́ху, цугу́н, пъмацы́л, н'и уцы́лъс'а, абуцы́лъс', цыта́йу, цаво́, цо́рнъ, уцы́т', уцы́лъ, нъ п'ецы́, плацу́*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Коробовский р-н, дер. Ширяево: *ц"о́рну р'е́ц"ку, ц"у́ств[ую], ц'аво́, с'иц'а́с, ц'илав'е́к, ц'ац сама́ зна́цьш, пафср'ъц'а́лсы, др'ъму́ц'ици, ц'е́шътцы, ку́ц'а, ту́ц'а, мужыцк'и́, с'ацас, доц, на църдак'е́, цаво́, со́цьн', стър'ицк'и́, на пъмацě* (на помочи), *до́чкъ*, «*ч* твердое»; — *з до́чкуц, ф п'е́ч'к'и, ч'аты́р'и, пач'аму́, пашын'ич'ка, с нач'и́нкуц, по́мъч'и*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Кривандинский р-н, дер. Власово: *ц'о́рну, в'е́ч'ц'оръм, н'ич'ц'ево́, с'ица́с, внуца́ты, цугу́н, ницово́, п'а́т' ноцэ́й, нъцова́ла, фцора́, в'е́цором, му́цьн'иць, Петр Ива́ныц, н'и хоцу́, доц, гр'е́цку, н'ичово́*. «У более старого поколения сохранилось цоканье, у поколения несколько более молодого — звук средний между *ч* и *ц* (*ч*ц), у среднего и младшего уже *ч*»; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Илкодино: *ц'а́сто, ц'ай, ц'и́сто, полуц'и́л, ц'у́до, молц'у́, ц'угу́н, пл'ец'о́, п'атац'о́к, ц'ево́, ноц', доц', до́ц'ка, бо́ц'ка, к'ирп'иц'и́, фц'ара́, забо́ц'ус', роб'о́ноц'ик, по́моц', пла́ц'ут, та́н'ц'и, св'е́ц'к'и, н'ицово́, с'еца́с, му́цуцца, на цем, поцому́, от цово́, пр'ицы́тываш*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Подболотново: *доц', с до́ц'ер'ју, пъ ноц'а́м, но́ц'ноj, кот'ело́ц'ек, н'е́ц'ем, н'иц'ево́, бо́ц'ка, о́фц"ы, ц"ужы́је, вну́ц"ка, н'иц"ово́, ц"ай, до́быц"а, пц"о́лы, гре́ц"а, д'ефцо́нка, су́пцик, уцы́лас', кусо́цэк, с'ейца́с, поцы́ше, ча́сто, чай, чейта*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Куровский р-н, дер. Ляхово: «Цоканье распространено непоследовательно. У некоторых представителей говора оно выражено слабо: звук *ч* получает некоторую окраску *ц*»; *ц'асто, пла́ц'ит, поц"ому́, ты́с'ац", полуцы́л, ноц, доц, до́цка, п'ец, н'ицово́, с'ица́с, назна́чыл'и, чы́сто, ч'ай, ч'у́до, молч'у́, ч'угу́н, пл'еч'о́*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым: там же, с. Мисяцево: *сп'и́ц'ец'к'и, проц', прас'а́тъц'к'и, ц'елно́к, ку́ц'е́ц'ка, т'иц'о́т, на п'е́ц'к'е, кацэр'га́, цы́стъ, тыцы́на, пцо́лк'и, н'и́тъцк'и, выруца́л'и, ча́стъ, пръучы́лась, чаво́, харчы́, смачы́ла, ноч, учы́л'и, чай, ч'еты́р'ъ, ч'ердак, рабо́ч'их, уч'и́л'иш'е, ч'ер'енк'и, расто́ч'ък; м'е́с'ис*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Рязанская область. Бельковский р-н, дер. Анемнясево: *акун'óц'к'и, ръд'ниц'к'и́, б'éс привы́ц'к'и, нъ тáц'к'и, ф п'éц'к'и, зарýбъц'ки, кас'и́ц'ки, кáртыц'ки, зв'óздац'ки, птиц'ки, авец'ки, торбъц'ки, цáста, цай, цы́ста, крицы́ш, рыцы́т, пълуцы́ла, цáпъл'ник, кл'уцы́, с плец, нъ дáцу, цугýн, харцы, цуднó, в'ир'óвацкъй, цайкý, цавó, малцý, пцóлы, кал'éцкъм, цзй, пцэ́л'ник* и другие примеры с *ц* твердым, *ч'асóх* (род. п. мн. ч.), *луч'шъ, п'ач'áлн'ай, мълач'к'ó, ч'аты́р'и*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Чуликс: *пиц"óнава, Ц"уликса* (назв. деревни Чуликс), *пáлац"ка, Сергéиц", ац̄"ý, ибуц'óный* (обученный), *итв'иц'áт'* (отвечать), *тихóниц'ка, крицý, стакáн'цик, јайцки, малацкó, цаj, доц, избýшыцка, картóжыцка, кóцът*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Елатомский р-н, с. Кусмор: *ц'ър'ни́ка, нъц'алáс', ц"ом, ц"авó, ц"аты́р'ъ, фц"арá, патóп-ц"ут, тýц"а, мы́ц"ит, кóц"ьт, дóц"ър'и́у, къцатóк, цасóф, пл'ьцó, цáшкъф, нóции́у, цър'ън'и́цны, на цóм, доц, дóцър'и, цетв'ьръ, п'ец* (инф.); в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Щербатовка: *ц'етв'ьръ, в'ен'ц'áл'и, гр'ац'ишну, с'ац"áс, калóдъц"к'и, мýц"ыцы, кр'иц"ит, с'ъц"ас, сабáц"ку, цаты́р'и, тóрбъцкъ, дóцер'а, с'ецáс, фцарá, афцы́нъ, н'ицавó, стóпцут, ф п'ецáх, цáшк'и, намóцым, кумáц, у дóце, пцéл'н'ик, тъбацóк, кирп'иц, дочка, н'ич'авó, дóжжыч'ик, ч'итв'éрк, к'ирпи́ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Ерахтурский р-н, дер. Занины Починки: *фц"арáс', ц"и́á, ц"ивó, Св'и́н-ц"ус, цáста, цай, цыста, пълуцы́л, цýда, малцý, цуγýн, пл'ицó, п'ита-цóк, ноц, доц, дóцка;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Куземкино: *пц'éл'н'ик, ц'ир'н'и́ка, ц'улк'и́, муц"и́цы, доц"ка, тýц"ка, талóц", Св'и́нц"ус* (назв. станции Свинчус), *а'γр'éц"к'и, ц"и́р'ъс мост, цыстъ, цай, цы́стъ, пълуцы́л, малцý, цуγýн, п'итацóк, ноц, тýцъ, пóмъц, ты́с'ац, къцыргá, нъ п'ицé, н'а хóцу, цылав'éк, цаты́р'и, γаршóцък, цóр'ин'к'и* (чёрненькие), *врацы́*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Ермишинский р-н, дер. Торопово: *ч^{ц}аты́р'и, пч^{ц}óлы, нóч^{ц}уй, пъч^{ц}ытáл'и, ч^{ц}ълав'ек, па ч^{ц}óрнаму, мýч^{ц}ыцца, дóч^{ц}ыр'и, цай, сцас, цалó* (чело печи), *на пец, хацý, учы́л'ишша, пчалы́, пл'ич'ó, с'ич'áс, лýч'шы*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Ижевский р-н, с. Лубяники: *анýц'и, на ноц', дóц'ка, д'éвъц'ка, ýтац'ка, мълац'кó, п'éцка, ýнýцка, цáшка, цы́ста, пълуцы́л, малцý, доц, пл'ацó, п'атацóк, цавó, цас, тýца, дóцка, валцы́х'и, раγáц, тóрбоцка, пр'иплáцъват; крыцáт, коцьт, сукó-цайа* (сукочая — об овце), ч*ун'óк* (подзывное слово для свиней); «исключения»: *ч'ай, ч'áйник, мáч'ка* (мачеха), *бáч'ка* (обращение к отцу); в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Малево: *плáц'ит', доц' γър'ац'ó, мич'ц'óм* (мячом), *мацы́т', вин'цáли, уцы́ли, цас, къцыр'γá, цуγýн, уцáски, тýца, цаты́ри, цавó, сицáс, узд'éцка, цéр'ви, нъ плицé, цылав'éк, т'ър'в'ацóк* (червячок), *учи́ла, чай, γаршóчки, дóчьри, читы́ри, чирв'áк, пъчамýш, часы́, нъч'авáт', ч'ъмадáник, ч'увáл* (мешок), *пирч'áтки, заплáтыч'ка, бóч'ки, ч'авóш, γър'ач'ó, пл'ач'ó*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Папушево: «На месте *ч* всегда произносится *ц* мягкое»: *п'ец'ка, ноц', ц'áста, ц'ай, ц'иста, малц'ý, хар'ц'и́, ц'уγýн, пл'ац'ó, ц'аγó, доц', бóц'ка, дóц'ка, р'éц'ка, ц'éтв'ир'т', раγáц', тóрбоц'ка, м'ашóцак, сцытáл'и сцосл'ивъй, цо* (что?), *дóцка, д'éвацка, ýтацка*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Касимовский р-н, с. Бочкари: «На месте *ч* произносится спорадически *ч, ц, ц'* и звук, средний между *ч и ц*»: *ц'ип'éц, дóц'ка, лýч^{ц}ша, въца-рýха, нъцавáли, цаты́ри, пл'ацóм, ни хóцыт, цыр'óт, вин'цáцца, пл'ацý, цáшка, в'ин'ч'áмшы, ч'ир'н'и́га, ч'иты́р'и фч'арáс', пач'и́шч'и, дóч'ър'и* и

другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Пителинский р-н, дер. Кононовка: *фцяра', уцит', целавек, ноцей, цьрнату, пац"ынъктъ* (починок-то), *вец"арам, малц"ок, мал'ч*^{ш}*ак, куч*^{ш}*эра, муч*^{ш}*ыцы, баляч*^{ш}*ки, испеч*^{ш}*, синич*^{ш}*ка, помач*^{ш}*, зач*^{ш}*ом, девач*^{ш}*ка, уч*^{ш}*ытьл'ница, ач*^{ш}*ки, Верач*^{ш}*ка, палуч*^{ш}*ут, нич*^{ш}*аво, ч*^{ш}*ут'— ч*^{ш}*ут', хлапоцыт'ъ, цъя* и другие примеры с *ц* твердым, *чай, вълачоны, ничаво, палучала, чаво, луч'шы;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Павловка: *доц', ниц'аво, авец'къ, ноц', сабац'ъjь уцат, пуцкоф, цаво, сицас, уцылъс', зацем, целавек, внуцат, девъцка, плацут, ацыстим, вьнцали, вцарас', мълацком, хацу, доцьри, коцът, цас, ницаво, мал'цык, сицас, кат'олъцках, яцмен', ницао, пуцка, пуцки, сьцас, мыцат, цълавек, листоцък*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Юрьево: *вьнч*^{ш}*али, увдналич*^{ш}*никъх, рагач*^{ш}*, падруч*^{ш}*ку, сицас, цыс'тит', внуцки, цълавек, цър'вяк, шышъцка, цатыръ, зьмляцки, коцът, цэтвьрь, пафс'ацки, скоцкими, палуцаим, п'ецки, внуцанък, лавцеj, вьнцат', ф цъгун'е, туца, зацэм, цэр'пъют, с'арцат* (серчать), *пъмьл'цей, иначъ, кричат, ничаво, учыли, пъчаму, очьн, ничъво, кьч'ьрга, кирпичом, качка, доч, ч'ъво, ч'ъсы, кьч'ьр'га, ч'ълавек, чят'в'ер'к, ч'ьт'в'ярых* и другие примеры с *ч'*; *нъ кан'цэ, в месьцъ, цэлъj* и другие примеры с *ц* твердым; Сараевский р-н, с. Одоевщина; *ц'ет'в'ера, т'ануц'к'и, сиц'ас, внуц'атъм, абуц'ит', кон'ц'ил, вуц'ил'и, нын'ца, цаво, на р'ецк'и, кусоцык, фскацу, нонце, цыр'от, ф цашку, цало* (чело печи), *цаjу, н'есцам* (не с чем), *уцыт', сацл'и, кр'ицал'и, тысцу, коцыт, в'ич'орка*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Сасовский р-н, с. Вялсы: *сьцяс, вьцярушкъ, цяо, нонц"ъ, замуц"ълис', цорнъй, цаво, съцас, ицарас', внуцат, цыст'ън'къj, ноц, дъцърям, рагац, палучъ, чаво, доч, кричыщ, дъчаря, пъчаму, кучър, сичас;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Дёмушкино: *ц"аво, д'ифц"онку, пр'ивыц"ка, доц, д'в'е, д'евъцк'и, пъв'анцал'и, нъзнацал, доч, очен', учыт', кутočык, внучок, учут, нъчалас', нъчавал, агур'еч'ык, внуч'ок, н'е хоч'ым, Пугач'оф, доч'ер'и, н'еч'ем, с'еч'ас, ч'лав'ек, на оч'ер'ед'и, ф п'еч'ку, уч'ылс'и, гаршоч'к'и, кръвът'ич'ен'jа*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Салтыково: *ц'асъцка, ноц', р'ецки, пец', т'ил'онъц'ък, доцка, цай, ницово, уцылс'и, пъ пр'ивыцк'е, ф п'еце, цытв'еро, цасы, доцыр'и, цотыр'и, цудак, цудно, цилов'ек, в'ециром, мълацка, ноцей, цыст'ил'и, уцыт'ил'иф, м'ешоцык, п'ецы* (печи род. пад.), *вецером, фцера, оцэн', цыст'енк'ий, уцыл'и, грецышный м'от, цорна, ис тряпоцкаф* (из тряпочек), *плацут, лавъцка, навлъцку, строцыли, печы* (инф. печи), *рысчытают, ч*^{ш}*ай, чотыри, чынил, чынит'* и примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Шиловский р-н, с. Берёзово: имеется указание автора ответа, что в говоре когда-то было цоканье. У одного лица было обнаружено произношение промежуточного звука *ч*^{ш} (твердого), а также и чистого *ц*: *ц'jим'и, тр'и ц"аса, с'ьц"ас кр'иц"у, ац"ышчал'и, ч*^{ш}*аво, сч*^{ш}*ас, доч*^{ш}*, палуч*^{ш}*ыла, ч*^{ш}*ауо, п'ьцонк'и, н'ицаво, с'ицас, пъчарн'ила, к'ич'иф, чарн'у, доч-ът, чаj, н'ечьвъ, частъ, шышьчк'а, н'ъ разл'ичыш, оч'ьн', сач'кам'и, зач'ем, н'итъч'к'и, л'ентъпк'и* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Чучковский р-н, с. Кистенёво: *д'евац'ка, на п'ец'к'и, сл'ивац'к'и, кр'иц'ала, ц'улк'и, ноц'и, поц'к'и, доц', ц"ашку, с'ид'ац"а, с'ицас, цугун'цык, н'ецым, мал'цык, цасоф, акуцъвала, хоцыт', цаво, цугун'ч'ик, бъзд'ел'усыч'ку, в'еч'ърам, ч'аво;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Фролово: *ц'ит'в'ортай, ануц'и, ц'атыр'ъ, мълац'ка, к вьц'арку, мац'ит', коц'ит, дъц'ир'ей, с ц'илав'екъ, кр'иц'ит', ц'арас'* (вчерась), *ап ц'аб*

папалъ, кл’уц’ӣ, ноц’, нъц’ава́л, но́н’ц’ъ, н’ъц’аб, ц’ит’в’е́рх, ац’ир’н’ӣлъ, фц’о́рный, нац’нут’, на пе́ц’ку, ц’удно́, клац’ка́м’и, ц’асы́, у́ц’ут’, ц’о ты балта́иш, стрыц’, јиɣнац’о́к, ав’е́ц’ју, пъ пл’иц’у́, ɣър’иц’о́, Иван Јих́имц’а (Иван Ефимовича), *са сп’ӣц’ким’и, ръсц’уд’е́снъја, мыц’ӣт, во̂ он ц’о́, лу́ц’ц’и, нон’ц’ы, цыта́й, уцӣтца, н’ъкцаму́, 2 цаса́, цо́рный, но́н’цы*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Приведенные сообщения, многие из которых основаны на большом фактическом материале, убедительно свидетельствуют о том, что в ряде говоров, имеющих в качестве наиболее привычного или наиболее архаического вида употребления аффрикат твердое цоканье, может также развиваться и употребление разного рода мягких, но преимущественно свистящих аффрикат, регулярно соответствующих в своем употреблении звуку *ч’* нормализованного типа языка.

В подавляющем большинстве приведенных сообщений в ряду этих мягких аффрикат выступает и *ч’*, т. е. постепенно складывается различение *ч’* и *ц*. Типично также и то, что употребление *ч’* отмечают у лиц, в наибольшей степени утрачивающих цоканье, обычно у представителей более молодого поколения.

Характерно, что различение твердых *ч* и *ц* слабо распространено в описываемой южной (к югу от течения р. Клязьмы) части юго-восточных говоров[31].

На материале говоров западной группы было показано, что переход от твердого цоканья к различению твердых *ч* и *ц* относится к более раннему периоду влияния общенародной формы языка. Между тем, говоры южной половины юго-восточной территории в основном начинают переходить к различению аффрикат на том позднем этапе этого влияния, который становится решающим в развитии данного процесса и для всех говоров русского языка.

Именно в связи с этим в южной части наших говоров, южнее течения р. Клязьмы (см. приведенные выше материалы), в наибольшей степени распространено сочетание еще сохраняющегося твердого цоканья с употреблением мягких свистящих аффрикат в соответствии *ч’*.

Сравнительно недавнее развитие процессов, связанных с переходом от твердого цоканья к различению *ч’* и *ц* в южной части юго-восточной территории, сказывается также и в наличии таких говоров, где в числе разного рода мягких аффрикат произношение мягкого *ч’* как такового еще не отмечается (см. , например, приведенные выше материалы по Ерахтурскому, Пителинскому районам Рязанской области).

Имеющиеся сведения из опубликованных источников также подкрепляют положение о том, что появление мягких свистящих аффрикат — факт вторичный и более поздний по сравнению с твердым цоканьем на данной территории. Указания на более широкое распространение в прошлом твердого цоканья в говорах, расположенных к югу от Клязьмы, т. е. в Меленковском, Судогодском и Муромском уездах б. Владимирской губ., в Егорьевском и Касимовском уездах

---

[31] Данные о твердом *ч* и о характере его распространения на территории южных районов Рязанской обл., равно как и в восточной части описываемой территории, как уже указывалось, требуют особого рассмотрения. Заселение определенных территорий на востоке происходило в более позднее время и из разных мест; на новых территориях наблюдалось (причем порою даже в пределах отдельных сел) взаимодействие и взаимопроникновение различных диалектов. В связи с этим большое значение здесь приобретает изучение небольших групп говоров, связанных общностью происхождения, а также отдельных говоров.

б. Рязанской губ., находим в соответствующих работах и сообщениях[32]. В настоящее время на этих территориях твердое цоканье сменилось распространенным здесь употреблением мягкого и твердого *ц* при соответствии первого звуку *ч'*.

А. А. Шахматов, при описании говора дер. Лека Егорьевского у. Рязанской губ., отмечает также и ту начальную ступень перехода от твердого цоканья к различению аффрикат в виде произношения мягкого *ц'* на месте *ч*, которая так широко известна из современных сообщений о говорах этих мест: «Слитное свистящее *ц* всегда твердо; оно восходит не только к исконному *ц'*, но также к *ч'*, которое заменяет систематически в женском говоре: *цар', куп'ец, ноц, доцкă, п'ецкă, к цаму, н'е плац, д'ефцонацкă, пр'ицыну, кр'ицыт, цjи* (чьи), *стар'ицыш'ш'а, ф патцын'ен'jи, дев'ицjу*. В говоре лиц, подражающих произношению городскому, кроме *ц* известно и *ц'* на месте *ч'*: так, можно услышать — *по жыц'инк'и* (уменьш. от *жыца*), *доц'ин'ку, г баран'ц'ику, жолуц'* (в значении «желчь» — муж. р.)»[33]. О дальнейшем развитии системы употребления аффрикат в лекинском говоре мы получим представление ниже на основании современных данных об этом говоре.

Следует принять во внимание и то обстоятельство, что именно в южной части юго-восточной территории отмечены также и говоры, в значительной степени сохраняющие непоколебленным твердое цоканье, наиболее архаический для данной территории вид употребления аффрикат. Это некоторые говоры Гусь-Хрустального и Курловского районов Владимирской области и Спас-Клепиковского, Тумского, Бельковского районов Рязанской обл., образующие одну компактную территорию (см. карту 3). Для этих говоров характерно прежде всего наиболее последовательное сохранение твердого цоканья, отсутствие в них тех процессов перехода к различению *ч'* и *ц*, которые, как было показано выше, находят свое выражение в употреблении разного рода палатальных аффрикат. Отмечаемое в подобных говорах употребление *ч'* встречается обычно, как показывают сообщения, у тех лиц, говор которых в наибольшей степени подвергся влиянию нормализованного типа языка. Таким образом, наиболее типичным для данных говоров все еще оказывается твердое цоканье, которое имело на их территории до последнего времени самое широкое распространение.

К востоку, за Окой, в отрыве от указанной территории преимущественного распространения твердого цоканья, его значительное распространение можно отметить также в говорах Ермишинского и Ка-

---

[32] Данные по говорам Муромского у. Владимирской губ. см. в следующих изданиях: «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. XI, 1922, стр. 1—6; «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. XI, 1930, стр. 45—48.

По говорам Меленковского у. см.: «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. I, 1908, стр. 17—23; вып. XI, 1930, стр. 41—45; «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. IX, 1903, стр. 33—38.

По говорам Судогодского у. см.: «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. I, 1908, стр. 17—23; вып. XI, 1930, стр. 57—59.

По говорам Касимовского у. Рязанской губ. см.: «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. VIII, 1900, стр. 328—333; вып. XI, 1922, стр. 131; «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. VIII, 1919, стр. 26; Е. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Варшава, 1892, стр. 82.

По говорам Егорьевского у. Рязанской (позднее Московской) губ.: Е. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Варшава, 1892, стр. 83; см. также: «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. VIII, 1919, стр. 48, отв. № 46; «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. VI—VII, 1903, стр. 308—314; вып. XI, 1922, ответы № 133_1, 277.

[33] А. А. Шахматов. Описание Лекинского говора Егорьевского у. Рязанской губ. «Известия ОРЯС ИАН», т. XVIII, кн. 4, 1913, стр. 208.

домского районов Рязанской обл. Значительно распространение твердого цоканья и далее на восток, на территории Горьковской области и Мордовской АССР, именно в той части этих говоров, которые по происхождению связаны с цокающими говорами Московской, Владимирской, Рязанской губерний.

Говоры, наиболее последовательно сохраняющие твердое цоканье, особенно те из них, которые находятся на территории древнейшего расселения славян, представляются и в целом, как это будет показано ниже, архаическими по своему строю. В связи с этим заслуживает внимания то обстоятельство, что с твердым цоканьем в некоторых подобных говорах сосуществует и мягкое цоканье, о чем свидетельствует ряд вполне достоверных сообщений.

Владимирская область. Гусь-Хрустальный р-н, дер. Дёмино: *на гр'éц'и, п'éц'ка, на п'éц''к'и, в бáнъц''к'и, ф п'ец'', мóц''и н'ет, ф цегун'é, цълав'éк, п'éцку-тъ, нъ цър'едáх, цавó, дáв'ица, н'ицевó, гр'éча, четы́рнъцътыј, скучáјут, мълачкá, плáчыт, óчын', чаты́р'ъ, доч, гáл'ичка, фчарáс' внучóунку, внучóнкъф, чулк'и́, ч'егу́н, на п'éч'к'и внуч'óк, вну́ч'ка, доч', уч'ы́л'ить, п'есóч'ку, н'иуч'óныј, н'ич'евó, у дóч'ер'и, в'ен'ч''áл'ис'а, ат'éч''ства, т'ип'éр'ич''а, ч''аты́р'и, на п'éч''к'и, ч''áшку, ч''егу́нъја, н'ич'авó, в'ен'ч'áли, кóн'ч'ил, лу́ч'шы, нъ пл'ич'ах, в'еч'ъръм* и другие примеры с *ч'*; *ав'éц', ат'éц', к в'ен'ц'у, пал'ц'áм'и, бл'из'н'ец'и́, к кан'ц'у́, в'ин'ц'а, суóн'ц'а, пáл'ц''а, агур'ц''óф, гур'ц''ы́, гóрн'иц''а, в'инц''á, д'ив'и́ц'', ку́р'иц''а, крап'и́вн'иц''а, йáйц''а, ав'éц'', отц''а, с'éр'ц'ъм, ат'éц, агур'ц''и́, агурч''óх, ф ку́з'н'исы, т'еркóвнъй* (церковный), *рукав'и́цы, н'éм'иц, цéлый, дв'енáцът'и, у́л'ицы* и другие примеры с *ц* твердым; Курловский р-н, дер. Астахово: «Цоканье, *ц* — обычно в речи старых людей. У молодых — чаще *ц', ц''*, изредка у всех встречается *ч', ч'*»: *пáлъц'ка, ц'аты́р'е, сиц'áс, ц''áй, в'éц''ър, в'ен'ц''áл'и, ц''асóх, с'иц''áс, Ц''аслъва* (дер. Часлово), *л'éнтъцк'и, цу́дъ, н'ицавó, гр'ацы́ха, ноц, дóцка, пóцьрк, с'ицáс, ч'асóф, сыч'áс, атч'авó, ч'и́ста, ч'аты́р'и, ноч', нóч'ка, ч'уствуцу, аднал'и́ч'н'ик, ч'у́дъ, нóч'ка, пóч'ърк; кан'ц'á, у́л'иц''а, афц''а, ц''éрква, кан'ц''á, ат'éц'', у́л'ица, афцá, óфцы, ицó* и другие примеры с *ц* твердым; там же, дер. Липовые Поляны: *за кóц''ку, в'ен'ц''áт', óц''ен, вр'éм'ъц''ко, ц''аты́р'и, н'иц''овó, ц''áсто, ц''аj, ц''и́стъ, пълуц''и́л, ц''у́да, малц''у́, ц''угу́н, пл'ец''ó, л'истóц''къф, гр'éц''у, кóфтъц''ку, ц''ут', м'ешóц''ик, дóц''ка, у́тац''ка, малац''кó; ат'éц', кан'éц', в'ин'ц''á, у́л'иц''а, ц''éлаj, канц''ы́, у́л'ица, ку́р'ица, афцá, јајцó, у́л'ица, канцóм*; там же, дер. Мокрая: *саску́ц'илс'и, ц'еты́р'и, ц'ужи́х, шу́рац'ка, аб'есп'éц'ил, н'éзац'ьва, ц''асóф, п'éц''ку, с'ец''áс, хóц''ут, с п'éц''кам'и, слуц''ы́лъс'; ц''ыстъј, квашóнац''ка, м'еу́ц''ит, з д'ет'и́шъц''към'и, п'ец'', доц'', мáл'ц''ыкъ, аб'есп'éц''ит', мълац''кá, д'éвацка, пáлоцку, óч'ън', доч'; кар'éц'', зац''в'óл, ц''епы́, ц''ыпл'áтк'и, паз'éм'иц''á, датр'иц''ет'и́, прадав'éц'', игарóд'ъц'', кар'éч', ч'еп, бал'н'и́ч'у кузн'éч', пал'и́ч'а, чáп'ел'н'ик, в м'éс'иц*; там же, с. Окатово: *ты́с'ъц', ц'éр'ес, врац'', с'иц''áс, св'éц''ы, ц''авó, л'ец''у́с'а, да нóц''ы, гарадóц''ик, н'иц''авó, ц''и́стъва, палуц''áит, у́ч''утца, ч''у́дава, на сáнацкъф, с'ицáс, да в'éцера, цут', ноц, да нóцы, рабóч'ым'и, рабóч'уйу, л'ич'и́л, му́ч'ийус', ч'ислó, д'éвач'ка, п'еч'къф, карч'авáт'* и другие примеры с *ч'*; *к ц'ому́, памóшн'ица, м'ес'ица, м'éс'иц, на у́л'ицу, хл'éпца, óфцы* и другие примеры с *ц* твердым; Ляховский р-н, дер. Воютино: *Ондрéиц', шáпоц'ка, н'иц'ó, поц'ому́, ц'овó, ц'óшица, цéрес, с дóцер'ју, н'ицовó, хоцу́, целаэ́к, нон'цъ, с вод'и́цкац; в кон'ц'é, стакáн'ц'оф, пун'цóвай, мáс'л'ен'ицы, на у́л'ицъ, ку́рица, к кон'цу́*; там же, дер. М. Санчур: *ц'авó, н'ихц'аму́, Микалáјев'иц'а, н'иц''авó, ц''елав'éк, с'ицáс, выуцымс''и, доц, ты́с''ицы, на п'ецé, ру́цка, исп'ецы́, ф цјој, цердáк, цудóв'ишше, цеты́р'и*

пцела́, роб'ат'и́шецк'и, зам'ецáт'и, вы́цтут, на у́доцку, ноц, но́цју, мал'цы́шк'и, нар'е́ч'ија, стокáн'ч'ик'им'и, кр'ич'и́т, ръзвл'еч'е́н'ја, уч'и́ч'ч'а, ч'етв'артá, с мал'ч'и́шкай; ц''е́р'ква, аф'иц''е́р, на то́м кан'ц''е, у́л'иц''а, с''ен'ц''о́, в'ино́вн'ич'а, прач'е́нтаф, в бал'н'и́ч'и, х канцу́, пълат'е́н'це, ип'ера́цыја; Селивановский р-н, дер. Скалово: *пла́ц'ут, доц', ц'а́стъ, ц'угу́н, ноц', хоц'у́, вод'и́ц'к'и, ц'аса́, с'иц'а́с, ъб'ен'ц'а́йут', кудáц'ет, ц'и́ста, ц'а́шка, сп'и́ц'к'и, м'ау́цыт, събацо́нка, ту́ца, цоты́рнъцът', до́цыр'и, п'е́цку, цо́рный, ч'а́стъ, ч'угу́н, кр'ич'е́ла, но́н'ч'е, кр'уч'о́к, вод'и́ч'к'и* и другие примеры с *ч'*; *хл'е́пц'а, у́л'ич'а, ч'е́лый, от'е́ч', кон'е́ч', ч'ед'и́лка, ко́рм'ич'а, ч'еп, у́л'ица, м'и́с'иц, стълбуны́, с'емна́ццътый, пшен'и́ца, ро́зн'ицы* и другие примеры с *ц* твердым.

Рязанская область. Елатомский р-н, дер. Коротово: *в'ъц'ару́шку, н'иц'аво́, ц'и́с'т'ит', ц'еф'к'и, аку́ц''иват', пр'ивы́ц''к'и, но́н'ц''а, ц'илав'ека, ц''и́с'т'ит', гр'иц'и́шна, Ц'ата́въ* (Четаево); «*ч* произносится' как *ц* в самом архаическом слое говора»: *дъ цаво́, кул'о́цк'и, нацáл'н'ик, къцърга, цэ́сны, ла́въцк'и, в'е́цыр, в'ел'ица́цут, сцот, н'ицо́м, кума́ц, с'ър'г'е́цьв'иц, муцно́ц, чем, чом, чу́да, чац, палуча́цут, улуч'-ша́тца, палуч'а́цут, ч'у́да, ч'ем; кан'ц'а́, кан'ц''а́, франц'у́с'къи* и примеры с *ц* твердым; Путятинский р-н, с. Карабухино: *бо́ц'ка, М'иро́нъц', нъц'ава́л'и, рабо́цим, вы́уц'ус', мълац'ка, с'иц'а́с, со́ц'най, пълуц'и́ла, п'ец''ку, ц''аво́, пълуц''и́т', ц''ита́т', в ац''ка́х, ц''уда́к, р'е́ц''ку, на ц''о́рнъм, по́рцънъйа, два ма́л'цыка, паду́шъцку, зд'е́въцкъй, чарво́м, ав'е́чка, л'ичы́л, доч, д'авч'а́т, в'ан'ч'а́л'нъйа; нъ кан'ц'е́, кан'е́ц', ц''е́лъва, йа́јц''ы, м'е́с'иц'', ч'е́лый, агал'ч'о́в, н'и ач'ч'а́, ат'ч'а́, авч'а́, ав'е́ч', нъ л'ич'о́, рабо́тн'ич'ам, пъшан'и́ча, пъшан'и́ч'у, хл'е́пч'а, хо́тч'а, пт'и́ч'а, ии́ц, ас'мна́цът';* Спасский р-н, с. Кидусово: *сц'ита́т, хо́ц'ит', р'е́ц'ка, пъц'аму́, уц'ит'ил'а́, уц'ис', палуц'и, по́моц'и, ръзацл'и́, в'е́цнъйя, до́цка, доц, п'е́цку, с'еца́снъйа,* «цоканье последовательно не выдерживается, в материале немало примеров с *ч*»; *с'ан'ц'о́, к в'ан'ц'у́, ц'е́лъйа, зъц'ап'и́л, иц'ан'и́л'и, ат'е́ц, це́д'им, нъ игур'ца́х, с'ан'ца́, пъ цен'е́, цала́* и другие примеры с *ц* твердым; Спас-Клепиковский р-н, дер. Абрахово: «Обычно произносится твердый *ц*, встречается *ц* мягкий и *ч^ш*»: *ц'елав'е́к, харц'и́, д'е́вац'к'и, дв'е до́ч^шер'и, абуч^ши́л'и, но́ч^шеј, цаты́р'а, пацо́м, пермалцы́ш, ас'ерца́ла, цаво́, церда́к, тыцн'а́к* (тын), *цугуны́, но́нце, пацт'и́, пла́ца* (плачет — 3 л. ед. ч.), *мълацко́ сцыта́т, сцáс'ја, хоц рабо́та* (хотя работа), *то́рбоцка, тр'и до́цыр'и, с двум'и ру́цкам'и, т'алу́шецку, к в'е́церу;* «Произносится *ц* твердый, встречается и *ц* мягкий»: *драв'е́ц'', на канц'е́, на у́л'иц'и, кар'е́ц, кр'ист'е́ц', ат'е́ц', с'е́р'ца, цапа́м'и, у́л'ица, ку́р'ица, афца, цыпл'а́тк'и,* и другие примеры с *ц* твердым; там же, дер. Кобылинка: *ко́ц'ат ц'истапло́тнај, ц'е́тв'ерт', н'ич^шаво́, ру́ч^шк'и, сч^шас, мыч^шы́м, ноч^шуј* (тв. п.), *д'е́вач^шек, пъв'инч^шáјут', ч^шас, стр'ицајут', дивцо́нка, с'ицас, до́цку, кап'еицк'и, в'инца́т', кр'ица́л'и, чулк'и́, ру́чка, учи́л'и, на пл'ача́х, чут', чирн'и́ка, доч, начу́јет', с'ича́с, пъчаму́, чужој, ту́чај, чирнаула́зај, малчи́т', крича́* (3 л. мн. ч.), *чаты́р'а ч'а́ст'и;* «обычно произносят *ц*, реже *ц'*»: *ц'еп, пълат'е́н'ц'ем, агурц'и́, на канц'е́, дъ кан'ц'а́, афц'у, вин'ц'а́т', кан'е́ц, в'инца́, с'амна́цат', аца́, ф церкву, м'е́с'иц* и другие примеры с *ц* твердым; там же, дер. Мягково: *ц'а́ста, к в'е́ч^ширу, ч^шаво́, с'истри́ч^шка, но́ч^шај, т'ало́ч^шак, па в'иц^шара́м, уч^шит'ил'ницаф, пъ ч^шаса́м, ф ч^шула́н'и, нач^шу́ја, ч^шахо́тка, ч^шасо́ф, цаво́, ту́ца, нацева́л'и;* «Этимологическое *ц* беспорядочно произносится то как *ц*, то как *ц''* и *ч^ш*»: *плат'е́н'иц', в'ин'ц'и́, кал'цо', м'е́с'иц', улуп'е́ц', ц'ерко́внај, апц'аство́м, ч^шапы́, цеп'е́л'н'а, це́рква;* там же, дер. Посерда: *доц'е́р'н'а, пуц'о́к, п'иц'о́ным, јес^шш на ц'о́м, насц'о́т, ц'аты́р'и, х п'е́ц''к'е, табац''ку́, ц''о́рна, на пл'иц''о, кој ц''аво́, на пл'иц''а́ф, с бл'о́стацкам'и, карто́шъцки,*

уцы́лс’и, н’исцышша́јут, цы́стај, к’ирп’ице́ј, на́ пич’, бо́чку, ч’иса́, м’ешо́ч’ик; драв’е̂ц’, па ц’’е́л’нај, вин’ц’’о́м, ав’е́ц, ф п’а́тн’ицу; там же, дер. Ширяево: «Произносят некоторые слова с *ч*, но обычно вместо *ц* звучит *ц* различный по мягкости или средний между *ч* и *ц*»: *ц’у́да, п’итац’о́к, ц’е́р’ес, ко́ц’ет, трап’и́нац’’ка, зац’’а́ла, ц’’ерн’и́ка, ноц, доц, цугу́н, рыцы́т, п’е́цку, кв’е́цару, т’ило́цык, врац, то́рбъцка, часы́, д’ивча́ты, пъчаму́; кало́диц’, канц’и́, ат’е̂ц’, христ’е̂ц’, ку́р’иц’а, кан’е́ц’, ;бал’н’и́ц’’у, јајц’’о́, ц’’е́лъм’и, драв’е́ц’’, кар’е́ц’’, чыпл’а́ты, в’ин’ч’о́, куз’-н’ач’о́м, ч’е́лај, ч’ана́, кан’е́ч’, ку́р’ицу, ца́пл’а*; Тумский р-н, дер. Шаранино: «Произносят звук средний между *ч* и *ц* — *ц’’*»: *ка́ц’ка, ц’’ај, ц’’астъ, ц’’арни́ка, уц’’и́лс’и, ц’’ыстъ, ц’’у́дъ, малц’’у́, ц’’уγу́н’ик пл’ец’’о́, ц’’ао, п’ътац’’о́к, доц’’, ноц’’, ды́рац’’ка, вну́ц’’ка, с’е́ц’’ка, зъл’асоц’’кам, ку́рац’’ка, ту́ца, до́цка; ц’ал’а́б’инск, б’ъсц’аны́, пъ ц’ан’ӗ, ат’е́ц, канцо́м, канцы́, јејцо́, ку́р’ица, на у́л’ъцу* и другие примеры с *ц* твердым; Шелуховский р-н, с. Городище: *ц’ч’аво́, в’илч^{ш}’а́т, вало́ч^{ш}’ут, ко́ч^{ш}’ыт, с пл’ач^{ш}’а́, врач^{ш}’о́м, пал’ч^{ш}’ыка, кр’ич^{ш}’ала, тарч^{ш}’и́т’а, малч^{ш}’ы́т, ф ца́шку, от пцалы́, цад’и́т’* (чадить), *к’ирп’ицу́, цаты́р’и, уцы́тца, уцо́најa, цылав’е́к, малцы́т’; н’а хо́цу, цужа́ја, ад’ино́ч’к’и, кусо́ч’к’им’и, м’ашо́ч’ик, пл’е́ч’ик’и, ут’и́ръч’к’и, фч’е́с’т’* и другие примеры с *ч’*; *ат’е́ц’, ав’е́ц’, пръдав’е́ц’, ат в’ин’ц’а́, пълат’е́нц’и, кузн’е́ц’, кан’е́ц’, в’анц’а́л, атцу́, праце́нтаф, зупцы́, с ме́с’иц* и другие примеры с *ц* твердым.

Таким образом, наиболее архаическими по употреблению аффрикат, как, впрочем, и по некоторым другим языковым чертам, представляются глубинные говоры так называемого Мещерского края, на которые, видимо, не всегда распространялся происходивший в соседних с ними говорах переход от мягкого цоканья к твердому. На всей территории юго-восточных говоров только в Мещерском крае можно с уверенностью допустить подлинное сохранение мягкого цоканья, поскольку в городах этого края представлены и другие весьма древние черты языкового строя.

Едва ли свидетельствуют о подлинном сосуществовании твердого и мягкого цоканья сообщения, относящиеся к говорам, в которых в целом широко распространены процессы перехода от твердого цоканья к мягкому, показанные выше и выражающиеся в появлении ряда мягких аффрикат в соответствии только звуку *ч’* и где в соответствии *ц* произносится *ц*. В отдельных, в наше время весьма немногочисленных говорах, наиболее удаленных от влияния нормализованного типа языка, могли появляться и появляются случаи употребления вновь возникающих палатальных аффрикат также и в соответствии *ц*. Таким образом, можно себе представить, что в некоторых говорах с твердым цоканьем, переживающих переход к различению *ч’* и *ц*, может развиться и существовать некоторое время наряду с твердым цоканьем также и мягкое цоканье как бы вторичного образования, возникшее, собственно, тем же путем, каким в говорах северо-восточной группы возникло получившее в них широкое распространение чоканье.

Интересны в этом отношении, например, данные по говору дер. Лека (в прошлом Егорьевского у. Рязанской обл., в настоящее время Коробовского р-на Московской обл.), дважды обследованному на протяжении первой половины XX в.[34] Как уже указывалось выше,

[34] В 1912 и 1915 гг. говор дер. Лека изучал А. А. Шахматов (см. об этом на стр. 90); летом 1945 г. эту же деревню посетила экспедиционная группа Института русского языка Академии наук СССР (см.: С. С. Высотский. О говоре д. Лека. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II, 1949).

А. А. Шахматов подчеркнул широкое распространение твердого цоканья в говоре дер. Лека, указав эпизодические случаи произношения мягкого *ц'* на месте *ч'* лишь в говоре лиц, подражающих городскому произношению.

Дальнейшее распространение в говоре мягкой аффрикаты сопровождалось, очевидно, и «смешением форм с *ц*, *ц˙*, *ц'* и *ц"*», как пишет об этом С. С. Высотский, указывающий также, что в говоре «единично попадаются и примеры чоканья»[35].

О том же свидетельствуют и данные по говору дер. Лека, приводимые в ответе на вопросы «Программы собирания сведений» (Московская обл., Коробовский р-н): *ц'ѐр'ис' фс'и͡ех, доц', ц'ецк'ý, уц'ѝлс'и, дôц'ър'и, на в'ѐц'ър'и, ц'итáл, нъц'авáт', ц'етыр'ъ дôчк'и, ц'ълав'и͡ек, н'иц"авó, емôц'к'и'* (ухват), *н'иц"евó, ц"ътв'артнáца, ц"авó, доц"ър'и, д'ефц"áты, н'ѐц"а, н'ицавó, сп'ѝцък, доц, дôцка, цесы́, внуцáта, ноц, дô нъцы, пл'ецý, св'ѐцы, цавô, цевô, цъвô, малчы́, бачôнък, кôчк'и, доч, дôчър'и, чац, чáцн'ик, дôч'к'и, ф ч'ôм,* «на месте *ч* и *ц* — одна аффриката, обычно *ц*, но в смешанном употреблении с *ц'* и *ц"*. Несколько примеров отмечено с *ч* твердым на месте *ч*; спорадическое употребление *ч'* на месте *ч* попадается в речи всех экспонентов»; *ат'ѐц', кан'ѐц', ат'ѐ"ц, кан'е"ц', ф ц'ен'и͡е, Кър'ен'ѐ"ц'* (назв. деревни), *ис кър'ен'ц'á, драв'ѐц', кôн'ц'илс'и, пръц'ежý, кан'ѐц", ис кър'енц"á, кър'ен'ѐц", ат'ѐц, кан'ѐц, кър'ен'ѐц, ис кър'ен'цá.*

Аналогичные данные, также свидетельствующие о вторичном появлении мягкого цоканья в результате процессов, относящихся к позднему времени и возникающих на основе нерегулярного употребления вновь усваиваемых мягких аффрикат, находим в сообщениях о некоторых других говорах. Таково, например, приведенное выше сообщение о говоре дер. Астахово (Владимирская обл., Курловский р-н): «Цоканье, *ц* — обычно в речи старых людей. У молодых — чаще *ц'*, *ц"*; изредка у всех встречается *ч*, *ч'*» (материал см. выше).

В приведенном сообщении важно указание на то, что твердое цоканье связано с архаическим слоем говора; произношение мягких аффрикат *ц'*, *ц"*, *ч*, *ч'*, отмечено преимущественно у молодежи: фактически это — ряд звуков, выражающих то более, то менее удавшееся произношение *ч'*. В отличие от большинства окружающих говоров здесь зафиксировано произношение мягких аффрикат не только в соответствии *ч'*, но и в соответствии *ц*, что и создает отношения, внешне аналогичные тем, которые наблюдаются при сосуществовании мягкого и твердого цоканья, при сохранении первого, как архаического типа употребления аффрикат.

Аналогичны данные по говору дер. Которово (Елатомский р-н Рязанской обл.): *в'ъц'арýшку, н'иц'авó, ц'ѝст'ит', ц'ѐф'к'и, акýц"иват', пр'ивы́ц"к'и, нôн'ц"а, ц"илав'ѐка, ц"ѝс'т'ит', гр'иц"ѝшка, Ц"атáвъ* (Четаево); «*ч* произносится, как *ц* в самом архаическом слое говора»: *дъ цавó, кул'ôцк'и, нацáл'н'ик, къцъргá, цэ́сны, лáвъцк'и, в'ѐцър, в'ел'ицáцут, суôт, н'ицэ́м, съг'г'ѐиьв'иц, муцнôц, ч'ем, чем, чýда, чац, палýчáцут, улучшáтца, палуч'áцут, ч'ýда, ч'ѐм; кан'ц'á, кан'ц"á, франц'ýскъц*; в соответствии *ц* приведены также примеры с *ц* твердым.

Сообщения подобного характера, а также те сообщения, где, наряду с твердым цоканьем, указано значительное количество случаев употребления мягких аффрикат в соответствии *ч'* и лишь единичные случаи их употребления в соответствии *ц* (см. выше: Курловский, Селивановский и Ляховский районы Владимирской обл., Спас-Клепиковский,

---

[35] С. С. Высотский. Указ. соч., стр. 43.

Елатомский районы Рязанской обл. и др.), указывают на то, что за пределами глубинных говоров Мещерского края едва ли имеются говоры с таким совмещением твердого и мягкого цоканья, где бы мягкое цоканье представляло более древний тип употребления аффрикат, а твердое — результат отвердения исконно мягкой аффрикаты.

Новую ступень отхода от твердого цоканья, ступень, наиболее близкую к различению *ч'* и *ц*, представляют те говоры, где твердое цоканье уже отсутствует и где относительно устойчивым является различение двух свистящих аффрикат — палатальной (или нескольких палатальных) и непалатальной. В большинстве таких говоров отмечено также и *ч'*; находясь в ряду других мягких аффрикат, *ч'* является по отношению к ним недифференцированным звуком, выступающим вместе с другими мягкими аффрикатами в противопоставлении твердой аффрикате *ц*.

О наличии твердого цоканья в подобных говорах в прошлом свидетельствует устойчивость в употреблении твердого *ц* в соответствии аналогичному звуку нормализованного типа языка. Характерно и территориальное распространение этих говоров. Встречаясь преимущественно в северной части юго-восточной территории (к северу от течения реки Клязьмы, см. карту 3), эти говоры смыкаются с теми, в которых еще сохранилось твердое цоканье.

Владимирская область. Владимирский р-н, с Сеславское: *зна́ц'ит, на пец', с'ец'а́с, па́лоц'к'и, ц'исла́, с'и́тц'ику, нъ п'ец'ей ф. кл'е́тц'атом, ц'и́ст'ила*, «*ч* твердоватое единично», *на лужеч'к'е, мешéч'ек*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Лунево: *ц"удно́це, ц"а́ц, н'е́ц"а, ц"ово́, ц"а́сто, ц"ита́цут, ц"ужы́м, ц"а́цн'ик, н'иц"аво́, о́ш'ен', уш'ин'и́цы, м'ес'т'е́ш'ко, да́ш'н'ик'и, дош', пош'уд'нêе, знаш'е́нице, полуш'а́л'и, назна́ш'ил'и, то́ш'но, ма́л'ш'ик, но́ш'цу, н'иш'ево́, лу́ш'е, ч'ахо́тка, заму́ч'ила, ч'е́тв'еро, јач'м'е́н', ч'ай*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Погребищи: *ма́л'ц"ик, огу́рц"икоф, н'ъ кр'иц"и́, фц"ера́с', нъц"ина́йут, уц"и́лас', нъ уц"е́н'цу, но́н'ц"а, ц"асо́ф, па́ц"кацес'о, ц"а́с'т'и, ц"удно́, ц"угу́н, ц"исла́, ц"ажо́лаца, нац"ина́цут, отв'ец"а́т, от ц"ово́, н'ъч'ово́, п'атач'о́к, д'ефч'а́ты, от до́ч'ер'и, пон'а́н'ч'и, доч'*, и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Спасское: *доц', ц'а́цу, ц'а́цем, ноц', с'ец'а́с, два ц'аса́, ц'е́тв'оро, ц'исла́, бъγац'и́, подр'а́тц'ик, с'еч'а́с, шч'ас, п'еч'от*, «много примеров с *ч'*»; «*ц* твердое»; Гороховецкий р-н, дер. Городищи: *фц'ера́с', ч*^{ц}*'асо́ф, ч*^{ц}*'угуно́к, ко́нч*^{ц}*'ил'и, ч*^{ц}*'то, с'еч*^{ц}*'а́с, ч*^{ц}*'е*^{а}*тыр'ъ, ч*^{ц}*'аса́, п'еч*^{ц}*', ч*^{ц}*'ет'в'о́рку, хо́ч*^{ц}*'а, ч*^{ц}*'асы́, грачи́, на п'ечи́, исп'еч'и́, н'е кр'ич'и́, н'е хоч'у́, доч'е́рн'ий, кач'а́йу, бо́ч'ка* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Овинищи: *мну́ч*^{ц}*'ка, ч*^{ц}*'асо́ф, намоч*^{ц}*и́ли, кричи́т, ма́л'чик, му́чилас', п'е́ч'ку, слу́чайеф, ч'айку́, до́ч'ку, н'еуч'о́нъйа, са́мъч'ка* и другие примеры с *ч'*; «всегда *ц* твердое, как краткое, так и долгое»; там же, дер. Шубино: *с'еч*^{ц}*'а́с, па́ч*^{ц}*'ерица, доч*^{ц}*', ч*^{ц}*'и́стъ, полу́ч*^{ц}*'ыца, ч*^{ц}*'е*^{а}*тыр'ъ, л'еч*^{ц}*'и́т', ф ч*^{ц}*'улко́в'е, см'акч*^{ц}*'а́ит, н'е хоч*^{ц}*'у́, ч*^{ц}*'асо́ф, по́мач*^{ц}*', н'ич*^{ц}*'ово́, фч*^{ц}*'ора́, у до́ч*^{ц}*'ери, д'ефч*^{ц}*'о́нка, внуч*^{ц}*о́нък, л'еч*^{ц}*и́т', цаса́ три́, т'ечо́т, з до́ч'ър'йу, пъкаро́ч'е, доч', д'ефч'о́нки, у до́ч'ки-т'е, ч'ужо́й* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Ковровский р-н, дер. Душилово: *ч*^{щ}*'ово́, на ч*^{щ}*'ом; ч*^{щ}*'ут'-ч*^{щ}*'ут', с'ич*^{щ}*'а́с, в'ел'ич'а́л'и, ч'ас, кн'и́жъч'ка, ч'исло́, ч'илов'е́к, патп'е́ч'јо* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Княжская: «*ч* мягкое, близкое к *ц'*, но не совпадающее с *ц'*; лишь в отдельных словах *ч* целиком переходит в *ц'*»: *с'ец'а́с, л'ец'и́ла*,

ч^{ш}'áсто, получ^{ш}'úл, ч^{ш}'угýн, пл'еч^{ш}'ó; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Кольчугинский р-н, дер. Запажье: *ны́нц'е, ц'еты́р'е, дбц''ор'и, молочкó, горшéчек, пéчку, кудáч'ит, кр'ичéл'и*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Ильинское: *в'ен'ч''^{ш}ал'и, ч^{ш}'отв'óртоj, доч^{ш}', ны́нч^{ш}'е, ч^{ш}'áсто, ч^{ш}'ер'óт, ч^{ш}'еты́р'е, с'еч^{ш}'áс, отв'е^{ч}ч'ájет, ч'ájнаjа, л'еч'úл'и, пóч'ек, внуч'áтам, ч'éр'ис Кол'ч'ýг'ино* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Флорищи: *ч^{ш}'áj ч^{ш}'овó, с'еч^{ш}'áс, зачéм, пл'ечó, д'éвоч'кај, уч'úлас', доч', п'ирч'ин'áт', ч'аj, ч'áсто* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Муромский р-н, дер. Зарослово: «на месте *ч* иногда звучит звук, средний между *т', ч', ц'* . . . также ряд примеров с *ч'*»: *н'иц'овó, н'éц'ива, ноц', ц'угýн, к пл'еч'ý, с'пл'еч'á, пл'еч'ó*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Петушинский р-н, дер. Болдино: *кот'óноц''ик, н'иц''овó, ц''иты́рнаццат', к пл'ечý, пл'ечó, в м'ешéчк'е, горшóчек, ноч', полýчч'е*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Собинский р-н, дер. Березники: *ц'овó, дóц'ка, дýн'ец'ка, ч'áсто, ч'úсто, пълуч'úл, ноч', п'ътач'óк*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Ставровский р-н, дер. Вишенки: *л'ец'úла, ц''ай, пъворóц''ит', с'еч'áс, мужычкóм*, «*ч* слегка твердое»; *ч'ай, бáбоч'к'и, снопýшеч'к'и, ф п'éч'ку, н'ич'овó, крич'ý* и другие примеры с *ч'*; *ч'éркву*; в соответствии *ц* приведены также примеры с *ц* твердым; Суздальский р-н, дер. Кидекша: «*ц* и *ч* различаются; спорадически у объектов № 2 и 3 *ч — ц'*»: *ц'ут'јá, мълац'кó, ц'ет'в'óртац, в'éц'ерам, ц'ълав'éк, полуц'úл, ц'угýн*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Фоминский р-н, дер. Рождествино: «произношение *ч* смешанное: *ч', ч, ц''* у одного и того же лица»: *м'éц'ут, врац'', нóнц''и, р'éчка, четы́р'и, н'éчыва, чердáк, рыбáчыл, óчын', в'ершéчък, осв'áчыват, учы́т'ил'н'ица, челов'éк, дъчерéй, н'ичовó, врáч, вр'éм'ичкъ, чух-чух, п'éчкъ, м'éчут, фчарáс, кл'уч, чулáн, ф печé, знáчыт, т'áй, дóч'ир'и, топ'éрч'а, с'еч'áс, ч'ердáк, ч'ир'ез д'éн', доч'* и другие примеры с *ч'*; *чеп, брáтча, торгóв'еч, цеп, стáнцыя, в'éтр'инцы, ов'éц, ицó, дв'енáтцът'*; Юрьев-Польский р-н, дер. Осиповец: *с'иц''áс, ц''ай, врац''ú, ноц''ýит'и, зац''éм, скам'éиц''к'и, пълуц''áла, кубы́шец''к'и, врац''ú, полýтц''и, анбáрц''ик, сец''áс, ц''исноц''кý, пол'éхц''е с'еч'ас, уч'ы́лса, ч'асóф, ч'еты́р'е, ч'айкý, ч'ет'в'éр'к* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Ивановская область. Гаврилово-Посадский р-н, дер. Новоселка: *н'иц''авó, ц''итáцу, пъ ц''уд'éснъму, мáлц''ик, ч''еты́р'е, ч''еты-р'óх, пръл'еч''úлс'а, ч''ърнотá, ч''асóф, нóнч'е, врач', тýч'а, платóч'к'и, полномóч'енъц, стър'ич'кóф, н'е конч'ыш, задáч'у, ч'ýдна, пóлноч', на п'éч'ку, нъ п'еч'ы́, плáч'ыт', уч'ит'ел'á, бýлоч'ку, п'еч'ú* и другие примеры с *ч'*, а также примеры с *ч'*; *п'ев'úч'и, от'éц, óцеп* (часть цепа), *ов'éц, јайцы* и другие примеры с *ц*; там же, дер. Яковцево: *тóч^{ш}'но, с'ич^{ш}'áс, ч^{ш}'úр'ис, дóжжыч'ик, нóч'ју, п'еч'óт, доч', ч'овó, убуч'áјут* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Лежневский р-н, дер. Ясново: *уц''úл'ише, с'ец''áс, јац''м'ен', п'ечóц''ку, рукавóц''към'и, ц''асóф, ты́с'ац'', плáц''ут, знáц''ит, ц''итáт', уч'úл'и, с'еч'áс, ф Ч'енцáх, дóч'ка, гор'áч'ице, ч'аты́р'е, јач'м'éн'и, дóжжыч'ик, ч'ер'óт, луч'úнку, к'úч'ка* и другие примеры с *ч'*; *осарáп'ил* (оцарапал), *сыплá'ты, м'éл'н'ица, хл'éпца, пъшан'úцу, пълот'éнцеф, нъ крыл'цо* и другие примеры с *ц твердым*; Тейковский р-н, дер. Мосяково: *ч^{ш}'áсто, с'ич^{ш}'áс, ч^{ш}'угунóк* — «мягкое *ч* с прицокиванием едва заметным»; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Нельша: *доч^{ш}', нич^{ш}'овó, ч'асы́, с'еч'áс,*

доч', с нóч'и ч'ирдáк, късч'ер'гá и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Московская область. Кривандинский р-н, дер. Пожинское: *кр'уц'к'и́, доц', накалáц'ивут, рýц'к'и, к ц'амý, б'ъз вьрът'н'иц'кá, из рýпц'ику, зы́бъц'к'и, мáл'ц'икъм, с'иц'ác, на п'éц'ку, ис ц'авó, с'ич'ас, мал'ч'и́шкуј, касты́ч', из ав'éч'ъй, ф падр'áтч'икъф*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Маланьинская: «На месте орфографического *ч* произносится мягкая шепелявая аффриката, акустически средняя между *ц* и *ч*, которую передаю через *ц''*»: *ц''áстъ, ц''ай, ц''и́стъ, пълуц''и́л, ц''ýдъ, малц''ý, ц''угýн, пл'ец''ó, п'ътац''óк, ц''эвó, ноц'', доц'', дóц''къ^а^, бóц''къ^а^, рýц''ки, бúц''ьн', гар'áц''а, пъ ц''арн'и́ку, ц''éрьс*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Куровской р-н, дер. Игнатово: *плáц'у, дóц'ка, бъгац'и́, с'иц'áс, д'éвъц'ка, ц'асóф, грац'óва, ч'áста, ч'и́ста*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Павлово-Посадский р-н, дер. Алферово: «Употребление *ц* вм. *ч* в недавнем прошлом было распространено очень широко в говоре всех жителей. Сейчас это явление наблюдается лишь у представителей самого старшего поколения и то непоследовательно»: *дóц'ка, бóц'ка, кóроц'ка, ц'овó, поц'óм, нóц'ју, струц'кóф, ноц'нóй, п'ец'нóј, нóц'и, н'иц'авó, ч'áста, ч'и́стъ* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Рязанская область. Елатомский р-н, дер. Жуково: «Очень редко *ц''*»: *ц''и́стъ, ц''ай, кóц''ьт, п'éц''къ, п'ец'', ч'атв'óртова, ч'аты́р'и, бúч'ьн', пач'ку*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Ермишинский р-н, дер. Тонкачево: «Произносят всегда *ч* мягкое; у первого объекта отмечены случаи произношения звука *ч^ш^*»: *галáнач^ш^ка, кулич^ш^и́, р'éч^ш^ка, ч^ш^аты́р'и, д'éвач^ш^ка*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Каверинский р-н, дер. Купля: «Произносят *ч* мягкое, случаи цоканья единичны»: *талбúц', с'иц''áс, пчалá, пл'ичó, п'итачóк*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Темешево: *уц''и́т'ъл'н'ицам, доц'', даýц''им, доч'', пълуч'áла, кр'ич'áла, взаймпóмъч', уч'и́лс'и, ч'ужóм мълач'кóм* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Конобеевский р-н, с. Желанное: *кр'иц''áл'и, с'еч'áс, атв'еч'áл, рабóч'иць, пъч'амý* и примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Львовка: «факультативно — *стрыц'*», и примеры с *ч'*; ряд примеров с *ц* твердым; Путятинский р-н, дер. Павловка: *дóц''ыр'и, мац''л'и́вый, йáблъц''к'и, ц''и́с'т'ит', уц'óныи, лýч'ч'и, тап'éр'ич'а, ф п'éч'ку, аүур'éч'-ик'и, на п'ъч'é, нóч'ьи* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Рыбновский р-н, дер. Шехмино: *ны́н'ц'а, сц'ас, ц'ас, ц'и́ст'ьн'кь, ц'илав'éк, ц'áстъй, ц'авó, ф п'ич^ш^é, н'ич^ш^авó, ч^ш^áстый, кан'éч^ш^ик'и, ч'áшъч'ку, аүýр'ч'ька, лýч'и, кýч'к'и, палýч'ши, в'ир'óвъч'к'им'и* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Новоселки: *врац''ý, мац''ý, ч^ш^удно́, мóч^ш^и, ч^ш^асóф, кач^ш^áицца, анýч^ш^и, мóч^ш^и, доч^ш^, ч'и́стыйъ, йáръч'к'а, т'алóч'ик, дъч'ир'éй, ч'аты́р'а, дóч'к'а* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Сараевский р-н, с. Озерки: *ц'ълав'éк, ц'аó* и примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Шиловский р-н, с. Тырново: *п'ец', ноц', мал'ц'и́ска, ав'éц'к'и, ц'áста ц'и́ста, ц'уүýн, ц'авó, доц', дóц'ка, д'éвъц'ка, мълац'кó*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Сообщения о говорах, где при отсутствии твердого цоканья находим до известной степени сложившееся противопоставление непалатальной

свистящей аффрикаты палатальной или нескольким палатальным также свистящим аффрикатам, подтверждают сделанное выше предположение о том, что в этих говорах мы имеем новую ступень по направлению к различению аффрикат *ч'* и *ц*. Об этом свидетельствует и характер территориального распространения этих говоров. Они, как уже было указано, встречаются преимущественно в северной части юго-восточной территории, реже отмечены на территории Рязанской области или в расположенных к югу от течения р. Клязьмы восточных районах Московской области.

Это объясняется тем, что более благоприятные условия для воздействия на юго-восточные говоры со стороны нормализованного типа языка в конце XIX и первой половине XX в. имелись, конечно, в северной части территории этого края, где и представлены чаще всего результаты отхода от твердого цоканья в сторону различения аффрикат *ч'* и *ц*,

Описываемый переходный тип употребления аффрикат, наиболее характерный в настоящее время для северных говоров юго-восточной группы, должен смениться в них уже достаточно определившимся различением *ч'* и *ц*. В приведенных выше сообщениях об этом свидетельствуют указания наблюдателей на то, что фиксируемые ими переходные звуки в ряде случаев являются весьма близкими к звуку *ч'*: «*ч* с легким прицокиванием», «мягкий свистящий звук, факультативно переходящий в *ч'*», «почти *ч'*» и т. п. Характерны также имеющиеся в приведенных сообщениях указания на то, что произношение *ч'* в некоторых подобных говорах является более обычным, а употребление разного рода мягких свистящих аффрикат редким.

При собирании материалов для данной работы учитывалось также и то, что во многих сообщениях употребление *ч'* и других палатальных аффрикат отмечается именно в речи одних и тех же лиц. Таким образом, приводимые сообщения о произношении *ч'* нельзя отнести только к речи более образованной части носителей диалекта, к речи молодого поколения и т. п. Различные ступени перехода от *ц* к *ч'*, выражающиеся в употреблении разного рода палатальных звуков, отражают таким образом разную степень приспособления к произношению *ч'*.

О том, что данные говоры с различением аффрикат переходного типа характеризуются по употреблению этих звуков более высокой степенью приближения к общенародной форме языка, свидетельствуют и еще некоторые явления.

Случаи чоканья, вообще немногочисленные на данной территории, где различение *ч'* и *ц* начало устанавливаться лишь в позднее время, особенно редки, почти единичны, в говорах, расположенных севернее течения р. Клязьмы. Само собой разумеется, что говоры, усваивавшие различение аффрикат под интенсивным воздействием нормализованного типа языка, имеют большее количество предпосылок для регулярного и правильного употребления мягких аффрикат, в том числе и аффрикаты *ч'*. Из материалов приведенных сообщений мы видим, что в ряде говоров случаи чокающего произношения встречаются единично в виде своего рода «обмолвок» в общем (обычно правильном с точки зрения соответствия нормализованному типу языка) пользовании звуком *ч'*.

Конечно, при этом можно предположить, что в прошлом чоканье было сильнее распространено на данной территории, но устранялось по мере усиления влияния нормализованного типа языка. Так, наблюдения, проводившиеся в конце XIX — начале XX вв., дают основание предполагать, что на территории Юрьев-Польского, Суздальского и

Владимирского уездов Владимирской губ. или Егорьевского у. Московской губ.[36], где в настоящее время чоканье отмечается очень редко, в прошлом оно было распространено довольно широко.

Однако показательно и то, что чоканье видимо, не закреплялось в говорах этих территорий и не становилось единственным видом употребления аффрикат как это, например, имело место на северо-востоке Европейской части РСФСР. Существуя в качестве факультативного явления (наряду с твердым цоканьем), оно легко устранялось в период усиленного влияния нормализованного типа языка, особенно сильно сказавшегося здесь на развитии типов употребления аффрикат.

Опубликованные источники (см. выше) свидетельствуют не только о большем распространении чоканья в северной части юго-восточной территории. В них находим сведения и о большем распространении здесь в прошлом твердого цоканья, в процессе отхода от которого и сложился современный переходный тип различения аффрикат.

Характерно, что в опубликованных источниках, сообщающих, в основном, о распространении твердого цоканья на тех территориях, где в настоящее время широко распространено употребление мягких свистящих аффрикат в соответствии *ч'*, встречаемся уже с отдельными сообщениями и об этом явлении.

Наличие таких говоров в заречной части Муромского у. и в Меленковском у., где «на месте *ч*... произносят *ц*^{ч} очень мягкое», отметил во время своей поездки во Владимирскую губ. Н. Н. Соколов[37].

Интересны наблюдения Д. В. Бубриха, сделанные им при изучении говора с. Пустошей Судогодского у. Владимирской губернии. Отмечая наличие твердого цоканья в изучаемом им говоре, Д. В. Бубрих замечает: «В мужском произношении цоканье уже заменяется различением *c* (твердого) и *č̓* (мягкого). Так как различение это — явление, по всем признакам, молодое, то оно проводится не всегда последовательно. Ср. *cort*, *cucoła*, *cesnaj* — с одной стороны, и *dva pal'ča*, *serče*, *čerkva* — с другой стороны. Иногда *c* (в произношении мужчин) заимствует у *č̓* мягкость, а иногда, наоборот, *č̓* заимствует у *c* твердость...»[38].

Таким образом, на территории юго-восточной группы цокающих говоров мы встречаемся со значительным разнообразием типов употребления аффрикат, связанных между собою в генетическом плане. Наиболее архаичными по употреблению аффрикат на данной территории должны быть признаны те, в настоящее время немногочисленные говоры, где сохраняется мягкое цоканье или то же мягкое цоканье,

---

[36] По говорам северо-западной части Владимирской губ.: В. Чернышев. Сведения о говорах Юрьевского, Суздальского, Владимирского уездов. СПб., 1901 — Отметим, в частности, что В. И. Чернышев сообщает о наличии чоканья, наряду с другими деревнями, и в деревне Кинобол современного Юрьев-Польского р-на Владимирской обл. По данным, собранным автором настоящей работы в дер. Кинобол в 1947 г., чоканья в данном говоре не обнаружено; см. также: «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. IX, 1903, ответ № 244, стр. 39—42, и «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. XI, 1930, стр. 50—53, где приводятся данные о говорах Покровского у. Владимирской губ.; Д. К. Зеленин. Описание рукописей ученого архива Русского географического общества, вып. I. Пг., 1914, стр. 159 — сообщение о говоре с. Шельбово Юрьевского у. Владимирской губ.

[37] Н. Н. Соколов. Отчет о поездке в Меленковский и Судогодский у. Владимирской губ. «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. I, Варшава, 1908, стр. 119.

[38] Д. В. Бубрих. Фонетические особенности говора с. Пустошей. «Известия Отд. русского языка и словесности Академии наук», т. XVIII, кн. 4, СПб., 1914, стр. 330.

сосуществующее с твердым цоканьем, возникавшим в этих говорах в давнее время в результате отвердения аффрикаты *ц'*. Наиболее достоверным является существование этих типов употребления аффрикат в архаичных говорах южных районов Владимирской обл. и северных районов Рязанской обл. (мещерские говоры).

Наиболее широко распространено на территории юго-восточных говоров употребление аффрикат переходного типа, развившееся на основе твердого цоканья, широко распространенного в прошлом на всей этой территории, за исключением территории так называемых мещерских говоров.

Это переходное употребление аффрикат, при котором постепенно складывается противопоставление одной или нескольких палатальных свистящих аффрикат одной непалатальной свистящей аффрикате, возникает в позднее время и связывается с наиболее интенсивным и непосредственным влиянием нормализованного типа языка. Об этом в первую очередь свидетельствует то, что в подавляющем большинстве говоров, представляющих переходный тип употребления аффрикат, это употребление выдерживается только в соответствии *ч'*; в соответствии *ц* палатальные аффрикаты распространения не получают. Лишь в немногих говорах, в меньшей степени испытавших на себе влияние нормализованного типа языка, употребление палатальных аффрикат имеет место также и в соответствии *ц*, что ведет к возникновению в отдельных говорах мягкого цоканья вторичного происхождения. Это явление наблюдается в говорах, где переходный тип различения палатальных аффрикат с непалатальной сосуществует с еще не изжитым твердым цоканьем, а стало быть, и не изжитым окончательно навыком пользования одной аффрикатой.

Сохранение твердого цоканья в течение долгого времени на всей территории юго-восточных говоров объясняется и тем, что в прошлом эти говоры не переживали тех процессов нивелировки, которым с давнего времени подвергались говоры западных территорий. Об этом свидетельствует слабое распространение на этой территории говоров с различением твердых *ч* и *ц*, возникавшим при отходе от твердого цоканья в иные исторические периоды, чем различение ряда палатальных аффрикат с одной непалатальной. Об этом свидетельствует и слабое распространение чоканья по всей этой территории, отсутствие его стабилизации как самостоятельного типа употребления аффрикат.

При изучении говоров юго-восточной группы наблюдается и известная неоднородность их по степени отхода от твердого цоканья. В то время как говоры более северной части не знают сосуществования переходного различения аффрикат с твердым цоканьем, которое в них уже исчезло, говоры более южные представляют переходное различение аффрикат именно как процесс деформации твердого цоканья, которое сохраняется в ряде говоров наряду с намечающимся переходным различением аффрикат. Значительны на северной части территории также и вкраиления нецокающих говоров.

Более широко распространенное на юго-востоке переходное различение аффрикат, являющееся там наиболее типичным видом их современного употребления, в пределах западной группы отмечалось лишь в говорах, наименее подвергшихся влиянию нормализованного типа языка, наиболее последовательно сохраняющих твердое цоканье, в то время как на центральной части западной территории отход от цоканья начался в весьма давнее время и там переходное различение аффрикат почти не встречается.

Наметившаяся группировка юго-восточных говоров по характеру употребления в них аффрикат приводит к необходимости различать здесь ряд территориальных подразделений, из числа которых следует выделить наиболее существенные. Северная часть юго-восточных говоров и их южная часть, граница между которыми приблизительно совпадает с течением р. Клязьмы, различаются, как было показано выше, по степени отхода от твердого цоканья и тем самым по степени приближения к различению *ч'* и *ц*. В пределах южной части оказалось важным выделить и те территории, где в наибольшей степени сохраняется твердое цоканье. При этом в одних говорах твердое цоканье является единственным видом употребления аффрикат, в других сосуществует с мягким цоканьем, которое лишь в единичных говорах отмечено как исключительное. Это территории, в наибольшей степени сохранившие архаические виды употребления аффрикат.

Имея в виду намеченное территориальное членение говоров юго-восточной группы по характеру употребления в них аффрикат, мы можем обратиться к вопросу о том, в каком соотношении находится это членение с тем распространением ряда других языковых черт, изоглоссы которых известны нам по картам вышедшего из печати «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы».

Выше, при анализе данных о цокающих говорах на северо-востоке, а также на западе и северо-западе Европейской части СССР, мы имели возможность заметить, что распространению цоканья в этих говорах сопутствовал определенный круг языковых черт, в основном характерных для северновеликорусских говоров северо-западного и северо-восточного (но не Владимирско-Поволжского) типа.

В пределах юго-восточной территории цоканье нередко отмечают как в говорах, которые по общему строю следует отнести к числу Владимирско-Поволжских, так и в средневеликорусских говорах разного типа, причем характерно, что ни в той, ни в другой группе говоров цоканье не распространено повсеместно. Наряду с цоканьем, как чертой, которая в общем не считалась типичной для Владимирско-Поволжских говоров, на юго-восточной территории можно отметить известное распространение также и других черт, еще более нетипичных для северновеликорусских говоров Владимирско-Поволжского типа.

Составленные карты «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», дающие нам представление о распространении черт этого типа, во многом изменяют вместе с тем наши представления о том, какие явления следует относить к числу специфически Владимирско-Поволжских. Карты эти, несомненно, явятся объектом углубленного анализа с целью уточнения и развития наших представлений о группировке русских народных говоров. Однако и сейчас можно сказать, что характеристика Владимирско-Поволжских говоров во многом будет изменена. Выясняется также, что процесс формирования говоров не только на средневеликорусской территории, но также и на примыкающей к ней с севера территории собственно северновеликорусских говоров был весьма сложным.

В образовании говоров этих территорий, видимо, участвовало несколько различных по диалектной принадлежности групп русского населения. Формировавшиеся в процессе взаимодействия этих групп говоры могли, очевидно, представлять различное сочетание языковых черт, получавших в связи с этим столь разнообразное распространение.

Этим же объясняется и то обстоятельство, что цоканье на данной территории мы встречаем в различных по своему общему строю говорах.

Для того, чтобы выявить определенные связи между распространением цоканья и некоторых других языковых черт, в общем не характерных для говоров Владимирско-Поволжского типа, следует подвергнуть анализу намечающуюся группировку различных разновидностей цоканья в пределах территории, занимаемой цокающими говорами на юго-востоке Европейской части РСФСР. Так, в юго-восточной части этой территории (см. карту 3) видим изоглоссу, в пределах которой в наибольшей степени сохраняется твердое цоканье, в отдельных говорах сосуществующее с мягким цоканьем. Эти говоры, как уже говорилось, можно считать наиболее архаичными по характеру цоканья. Нельзя не отметить, что, как показывают карты «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», примерно в пределах этих говоров намечается и известное сгущение других языковых черт, не характерных для говоров Владимирско-Поволжского типа в целом.

Так, территория, занимаемая говорами, в которых в настоящее время относительно широко распространен результат изменения *а* > *е* между мягкими согласными *зе'т'* (зять), *н'ён'а* (няня), *п'ет'* (пять) и т. п., в целом не выходит за пределы цокающих говоров и в большей своей части совпадает именно с названной территорией твердого цоканья (см. карту № 22 названного атласа). Отдельные разбросанные говоры, в которых изменение *а* > *е* чаще всего отмечено лишь в единичных, однако не лексикализованных случаях, встречаются почти исключительно в пределах общей границы цоканья, т. е. опять-таки в цокающих говорах. Заметим попутно, что изменение *а* > *е* связывают обычно с северновеликорусскими говорами северо-востока; Владимирско-Поволжским говорам эта черта не свойственна.

Форма им. пад. мн. ч. местоимения *оны́*, также характерная для западных, северо-западных и северо-восточных (но не для Владимирско-Поволжских) говоров, преимущественно распространена на той же территории, что и твердое цоканье, а кроме того, и несколько западнее ее. Отдельные говоры, в которых представлена данная форма местоимения, распространены, в основном, в пределах общей границы цоканья (см. карту № 133).

Некоторые черты северновеликорусского (но не Владимирско-Поволжского) типа: твердое произношение *в* (*ф*) на конце слова (см. карту № 64), произношение *l* среднего перед гласными непереднего ряда, употребление форм род. пад. ед. ч. прилагательных мужского и среднего рода с окончаниями *-ого*, *-оγо*, *-оо* (см. карту № 117), — не имеют локализации на территории преимущественного сохранения твердого цоканья, но известны в разбросанном виде в ряде цокающих говоров юго-востока.

Следует отметить также, что некоторые из указанных северновеликорусских особенностей, как, например, результат изменения *дн* > *нн* (имеющего совершенно особую, не связанную с распространением цоканья территорию распространения), или формы тв. пад. мн. ч. на *-м* (с рукам, за дровам и т. п.), отсутствуют на данной территории.

Определенную трудность представляет решение вопроса о происхождении и природе в отдельных говорах данной территории тех черт, которые одновременно распространены как в южновеликорусских, так и в северновеликорусских (северо-западных и северо-восточных) говорах. Напомним, что такой же вопрос вставал и при анализе материала по цокающим говорам западных и северо-западных территорий.

Таков, например, вопрос о распространении случаев отсутствия изменения *е* > *о* в основах слов (*свекла*, *котенок*), а также в глагольной флексии (*несешь*, *несем* и под.), или случаев употребления губно-губного *в* и замены *ф* на *х*, *хв*. Территория распространения этих явлений частично совпадает с территорией твердого цоканья, хотя и по-разному соотносится с общей границей цоканья (см. карты №№ 15 и 145 и №№ 47, 49, 45).

Учитывая близость изоглоссы данных явлений к изоглоссе несомненно северновеликорусского по своему происхождению изменения *а* > *е*, можно предположить, что сохранению всех этих черт на территории небольших занимаемых этими явлениями «островов» могло содействовать наличие этих черт одновременно у соприкасающихся здесь носителей южновеликорусских и северновеликорусских (но не Владимирско-Поволжских) говоров.

Наличие определенных связей между распространением некоторых языковых особенностей северновеликорусского (не Владимирско-Поволжского) происхождения и распространением цоканья, особенно в говорах, которые сохраняют его в наибольшей степени, не может быть не учтено при рассмотрении вопросов, связанных с историей аффрикат в русском языке. Эти связи должны быть подвергнуты более пристальному изучению при том сравнительно-историческом анализе различных разновидностей цоканья в пределах цокающих говоров русского языка, которому и посвящаются следующие разделы работы.

К ИСТОРИИ СОВРЕМЕННЫХ ВИДОВ УПОТРЕБЛЕНИЯ АФФРИКАТ, ГЕНЕТИЧЕСКИ СВЯЗАННЫХ С МЯГКИМ ЦОКАНЬЕМ

Анализ данных об употреблении аффрикат в цокающих говорах русского языка, проведенный нами выше, позволяет выявить систему этого употребления в каждом отдельном говоре.

Выявление системы оказалось особенно сложным в тех случаях, когда в говорах было представлено сосуществование нескольких типов или видов употребления аффрикат, что фактически имело место в подавляющем большинстве случаев. Лишь наблюдения над употреблением аффрикат в речевом потоке и теми фонологическими отношениями, которые при этом устанавливаются по отношению к интересующей нас группе звуков, помогли выявить некоторые общие закономерности употребления аффрикат по говорам. Таким образом, значение фонологического подхода при изучении собранного для данной работы материала в синхронном плане было решающим. Последующее картографирование материала не только дало возможность представить себе характер территориального распространения различных разновидностей цоканья, но и явилось своеобразной проверкой того, насколько удачно и по существу правильно были намечены при обработке материала типы употребления аффрикат и закономерности этого употребления.

На основе современного распространения такой диалектной особенности, как цоканье, выше были выделены три группы цокающих говоров: северо-западная (и западная), северо-восточная и юго-восточная (см. карты 1, 2, 3), причем указывалось, что это членение и с современной точки зрения является в значительной степени условным и продиктовано преимущественно необходимостью группировать более или менее однородные по употреблению аффрикат говоры для последующего изучения соответствующих материалов с исторической точки зрения. Проведенное картографирование материала в общем показало, что цоканье представлено в пределах распространения рус-

ского языка в Европейской части СССР на весьма значительной территории. Если учесть, что на протяжении существования русского языка как национального цоканье, в основном, являлось убывающей чертой, то нетрудно себе представить большее распространение этого явления в прошлом.

Учитывая существующую в настоящее время классификацию русских народных говоров (см. карту 5), следует отметить, что цоканье или явления, указывающие на цоканье в прошлом, характерны для северновеликорусского наречия, взятого в целом, причем следует сделать ограничения по отношению к одной группе этого наречия, а именно — к Владимирско-Поволжской; цокающей является юго-восточная часть говоров этой группы, в северной и северо-западной части представлено различение *ч'* и *ц*. Соответственно средневеликорусские говоры, сложившиеся в результате взаимодействия цокающих северновеликорусских говоров с южновеликорусскими, преимущественно представляют цоканье, хотя, разумеется, непоследовательно и далеко не во всех говорах. Лишь в той части средневеликорусских говоров, которая примыкает к нецокающей группе Владимирско-Поволжских говоров (преимущественно говоры к западу от Москвы), цоканье отсутствует.

Цоканье в пределах южновеликорусского наречия встречается в тех его группах, которые приобрели южновеликорусские черты в качестве вторичных. Исконные южновеликорусские говоры характеризуются различением *ч'* и *ц* и не имеют следов цоканья. Исключение в этом отношении составляют лишь некоторые южновеликорусские говоры, расположенные непосредственно к югу от полосы цокающих средневеликорусских говоров: цокающие говоры могли здесь появиться в результате переселений в позднее время.

Даже современная карта цоканья свидетельствует об особом положении в истории русского языка этой в настоящее время диалектной особенности. В период, когда диалектные группы русского языка не были в достаточной степени подчинены в своем развитии одной общенародной форме языка, подобное распространение могла получить лишь особенность диалектных групп, имевших большой удельный вес в общем развитии языка, например, в период существования древнерусской, а отчасти и великорусской народности.

Выше (во «Введении») уже говорилось о том, почему при изучении истории аффрикат исследователь должен прежде всего опираться на данные диалектов. Изучение этих данных велось при подготовке настоящей работы с установкой на то, чтобы выяснить употребление аффрикат в системе каждого отдельного говора, определить внутренние закономерности существования и развития явления.

Подобным образом изученный и в дальнейшем картографированный материал позволяет при его дальнейшем сравнительном анализе, объектом которого являются группы говоров, различающихся по употреблению аффрикат, выяснить историю разных типов и разновидностей этого употребления, в частности в цокающих говорах. В результате такого изучения должны быть поняты, с исторической точки зрения, те отношения, которые имеются между современными типами и разновидностями этого употребления, поскольку при неравномерном развитии языкового строя отдельных групп говоров в них оказываются представленными различные по своей архаичности виды реализации явления.

Сравнительно-историческое освещение материала, собранного и проанализированного в данной работе, целесообразнее всего начать

с той его части, которая относится к западным и северо-западным территориям. К этому нас ведут прежде всего данные исторической диалектологии русского языка и истории русского народа, свидетельствующие о том, что именно здесь (по сравнению с другими территориями, на которых распространено цоканье) раньше всего складываются определенные диалектные группы, носители которых распространялись уже в более поздние периоды в северо-восточном и восточном направлениях. Именно на данных территориях цоканье оказывается засвидетельствованным памятниками письменности с XI и XII вв.; столь ранних памятников для других территорий, на которых распространено цоканье, не сохранилось.

Самым архаическим видом цоканья в современных северо-западных говорах является, как это было показано выше, твердое цоканье, исторически сменившее здесь (в этом не приходится сомневаться) мягкое цоканье. Однако и твердое цоканье не имеет в этих говорах в настоящее время последовательного и широкого распространения в связи с тем, что на данной территории рано, очевидно раньше, чем на других территориях, начал развиваться отход от цоканья в сторону различения *ч* и *ц*; относительно широкое, хотя и весьма разбросанное распространение твердого цоканья отмечают лишь в северной половине территории западных говоров (см. карту 2), исторически соответствующей западной части древней Новгородской земли и примыкающей к ней с юга северной части Смоленской земли, а также, если иметь в виду данные северо-восточных белорусских говоров, то и в определенной части говоров смежной Полоцкой земли (см. карту 6).

Трудно и вообще едва ли возможно установить, является ли та часть северо-западной территории, на которой по современным данным относительно широко распространено твердое цоканье, также и территорией, где цоканье вообще развилось первоначально. В период возникновения цоканья, разумеется, могло иметь место как одновременное или почти одновременное развитие его на значительной территории, так и последовательное распространение с более ограниченной территории. Во всяком случае, поскольку сохранившиеся памятники свидетельствуют наличие цоканья в Новгородской земле с XI в., а в Смоленской с XIII в. (более ранних памятников, памятников этих территорий нет), эта диалектная черта должна быть признана характерной одновременно и для древнего Новгородского и для Смоленского говоров, и у нас нет безусловных оснований для предположения о первоначальном возникновении цоканья в пределах одной из этих групп и о последующем распространении этой черты в пределах другой. Наличие общих черт, наблюдаемых в современных смоленских и новгородских говорах, несмотря на то, что первые подвергались в процессе истории глубокому южновеликорусскому влиянию, облусловившему большинство современных различий между этими говорами, дает возможность объединить эти говоры в ряде отношений и противопоставить их, например, северновеликорусским говорам неновгородского происхождения. Основание для противопоставления дают такие имеющиеся в смоленских и новгородских, по происхождению, говорах черты, как распространение, хотя и единичных в настоящее время, случаев «неперехода» $e < o$ разного типа (*принес*, *котенок*, *дешево*, *несеш* и т. п.), случаев произношения губно-губного *в*, употребления окончаний прилагательных род. пад. ед. ч. муж. р. *-ого*, *-оүо*, *-оо*, отвердения конечных губных, употребления формы им. п. мн. ч. *оны*, отдельных случаев изменения $a > e$ и др. В древности различий между этими

говорами было еще меньше, в связи с чем при реконструкции этих различий для начального периода образования великорусской народности удается указать лишь раннюю утрату в говорах Смоленской земли, по сравнению с говорами Новгородской земли, таких фонем, как *ê* и *ô*[39].

Сходство говоров Новгородской и Смоленской земли в XI—XIV вв. объясняется и причинами исторического характера, среди которых особенно важна та, что племена, заселявшие эти территории в IX—X вв., были чрезвычайно близки друг к другу[40].

После того как на соответствующих территориях оформились самостоятельные княжества, Смоленское и Новгородское, между населением этих территориальных единиц не прекращалось оживленное общение, не прерывались связи экономического характера. Можно говорить о фактическом взаимопроникновении южных владений Новгородского княжества и северных владений Смоленского княжества, об отсутствии определенных границ между ними[41].

Южнее границы преимущественного, хотя, повторяем, и неширокого в настоящее время распространения говоров с твердым цоканьем, это последнее встречается уже изредка и почти не образует сплошных массивов; преобладают же здесь говоры с различением *ч* и *ц* твердых, которые севернее данной границы более регулярно перемежались, как уже говорилось, с твердым цоканьем.

Относительно огромного количества говоров с различением твердых *ч* и *ц*, особенно тех, которые расположены на той же территории, что и говоры с твердым цоканьем, вперемежку с этими последними (но также и тех, которые находятся к югу от намеченной нами границы), можно с уверенностью сказать, что они имели в прошлом твердое цоканье и именно от него переходили к различению аффрикат, устанавливавшемуся, однако, как различение твердых *ч* и *ц*. Поэтому можно себе представить, что территория твердого цоканья была значительно более широкой и простиралась южнее границы распространения говоров, сохранивших твердое цоканье до настоящего времени. Переход к различению твердых *ч* и *ц* от твердого цоканья происходил в разных говорах западных и северо-западных территорий в разное время и под влиянием разных причин.

Для многих говоров Новгородского княжества подобные условия постепенно оформлялись после присоединения Новгородских земель к Москве, сопровождавшегося определенными изменениями в составе населения («вывод» населения, применявшийся московским великим князем, и передача конфискованных земель московским дворянам в поместье). В языковом отношении, в частности, в употреблении аффрикат эти условия могли сказаться к концу XVI в. Для смоленских говоров играло роль и давнее взаимодействие с более южными и восточными говорами, исконно имевшими различение *ч'* и *ц*.

---

39 См. характеристику диалектных групп начального периода образования великорусской народности в статье: Р. И. Аванесов. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности. «Вопросы языкознания», 1955, № 5, стр. 30.

40 Историки неоднократно подчеркивали принадлежность новгородских словен и кривичей по существу к одному и тому же племени. — См.: П. В. Голубовский. История смоленской земли. Киев, 1895: М. С. Середонин. Историческая география. Пг., 1916, стр. 140—141; А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории. М., 1938, стр. 33; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 224.

41 См. А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства, стр. 86.

Конечно, указанные события лишь заложили основу последующей нивелировки определенных диалектных черт, в том числе и цоканья. Самая нивелировка осуществлялась позднее , для многих из северо-западных говоров, возможно, только с конца XVII в., так как протекала она на базе твердого цоканья, а в данных говорах *ц* долго было мягким, о чем позволяет судить отсутствие в них ощутительного распространения изменения *ц* > *с*, развивавшегося спорадически в тех говорах русского языка, в которых *ц* отвердевало рано (см. главу II). При этом процессы отхода от твердого цоканья развивались неодновременно в различных говорах данной территории.

Так, например, во многих говорах северной части бывшего Новгородского княжества долго сохранялось твердое цоканье и переход к различению *ч* и *ц* начался после того, как южная часть новгородских говоров была втянута в образование средневеликорусских говоров, т. е. в XVIII—XIX вв. Об этом свидетельствует распространение лишь в говорах северо-западной части современной Новгородской группы северновеликорусского наречия различения твердых *ч* и *ц* в сочетании с произношением *ц* в суффиксе причастий типа *ушоццы*[42]. Только здесь это явление имеет определенную территорию распространения, причем его южная граница близка к северной границе средневеликорусских говоров (см. карту 2).

Карты находящегося в печати «Атласа русских народных говоров северо-западных областей», в котором картографирована западная часть территории говоров б. Новгородской земли, показывают слабое распространение в отдельных рассредоточенных по всей данной территории говорах не только цоканья и его реликтов, но и других диалектных особенностей, таких, как произношение *и* в соответствии *ѣ*, изменение *а* > *е*, произношение *в* как губно-губного звука, случаев «неперехода» *е* > *о* в основах слов, употребление твердых губных согласных на конце слов, употребление форм прилагательных род. пад. ед. ч. муж. р. с окончаниями *-ого*, *оγо*, *-оо* и некоторых других явлений, о которых безусловно можно сказать, что ранее они были более широко распространены, например в западной части говоров Новгородской группы.

Возможно, что исчезновение этих явлений в ряде говоров данной территории следует отнести к тому же времени, когда совершался переход от твердого цоканья к различению твердых *ч* и *ц*, сочетающемуся, в некоторых говорах с произношением *ц* в причастиях типа *ушоццы* т. е. к периоду формирования русского национального языка.

На карте 2 отчетливо прослеживается более устойчивое сохранение твердого цоканья в периферийных по отношению к центральным территориям б. Новгородской земли говорах. Следует подчеркнуть, что эти говоры в меньшей мере должны были испытывать на себе московское влияние, а в более позднее время и влияние норм национального языка.

В некоторых периферийных говорах процессы отхода от твердого цоканья могли начаться только в XIX или в начале XX в. По мере того, как влияние нормализованного типа языка становится более ощутительным и захватывает, хотя и в разной степени, почти все говоры русского языка, в говорах, наиболее долго сохранявших твердое цоканье как элемент устойчивой диалектной системы, разви-

[42] Как правильно указывает Р. И. Аванесов, сохранение в подобных говорах цоканья только в определенных суффиксах «объясняется, вероятно, тем, что они (эти суффиксы. — *В. О.*) находились в составе диалектных форм, отсутствовавших в литературном языке. Поэтому влияние последнего не могло их затронуть». — Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. М., 1949, стр. 134.

ваются особые процессы, характерные для отхода от цоканья в более позднее время и направленные к непосредственному различению *ч’* и *ц*. Таков по сути своей тот подробно охарактеризованный выше переходный вид цоканья, при котором, в соответствии аффрикате *ч’*, устанавливается ряд свистящих мягких аффрикат (*ц’*, *ц”*, $ц'^{ч'}$, а также *ч’*), в то время как в соответствии *ц* регулярно произносится *ц* твердое.

Как уже говорилось выше, говоры с различением твердых *ч* и *ц*, встречающиеся южнее современной границы преимущественного распространения твердого цоканья, могут, очевидно, иметь разное происхождение. В одних из них подобное различение развилось также при отходе от твердого цоканья, в других различение твердых *ч* и *ц*, может быть, распространилось позднее, например в тот период, когда говоры этих территорий теснее объединялись друг с другом, находясь в составе Литовского государства, в пределах которого различение твердых *ч* и *ц* могли усвоить и говоры, не знавшие ранее цоканья. В самой южной части западной территории говоры с различением твердых *ч* и *ц*, вероятнее всего, также никогда не знали цоканья; отвердение *ч* в этих говорах может быть связано с тем общим фонетическим процессом отвердения обеих аффрикат, который наметился в юго-западных языковых группах довольно рано и отражен по памятникам с XV в.[43]

Все сказанное выше о генезисе определенных видов употребления аффрикат и некоторых сопутствующих этому употреблению языковых черт ни в какой мере не связано с игнорированием фактов позднейшей колонизации. Несомненно, что многие говоры на данной территории представляют исконное различение *ч’* и *ц*. Такими могут быть, например, говоры переселенцев из центральных областей, появлявшихся здесь в разное время.

Говоры с твердым цоканьем или различением *ч* и *ц* в южной части территории в ряде случаев могут быть также говорами переселенцев из более северных новгородских территорий. Факт подобных переселений был связан с усилением московского влияния и конфискацией земель в центре Новгородского княжества.

В пределах западной территории цокающих говоров ее северозападная часть отличается тем, что она меньше подвергалась в XI, XII, XIII вв. разного рода вторжениям, которые могли бы вызвать, в свою очередь, передвижение отдельных групп населения. Существенные перемены в составе и размещении населения возникают здесь в относительно позднее время, в связи с расширением границ Литовского государства и, в дальнейшем, в связи с потерей Новгородом самостоятельности. Поэтому при анализе территориального распространения некоторых древних по своему возникновению диалектных особенностей нельзя не считаться с существованием в период XI, XII вв. на данной территории устойчивых диалектных групп, перегруппировка которых относилась уже к более позднему времени и могла не отразиться на распространении такой устойчивой диалектной черты, как цоканье. Учет моментов этого рода и позволяет допустить известное, хотя, разумеется, и весьма условное, соответствие современной и древнейшей территорий распространения цоканья.

---

[43] См. Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924: «Звук *ч* отвердел, как и остальные шипящие в б—р и значительной части м—р говоров (именно, в тех говорах, в которых отвердели и прочие шипящие). В письменных памятниках на отвердение *ч* указывают написания *чы*, *чъ*, появляющиеся в зап. р. грамотах с XV в.» (стр. 179).

Переходя к анализу с исторической точки зрения разных видов употребления аффрикат в пределах той группы цокающих говоров, которая выделена нами как северо-восточная, следует подчеркнуть, что цокающие говоры на северо-востоке Европейской части СССР расположены на территории, историческое прошлое которой является достаточно определенным: ее заселение начиналось с запада в процессе постепенного расширения Новгородской земли. Большинство историков считает, что в XI в. славянская колонизация не продвинулась еще далеко в северо-восточном направлении; временем наиболее интенсивной колонизации северо-востока, притом, повторяем, колонизации новгородской, считают обычно период с середины XII в. до половины XV в.

Нет существенных разногласий и по вопросу о том, что именно новгородскую колонизацию нашего северо-востока следует считать наиболее древней. При этом подчеркивают обычно, что путь новгородцев в эти края шел не непосредственно на восток от ранее занятой ими территории Приладожья, а как бы окружным путем, обходом. Как указывает А. Н. Насонов, «Двина и Вага осваивались с севера, а не с запада»[44].

В результате на северо-востоке складывается территория с особенно устойчивым населением новгородского происхождения. Население, пришедшее из Новгородской земли, находим на среднем течении Северной Двины и в междуречье среднего течения Двины и Онеги, Двины и Пинеги. Напомним (см. карту 1), что именно здесь и расположены говоры, до сих пор сохраняющие в наиболее непоколебленном виде мягкое цоканье, являющееся самым древним видом совпадения аффрикат в пределах русского языка.

В южной части территории северо-восточных цокающих говоров уже издавна распространялась Ростово-Суздальская колонизация, в результате которой частично происходило оттеснение новгородских владений к северу, частично же создавалась чересполосица говоров, различавшихся по употреблению аффрикат, т. е. говоров цокающих и нецокающих.

Отдельные колонизационные потоки, шедшие из Ростово-Суздальской Руси, проходили также и далеко на север (например, к нижнему течению Двины), в связи с чем там оказывались определенные группы нецокающих говоров (см. говоры с различением *ч'* и *ц*, например на территории Архангельской обл.).

Судя по данным об употреблении аффрикат, выше подвергавшимся анализу, при близком соседстве цокающих и нецокающих говоров в определенные более давние периоды их сосуществования нередко получало преимущественное распространение цокающее произношение. Так, например, на всем протяжении течения р. Сухоны, где создавалась подобная чересполосица владений, нецокающие говоры в настоящее время встречаются редко.

Это обстоятельство могло объясняться и общим количественным преобладанием цокающих говоров на данной территории, а также и тем, что при междиалектном взаимодействии, при слабом влиянии высшей формы языка, цоканье оказывалось, видимо, продуктивной особенностью соответствующей системы консонантизма: вместо различения двух аффрикат при цоканье представлено пользование одной аффрикатой, никогда не приводящее к возникновению омонимов, так как в русском языке того периода не было слов, отличавшихся только аффрикатами *ц'* или *ч'*.

---

[44] А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 93.

С другой стороны, на верховьях Сухоны и на восток от Белоозера, где нецокающие говоры с давнего времени преобладали и их носители в ряде случаев не переходили к цоканью, это последнее оказывалось весьма устойчивым в соседних говорах новгородского происхождения, что опять-таки свидетельствует о том, что цоканье являлось на протяжении существования языка древнерусской, а затем и великорусской народности весьма устойчивой и продуктивной чертой.

По поводу наличия нецокающих говоров в других частях северо-восточной территории следует сделать некоторые специальные замечания.

Обилие нецокающих говоров (наряду с цокающими и в постоянном территориальном чередовании с ними) в юго-восточной части данной территории, в пределах «Вятской земли» (говоры современной Кировской обл.), может получить объяснение на основе имеющихся у нас представлений о соотношении здесь Новгородского и Ростово-Суздальского колонизационных течений. «Попадая с юга на Сухону, — пишет С. Ф. Платонов, — пришельцы двигались по ее течению и, следуя природному расположению путей, выходили на Северную Двину, но, встречая там новгородскую струю колонизации, они не шли далее на север, а попадали на реки Юг и Мологу — в Вятскую землю»[45].

Таким образом, следует подчеркнуть, что современное распределение цокающих и нецокающих говоров на территории северо-востока и размещение отдельных массивов говоров, наилучшим образом сохраняющих мягкое цоканье, в общих чертах согласуется с имеющимися представлениями о соотношении двух основных колонизационных потоков, участвовавших в заселении этой территории.

В распределении говоров, представляющих мягкое цоканье или явления, характерные для перехода от мягкого цоканья к различению аффрикат, можно, кроме того, увидеть отражение различного положения этих говоров по отношению к влиянию нормализованного типа языка. В говорах мест, наиболее удаленных от промышленных центров страны, от соприкосновения со значительными массивами нецокающих говоров, обычно лучше сохраняется мягкое цоканье и развиваются особые процессы перехода от мягкого цоканья к различению аффрикат, процессы, отличные от тех, которые наблюдаются в говорах, более непосредственно испытавших на себе влияние нормализованного типа языка.

Распространение нецокающих говоров в западной и северо-западной частях северо-восточной территории, как, впрочем, и в других местах, может быть связано также и с весьма поздними переселениями. Обращает на себя внимание и тот факт, что нецокающие говоры распространены здесь особенно разбросанно.

Почти по всей территории северо-востока наблюдается твердое цоканье, чаще всего представленное по говорам в сосуществовании с мягким цоканьем. Лишь на глубинных территориях, где мягкое цоканье распространено почти исключительно, твердое цоканье по говорам отсутствует.

Выше было уже указано, что развитие твердого цоканья в северо-восточных говорах представляет собой новообразование, относящееся к позднему времени и слабо в них распространяющееся не только в настоящее время, но и в прошлом. Слабое распространение этого новообразования в северо-восточных говорах связано, очевидно,

[45] С. Ф. Платонов. Прошлое русского севера. Пг., 1923, стр. 42.

с более медленным распространением языковых новообразований на данной территории вообще, так как здесь имеем говоры более позднего формирования, расположенные на территории с гораздо меньшей плотностью населения, по сравнению с новгородскими говорами, с которыми они связаны по происхождению. Следует также учитывать, что они были удалены в прошлом от влияния нормализованного типа языка, источником которого являлись тогда преимущественно промышленные центры (большие города). В связи с этим в них лучше сохранялось архаическое состояние определенных языковых черт. Ср. наряду со слабым распространением таких новообразований, как твердое цоканье или произношение *и* в соответствии *ѣ*, большее сохранение тех же и еще некоторых явлений в их архаическом состоянии: мягкого цоканья, произношения *ê* и *͡ие* в соответствии *ѣ*, распространения *ô* и *͡уо* в соответствии *ô* под восходящим ударением и др. Неравномерно распространено, например, в данных говорах и такое достаточно давнее новообразование, как отвердение конечных губных.

Почти сплошное распространение твердого цоканья в новгородских говорах ко времени особенно интенсивного влияния на них нормализованного типа языка обусловило усвоение в них различения твердых *ч* и *ц*. В северо-восточных говорах употребление твердого *ч* встречается редко, что объясняется слабым и, главное, поздним развитием в этих говорах твердого цоканья. Переход к различению аффрикат *ч'* и *ц* складывался в большинстве северо-восточных говоров преимущественно на основе мягкого цоканья.

Анализ чоканья в говорах северо-востока, где оно появилось в позднее время, был дан выше. Была показана связь появления чоканья с переходом к различению аффрикат, складывавшимся под влиянием нормализованного типа языка в тот период, когда это влияние осуществлялось в условиях слабого распространения грамотности и низкого уровня культуры. Было показано, как чоканье, возникшее в связи с попытками употребления *ч'*, в дальнейшем становится своеобразным «тупиком развития», шедшего первоначально в направлении к различению *ч'* и *ц*. В северо-западных и вообще западных говорах переход к различению аффрикат совершался под более непосредственным влиянием нормализованного типа языка, чем и объясняется тот факт, что чоканье встречается там гораздо реже, чем в говорах северо-востока.

В связи с тем, что в ряде цокающих говоров северо-востока мягкое цоканье удерживается как устойчивое явление фонетической системы, в этих говорах слабо распространен тот тип употребления аффрикат, переходный от твердого цоканья непосредственно к различению *ч'* и *ц*, который выражается в употреблении мягких свистящих аффрикат в соответствии *ч'* и твердой аффрикаты в соответствии *ц*. В единичных говорах с твердым цоканьем этот переходный тип все же встречается на северо-востоке и был выше отмечен.

Ни на территории северо-запада, ни на территории северо-востока современное распространение разных видов цоканья не удается соотнести с тем размещением иноязычных групп населения, которые существовали на этих территориях еще до прихода славян. Как известно, значительная часть иноязычного населения этих территорий утрачивала родной язык и переходила к русскому языку, другая его часть сохранила до сих пор свой коренной язык. Распределение разновидностей цоканья и других типов употребления аффрикат на территориях, занятых древней водью, весью, чудью заволочской, мерей, пермью и печорой, не удается связать с размещением перечисленных

финских языковых групп. Это распределение обусловлено, как это было показано выше, рядом факторов, складывавшихся в ходе истории русского языка и истории русского народа. Убедительной иллюстрацией к такому положению является тот факт, что данные о цоканье и его разновидностях в говорах северо-востока органически связаны с теми данными, которые были приведены при характеристике употребления аффрикат в говорах северо-запада.

На территории более позднего расселения носителей новгородского диалекта в языке этих последних нередко сохранялось более древнее состояние ряда языковых черт, в том числе и более архаичный тип употребления аффрикат (напомним о широком распространении здесь мягкого цоканья). Генетическое единство с говорами новгородской группы сказывается также и в дальнейшем развитии употребления аффрикат (переход от мягкого цоканья к твердому, последующий переход к различению аффрикат). Различия между северо-восточными и северо-западными говорами заключаются лишь в явно поздних процессах, характерных для того, каким путем совершался в истории отдельных говоров переход к различению *ч'* и *ц*. На северо-западе это — различение *ч* и *ц* твердых при сохранении случаев типа *ушоццы*, временно устанавливающееся различение *ц'* (*ц"*) и *ц*; на северо-востоке — преимущественно чоканье, но изредка также и различение *ц'* (*ц"*) и *ц*.

Историческое прошлое территории, на которой в настоящее время распространены юго-восточные цокающие говоры, является сложным. Та часть этих говоров, которая расположена севернее течения р. Клязьмы, а также на правом ее берегу, т. е. вокруг Владимира и Суздаля, соответствует южной части б. Ростово-Суздальского княжества. Южнее цокающие говоры находятся, в основном, в междуречье Оки—Клязьмы и далее, к востоку от Оки, в так называемой Мещерской стороне, покрытой лесами и болотами, которая долгое время оставалась слабо заселенной славянами. Постепенно появлявшееся здесь славянское население, весьма редкое, как указывает Ю. В. Готье[46], еще и в XVI в., тяготело, с одной стороны, с юга, к Рязани, а с другой, с севера, — к более далекому Владимиру, а не к относительно близко расположенному Мурому и Муромскому княжеству, что, видимо, может указывать и на основные исходное территории, с которых шло заселение междуречья Оки—Клязьмы: с севера из-за Клязьмы сюда направлялись носители говоров Ростово-Суздальской земли, позднее Владимирского княжества, территория которого располагалась по обоим берегам среднего течения Клязьмы; с юга сюда шло население из пределов Рязанского княжества.

В связи со всем сказанным можно предположить, что первоначально территория цокающих говоров на юго-востоке примерно совпадала с территорией Владимирского княжества (южная часть Ростово-Суздальской земли). Позднее, по мере заселения междуречья Оки—Клязьмы, она расширялась к югу.

Уточняя таким образом наши представления о более ранней и более поздней территории распространения цоканья на юго-востоке, мы подходим к вопросу об образовании говоров Ростово-Суздальской земли, к вопросу о том, каким образом на ее территории сложились два отличающихся друг от друга, по крайней мере по употреблению аффрикат, массива говоров (цокающих и нецокающих), наличие кото-

---

[46] Ю. В. Готье. Десятни по Владимиру и Мещере 1590 и 1615 г. М., 1910, стр. 7; ср. также: «Очерки истории СССР», т. I, М., 1953, стр. 406.

рых не стерлось и в настоящее время и выражается в неоднородности говоров Владимирско-Поволжского типа, на которую указывал в свое время Н. Н. Дурново. Он писал по поводу цокающих говоров Владимирско-Поволжской группы следующее: «В „Опыте“ МДК эти говоры не выделены в особую группу, а отнесены к группе Владимирско-Поволжской вместе с другими, сходными с ними по судьбе *ě* и некоторым другим чертам»[47]. В дальнейшем Н. Н. Дурново предлагает именно эти цокающие говоры называть собственно «Владимирско-Поволжскими» (а нецокающие — «Ярославскими») и высказывает соображения об их генезисе, вполне согласующиеся с теми предпосылками собственно исторического характера, о которых мы уже говорили: «Повидимому, основа их (этих цокающих говоров. — *В. О.*) иная, чем у говоров Ярославской группы, и, может быть, не одна и та же у разных говоров, но, будучи оторваны от своей первоначальной основы, они подверглись сильному влиянию со стороны говоров Ярославской группы и Московского κοινή»[48].

Ю. В. Готье, обращаясь в своих работах к проблеме формирования населения будущей Ростово-Суздальской земли, полагает, что началом колонизации следует считать IX—X вв., причем в одной из работ, специально посвященной данному вопросу[49], довольно детально намечает направление и размещение первых колонизационных потоков кривичей, направляющихся сюда с запада. Некоторые историки допускают также, что в древнейшей колонизации края участвовали и словене[50].

Первоначально оседлые славянские поселения располагались, по мнению историков, преимущественно в приволжской части будущей Ростово-Суздальской земли, а также по берегам притоков Волги—Которосли и Нерли — и озер Клещино и Неро, там, где позднее возникают Переяславль, Ростов, Ярославль. Ю. В. Готье считает, что наиболее ранние группы славянского населения владели к X в. верхним течением Волги до Ярославля[51]. Это население — будущие носители говоров Ярославской группы, постепенно распространявшееся в восточном и южном направлении, — не цокало, как можно об этом судить на основе показаний современных говоров.

Край, на территории которого формируется Ростово-Суздальская земля, был заселен в это время мерей. Историки указывают на то, что меряне преимущественно ассимилировались со славянским населением; часть мерян была оттеснена славянами[52].

Ассимиляция мерянских групп не привела, таким образом, к возникновению цоканья в языке славянского населения, которое начинает жить довольно обособленной по отношению даже к близким восточнославянским землям жизнью, особенно в приволжской части территории, где этому обособлению способствовали и природные условия[53]. Однако Ростово-Суздальская земля не порывает связей с южными центрами русской земли, относительное единство с которой со-

---

[47] Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка, ч. 1, стр. 115.
[48] Там же.
[49] Ю. В. Готье. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края. «Труды секции археологии РАНИОН», т. IV. М., 1928, стр. 140.
[50] Ср. П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 237.
[51] Аналогичным образом излагает ход славянской колонизации данной территории и М. С. Середонин («Историческая география». Пг., 1916, стр. 214).
[52] См., например: М. К. Любавский. Историческая география России. М., 1909, стр. 39, 115; А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 174; П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 237.
[53] См. М. К. Любавский. Указ. соч., стр. 80.

храняется и в период, когда ощутительно дает себя знать феодальная раздробленность.

По поводу истории формирования этой группы «залесских», как их называет Н. Н. Дурново, говоров Ярославской, Костромской и части б. Владимирской губ., он писал: «Территория, занятая этими говорами, в глубокой древности выделялась среди остальной с.-р. территории. Это был степной остров («поле») среди лесов, покрывавших с.-р. равнину. Население его политически в историческую эпоху никогда не тянуло ни к Новгороду, ни к Твери и, наоборот, еще со времени Владимира Св. поддерживало связи с Южной Русью. Возможно поэтому, что отсутствие как цоканья, так и ряда других, характерных для остальных с.-в.-р. говоров черт в этой группе стоит в связи с давней обособленностью ее от других с.-в.-р. говоров»[54].

Для понимания дальнейшего процесса формирования славянских групп населения на территории Ростово-Суздальской Руси следует иметь в виду, что процесс этот был довольно длительным, продолжавшимся в XII, XIII и даже XIV вв.[55] При этом имеются основания полагать, что в более позднее время заселение побережья р. Клязьмы происходило за счет переселенцев, пришедших с территории Смоленской земли, владения которой далеко простирались в восточном направлении и близко подходили к Ростово-Суздальским владениям (см. карту 6). Возможность двух путей славянской колонизации древнейшей мерянской земли и возможность более позднего освоения мест по течению р. Клязьмы признавали и многие историки[56], доказывавшие, что Суздальско-Залесская сторона находилась в даннических отношениях к Смоленску. А. Н. Насонов, отрицающий наличие этих отношений, также допускает возможность колонизационного движения[57].

В XII—XIII вв. в говорах Смоленской и Новгородской земель уже существовало цоканье, которого не было в Ростово-Суздальских говорах более раннего формирования. Существовали к этому времени и другие различия между этими говорами (Новгородскими и Смоленскими, с одной стороны, Ростово-Суздальскими — с другой).

Разумеется, что говоры вновь появившихся групп населения, селившихся по течению р. Клязьмы и вступавших в соприкосновение с местным населением, попадали под влияние говоров коренного населения Ростово-Суздальской земли (будущих носителей говоров Ярославского типа), в связи с чем языковые особенности этих поздних колонизационных потоков не получали исключительного распространения на резко очерченной территории. Можно отметить лишь преимущественную концентрацию цокающих говоров в пределах Ростово-Суздальской земли по левому берегу р. Клязьмы в сосуществовании с нецокающими говорами, носители которых, видимо, появились здесь в более раннее время. Однако нельзя преуменьшать тот факт, что цокающие говоры, хоть и не в исключительном распространении, все же представлены здесь на большом пространстве в пределах достаточно определенной границы, что свидетельствует о значительной древности их появления.

---

[54] Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка, стр. 113.

[55] См. А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 187.

[56] См. Н. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 188; С. М. Середонин. Историческая география, стр. 239; А. А. Шахматов. Южные поселения витячей. «Известия Академии наук», т. I, № 16, 1907, стр. 715—729; ср. также: «Очерки истории СССР», т. I, стр. 321.

[57] См. А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 167—168.

Можно также высказать предположение, что еще в относительно недавнем прошлом территория цокающих говоров в пределах Владимирско-Поволжской группы была шире, что на протяжении XVII, XVIII, XIX вв. эта территория неизменно шла на убыль.

Диалектные особенности позднее прибывавшего населения должны были стираться, причем прежде всего процессы этого рода начинались, видимо, в говорах севернее Клязьмы, где соприкосновение носителей различных говоров было более тесным. Как показывают наблюдения над теми современными говорами, которые Н. Н. Дурново в отличие от Ярославских именует собственно Владимирско-Поволжскими, в число их отличительных особенностей входили уже некоторые из тех черт, которые отмечены выше как встречающиеся спорадически в пределах общей границы цоканья. Круг этих черт отличается той общей особенностью, что эти черты шире распространены в смоленских и новгородских говорах, а Владимирско-Поволжским говорам в целом (в частности, их Ярославской группе) не свойственны. Вероятнее всего этими чертами в XIII—XIV вв. были, кроме цоканья, губно-губное *в*, результаты изменения *а* > *е*, *l* среднее, произношение *е* без изменения в *о* в разных категориях случаев, твердость конечных губных, формы прилагательных с окончаниями *-ого*, *-оуо*, *-оо*, формы им. пад. мн. ч. местоимения 3-го лица — *оны*, особая система употребления глагольных форм без окончания.

Выше мы показали, что цоканье — наиболее хорошо сохранившаяся из перечисленных черт диалектная особенность — ощутительнее всего поколеблено в пределах общего юго-восточного массива цокающих говоров именно на территории к северу от Клязьмы, где оно в настоящее время редко встречается и где преобладает переходное употребление аффрикат с характерным для него различением *ц*' (*ц*'', *ц'ч'*, *ч'ц'*) и *ц*. Другие языковые черты, сопутствовавшие цоканью, устранялись быстрее, чем и объясняется их современное разбросанное распространение.

Следует, однако, иметь в виду, что по мере заселения долины р. Клязьмы в XIV—XV вв. происходило постепенное распространение славянского населения и в междуречье Оки—Клязьмы, где ко времени появления славянских групп имелось, как полагают историки, финноязычное население — мещера или мещеряки, племя, близко родственное мере, широко расселенной в прошлом по древнейшей части территории Ростово-Суздальской земли. Однако существование этого неславянского племени не подтверждено археологическими данными, в связи с чем некоторые историки, как, например, Ю. В. Готье[58], помещают в междуречье Оки—Клязьмы не мещеру, а мурому (также археологически не засвидетельствованную), разумея под Мещерским краем более восточные (юго-восточные) территории по Оке, Цне и Мокше.

Анализ этнографического материала привел в свое время Б. А. Куфтина к выводу о том, что в этнографии современного населения этих мест, а также выселенцев из Мещеры в Воронежскую и Тамбовскую губернии нет финских черт, что здесь в качестве наиболее древнего пласта выступает пласт таких северных предметов (например, северно-русская понева), которые повсеместно уже утрачены и сохранены лишь в Мещерском крае, где в течение долгого времени имелись условия для консервации архаических особенностей в быту и одежде[59].

---

[58] См. Ю. В. Готье. Десятни по Владимиру и Мещере 1590 и 1651 г. М., 1910.

[59] См. Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, ч. I. М., 1926.

В составе славянского населения, появлявшегося в междуречье Оки—Клязьмы, оказывались как носители более древних по своему формированию говоров Ростово-Суздальской земли, так и носители говоров западного типа, появившиеся здесь позднее. В условиях лесистой, заболоченной местности с чрезвычайно редким населением легко могли существовать обособленные группы подобных говоров, сохраняющих архаическое состояние ряда языковых особенностей и развивающих новые языковые черты узко локального распространения. Такая языковая особенность, как цоканье, оказывалась в этих условиях особенно устойчивой. Тот факт, что массив говоров, в которых твердое цоканье сохраняется наиболее последовательно до настоящего времени (как в сосуществовании с намечающимся переходным различением *ц'* и *ц*, так и в качестве единственного типа употребления аффрикат), представлен именно на данной территории, также получает свое объяснение на основе истории края. (Ср. данные о говорах Гусь-Хрустального и Курловского районов Владимирской области и Спас-Клепиковского, Тумского, Бельковского районов Рязанской области).

Другие языковые особенности, появлявшиеся на территории юго-восточной части Ростово-Суздальской земли вместе с более поздними колонизационными потоками, шедшими с запада в XII, XIII, XIV вв., имели здесь различную судьбу.

Так, например, произношение *е* в соответствии *а* между мягкими согласными или форма местоимения *оны* лучше всего сохраняются в общем там же, где и твердое цоканье, хотя и не имеют того широкого распространения, какое имеют различные разновидности цоканья на юго-восточной территории, взятой в целом. Что касается наличия и преимущественного сохранения примерно на той же территории случаев отсутствия изменения *е* в *о*, губно-губного произношения *в*, т. е. языковых черт, одновременно известных и наиболее архаичным южновеликорусским говорам, то судить о том, какими же (северными или южными) по своему происхождению эти черты здесь являются, оказывается фактически невозможным: в той же части междуречья Оки—Клязьмы находим наилучшее сохранение и некоторых безусловно уже южновеликорусских черт, хотя бы, например, типов яканья с диссимилятивностью. Наконец, некоторые черты, не характерные для Владимирско-Поволжских говоров в целом, сохраняются на юго-восточной территории в рассеянном распространении, однако в основном в пределах общей изоглоссы цоканья.

В условиях того сложного междиалектного взаимодействия, которое исторически сложилось на юго-востоке Европейской части СССР и привело к неоднородности говоров Владимирско-Поволжской группы (подмеченной, как уже говорилось выше, еще Н. Н. Дурново), позднее происходило усиленное распространение черт, присущих в прошлом только некоторым диалектным группам, и утрата черт, являвшихся ранее исконными для тех или иных говоров. Из числа позднее появившихся на данной территории черт наиболее устойчивой оказалось цоканье, в период недостаточно эффективного влияния общенародной формы языка, очевидно, усваивавшееся и говорами, ранее не знавшими этой черты. С другой стороны, например, губно-губное произношение *в*, заменявшееся в ряде говоров губно-зубным *в* в результате внутреннего развития системы консонантизма, переживало в истории данных говоров резкое сокращение территории своего распространения.

Современное многообразие видов цоканья во всех соответствующих группах русских народных говоров, выделенных нами при картогра-

фировании и находящихся на территории древней восточнославянской колонизации, оказывается, таким образом, при его сравнительно-историческом изучении внутренне единым. Мягкое цоканье, при котором по говорам употребляется одна мягкая свистящая аффриката, является исходным типом для развития остальных разновидностей цоканья, независимо от того, сохранилось ли в подобных говорах мягкое цоканье или оно уже исчезло. Мягкое цоканье всегда наблюдается в говорах, в наименьшей степени затронутых влиянием общенародной формы языка, сохраняющих архаическое состояние и других диалектных черт.

Выше мы видели, что наличие тех, а не иных разновидностей цоканья, возникавших в результате начавшегося перехода к различению *ч'* и *ц*, определяется прежде всего тем, развивалась ли эта разновидность непосредственно на основе мягкого цоканья или же влияние нормализованного типа языка сказалось на говорах тогда, когда в них уже было представлено твердое цоканье.

В формировании переходных видов цоканья играет роль и то, в какое время развивались процессы перехода. Выше мы видели, что на северо-западе в одну эпоху отход от твердого цоканья совершался через ступень различения твердых *ч* и *ц*, в другую — через различение *ц'* и *ц*. При различении твердых *ч* и *ц* в одни периоды сохранялось произношение *ц* в суффиксах причастий типа *ушоццы*, в другие периоды подобное произношение не устанавливалось.

Таким образом, видим, что выводы из проведенного сравнительно-исторического изучения, касающиеся установления генетических связей между различными современными разновидностями цоканья и переходными видами различения аффрикат, находятся в определенном соответствии с определенным пониманием процесса формирования восточнославянского населения на территории Европейской части СССР. Это соответствие позволяет сделать предположение о единстве древнейших видов цоканья на разных территориях и единстве изменений, наблюдаемых при переходе от цоканья к различению аффрикат, и объяснить это единство тем, что цоканье развилось первоначально в среде двух весьма близких диалектных групп и распространялось в дальнейшем по мере распространения представителей этих групп. Такими диалектными группами были говоры Новгородской земли, игравшие решающую роль в колонизации северо-востока, и говоры Смоленской земли, носители которых на протяжении длительного периода участвовали в заселении Ростово-Суздальской земли и, что особенно для нас важно, в заселении ее южной части, происходившем несколько позднее, чем заселение северной части.

Отсутствие в прошлом широкого обобщения и картографирования соответствующих диалектных данных об употреблении аффрикат и их сравнительно-исторического изучения приводило, как мы видели, к тому, что все современные типы и виды употребления аффрикат непосредственно возводили к восточнославянскому языку-основе (см. «Введение»). Поэтому основной задачей нашей работы по отношению к различным типам употребления аффрикат (см. главу II) являлось прежде всего выяснение тех соотношений, которые имеются, с исторической точки зрения, между современными типами употребления аффрикат, а также, в частности, между различными видами цоканья. Анализируя данные ряда говоров, в которых представлено различное употребление аффрикат, мы пытались подготовить необходимый материал для разработки истории этого звена системы консонантизма русского языка. Неравномерность развития говоров русского языка

в отношении интересующей нас черты дала возможность выявить некоторые закономерности, характеризующие разные этапы развития употребления аффрикат в русском языке. Выполнение этой задачи оказалось возможным при широком использовании данных современных народных говоров, поскольку эти последние представляют различные ступени, пройденные в своем развитии интересующим нас явлением. Действительно, соответствующие диалектные данные позволили выяснить определенный круг вопросов, связанных с историей аффрикат в русском языке на протяжении его самостоятельного существования, и установить, что к более древнему общевосточнославянскому периоду из числа существующих типов употребления аффрикат следует относить лишь различение первоначально мягких *ч'* и *ц'*, полученное восточными славянами от общеславянского периода. Мягкое цоканье, возникшее уже в период обособленной языковой жизни восточных славян, было с самого начала свойственно лишь определенным территориальным древнейшим диалектным группам, сложившимся еще в период существования древнерусской народности.

Считая выполнение перечисленных задач основным для предлагаемой работы, отметим, однако, что круг вопросов, связанных с историей аффрикат, может быть соответственно расширен, если мы обратимся к более ранним этапам этой истории и, в частности, к вопросу о времени и месте первоначального возникновения мягкого цоканья, появляющегося у восточных славян уже после выделения их из общеславянского единства и характерного уже с самого начала лишь для говоров ограниченных территорий.

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ МЯГКОГО ЦОКАНЬЯ

В рассмотрении вопроса о происхождении цоканья, в отличие от вопросов его поздней истории, мы неизбежно вынуждены ограничиваться известным кругом более или менее вероятных гипотез; некоторые из них уже выдвигались историками русского языка. Наиболее широкое распространение получило объяснение возникновения цоканья на основе взаимодействия русского языка с другими славянскими и неславянскими языками. Так, в «Очерке древнейшего периода», труде, в котором автор, А. А. Шахматов, подвел некоторые итоги предшествующих изысканий, изложена, например, гипотеза ляшского происхождения цоканья.

«Северноруссы, — пишет А. А. Шахматов, — двигаясь из среднего Поднепровья вверх по Днепру в северное Поднепровье и в Озерную область, должны были встретить на своем пути ляшские племена, радимичей и другие племена, населявшие современную Белоруссию. Пробиваясь через ляхов, северноруссы могли смешаться с ними, увлекая их в дальнейшие движения, ассимилируя их себе, но и воспринимая некоторые черты и от них. Ляшские племена восточной отрасли принадлежали, конечно, по своему говору к племенам мазуракающим, т. е. изменявшим *č*, *ž*, *š* в *c*, *z*, *s*; рядом существовавшие здесь *ć*, *ź*, *ś* произносились ими, как всеми вообще поляками, шепеляво» [60].

Убедительная критика этой гипотезы как со стороны метода ее построения в собственно языковедческом плане, так и со стороны трактовки А. А. Шахматовым фактов истории народа дана Р. И. Аване-

---

[60] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915, стр. 318.

совым, который рассматривает при этом и вопрос о так называемом «ляшском» происхождении других черт, характерных уже, собственно, для белорусского языка [61].

Допущение, сделанное А. А. Шахматовым относительно того, что цоканье — доисторическая черта в развитии русского языка — возникло под влиянием мазурения, имевшего место в языке племен ляшского происхождения, не кажется нам достаточно убедительным еще и потому, что все более и более можно считать установленным позднее время возникновения мазурения, при котором в одних и тех же говорах сочетается замена *č* на *c*, *š* на *s*, *ž* на *z*.

Некоторые лингвисты, занимавшиеся изучением генезиса мазурения, связывали его с процессами перехода определенных, а именно прусско-литовских, групп к польскому языку [62]. Временем развития мазурения, являющегося результатом процессов этого рода, с известными колебаниями считают XII—XIII вв., а иногда и более позднее время, что вполне совпадает с историческими данными о времени ассимиляции пруссов и ятвягов. Ср. формулировку вывода о происхождении мазурения у А. М. Селищева: «Время появления мазурения не раннее. В мазовецких судебных записках конца XIV и начала XV века, — в записках с местными диалектическими чертами, — нет мазуренья. По-видимому, в то время оно не было широко распространено там. В XVI в. это явление уже широко распространено на востоке Польши» [63]. Противники подобного объяснения в настоящее время гораздо более малочисленны и, что самое главное, им не удается выдвинуть достаточно убедительных доказательств в пользу предположения о возникновении мазурения в доисторический период [64].

Таким образом, едва ли представляется возможным объяснять возникновение такой древней доисторической черты, как цоканье, в связи с развитием мазурения, представляющего собой в польских народных говорах позднюю, во всяком случае не доисторическую по времени своего возникновения, черту.

Нельзя, кроме того, не принять во внимание уже приводившиеся выше (в «Введении») данные о том, что шепелявое произношение свистящих согласных отсутствует в подавляющем большинстве цокающих говоров. На тех территориях (как, например, на территории юго-восточных цокающих говоров), где представлено и цоканье и шепелявое произношение свистящих согласных (в русском языке наблюдаемое обычно только в соответствии мягким свистящим согласным), оба эти явления имеют глубоко различный характер распространения, что свидетельствует об их различном генезисе. Следует также учитывать,

---

[61] Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник Московского гос. ун-та», 1947, № 9, стр. 118—119.

[62] S. Dobrzycki. O tzw. mazurowaniu w języku polskim. «Rozprawy Wydz. Filolog. PAU», XXXII, 1908; А. М. Селищев. Славянское языкознание, т. I. М., 1941; T. Milewski. Stosunki językowe polsko-pruskie. «Slavia Occidentalis», XVIII, 1947; W. Taszycki. Dawność tzw. mazurzenia w języku polskim. Warszawa, 1948.

[63] А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 331.

[64] S. Urbańczyk. Gwary polskie na substracie staropruskim i geneza mazurzenia. Księga pamiątkowa 75-lecia Towarzystwa naukowego w Toruniu. Toruń, 1952, 217—218. Ср., с другой стороны, статьи, принадлежащие исследователям, которые являются сторонниками более позднего возникновения мазурения: T. Brajerski. Jak mogło powstać polskie mazurzenie. «Biuletyn Polskiego Towarzystwa językoznawczego», zeszyt XIII, Kraków, 1947, стр. 7; J. Kuryłowicz. Uwagi o mazurzeniu. — Там же, стр. 19; W. Taszycki. Nowy argument za późnością mazurzenia (o formach miejscownika l. poj. rzecz. męskich miękkotematowych). — Там же, стр. 56.

что шепелявое произношение могло развиться лишь при наличии современных мягких свистящих согласных, что заставляет принимать во внимание сравнительно поздние процессы развития категории твердости-мягкости в восточнославянских языках. Таким образом, цоканье русских народных говоров представляет собой и с генетической точки зрения и с точки зрения системы соответствующих современных отношений иное явление, чем мазурение в польском языке.

Наряду с допущением ляшского происхождения цоканья А. А. Шахматов допускал также и возможность финского происхождения этого явления.

В работах А. А. Шахматова нет специального исследования данной проблемы и развернутой системы доказательств, основанных на показаниях памятников письменности или народных говоров. Допущение возможности возникновения цоканья на основе финского субстрата является у Шахматова скорее простым следованием традиции, идущей от Бодузна де Куртенэ, который выдвинул, впрочем, свои соображения, также в достаточно общем виде, без аргументации конкретным языковым материалом[65].

В изложении взглядов А. А. Шахматова по вопросу о западнофинском происхождении цоканья обращают на себя внимание мотивы, приводившие А. А. Шахматова к необходимости иноязычного объяснения генезиса цоканья, тем более, что эти мотивы сформулированы самим А. А. Шахматовым: «Предположение о том, что смешение *č̕* и *ć* в севернорусских говорах черта заимствованная, представляется мне необходимым потому, что иначе трудно понять это явление. Если бы *č̕* перешло в *ć* по той или иной физиологической причине, то непонятно было бы, как же могло сохраниться в тех же говорах *č̕* и даже получить распространение насчет *ć*: если бы *č̕* и *ć* совпали в одном звуке (скажем *ć* шепелявом), то неясно, каким образом отдельные севернорусские говоры пришли к изменению *ć* шепелявого в *ć* и *č̕* и к смешанному употреблению этих звуков»[66].

Таким образом, причина, приводившая А. А. Шахматова к выводу о том, что цоканье является чертой заимствованной, заключалась всего-навсего в том, что закономерности и отношения, существующие между разными видами употребления аффрикат в процессе их развития и более поздней трансформации, в частности, в цокающих говорах, оставались для него неясными, а это, в свою очередь, определялось, в конечном счете, уровнем развития русской диалектологии того времени. Выше мы видели, что только обращение к значительным по объему систематически собранным диалектным данным, картографирование и сравнительно-историческое изучение соответствующих материалов позволяют понять и оценить, с точки зрения соответствующих тенденций развития, смысл и внутреннее значение сосуществования по говорам цоканья и чоканья, взаимной мены аффрикат и других случаев их употребления. Именно в связи с этим не только в работах А. А. Шахматова, но и в работах других ученых наблюдалась уже упоминавшаяся выше (см. «Введение») тенденция — все виды и случаи современного употребления аффрикат возводить к доистории.

Огромная работа по изучению и обобщению диалектных данных, которая была проведена членами Московской диалектологической

---

[65] И. А. Бодуэн де Куртенэ. О смешанном характере всех языков. «Журнал Министерства народного просвещения», 1901, сентябрь; ср. также: J. Baudouin de Courtenay. Zagadnienie pokrewieństwa językowego. «Biuletyn Polskiego Towarzystwa językoznawczego», zeszyt II, Kraków, 1930, стр. 104—116.

[66] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 318.

комиссии при подготовке «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе», в отношении употребления аффрикат не привела в полной мере к выяснению соотношений, существующих между типами и видами употребления аффрикат в хронологическом плане. В большей степени результат обобщения диалектных данных, собранных в дореволюционный период, отразился во «Введении» Н. Н. Дурново[67].

Здесь мы впервые находим, хотя в ряде случаев еще недостаточно развернутые указания, общий смысл которых сводится к тому, что различные случаи диалектного употребления аффрикат следует по-разному оценивать с исторической точки зрения. Так, например, Н. Н. Дурново указывает, что говоры, в которых представлено одновременно употребление *ц* вм. *ч* и *ч* вм. *ц*, все же «восходят к говорам, в которых *č* и *ć* совпали»[68]. Указаны в данной работе и такие особенности употребления аффрикат, которые должны быть признаны реликтами цоканья: произношение *ц* в причастиях, различение твердых *ч* и *ц* в северновеликорусских говорах[69].

Все эти и подобные им указания особенно важны в связи с тем, что они знаменуют собою отход Н. Н. Дурново от наметившейся в работах А. А. Шахматова тенденции проецировать в доисторию все современное многообразие употребления аффрикат. Эти указания важны также и потому, что направляют внимание исследователя на изучение истории употребления аффрикат в различных говорах русского языка с последующим сравнением полученных данных, так как только в результате такого изучения может сложиться полная и развернутая оценка разных фактов современного употребления аффрикат с исторической точки зрения.

Неслучайным, по-видимому, является и то обстоятельство, что иноязычное объяснение происхождения цоканья не привлекает внимания Н. Н. Дурново. Считая мазурение древним по происхождению, Н. Н. Дурново, тем не менее, скептически относится к ляшской теории происхождения цоканья. «...мы не располагаем данными,— пишет он,— чтобы решить, является ли совпадение *c* и *č* в с.-в.-р. и совпадение свистящих и шипящих в мазуракающих говорах польского языка результатом их общей жизни в доисторическую эпоху или возникли в них независимо в одном от другого, потому что эти явления произошли до появления древнейших письменных памятников сев.-русских и польских, а других старых черт, сближающих с.-в.-р. наречие только с вост.-польскими говорами, мы не знаем»[70].

Укреплению той точки зрения, что цоканье в русских народных говорах является иноязычным по происхождению, немало способствовала появившаяся в свет в 1931 г. работа А. М. Селищева «Соканье и шоканье в славянских языках»[71].

В этой работе А. М. Селищев объединил под общим названием «соканье и шоканье» и факты замены свистящих шипящими в славянских языках (шоканье), и факты обратной замены шипящих свистящими (соканье); что же касается «мены» аффрикат *ц* и *ч* (т. е. фактов цоканья), то эта мена, как об этом свидетельствует представленная в работе классификация материала, также расценивается, с точки

---

[67] Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка.
[68] Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 112.
[69] Там же.
[70] Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 120—121.
[71] А. М. Селищев. Соканье и шоканье в славянских языках. «Slavia», ročník X, sešit 4, 1931, стр. 718—741.

зрения автора работы, как соканье (в том случае, когда *ч* заменяется аффрикатой *ц*), либо как шоканье (когда *ц* заменяется на *ч*), или представляет случаи смешанного употребления шипящих и свистящих. Подобное рассмотрение всех данных явлений в одном плане тем более вызывает недоумение, что в той же работе А. М. Селищев показал различный генезис этих явлений в разных славянских языках.

В качестве самостоятельной разновидности цоканья, характерной для отдельных славянских языков или их говоров, А. М. Селищев выделяет совпадение *c* и *č* в *c*, по распространению которого он как бы объединяет нижнелужицкую и восточнолужицкую языковую группу с северо-восточными говорами белорусского языка. Равное и самостоятельное значение придается им и совпадению *c* и *č* в *č* (чоканью), распространение которого он считает характерным для других северно- и среднерусских говоров (выше было показано, что чоканье в качестве самостоятельного вида употребления аффрикат не типично для каких бы то ни было северновеликорусских говоров, тем более для их отдельных групп). Выделяется в самостоятельную рубрику и соотносится с определенными группами говоров и так называемое «смешанное употребление *c* и *č*»[72] (см. выше о том, что разные случаи этого «смешанного употребления» обычно характеризуют процессы отхода от какого-либо из видов цоканья и сосуществуют с ним в системе того или иного говора).

Таким образом, для А. М. Селищева, как и для А. А. Шахматова, любые случаи совпадения *ц* и *ч* в одном звуке (т. е. цоканье твердое или мягкое, чоканье или взаимная мена аффрикат), очевидно, имеют равноценное значение не только для характеристики современного состояния тех или иных групп, но и с исторической точки зрения.

Обобщение А. М. Селищевым диалектных данных представляет собой меньшую ценность, чем то, которое представлено в цитированном выше «Введении» Н. Н. Дурново, где была предпринята попытка дифференцировать различные случаи употребления аффрикат с генетической точки зрения. Имеющиеся в работе А. М. Селищева, посвященной соканью и шоканью в различных славянских языках, в том числе и русском языке, ссылки на соответствующие источники показывают, что диалектные данные русского языка привлекались автором лишь в иллюстративном плане, причем подбор этого иллюстративного материала фактически оказывался случайным и не отражал ни в какой степени системы употребления аффрикат, а тем более употребления свистящих и шипящих в основных диалектных группах русского языка. В связи с этим попытка построить единую классификацию различных славянских языковых групп по наличию в них соканья или шоканья является необоснованной, по крайней мере, по отношению к говорам русского языка.

Не соответствует данным русских народных говоров и выдвигаемое А. М. Селищевым предположение о том, что «процессу изменения всего ряда шипящих согласных *č*, *š*, *ž* и свистящих *c*, *s*, *z* предшествовал на севере процесс изменения *č* и *c* — совпадение их в одном согласном *c* (*ц*) в одних группах, совпадение в *č* в других»[73]. Характер территориального распространения обоих видов изменений настолько различен, что допустить обязательную хронологическую связь между ними не представляется никакой возможности тем более, что и А. М. Селищев не приводит никаких специальных доказательств

---

[72] А. М. Селищев. Соканье и шоканье в славянских языках, стр. 719.
[73] Там же, стр. 738.

выдвигаемого им положения о том, что именно цоканье начинало собой общий процесс изменений во всем ряду шипящих и свистящих.

Рассматривая дальнейшее существование этих явлений, А. М. Селищев допускает меньшую устойчивость изменений, охвативших шипящие и свистящие согласные (не аффрикаты), и неоднократно указывает, что эта черта ранее была, вероятно, распространена шире, а потом устранялась под влиянием окружавших русских говоров, не знавших этого изменения. На устранение цоканья это влияние, по мнению А. М. Селищева, по каким-то неясным причинам не распространялось, хотя мы знаем, что устранение цоканья намечается, в общем, тогда же, когда развивается нивелировка и других диалектных черт.

При рассмотрении вопросов происхождения шепелявости и цоканья в русских народных говорах в работе А. М. Селищева «Соканье и шоканье в славянских языках», мы не находим того конкретного анализа исторической обстановки и фактов реального взаимодействия различных языков, какой мы видим в этой же работе по отношению к процессам аналогичного характера, происходившим позднее в славянских языках тех групп, которые, будучи малочисленными и политически несамостоятельными, попадали под влияние других языков.

Весьма возможно, что сходство или даже тождество конечного результата изменений, имевших место в некоторых славянских языках Западной Европы, с некоторыми явлениями в русских народных говорах и привело А. М. Селищева к тому, что он изучал генезис всех этих явлений как внутренне единый. Отметим при этом, что по поводу возникновения цоканья им высказываются лишь самые общие соображения; объединение вопроса о возникновении цоканья с возникновением изменений в рядах свистящих и шипящих по отношению к русскому языку оказывается совершенно не оправданным.

«В силу обстоятельств экономической, бытовой и государственной жизни, — пишет А. М. Селищев, — много финских групп ассимилировалось в русской среде, перешло к русскому языку, а финская речь, державшаяся в течение некоторого периода наряду с русской, вышла из употребления. Наличность соседних финских групп, сохранявших финскую речь, неинтенсивность русского языкового воздействия и неполное усвоение русского говоренья отражались на русском языке финнов, перешедших к одноязычию при таких обстоятельствах: их русская речь имела некоторые черты прежнего финского говорения. Такие черты могут сделаться традиционными, могут усваиваться и соседними русскими по происхождению» [74].

В приведенном высказывании А. М. Селищева о возникновении цоканья в результате влияния языка — субстрата, как и в некоторых других его высказываниях по данному вопросу, не показаны те конкретные исторические условия, характерные для определенного периода жизни русского и финских языков, и те особенности соответствующих систем консонантизма, которые с необходимостью должны были приводить к возникновению цоканья при усвоении финским населением русской речи с последующим весьма широким распространением цоканья в пределах русского языка.

Влияние на русский язык различных финских языковых групп (значительно отличавшихся друг от друга по характеру своего строя в тот период, когда финны вступают во взаимодействия со славянами) представляется А. М. Селищеву единым на всей территории ныне цо-

---

[74] А. М. Селищев. Соканье и шоканье в славянских языках, стр. 737.

кающих говоров. По его мнению, это влияние всюду приводило к возникновению соканья и шоканья (т. е. в том числе и цоканья); «сдвиги в рядах свистящих и шипящих» он связывает как с воздействием западных финнов, так и финнов, живших в бассейне Волги и Оки[75]. Таким образом, можно считать, что уже в работах А. М. Селищева, сторонника иноязычного происхождения цоканья, представлен такой вариант гипотезы о иноязычном происхождении явления, при котором делается допущение, что цоканье, несмотря на внутреннее единство его разновидностей на различных территориях, возникало разными путями, под влиянием различных финских языков.

По мере обогащения русской диалектологии сведениями о все новых и новых говорах русского языка и по мере уточнения данных о характере территориального распространения некоторых языковых явлений, в том числе и цоканья, снова поднимается вопрос и о происхождении этого последнего. Выявление значительного количества цокающих говоров на юго-востоке Европейской части СССР, о реальном распространении которых раньше не было достаточно определенных данных, создавало, пожалуй, наиболее серьезный повод для того, чтобы снова задуматься над отношением различных цокающих говоров русского языка друг к другу с генетической точки зрения.

Обращало на себя внимание то обстоятельство, что в территориальном отношении юго-восточные цокающие говоры были оторваны от цокающих говоров северо-востока, поскольку между ними находилась полоса говоров с различением *ч'* и *ц*. Выявилось, что на юго-востоке эти говоры имеют компактную территорию своего распространения в пределах южной части Владимирско-Поволжской группы северновеликорусского наречия и примыкающих к ней средневеликорусских говоров, для которых цоканье раньше считалось нехарактерным.

Кроме того, и сами встречающиеся здесь разновидности цоканья, нередко отличающиеся и по типу фонетических отношений и по самому характеру звучания аффрикат от северо-восточных разновидностей цоканья, казалось, свидетельствовали о том, что цоканье здесь по своему происхождению явление особое, не связанное с цоканьем северо-восточного типа.

Этот новый этап в изучении данных об употреблении аффрикат в русском языке получил известное отражение в работах Р. И. Аванесова, продолжающего в основном в освещении данного вопроса традицию иноязычного объяснения происхождения цоканья, идущую от А. А. Шахматова и А. М. Селищева, с характерным для последнего допущением того, что цоканье возникало в пределах русского языка на разных территориях в разное время в результате взаимодействия с различными (западными и восточными) финскими языковыми группами.

Так, с одной стороны, в своей работе «Вопросы образования русского языка в его говорах» Р. И. Аванесов допускает роль финского субстрата в возникновении цоканья еще в племенных диалектах восточных славян эпохи, непосредственно предшествующей историческому периоду. Он указывает: «С своей стороны словене и значительная часть кривичей пережили важное новообразование: звуки *ч* и *ц* у них совпали в одном звуке (мягкой свистящей, возможно шепелявой аффрикате), т. е. появилось цоканье. Этот процесс совершился в связи со смешением с иноязычным финским элементом, но имел определенные основания в самой фонетической системе»[76].

---

[75] А. М. Селищев. Соканье и шоканье в славянских языках, стр. 737—738.
[76] Вестник Московского университета, 1947, № 9, стр. 125.

В данном высказывании речь идет, таким образом, о возникновении цоканья на протяжении доисторического периода, когда могло иметь место лишь взаимодействие северной и северо-западной групп восточнославянских племен (словен и кривичей) с определенными, а именно западными, финскими языковыми группами соответствующего периода.

Важно подчеркнуть, что в данной работе, как и во всех последующих, Р. И. Аванесов считает, что первоначально возникавшим видом цоканья всегда было мягкое цоканье. Этим точка зрения Р. И. Аванесова выгодно отличается от точки зрения А. А. Шахматова и А. М. Селищева, не делавших различия в историческом отношении между существующими современными разновидностями цоканья.

Но, с другой стороны, в той же работе, а также и в некоторых более поздних работах, связанных с анализом изоглосс подготавливаемых атласов, Р. И. Аванесов высказывает предположение, что цоканье могло возникать и вне связи с теми процессами совпадения аффрикат, которые были пережиты древними восточнославянскими племенными диалектами.

Так, он считает, например, что цоканье на юго-восточных территориях, в центре которых находится так называемая рязанская мещера, может и не иметь ничего общего по своему происхождению с цоканьем в псковских говорах. В псковских говорах цоканье — результат смешения с племенами балтийских финнов; в юго-восточных говорах его происхождение определяется, по мнению автора, специфически рязанской, мещерской, подосновой[77].

В одной из своих последних статей, посвященных анализу изоглосс «Атласа центральных областей к востоку от Москвы», на территории которого полностью находится юго-восточная группа цокающих говоров, Р. И. Аванесов, отмечая, что западная граница цоканья близко подходит здесь к границе иноязычных (финских) племен с древними восточнославянскими племенами, пишет: «Указанные географические данные подтверждают мнение о том, что цоканье не может считаться специфической особенностью того или иного племенного восточнославянского диалекта, что оно образовалась на путях скрещиванья с русским языком иноязычных финских племен, однако по внутренним законам русского языка. Можно считать установленным, кроме того, что цоканье на территории его сплошного распространения (в пределах картографируемой территории) образовалось на месте, а не занесено с севера, так как примыкающие к территории цоканья северные районы как раз обычно лишены цоканья»[78].

Отсутствие специальных исследований, посвященных изучению диалектных данных об употреблении аффрикат, вело, очевидно, к тому, что основные положения гипотезы, согласно которой цоканье возникало в разное время на разных территориях в результате взаимодействия русского языка с различными неславянскими (финскими) языками, были сформулированы лишь в виде общих предположений и утверждений, оставлявших неясным ряд вопросов.

Так, например, мы не находим у сторонников данной гипотезы специального обоснования (хотя бы и в общетеоретическом плане) того положения, согласно которому, при взаимодействии с различными финскими языками, с давнего времени развивающимися самостоятельно

---

[77] Р. И. Аванесов. Указ. соч., стр. 41.

[78] Р. И. Аванесов. Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей. «Известия Академии наук СССР», Отд. литературы и языка, т. XI, вып. 2, 1952, стр. 169—170.

и имеющими весьма определенные различия в системе употребления аффрикат, русский язык неизменно развивал цоканье. Сторонники данной гипотезы как бы исходят из предположения, что финские языки неизменно давали толчок к совпадению аффрикат, для чего, как это указывает, например, Р. И. Аванесов, имелись предпосылки и в самой системе консонантизма русского языка (ср. приведенное выше высказывание Р. И. Аванесова).

Намечая некоторые исходные положения при рассмотрении вопроса о происхождении цоканья, мы, видимо, вправе опираться на наблюдения над более поздними процессами утраты своего языка теми или иными группами населения при переходе к иному языку и над возникающими при этом явлениями, объясняемыми из языка-субстрата, поскольку во взаимоотношениях русского и многочисленных финских языков как раз и имел место переход финноязычного населения к русскому языку.

Так, безусловным представляется нам положение о том, что при первоначальном усвоении звуковой системы влияющего языка на раннем этапе этого влияния, в процессе усвоения определенных групп лексики, формируются особенности произношения, несомненно определяемые своеобразием звуковой системы языка, который испытывает влияние и усваивает определенный круг заимствуемых слов и выражений. Для понимания того, какими же именно оказываются эти произносительные особенности, какой вариант влияющего языка складывается в устах населения, усваивающего этот язык, нам представляется необходимым исходить из системы языка, подвергающегося влиянию, в нашем случае — из системы финских языков, носители которых усваивали русский язык, а потом и совсем переходили к нему.

А. М. Селищевым дан глубокий анализ процессов этого рода в их конкретных проявлениях в зависимости от различия по-разному складывающейся исторической обстановки. Обобщая свои богатые наблюдения над процессами перехода от одного языка к другому, он пишет: «Сильное культурное воздействие, политическая и экономическая зависимость, переселения в другую этническую среду — вот главные обстоятельства, при которых происходит сильное воздействие одного языка на другой, вызывающее двуязычие у представителей той социальной группы, которая стала в подчиненное положение. Обычно носители традиционного языка, переходя к другому языку, не овладевают последним в полной мере... Лицо, усваивающее другой язык, подставляет в процессе перехода к этому языку свои привычные представления артикуляционных движений для производства звуков. В результате производятся звуки, не всегда тождественные со звуками другого языка, а лишь сходные в той или иной части образования»[79] (разрядка наша. — *В. О.*).

Нет необходимости специально доказывать, что в различных финских языках, с носителями которых русские вступали во взаимодействие, имелись самые разнообразные возможности передачи русских *ч'* и *ц'* (если речь идет о древнем взаимодействии) или русских *ч'* и *ц* (при взаимодействии более позднем); однако приведем некоторые данные, которые могут быть приняты во внимание при рассмотрении данного вопроса.

---

[79] А. М. Селищев. Русский язык у инородцев Поволжья. «Slavia», ročník IV, sešit 1, 1925, стр. 27.

Если исходить из того, что финско-славянское языковое взаимодействие имело место, как это считают некоторые ученые, еще в доисторическое время, определенное значение приобретают сведения о фонетической системе прибалтийско-финского языка-основы. Время распадения этого последнего и начало формирования современных западнофинских языков исследователи единодушно относят к первым векам нашей эры[80].

Правда, в связи с тем, что, как указывает Д. В. Бубрих, «древняя прибалтийско-финская речь никакими документами не засвидетельствована, вопрос о составе согласных фонем этого периода, а особенно местные различия в отношении этой стороны звукового строя . . . из нашего далека вряд ли могут быть подмечены»[81]. Поэтому на основании современных пособий по исторической фонетике финского (суоми) и эстонского языков (историческая фонетика других интересующих нас в данном случае западнофинских языков: водского, вепского, карельского, ливского — почти не разработана), а также на основании данных ряда современных западнофинских языков можно извлечь лишь самые общие и отчасти противоречивые сведения по интересующему нас вопросу.

Указываемое Е. Н. Сэтэле для древнейшего состояния финских языков наличие трех аффрикат — *č* несмягченного, *č'* и *ć* палатальных[82] (именно на высказывания Сэтэле опирался в своих работах А. М. Селищев[83]), очевидно, было установлено исследователем на основе определенного сведéния воедино данных различных современных (не только западных) финских языков. В связи с этим намеченный им состав аффрикат следует, видимо, считать характерным для более далекой, а именно финно-угорской, ступени развития финского языка-основы, являющейся, как утверждает Хакулинен, вторым этапом в общем развитии финского праязыка (ср. в работе Хакулинена следующие этапы в развитии финского языка-основы, предшествующие выделению прибалтийско-финской языковой группы: уральская языковая общность, финно-угорская общность, финно-пермская общность, финно-волжская общность; лишь после отделения на этом этапе развития носителей марийского и мордовского языков обособляется прибалтийско-финская языковая группа[84]). Поэтому едва ли можно признать правильным, что, например, А. М. Селищев[85] считал возможным опираться на высказывания Сэтэле о составе аффрикат в финно-угорском языке-основе при рассмотрении вопроса о происхождении цоканья в древнерусском языке.

В упомянутой работе Хакулинена рассмотрение праязыкового состояния производится более дифференцированно. К прибалтийскому языковому состоянию возводится наличие двух аффрикат — *ț ş(č)* — ка-

---

[80] См. Д. В. Бубрих. О древней прибалтийско-финской речи. «Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР», 1949, № 1, стр. 50—51; Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. I. Перевод Ю. С. Елисеева. М., 1953, стр. 11; см. также предисловие П. А. Аристэ к названной книге Л. Хакулинена.

[81] Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суоми языка. Петрозаводск, 1948, стр. 18.

[82] E. N. Setälä. Zur finnisch ugrischen Lautlehre. «Finnisch-ugr. Forschungen», Bd. II, 1903, стр. 246.

[83] А. М. Селищев. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов. «Slavia», ročník VII, sešit 1, 1928.

[84] Л. Хакулинен. Указ. соч., стр. 12—13.

[85] А. М. Селищев. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов, стр. 38.

куминального звука[86] и *t's'* (*c'*) — палатализованного[87], которые затем утрачиваются в финском-суоми, а также, очевидно, и в эстонском языке. В определенных позиционных условиях или в результате утраты мягкости *t's'* могло возникать и твердое *ts*, подвергавшееся в дальнейшем, в свою очередь, изменениям[88].

В связи с тем, что данный вопрос недостаточно разработан в исторической фонетике ряда финских языков, мы можем лишь привести данные о современном состоянии употребления аффрикат в некоторых западнофинских языках и их диалектах.

Употребление *ts*, которым Л. Кеттунен, видимо, обозначает *c* в различных положениях в слове, он отмечает в отдельных диалектах эстонского языка; в литературном языке этот звук встречается, по его данным, в весьма ограниченном кругу слов. Характеризуя распространение этого звука в диалектах (преимущественно в южном и западном наречиях), Л. Кеттунен указывает, что некоторые исследователи считали слова с этим звуком идущими уже из финского языка-основы. Однако далее подчеркивается, что большинство из этих слов принадлежит к числу «дискриптивно-ономатопоэтических», и высказывается предположение, что наличие аффрикаты определяется в них моментом звукоподражания, а самое произношение аффрикаты в этой поздней по происхождению лексике стало возможным после того, как научились произносить начальное *ts* под влиянием русского языка[89].

В своей работе, посвященной свистящим и шипящим согласным в карельском языке, Д. В. Бубрих рассматривает и собственно карельскую «трактовку» аффрикат и те типы этой трактовки, которые связываются с периферийными (наиболее южными и наиболее северными) говорами, где употребление аффрикат является по характеру своему вепсским. Таким образом, работа Д. В. Бубриха дает нам представление как о собственно карельском, так и о вепсском употреблении аффрикат.

Вот как описывает Д. В. Бубрих употребление аффрикат вепсского типа: «В указанных двух местностях трактовка *ц* и *ч* вепсская. В начале слова выступает *ч*, а в других положениях и *ц* и *ч*; *ц* выступает не после *и* или *й* (ср. *с* и *з* в том же случае), а *ч* выступает после *и* или *й* (ср. *ш* и *ж* в том же случае)»[90].

Показывая таким образом внутреннее своеобразие и тем самым самобытность вепсского типа употребления аффрикат, Д. В. Бубрих отмечает случаи отступления от этой системы, встречающиеся в заимствованной, в частности русской, лексике. Таковы приводимые им примеры *вицц* и *вицад*, о которых он замечает: «это слово русского происхождения», где вместо *ч*, которое должно выступать в положении после *и*, находим *ц*.

«Громадное большинство карельских диалектов, — указывает далее Д. В. Бубрих, — не различает *ц* и *ч*. Преобладает *ч*... В средней полосе Карелии еще А. Генетц отмечал приближение *ч* к *ц'* или даже употребление *ц'*; неразличение *ц* и *ч* при различении *с*, *з* и *ш*, *ж* — явление ближайшим образом напоминающее севернорусское цоканье»[91].

---

[86] Л. Хакулинен. Указ. соч., стр. 45 и 53.

[87] Там же, стр. 46.

[88] Там же, стр. 51.

[89] Lauri Kettunen. Eestin Kielen äännehistoria. Helsinki, 1929, стр. 93.

[90] Д. В. Бубрих. Свистящие и шипящие согласные в Карельских диалектах. «Ученые записки Ленинградского гос. ун-та». Серия востоковедческих наук, вып. 2. Советское финноугроведение. Л., 1928, стр. 130; ср. также: M. M. Hämäläinen, F. A. Andrejev. Vepsa-Venähine vajenik. M.—Л., 1936.

[91] Д. В. Бубрих. Указ. соч., стр. 130.

Напомним, однако, что закономерности распространения чоканья выше не удалось связать с распространением определенных финноязычных групп: они явно зависели от факторов иного рода, а само распространение чоканья было разбросанным.

В водском языке имеются две твердые аффрикаты — *tš* и *dž*; аффриката *ts* встречается в словах, заимствованных из русского языка в позднее время[92].

При объяснении генезиса цоканья на юго-восточной территории определенное значение приобретает (если принимать гипотезу об иноязычном происхождении цоканья) взаимодействие с такими финскими народами, как ныне исчезнувшие меря, мещера и мурома и ныне существующие, но, видимо, оттесненные в восточном направлении марийцы и мордва, сохраняющие на основной территории их распространения свой язык. Сведениями о языке мери, мещеры и муромы, т. е. трех исчезнувших финских народов, ассимилировавшихся за период формирования славянского населения на территории Ростово-Суздальской земли, мы не располагаем. Отметим, однако, попутно, что таким образом остаются необъясненными те случаи, когда исчезнувший финский язык, как это имеет место в отношении языка мери, не дал толчка для совпадения *ч'* и *ц'* в говорах славянского населения на соответствующих территориях.

Встречи и языковое взаимодействие с мордвой специалисты относят к позднему времени, допуская, что данное взаимодействие, выражавшееся первоначально в усвоении отдельных слоев, началось лишь в XIII в.[93]. Выяснение древнейшего состояния звуковой системы мордовского языка Д. В. Бубрих строит на основе сравнения диалектов эрзи и мокши, причем дает детальное описание глубоко своеобразной системы позиционных чередований аффрикат *ц*, *ц'* и *ч* и фрикативных *с*, *с'* и *ш*, представленных в обоих этих диалектах[94]. В результате проведенного сравнения и привлечения некоторых данных других восточнофинских языков Д. В. Бубрих приходит к выводу, что самостоятельное различение аффрикат *ц*, *ц'* и *ч* можно возвести к древнейшему состоянию мордовской речи[95].

В составе лугового наречия марийского языка имеются говоры, знающие только *ч*, и говоры, знающие только *ц*; в горном наречии представлены *ч* и *ц* твердые; в определенных условиях наблюдается утрата затвора этими твердыми аффрикатами[96].

Охарактеризованные различия в употреблении аффрикат в нескольких современных финских языках, западных и восточных, сложились на основе своеобразных процессов развития соответствующих систем консонантизма. Современные финские языки прошли длительный путь самостоятельного развития; некоторые группы финских языков,

---

[92] См. Я. Я. Ленсу. Материалы по говорам води. «Западнофинский сборник», Л., 1930, стр. 201—305.

[93] См. Д. В. Бубрих. К вопросу о русско-мордовских языковых соприкосновениях. Бюллетень ЛОИКФУН, вып. 1, Л., 1929.

[94] См. Д. В. Бубрих. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953, стр. 15—20.

[95] См. там же, стр. 182.

[96] См. М. Веске. Исследования о наречиях черемисского языка, I. Казань, 1889; G. J. Ramstedt. Bergtscheremissische Sprachstudien. Helsinki, 1902 («Memoires de la Société Finno-Ougrienne», XVII); В. А. Богородицкий. Характеристика звуковой системы марийского (черемисского) языка. «Известия Академии наук СССР», Отд. литературы и языка, вып. 6, М., 1944; Н. Т. Пингитов. К вопросу о звуковом составе марийского языка. «Ученые записки марийского научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории», т. I, вып. 1, Йошкар-Ола, 1948.

в частности восточная, обособились еще в период до нашей эры и сформировались в качестве самостоятельных языков, как это единодушно указывают специалисты по сравнительной грамматике этих языков, еще задолго до первых встреч носителей этих языков со славянами.

Принимая положение о том, что при усвоении нового языка, в частности его звуковой системы, специфика этого усвоения определялась артикуляционными навыками родного языка, мы не можем допустить, что усвоение аффрикат русского языка было единым во всех финских языках, носители которых постепенно переходили к русскому языку. При этом усвоении должны были наблюдаться те разнообразные случаи подстановки своих привычных артикуляционных движений при произнесении русских слов с аффрикатами *ч* и *ц*, о которых пишет А. М. Селищев и которые можно наблюдать при переходе современных иноязычных групп населения к русскому языку.

«С течением времени при невольно происходящем контроле своего говорения, — указывает А. М. Селищев в уже цитированной выше работе, — если есть образцы, «достойные подражания», т. е. носители речи господствующей (в том или ином отношении) группы, происходит нормировка своей речи сообразно типу подражаемой речи. В результате может быть то, что в ряде поколений прежние черты, перешедшие от стадии двуязычия, сгладятся, и язык «побежденных» или ничем не отличается от языка «победителей» или этих отличий немного. В последних случаях эти особенности могут стать традиционными. Только позднее, при интенсивных сношениях с представителями другой, господствующей группы могут в ряде поколений утратиться и эти немногие особенности»[97].

Положение финноязычных групп, оказывавшихся при заселении Европейской части СССР в окружении славянского населения и в постоянном взаимодействии с ним, обусловливало то, что возникавшие при переходе к русскому языку особенности произношения должны были в дальнейшем сглаживаться, как сглаживаются они и в наши дни там, где еще несколько поколений тому назад население не говорило на русском языке или говорило на нем с определенными отступлениями. В настоящее время говор этих, в прошлом иноязычных, групп невозможно отличить от говора окружающего русского населения и лишь косвенные свидетельства позволяют установить его нерусское происхождение.

Но даже если допустить, что известные отличия от языка победителей стабилизировались в языке побежденных, а затем получали более широкое распространение в пределах победившего языка (в нашем случае — русского) и касались именно употребления аффрикат, они не могли быть единообразными на всей огромной территории, где в настоящее время распространены цокающие говоры. Подобное единообразие, при котором наблюдается развитие, идущее от мягкого цоканья, как более архаического вида цоканья, к другим его видам или переходным типам употребления аффрикат, также повторяющимся на различных территориях, не могло бы столь регулярно складываться в различные периоды на разных территориях в процессе взаимодействия с носителями различных языков финской семьи. В понимании взаимодействия языков при решающем преобладании одного языка над другим мы исходим из представления о том, что ведущую роль в возник-

---

[97] А. М. Селищев. Русский язык у инородцев Поволжья, стр. 27—28.

новении отличий, наблюдаемых в устах народа, в значительной мере уже овладевшего новым языком, должна играть система утрачиваемого языка, на основе закономерностей которой в прошлом складывались определенные особенности в пользовании вновь усваиваемым языком. В связи с этим при объяснении тех или иных фонетических явлений на основе языка-субстрата мы должны иметь достаточно определенные представления о характере звуковой системы языка-субстрата и о тех собственно исторических предпосылках, которые определили возможность дальнейшего существования и распространения явлений, в прошлом возникших в языке-субстрате.

Лишь в том случае, если бы проведенный выше анализ цоканья на различных территориях показал наличие связей между территориальным размещением тех или иных видов цоканья и размещением иноязычных групп, мы могли бы прийти к предположению о разновременном и разноместном возникновении этих видов цоканья. Между тем выше мы имели возможность наблюдать явление обратного порядка. При наличии взаимодействия с носителями близко-родственных языков (мери, мещеры, муромы, марийцев, мордвы), мы на одной части территории, где развертывалось это взаимодействие, имеем различение *ч'* и *ц* (северная часть Ростово-Суздальской земли, в дальнейшем — северная часть Владимирско-Поволжских говоров), на другой же части — цоканье, по характеру своих разновидностей ничем существенным не отличающееся от цоканья на других более далеких территориях.

В пределах северо-восточной территории цокающих говоров, где в еще более позднее время ассимилировано много различных языковых неславянских групп, принадлежащих к финской семье языков, мы также не получили возможности локализовать разные виды цоканья в зависимости от размещения этих групп в прошлом, хотя об этом размещении у нас имеются довольно точные представления.

Предположение о разновременном возникновении цоканья в различных говорах русского языка и об отсутствии генетической связи между его видами опровергается также и собственно историческими данными. Представление о том, что носители цоканья, первоначально возникшего на северо-западе в говорах Новгородской и Смоленской земли, расселялись затем в северо-восточном и восточном направлениях, является в настоящее время достаточно обоснованным. Наличие в северо-восточных, а в известной мере и юго-восточных цокающих говорах некоторых языковых особенностей, не характерных для северновеликорусских говоров, сохраняющих различение *ч'* и *ц*, также служит для обоснования той точки зрения, что цоканье первоначально возникло на более узких территориях, для которых были характерны, наряду с цоканьем, и данные языковые особенности.

Признание того, что первоначальным очагом возникновения цоканья были говоры Новгородской и Смоленской земли, не исключает предположения о возникновении здесь цоканья в результате взаимоотношений с какими-то определенными неславянскими по языку группами населения, для языка которых характерна замена двух аффрикат — *ч'* и *ц'* — одной аффрикатой — *ц'*. Можно также, разумеется в предположительном плане, допустить, что эта особенность произношения получала в дальнейшем распространение в говорах данной территории.

Подобное допущение обязывает нас обратиться к рассмотрению некоторых данных, касающихся истории восточных славян и развития их взаимоотношений с носителями западно-финских языков, тем более что гипотеза о финском происхождении цоканья никогда не рассмат-

ривалась в свете собственно исторических данных, относящихся к эпохе предполагаемого возникновения цоканья в новгородских и смоленских говорах, где оно развилось еще в период до появления первых памятников письменности.

В определении границ распространения основных этнических групп во второй половине I тысячелетия н. э. на территории восточной Европы до сих пор нет еще достаточного единства между историками.

Особенно острым является здесь вопрос о датировании археологических находок, в разрешении которого остается много субъективного, особенно в тех случаях, когда на интерпретации археологических данных сказывается тенденция как можно далее вглубь веков отодвинуть период первоначального расселения славян по территории Восточной Европы даже в ее северной, северо-восточной и восточной части[98].

Очевидно также, что составление этнографической карты того или другого периода не может опираться на одни лишь археологические данные, особенно если есть возможность сочетать эти данные с данными исторической географии, обычно использующей также и результаты изучения топонимики и лексических заимствований представляющих собой отражение определенных исторических связей между народами. Большое значение для решения вопросов этногенеза имеют данные сравнительно-исторического изучения языков, а также различных групп диалектов. Определенные выводы из сравнительно-исторического изучения, например, славянских языков, в частности, представление о распадении общеславянского языка-основы не согласуются с той интерпретацией и тем хронологическим приурочением археологических находок, которые даны в только что упоминавшейся работе П. Н. Третьякова, считающего, что кривичи и новгородские словене жили в верховьях Днепра и в районе озера Ильмень уже в первой половине I тысячелетия н. э.

Данные сравнительной грамматики славянских языков свидетельствуют о том, что в первые века I тысячелетия н. э. славяне переживали еще общие процессы языкового развития, одинаково охватывавшие предков будущих западных, южных и восточных славян. Наличие подобных общих процессов предполагает и определенную территориальную связанность различных славянских языковых групп, объединенных языковым общением на относительно компактной территории. Наиболее восточная часть славянства не могла, таким образом, быть в это время рассредоточенной на центральных и тем более северных территориях Восточной Европы.

С этой точки зрения, лингвистическим данным наиболее соответствует то представление о территории, занятой славянами в середине I тысячелетия н. э., согласно которому на протяжении этого периода, особенно в VI, VII, VIII вв., интересующая нас северная граница расселения восточной ветви славян не простиралась еще далеко на север, а, вероятнее всего, доходила лишь до Полесья, откуда и шло постепенное просачивание славянского населения к верховьям Днепра и Западной Двины, а также и далее, в район озер[99].

Аналогичное в основных своих чертах представление о территории расселения славян в интересующее нас время находим и у лингви-

---

[98] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена (см. карты на стр. 44, 107, 228).

[99] Ср., например, Ю. В. Готье. Железный век в восточной Европе, гл. IX. М.—Л., 1930, стр. 204—205.

стов, занимавшихся славянскими древностями в широком смысле слова[100].

Специальные работы, посвященные изучению древнейших пластов топонимии на территории Восточной Европы, выявляют примерно ту же северную границу славян в Восточной Европе (очевидно, в основном удерживающуюся до VIII в.), что и названные выше источники и исследования[101].

Такова картина размещения славянских групп до VIII в., особенно в интересующей нас части этой территории.

Столь же несомненным является также и этнический состав населения, непосредственно примыкавшего к славянам с севера в период до VIII в. На территории севернее Западного Буга, расположенной в бассейне Немана, Вилии и Западной Двины, во всяком случае на левобережье этой последней, историки и археологи единодушно помещают племена литовского происхождения. На вопрос об интерпретации археологических находок на данной территории ответ может быть дан, как пишет Ю. В. Готье, «с ясностью и определенностью, редкой для археологической культуры. Весь этот край, за исключением его западной части, где обитали исчезнувшие теперь пруссы, до сего времени населен литовским племенем в лице его разновидностей литовцев, жмудинов и латышей»[102]. Указывая в дальнейшем на то, что с юго-запада к основной территории литовского племени примыкал край, населенный литовским же племенем ятвягов, а с востока — также литовским племенем голядью, Ю. В. Готье подчеркивает, как и другие историки, что севернее течения Западной Двины и верховьев Днепра территория литовских племен смыкалась с территорией, заселенной финнами. Аналогичное размещение славянских, литовских и финских племен в направлении с юга на север показано и на упомянутой выше карте К. Буги, составленной на основе топонимических данных. Подобное размещение славянских и литовских племен по отношению друг к другу во второй половине I тысячелетия н. э. хорошо согласуется и с тем, до настоящего времени общепринятым в науке представлением о наиболее тесном родстве восточнославянских и литовских групп, находящем свое отражение в явлениях, сохранившихся в этих языках еще и на современной стадии их развития[103].

Разногласия, касающиеся вопроса о степени распространения литовских племен в восточном направлении, скорее всего должны решаться в сторону признания того, что здесь это распространение было значительным. Исторические свидетельства о сохранении и в XI—XII вв. литовского племени голяди в междуречье рек Протвы и Угры дает полное основание видеть в голяди более позднего времени группы населения, исторически оторвавшегося, под напором славянской колонизации, от основного массива литовских племен, что и дало осно-

---

[100] L. Niederle. Slovanské starožitnosti, D. I. Praha, 1902; А. М. Селищев. Славянское языкознание, т. I. М., 1941, стр. 5 и др.

[101] K. Buga. Die Vorgeschichte der aistischen (baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung. Steiberg Festgabe. Leipzig, 1924. См. карту после стр. 34 этой работы и соображения о том, что конец общеславянского периода следует относить к концу VIII в. (стр. 35); М. С. Середонин. Историческая география, стр. 113, 122. Ср. там же, на стр. 206, указание на то, что интенсивные передвижения славян в северном направлении едва ли начались раньше VIII в.

[102] Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. 191.

[103] См. Я. М. Эндзелин. О связях балтийских и славянских языков. «Вопросы языкознания», 1952, № 4, стр. 125; Я. С. Отрембский. Славяно-балтийское языковое единство. «Вопросы языкознания», 1954, № 5, стр. 27—28.

вание Ю. В. Готье высказать предположение о том, что древнее голядь жила не только по Протве, оно и по верховьям Днепра, Оки и Двины [104].

Таким образом, на востоке, как и в центре Восточной Европы, литовские, а не славянские племена находились в ближайшем соседстве с финскими группами населения. Соседство славян с восточнофинскими языковыми группами можно предположить для этого периода лишь на территории нижнего течения Десны, как это допускает К. Буга. Возможно также, что в это время непосредственного соприкосновения славянской и финской территорий на востоке еще не существовало, что в тесное соприкосновение с финнами восточные славяне пришли позднее, в XI в., когда славяне расселяются уже в верховьях Десны и Оки.

Таким образом, во второй половине I тысячелетия н. э., в период, предшествовавший времени создания памятников письменности, свидетельствующих о наличии цоканья в языке северо-западных славянских групп, не было исторических предпосылок для той ассимиляции славянами финских групп населения, которая могла бы вызывать у этих последних двуязычие как определенную стадию перехода к славянской речи.

Современное представление о размещении этнических групп на территории Восточной Европы (на основе совокупности собственно исторических, археологических и лингвистических данных) должно сочетаться с пониманием большой зыбкости границ, существовавших между различными племенными группами. Несмотря на то, что, как указывает М. С. Середонин, восточные славяне едва ли очень рано познакомились с финнами, так как финны долго были заслонены от славян литовскими племенами, которые в доисторическую эпоху заходили значительно дальше на восток [105], в VIII—IX вв., несомненно, имело место уже упоминавшееся движение славянских групп населения в северном и северо-западном направлениях, приводившее постепенно к полному овладению бассейном Днепра, верхним и средним течением Западной Двины и, наконец, озерными районами русского северо-запада. Населенные славянами местности лежали в это время в Новгородской земле, как это описывает М. К. Любавский [106], оазисами, полосами и были отделены друг от друга лесными и болотистыми пустырями, в которых с прибытием русских пряталось малочисленное финское население. Картина подобного расположения славянских поселков намечается М. К. Любавским на основе анализа археологических данных с учетом характерных особенностей ландшафта Новгородской земли того времени: обилия на ее территории лесных непроходимых массивов и болотистых пустырей в водоразделах бассейнов Чудского озера и Ильменя, с одной стороны, Западной Двины, с другой.

Ощутительное распространение славянских групп населения на русском северо-западе такие историки, как М. К. Любавский, М. С. Середонин, Ю. В. Готье, относят уже к IX—X или даже XI вв., хотя и для этого периода отмечают, что славяне были здесь расселены весьма разбросанно, причем территория в целом оставалась слабо заселенной и освоенной, что позволяло славянским и неславянским

---

[104] См. Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. 193.

[105] См. М. С. Середонин. Историческая география, стр. 203.

[106] См. М. К. Любавский. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909, стр. 123.

группам населения жить относительно самостоятельно. Столкновение с финнами происходит преимущественно при стычках военного характера.

Аналогичным образом освещается вопрос о формировании Новгородской земли и в работах по истории древней Руси, вышедших в свет в последнее время.

Так, А. Н. Насонов указывает, что периодом, когда племенная Новгородская область становится областью-княжением, что означает одновременно сплочение населения на данной территории и освоение этим населением самой территории, — является уже середина XI в. В предшествующее время население Новгородской области концентрируется преимущественно на западном и южном берегу оз. Ильмень, именно на тех местах, которые, как это подчеркивает А. Н. Насонов, были свободны от эстонской чуди. Во второй половине XI в. новгородцы овладевают Ладогой в северном направлении и Помостьем — в северо-восточном, а на западе — территорией Пскова. В результате этих территориальных приобретений новгородцы входят в соприкосновение с весью, прионежской емью и приладожской карелой на северо-востоке, с водью — на северо-западе, с эстонской чудью и летьголой — на западе. Отношения с этими племенами выражаются, как это зафиксировано летописью, в военных столкновениях и постепенном установлении даннических отношений, после чего, т. е. в еще более позднее время, постепенно налаживается и мирное существование с названными народами[107].

Ко времени появления славян на северных приозерных территориях известная часть прибалтийских финских племен была тесно связана с германцами, в частности, с варягами. В связи с этим восточнославянское влияние распространялось в финской среде постепенно, в борьбе с влиянием германских народов, причем «оно стало решающим в среде тех прибалтийско-финских племен и групп, которые вошли в состав Русского государства»[108]. Наиболее рано вошли в состав русского государства, как указывается в этой же работе Д. В. Бубриха, весь и водь; несколько позднее стала втягиваться в союзнические отношения карела. Как мы видели выше, все эти процессы не могли оформиться ранее XI в.

А. М. Линевский, подвергнувший специальному анализу данные первой Новгородской летописи, касающиеся карелы и еми, пришел к выводу, что отсутствие карелы как в списке данников великого Новгорода, так и в числе тех, кто составлял территорию государственного объединения Руси, а также в перечне множества племен, которые Олег водил в великие походы на юг, объясняется тем, что этот народ находился лишь под общим политическим влиянием Новгорода[109].

Таким образом, очевидно, что в период до XI в. не было основных исторических предпосылок для утраты финскими группами населения своего языка, так как лишь длительное непосредственное сосуществование носителей двух различных языков при сильном политическом, культурном и экономическом воздействии со стороны носителей веду-

---

[107] См. А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства, стр. 73—86.

[108] Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947, стр. 21.

[109] А. М. Линевский. Общество юго-восточного Приладожья в XI в. Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР», 1949, № 3.

щего языка могло привести к утрате своего языка тем или иным народом и вызвать переход к другому языку.

Наблюдения над аналогичными процессами в позднее время показывают, что переход к другому языку является обычно весьма длительным и сложным процессом, что даже в случае полной потери политической и экономической самостоятельности народ дольше всего сохраняет свой язык.

Приведенные выше свидетельства историков о редком, разбросанном характере славянских и финских поселений, о размещении их оазисами при общей слабой заселенности края также должны быть приняты во внимание. Подобные условия не ограждали население этих разрозненных групп от военных столкновений, но давали возможность уклониться от повседневного общения, а тем самым и от влияния одного языка на другой.

Отсутствие языкового взаимодействия между финнами и славянами в период до возникновения первых памятников письменности свидетельствуется также хорошо изученными в настоящее время данными о заимствованиях лексического характера, представленных в интересующих нас языках.

Тот факт, что древнейшие пласты заимствованных слов в финских языках получают свое объяснение из языков литовской группы, не подлежит в настоящее время никакому сомнению и свидетельствует о давних связях между носителями этих языков. Нельзя не подчеркнуть еще раз, что это обстоятельство полностью согласуется с охарактеризованной выше картиной размещения славянской, литовской и финской этнических групп в Восточной Европе.

«Понятно, какое большое значение имело для древних прибалтийских финнов соседство древних литво-латышей, — пишет Д. В. Бубрих. — Лингвистическая наука уже давно вскрыла в прибалтийско-финской речи над древними пластами слов пласт слов, заимствованных из древней литво-латышской речи. Эти слова позволяют судить о том, в чем собственно выражалось влияние древних литво-латышей. Перед нами слова, относящиеся к заселению и огородничеству, к животноводству, к средствам передвижения, к постройке жилища и усадьбы, к одежде, к еде-питью, к семейным (родовым) отношениям, к религии, к устному народному творчеству и связанным с ним искусствам (интересно отметить, что от литво-латышей ведет начало слово *kantele*). Влияние древней литво-латышской речи на древнюю прибалтийско-финскую не ограничилось словарем. Оно пронизало всю структуру древней прибалтийско-финской речи, от фонетики до синтаксиса. Это было не только широкое, но чрезвычайно глубокое влияние» [110].

Переходя в той же работе к анализу лексических заимствований из русского языка в языки прибалтийских финнов, Д. В. Бубрих считает временем первоначальной встречи прибалтийских финнов с восточными славянами конец I тысячелетия н. э. Начинаясь в это время, процесс лексических заимствований из русского языка постепенно нарастает и, как указывает Д. В. Бубрих, становится решающим в среде тех прибалтийско-финских племен и групп, которые вошли в состав Русского государства, что имело место уже в период после XI в.[111].

---

[110] Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947, стр. 12. Наличие интенсивных связей между прибалтийскими языками и «литово-латышской речью» Д. В. Бубрих подчеркивает и в «Исторической фонетике финского-суоми языка» (Петрозаводск, 1948, стр. 9—10).

[111] См. Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа, стр. 19 и 21.

Располагая в хронологическом порядке различные группы лексических заимствований в финских языках, М. Фасмер относит к числу древнейших слова иранского, затем балтийского и германского происхождения. По поводу славянских лексических заимствований он указывает, что они являются самыми поздними, и в основном считает возможным обозначить все лексические заимствования славянского происхождения как уже древнерусские в собственном смысле этого слова [112].

Поздним считает славянский слой заимствований в финских языках и такой специалист по славяно-финским отношениям, как Jalo Kalima [113]. Исследователи, занимавшиеся историей проникновения финских слов в русский язык, основывали свои работы лишь на материалах, почерпнутых из описаний и словарей северновеликорусских говоров Европейской части РСФСР. На значительной части этой территории, занятой этими говорами, распространение славянского населения, вступавшего в определенные взаимоотношения с финнами, происходило, начиная с XII в., особенно же интенсивно — на протяжении последующих веков. Материалы, которые свидетельствовали бы о более древнем проникновении финских слов в русский язык, отсутствуют [114].

Таким образом, даже в отношении словарных заимствований русско-финские языковые связи выступают как весьма поздние, в то время как древнейшие пласты заимствований, отражающих лексическое взаимодействие с другими языками, отчетливо выделяются как в финских языках, так и в русском.

Приведенные данные по истории славянских и финских этнических групп на территории Восточной Европы в IX—XI вв. делают мало вероятным наличие такого тесного и длительного языкового контакта между носителями русского и финских языков, который привел бы, через стадию двуязычия, к обрусению финских групп населения и к возникновению цоканья в языке этих групп с последующим его распространением в более широкой среде исконных носителей русского языка, число которых на данной территории все возрастало, а политическое и экономическое положение все укреплялось. В этих условиях обычно наблюдается, как мы уже указывали, сглаживание черт, идущих из языка-субстрата.

Конечно, в рассмотрении вопроса о месте, времени, условиях и причинах возникновения любого фонетического явления, сложившегося в древности, тем более в период до появления памятников письменности, мы неизбежно остаемся в области научных предположений. Однако нам кажется, что к объяснению истории того или иного явления на

---

[112] M. Vasmer. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Rußland im Lichte der Sprachforschung. Berlin, 1941, стр. 9, 10.

[113] Jalo Kalima. Die Ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, стр. 263.

[114] См. А. И. Соболевский. К вопросу о финском влиянии на великорусское племя. «Живая старина», год третий, вып. I, 1893, стр. 115—122; М. П. Веске. Славяно-финские культурные отношения по данным языка. «Известия Об-ва археологии, истории, этнографии при Казанском университете», т. VIII, вып. 1 и 3, Казань, 1890; А. Л. Погодин. Севернорусские словарные заимствования из финского языка. «Варшавские университетские известия», вып. IV, 1910; он же. Из истории сношений финнов с индоевропейцами. «Известия ОРЯС ИАН», СПб., 1905, т. X, кн. 3; А. А. Шахматов. К вопросу о финно-кельтских и финно-славянских отношениях. «Известия Академии наук», 1911, № 9, стр. 707—714; Г. А. Ильинский. К вопросу о финских словах в русском языке. «Известия Об-ва археологии, истории, этнографии при Казанском университете», т. XXIV, 1928; Jalo Kalima. Указ., соч.; J. J. Mikkola. Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch. Helsinki, 1938.

основе процессов, имевших место в языке-субстрате, следует обращаться лишь в том случае, если к этому нас ведут определенные данные об утрате тем или иным народом своего языка именно в тот исторический период, к которому относят возникновение данного явления. Необходимо также при всем этом наличие свидетельств о таких звеньях системы языка-субстрата, которые указывали бы на то, что при усвоении нового языка с неизбежностью должен был возникнуть определенный круг особенностей в пользовании звуками или формами вновь усваиваемого языка. Нельзя также не считаться и с предпосылками собственно исторического характера. В случае резкого количественного преобладания носителей языка-победителя, распространенных на большой территории, успешно развивающихся в экономическом и культурном отношении, имеющих свое государство, становящееся все более централизованным, мы считали бы правильным исходить из указаний А. М. Селищева на неизбежность дальнейшей нивелировки и последующего устранения языковых особенностей, идущих из языка-субстрата. Видимо, такие черты, если и могли сохраняться в пределах влияющего, в нашем случае русского, языка, то лишь в отдельных группах говоров, занимающих наиболее периферийное положение в данном языке[115]. Цоканье не принадлежало к числу таких черт. Его современное распространение показывает, что в прошлом оно было языковой особенностью диалектных групп, имевших большой удельный вес и большое значение в русском языке на протяжении его существования как языка народности.

В вопросе о происхождении цоканья нам кажется более вероятным предположение о возникновении цоканья в результате изменения звуков, носящего спонтанный характер, связанного с изменением их качества. Подобная точка зрения и оценка процессов совпадения аффрикат не была чужда также и сторонникам иноязычного происхождения цоканья. Так, А. А. Шахматов в приведенном выше высказывании (см. стр. 120) считает допустимым переход *ч'* в *ц'* по физиологическим причинам, хотя и испытывает при этом затруднение в объяснении большого количества разновидностей цоканья, которые он признавал одинаково древними.

Мы видели также, что Н. Н. Дурново, глубоко обобщивший данные современной ему диалектологии, не обращался к гипотезе об иноязычном происхождении цоканья.

---

[115] Приведем высказывания по этому вопросу Е. Куриловича, содержащие оценку теории субстрата и возможностей ее применения при исследовании вопросов, связанных с генезисом мазурения (многими исследователями связываемого с влиянием угрофинских или прусских языковых групп):

«Привлечение для объяснения . . языкового элемента сначала угрофинского, а позднее прусского (балтийского) было malum, но не necessarium. Заметим, что даже в случаях исторически хорошо засвидетельствованного субстрата, как, например, кельтского во французском, или же суперстрата, как, например, французский по отношению к английскому, арабский по отношению к персидскому, — даже в этих случаях мы часто не имеем возможности уверенно констатировать какое-либо фонетическое воздействие на победивший язык (как в случае перехода *u* > *ü*). Разве можно согласиться с тем, что на польский язык оказали влияние какие-то неопределенные в общественном отношении и даже территориально двуязычные польско-прусские слои, которые якобы навязали свои специфические артикуляции двум третям территории Польши (именно, Мазовшу, Малопольше и части Силезии, в противоположность Великопольше с Поморьем и другой части Силезии)? Если бы даже существование такой группы и можно было бы доказать, то все же трудно допустить, что она имела бы на польский язык хотя бы такое влияние, как белорусская канцелярия Великого княжества литовского (это влияние равнялось почти нулю)». — J. Kuryłowicz. Uwagi o mazurzeni. «Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego», zeszyt XIII, Kraków, 1954, стр. 10.

Роль моментов физиологического характера в возникновении цоканья подчеркивает обычно и Р. И. Аванесов (см. приведенные выше высказывания Р. И. Аванесова о происхождении цоканья), указывая, однако, при этом, что действие законов этого рода приводило к возникновению цоканья лишь при определенной поддержке со стороны процессов межъязыкового взаимодействия.

Поднимая вопрос о том, почему взаимодействие славянских и финских языков приводило именно к возникновению цоканья и не затрагивало других сторон системы языка, Р. И. Аванесов считает, что «Ответ на это может дать функциональное изучение, учет того места, которое занимают *ч* и *ц* в фонетической системе славянских диалектов давнего времени, и ее дальнейшей эволюции»[116]. Указывая далее, что аффрикаты *ч'* и *ц'*, исторически являвшиеся комбинаторными вариантами фонемы *к*, исконно были недостаточно противопоставлены друг другу и не употреблялись в тождественных фонетико-морфологических условиях, Р. И. Аванесов подчеркивает, что «Различение *ч* и *ц* было лишено, таким образом, семасиологической нагрузки . . . Поэтому социальная ценность их различения была незначительна». Данные обстоятельства делали *ч* и *ц*, по мнению Р. И. Аванесова, «слабым звеном в фонетической системе славянских языков» и содействовали совпадению этих звуков при смешении русского языка с языком (диалектом), знавшим одну аффрикату.

Действие собственно физиологических моментов Р. И. Аванесов учитывает лишь на втором плане: «К этому следует добавить, что по своим физиолого-акустическим свойствам *ч* и *ц*, при мягкости последней, были весьма близки: они отличались, видимо, лишь местом взрыва — приподнятого кончика языка с альвеолами (при *ч*) или передней части языка (при опущенном кончике) с верхними зубами (при *ц'*)» [117].

Само собой разумеется, что внутренний механизм возникновения того или иного спонтанного фонетического явления, особенно когда речь идет о далеких доисторических периодах, едва ли может быть вообще воссоздан с полной достоверностью.

Однако попытка доказать, что спонтанные изменения в фонетической стороне языка (т. е. в области, представляющей совокупность его звуков как единиц материального характера) зависят от того, имеем ли мы дело с хорошо или плохо противопоставленными фонемами, со слабыми или сильными сторонами фонологической системы, не может, как нам кажется, увенчаться успехом.

Положение в фонологической системе различных звуков, переживавших изменения в истории русского языка (ср. изменения носовых и редуцированных гласных, изменения *е* и *о* закрытых, изменения *г* > γ, *w* > *в* и др.), было весьма различным. Изменения затрагивали при этом и слабо и сильно противопоставленные фонемы, как находящиеся, так и не находящиеся между собой в чередованиях, занимавшие, таким образом, разное место в фонетической системе языка.

По отношению к спонтанным изменениям звуков речи мы нередко оказываемся в состоянии описать условия как фонетического, так порой морфологического или синтаксического характера, в которых протекало данное изменение. Эти условия, как, например, отноше-

---

[116] Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии рязанской мещеры. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I, М.—Л., 1949, стр. 226—227.

[117] Там же, стр. 227, примечание.

ние к ударению для *е* и *о* закрытых, положение перед гласным или согласным при изменении *ў* > *в*, могут выступать как бы в качестве ближайших причин этих изменений. Однако нельзя не считаться с наличием и таких звуковых изменений, для которых причины не могут быть указаны и в подобном условном смысле.

В этом плане цоканье выступает перед нами как результат замены *ч'* на *ц'* при наличии высокой степени палатализации обоих этих звуков в любом положении в слове, независимо от занимаемого фонетического положения или принадлежности к определенным морфемам. Замена эта имела место не во всех говорах русского языка; к этой замене могла привести та артикуляционная близость *ч'* и *ц'*, роль которой при возникновении цоканья уже подчеркивали исследователи (см. выше).

Исследователь истории фонетического строя языка не может и не должен ограничиваться констатацией имевших место спонтанных изменений. Изменения этого рода всегда в той или иной степени сказываются на фонетической системе в целом: изменяют положение звука или звуков в системе языка, изменяют отношения между ними. В связи с этим, наряду с историей звуков, должна строиться и история звуковых систем, которая также важна для понимания хода истории языка в целом, но которой мы до настоящего времени недостаточно занимались. Выше мы делали неоднократные попытки проследить изменения, наступившие в соответствовавших системах консонантизма, при тех или иных сдвигах в употреблении аффрикат.

Глава II

УТРАТА ЗАТВОРА АФФРИКАТАМИ *Ч'* и *Ц* В ГОВОРАХ ЮГО-ЗАПАДА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯВЛЕНИЯ И ЕГО ЗАКОНОМЕРНОСТИ

В русской диалектологической литературе с начала XX в. появляются сообщения о том, что в некоторых народных говорах наблюдается явление утраты затвора аффрикатой *ц* (*куриса*, *яйсо*, *конес* вм. *курица*, *яйцо*, *конец*); изредка встречаются и косвенные указания на утрату затвора аффрикатой *ч'* (*ш'ай*, *дош'*, *дош'ка* вм. *ч'ай*, *доч'*, *доч'ка*). Указывалось также, что в отдельных говорах может быть представлена утрата затвора одновременно обеими аффрикатами.

Однако долгое время сведения о данном явлении имели отрывочный и, в известной мере, случайный характер. Так, прежде всего нельзя не отметить, что наиболее ранние наблюдатели[1] фиксировали преимущественно лишь утрату затвора аффрикатой *ц*, хотя описывали не говоры отдельных деревень, где утрата затвора действительно могла ограничиваться лишь аффрикатой *ц*, а целые массивы говоров, в пределах которых, как можно судить на основании современных данных, безусловно существовала также и утрата затвора аффрикатой *ч'*.

Фиксация изменения *ч'* > *ш'* скорее всего затруднялась тем, что результат этого изменения — мягкое *ш'* — не мог быть передан ни одной из букв русского алфавита, а приемами более точной передачи звуков в то время пользовались редко. Кроме того, необычность звука, возникавшего при утрате затвора аффрикатой *ч'* (*ш'*), по-видимому, мешала его правильному осознанию, а тем самым и фиксации. В отличие от изменения *ч'* > *ш'*, изменение *ц* > *с* давало результат, который легко мог быть выражен при помощи буквы *с*.

Таким образом, изменение *ч'* > *ш'* долгое время принадлежало к числу диалектных явлений, не находивших своего выражения и фиксации в диалектологических работах, подобно тому, как, напри-

[1] См. М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губ. «Сборник ОРЯС ИАН», т. LXXVI, № 5, СПб., 1904; Н. С. Абрамов. О курских саянах. «Живая старина», год пятнадцатый, вып. III, 1906; А. И. Сахаров. Язык крестьян Ильинской вол. Болховского у. Орловской губ. «Сборник ОРЯС ИАН», т. LXVIII, № 5, СПб., 1900 и др.

Интересно, что М. Г. Халанский упоминает в своем описании и об изменении *ч* > *ш*, результаты которого обозначаются им при помощи *ч'ш'*. Однако диалектологи или этнографы, основывающиеся в дальнейшем на работах Халанского, принимают во внимание только его указания на изменение *ц* > *с*; указания на изменения *ч'* остаются для них, видимо, неясными.

мер, оказывалось не зафиксированным по русским говорам произношение среднего *l* или полумягких согласных перед гласными переднего ряда и т. п.

В диалектологических работах можно проследить серию попыток выразить указанное изменение *ч'* (*ч'* > *ш'*). В работах Е. Ф. Будде по говорам Тульской и Орловской губерний звук, получающийся в результате утраты затвора аффрикатой *ч'*, передается при помощи знака *ч̆*; фонетическое значение этого знака раскрывается в работах Е. Ф. Будде весьма сбивчиво и неопределенно. На основании современных данных, относящихся к тем же говорам, не приходится сомневаться, что знаком *ч̆* передается утратившая затвор аффриката[2].

В более поздних сообщениях о том же явлении приемы передачи звука, возникающего при утрате затвора аффрикатой *ч'*, остаются весьма разнообразными. В современных ответах на «Программу собирания сведений для диалектологического атласа русского языка» этот звук чаще всего передают при помощи знака *ш'* (т. е. точно выражают результат происшедшего изменения), но все же продолжает встречаться и передача того же звука при помощи *ч''*, *ч*^{щ}, *щ*, *щ'*, *ш̄'*, *ш''*, *ш'ш'*, хотя в ряде случаев специальные разъяснения и указания авторов отдельных сообщений показывают, что этими разнообразными приемами передается одно и то же *ш'*.

Хотя сведения об изменении *ц* > *с* были относительно более многочисленными, их все же оказывалось недостаточно для построения широких выводов о территориальном распространении явления и для выдвижения гипотезы о законах его развития. Этим и объясняется тот факт, что на протяжении долгого времени различные ученые, располагавшие лишь отрывочными сведениями о данном явлении, связывали его с разными небольшими этнографическими группами, живущими на территории распространения южновеликорусского наречия.

Так, например, по мнению Халанского, Добротворского, Абрамова, произношением *с* вм. *ц* на территории Курской губернии отличаются лишь небольшие группы крестьянского населения так называемых «саянов», противопоставляемых по этой языковой черте другим группам. Примечательно, однако, что Халанский, давший довольно обстоятельный для своего времени обзор и классификацию говоров Курской губернии, не сумел показать говор выделяемых им же саянов во всей совокупности характерных для этого говора черт, поскольку изменение *ц* > *с* ему приходилось отмечать во многих говорах Курской губернии, ощутительно отличавшихся друг от друга по отдельным языковым особенностям.

М. Г. Халанский писал: «Отдельную группу разноречий составляют шепелеватые говоры (как егуны, так и не егуны, как икающие, так и якающие), изменяющие *ц* в *цс* или *с*, *с* в *ш*, *ч* в *ч'ш'* или *ч'ц'* и *з* в *ж*, называемые кое-где в центральных частях Курской губернии саянами»[3]. В дальнейшем Халанский пытался создать классификацию говоров этих саянов уже по одной только черте — произношению *ц*, *ч'* и наличию или отсутствию мены свистящих и шипящих, т. е. безотносительно к более широкому членению говоров Курской губ., намеченному им же на основе большей совокупности языковых черт, куда входил ряд фонетических и морфологических черт.

---

[2] См. Е. Ф. Будде. О говорах Тульской и Орловской губерний. «Сборник ОРЯС ИАН», т. LXXVI, № 3, СПб., 1904, стр. 27.

[3] М. Г. Халанский. Указ. соч., стр. 5.

Д. К. Зеленин, включивший некоторые сведения об утрате затвора аффрикатами в свою работу, в целом посвященную смягчению задненебных согласных под влиянием предшествующих мягких звуков, оперировал лишь данными об изменении *ц* > *с*. Это явление, не подвергавшееся в работе Д. К. Зеленина специальному рассмотрению, именуется в ней «соканьем». Распространение «соканья» на юго-западных территориях в пределах южновеликорусского наречия связывается им с языковыми влияниями, направлявшимися сюда из Подмосковья[4].

Как увидим ниже, современные диалектные данные не дают для подобного предположения никакого основания.

Отнесение изменения *ц* > *с* к узким этнографическим группам, отсутствие представлений о реальном распространении этого явления находят свое отражение и в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе». Здесь также встречаем упоминание о «говорах саянов», с которыми почему-то связываются уже «шепелявость и цоканье», хотя при этом дается ссылка на упоминавшуюся выше работу Халанского, считавшего наиболее характерной особенностью говора саянов лишь изменение *ц* > *с*[5]. Очевидно, это изменение включалось авторами «Опыта» в понятие шепелявости.

Весьма неопределенные указания на распространение утраты затвора (но также одной только аффрикатой *ц*) находим и у Н. Н. Дурново при описании им особенностей южновеликорусского наречия: «. . .*s* твердое вм. *с* в меньшей части говоров при сохранении *с* в остальных говорах: *яйсо*, *кансы*, *куриса*, *сэрса* и т. п.; говоры с *s* вм. *с* встречаются главным образом в зап. части ю.-в.-р. области, но не занимают одной сплошной территории; на тесную связь этих говоров по происхождению указывает присутствие в них и других черт, отсутствующих в говорах, сохраняющих *с* без перехода в *s*, а также некоторые особенности в быте носителей этих говоров»[6]. В приведенном высказывании отсутствует представление о территории, занимаемой изменением *ц* > *с* и имеется попытка связать это явление с узкими этнографическими группами.

Публикация сведений о русских народных говорах в «Материалах для изучения великорусских говоров» (начавших выходить в свет в 1896 г.) и в «Трудах Московской диалектологической комиссии» (издававшихся с 1908 г.), а также в работах отдельных диалектологов того же периода давала основание для предположения о гораздо более широком распространении утраты затвора в аффрикатах. Опубликованные материалы показывали, что по говорам этот процесс может ограничиваться как одной аффрикатой *ц*, так и аффрикатой *ч'*, а также и то, что оба эти явления могут сосуществовать в одном и том же говоре. Эти сведения, хотя и весьма скудные и разрозненные, показывали также, что утрату затвора аффрикатами *ц* и *ч'* не следует связывать с небольшими этнографическими группами населения в Курской или другой какой-либо губернии, поскольку данные, свидетельствующие об этом явлении, приводились

---

[4] См. Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных. СПб., 1913. — Подробнее о взглядах Д. К. Зеленина на распространение этого явления и критику этих взглядов см. в статье: С. И. Котков. Заметки по консонантизму курско-орловских говоров. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», вып. 2, 1952.

[5] См. «Опыт», стр. 31.

[6] Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка стр. 134.

в сообщениях по говорам Тульской[7], Калужской[8], Орловской[9], Курской[10] губерний.

Количество и качество диалектных данных, опубликованных в начале XX в. и относящихся к интересующему нас явлению, не были, однако, все еще достаточными для построения определенных выводов о его территориальном распространении и законах развития.

Такие данные были собраны лишь в период подготовки материалов для составления диалектологических атласов русского языка. В работе С. И. Коткова, посвященной говорам Орловской области[11], впервые представлено обобщение значительного материала, характеризующего утрату затвора аффрикатами *ч'* и *ц* по говорам этой области, а также в некоторой степени — и по смежным говорам Тульской и Курской областей. Характеризуя общее распределение различных разновидностей этого явления, С. И. Котков указывает: «В ряде говоров *ш'* из *ч'* дополнено *с* из *ц*: *ат'э́с*, *байсы́*, *сана́*, *с'астр'и́са*. При этом, если *с* из *ц* неразрывно связано с утратой затвора аффрикатой *ч'*, обратной зависимости не наблюдается» (разрядка наша. — *В. О.*). Это последнее указание верно не для всех, а только для большинства говоров указанных областей, так как отдельные говоры, знающие утрату затвора лишь одной аффрикатой, *ц*, хотя и немногочисленны, но все же известны, в частности и на территории Орловской области.

Материалы, собранные ко времени написания данной работы, позволили впервые определить территорию распространения утраты затвора в аффрикатах *ч'* и *ц* как явления, характерного, с одной стороны, для говоров компактной территории, с другой — как явления, имеющего и более разбросанное распространение (см. карту 4).

В таком разбросанном виде изучаемое явление встречается изредка в говорах Ленинградской, Новгородской, Псковской, Великолукской, Калининской, Московской, Владимирской, Рязанской, Ивановской, Ярославской, Костромской областей, т. е. достаточно широко на территории раннего славянского расселения в Европейской части СССР (данные об изучаемом явлении на территории более поздней колонизации здесь, как и в других частях работы, в основной анализ материала, по указанным выше соображениям, не включались). Почти

---

[7] См.: «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. I, Варшава, 1908, стр. 86, 88, 92; вып. X, Л., 1928, стр. 63—65; Е. Ф. Будде. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях. «Известия ОРЯС ИАН», т. III, кн. 3, СПб., 1898; он же. О народных говорах в Тульской губернии. Там же, кн. 4; он же. О говорах Тульской и Орловской губерний. «Сборник ОРЯС ИАН», т. LXXVI, № 3, СПб., 1904, и др.

[8] См. «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. I, Варшава, 1908, стр. 71; вып. III, Варшава, 1914, стр. 84; вып. VIII, М., 1919, стр. 13, 34, 37; «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. XI, 1922, стр. 43; Е. Ф. Будде. О некоторых народных говорах Тульской и Калужской губерний (см. сноску 7).

[9] В дополнение к названным работам: А. И. Соболевский. Заметки о северских говорах. «Русский филологический вестник», т. LIV, Варшава, 1905, стр. 37—38; «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. III, Варшава, 1914, стр. 148, 149; вып. 10, Л., 1928, стр. 89, 107; «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. IX, 1903, стр. 13, 14,24, 25.

[10] В дополнение к названиям работ, приведенным выше: «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. I, Варшава, 1908, стр. 74; вып. III, Варшава, 1914, стр. 51; вып. X. Л., 1928, стр. 75; «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. IX, 1903, стр. 165; Е. Н. Резанова. Наблюдения над говором крестьян деревень Масловки и Хитровки Суджанского у. Курской губ. «Известия ОРЯС ИАН», т. XVII, кн. 2, СПб., 1912.

[11] См. С. И. Котков. Заметки по консонантизму курско-орловских говоров, стр. 43.

полностью отсутствует это явление на территории Архангельской, Вологодской областей и Карельской АССР, т. е. на северо-восточной территории преимущественного распространения мягкого цоканья.

Наряду с разбросанным распространением описываемого явления в настоящее время можно указать, опираясь на современные диалектные данные, также и определенно очерченную территорию его преимущественного распространения (см. карту 4). В состав этой территории, вытянутой в виде широкой, но сужающейся в направлении с юга на север полосы, входят Курская область (за исключением ее наиболее восточных районов — Тербунского, Больше-Полянского, Касторенского, Горшеченского, Ясеновского); Орловская область, также за исключением наиболее восточных районов — Краснинского, Чибисовского, Елецкого, Задонского, Должанского; восточные районы Брянской области: Карачаевский, Суземский, Брасовский; западные районы Калужской области: Износковский, Медынский, Боровский, Юхновский, Мосальский, Барятинский, Мещовский, Кировский, Сухиничский, Людиновский, часть Козельского, Думиничский, Ульяновский; восточные районы Смоленской области — Всходский и Знаменский.

В направлении на восток от описываемой территории почти сплошного распространения утраты затвора в аффрикатах можно отметить также две небольших территории распространения этого явления: одну — в пределах Ленинского и Тульского районов Тульской области, другую — южнее, в пределах Воловского, Куркинского, Сафоновского районов той же области.

В отношении к членению русских народных говоров, принятому в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе», массив говоров с широким распространением утраты затвора в аффрикатах в своей южной части почти полностью совпадает с Южной (Орловской) группой южновеликорусского наречия, при характеристике которой в «Опыте» приводится лишь указание на диссимилятивное яканье и произношение *в* как *ў*[12]. Северная часть этого массива занимает бóльшую (восточную) часть территории говоров, являющихся по терминологии, принятой в «Опыте», переходными от белорусского языка к южновеликорусскому наречию русского языка[13]. Как известно, эти говоры охарактеризованы в «Опыте» не столько со стороны наличия или отсутствия в них характерных южновеликорусских черт, сколько со стороны сходства и различия с белорусским языком.

Утрата затвора аффрикатами *ч'* и *ц* становится, таким образом, языковой чертой, объединяющей Орловскую группу южновеликорусского наречия с расположенной к северу от нее группой говоров и выделяющей определенный массив в пределах западной части южновеликорусского наречия.

Карты составляемых в настоящее время атласов (центральных областей к западу от Москвы и юго-западных областей Европейской части СССР) показывают также, что массив говоров, выделяемых в данной работе по употреблению аффрикат, может быть выделен в дальнейшем и по другим языковым признакам, о чем см. ниже.

С запада к описываемой территории, где распространены результаты изменения *ц* в *с* и *ч'* в *ш'*, примыкает узкая полоса говоров с различением *ч'* и *ц*, сменяющимся в еще более западном направлении различением *ч* и *ц* твердых.

---

[12] См. «Опыт», стр. 29.
[13] См. там же, стр. 56—57.

Следует специально подчеркнуть, что говоры с утратой затвора в аффрикатах почти не встречаются в разрозненном распространении за пределами западной границы этого явления, равно как и говоры с различением твердых *ч* и *ц* не встречаются в пределах основной территории распространения утраты затвора в аффрикатах.

С востока от основного массива говоров с изменением *ц* > *с* и *ч* > *ш'* широко распространены говоры с различением *ч'* и *ц*, в окружении которых и находятся те острова говоров с утратой затвора в аффрикатах, о которых говорилось выше. Немало отдельных говоров с утратой затвора в аффрикатах можно отметить здесь и в разбросанном, разобщенном распространении.

Переходя к анализу соответствующих диалектных данных, характеризующих явление утраты затвора в аффрикатах в его современном состоянии, можно наметить три типа возможных фонетических отношений для интересующих нас звуков:

1. Отношения, складывающиеся в результате утраты затвора только аффрикатой *ц* (*ц* > *с*). Возникающее таким образом употребление *ч'* и *с* (из *ц*), сочетается обычно по говорам с другими типами употребления аффрикат *ч* и *ц* в говоре (на территории основного массива подобных говоров обычно с различением *ч'* и *ц*).

2. Отношения, складывающиеся в результате утраты затвора только аффрикатой *ч'* (*ч'* > *ш'*). В таких говорах иногда наблюдается полное отсутствие *ч'*, но чаще, наряду с *ц* и *ш'*, параллельно существует различение *ч'* и *ц*.

3. Отношения, складывающиеся в результате в той или иной степени представленной утраты затвора обеими аффрикатами (*ч* > *ш'*, *ц* > *с*),

Русские народные говоры, в которых отмечается утрата затвора одной лишь аффрикатой *ц*, редки как на основной территории распространения данного явления, так и за ее пределами. Изменение *ц* > *с*, если оно одно представляет утрату затвора в аффрикатах, как правило, не является в соответствующих говорах собственно фонетическим явлением: наряду с употреблением *с* в соответствии *ц* обычно существуют другие, основные для данных говоров, типы употребления аффрикат. Результаты изменения *ц* > *с* чаще представляют собой явление факультативное, наблюдаемое в отдельных словах, притом большей частью в конечных слогах слов.

Приведем соответствующий материал по тем говорам, где утрата затвора наблюдается только у аффрикаты *ц*. Материал приводится независимо от того, расположены ли эти говоры на основной территории распространения данного явления, или за ее пределами.

Брянская область. Карачевский р-н, дер. Рёвны: в соответствии *ч* приведены примеры с *ч'*; *па ву́л'исы*, *н'е́м'ас*, *ат'е́с*, *с'е́нт'ар*, *к н'е́мсу*, *та́нсы*, *с канса́*, *у кан'е́с*, *л'исо́*, *на ву́л'ису*, *сыру́л'н'ич'к'и* — «разрушающаяся черта, чаще встречается *ц* твердое»; приведены также примеры с *ц* твердым; Клинцовский р-н, с. Ущерпье: *чы́ста*, *получы́л*, *γаршо́чык*, *ноч*, *доч*, *ча́сто*, *ча́j*, *чу́да*, *малчу́*, *пл'ачо́*, *п'атачо́к*, *бо́чка*, *но́чка*, *дачка́*, *до́чачка*; *ау́са́* (овца), *ау́ца́*, *у́л'ица*, *ку́р'ица*, *ста́р'и́ца*, *баб'и́ца* и другие примеры с *ц* твердым; Комаричский р-н, с. Угревище: в соответствии *ч* приведены примеры с *ч'*; *ат'е́с*, *ат'е́ц*, *ву́л'ица*, *вад'и́цы*, *ахвице́р*, *ста́нцыи*, *с'и́т'ьц* и другие примеры с *ц* твердым;

Вологодская область. Мяксинский р-н (название нас. п. в ответе не указано): *час*, *чо́рный*, *но́чка*, *не хочу́*, *чайкю́*, *колочу́*, *ко́чка*, *челове́к*, *берегчи́*, *убекчи́*, *ночь*, *печь;* *овча́* (изредка), *овса́* (овца), *овца́*, *яйцо́*, *ку́риса*, *ку́рица*, *огурцы́*, *смсе́тца*, *коре́ц*.

Ивановская область. Гаврилово-Посадский р-н, дер. Кунеево: *конц"áл, пълуц"áц, с'ец"áс, сц"ас, кóнчыла, вы́скачат, б'еч'и́, фч'орáс', с'еч'áс, водá н'еч'и́стаца в бъч'агáх* и другие примеры с *ч'*; *в бол'н'и́ц'ъ, сыпл'áты, ат'éс, вы́сърапала, пшен'и́цу, цéркаф', јьров'и́ца, п'атнáцът'* и другие примеры с *ц* твердым.

Калужская область. Детчинский р-н, с. Быково: в соответствии *ч* приведены примеры с *ч'*; *ат'éс, у́л'ица, танцу́ют, м'éс'иц, цáцы, γарч'и́цац* и другие примеры с *ц* твердым; Думиничский р-н, дер. Хотьково: в соответствии *ч* приведены примеры с *ч'*; *н'éм'ас, ат'éс, ав'éс, кар'éс, пшан'и́цу, јáр'ица, с кан'цá, лáств'и́цы, с ву́л'ицы* и другие примеры с *ц* твердым; Кировский р-н, дер. Мамоново: в соответствии *ч* приведены примеры с *ч'*; *ат'éс, мълад'éн'иц, брáтцы, с'éнцы, пъшан'и́цу, хр'исцы́, нъ крыл'цу́* и другие примеры с *ц* твердым; Козельский р-н, дер. Гранный Холм: в соответствии *ч* приведены примеры с *ч'*; *ат'éс, куз'н'éс, ацу́, цапáм'и, м'éс'иц', аγурцы́, цапл'áјуцца, пшын'и́ца* и другие примеры с *ц* твердым.

Костромская область. Игодовский р-н, с. Стырово: *чáсто, чáй, чи́сто, получи́л, чу́до, молчу́, чигу́н, пл'ечó, петачóк, ноч, доч, бóчка; у́л'иса, ку́р'иса, овсá, у́л'ису, консы́, ейцó, от'éц, кон'éц*; Макарьевский р-н, дер. Марковица: *ц'áсто, ц'ай, ц'и́сто, полуц'и́л, ц'угу́н, цевó, дóц'ка, дóц', бóц'ка, овц'á, уц'áсток, нéцево, в óцереди, церни́ка, снаця́ла, уци́лася, чáсто, чай, чи́сто, получи́л, чугу́н, чевó, дóчка, бóчка*; «старшее поколение говорит *ц'* (*ц'áсто*), а молодые говорят *ч* (*чáсто, чай, чугу́н*)»; *ку́риса, у́лиса, овцá, яйцó, цéлой, концы́, концóм, конéц. водúтца.*

Курская область. Беловский р-н, с. В. Белица: в соответствии *ч* приведены примеры с *ч'*; *аγурсы́, вóўсы* (овцы), *сар'á, кал'цó, кузн'éц, цéнт'ир, на ву́л'ицу, пáл'цаў, γирмáнцы* и другие примеры с *ц* твердым; Грайворонский р-н, с. Дроновка: в соответствии *ч* приведены примеры с *ч'*; *пал'ис'éјск'иј, пшан'и́су́, јайсó, ат'éс, пл'им'éн'ис* (род. п. мн. ч.), *м'éс'ас, цéрквъ, зајцы, на ву́л'ицу, с'амнáтцът', въс'амнáтцът, с мы́л'цъм, прасцá*; Золотухинский р-н, с. Фектисово: в соответствии *ч* приведены примеры с *ч'*; *у́л'иса, ку́р'иса, авсá, у́л'ису, сэ́лай, кансы́, кансóм, ат'éс, кан'éс, яйцó*; Кореневский р-н, с. Успеновка: *дач'кá, ч'аку́, табач'óк, ку́ч'у, ч'и́ста, мóч'ъш, крыч'áт', стуч'áт', пл'ич'ó, ч'ап'éц, сач'óк, д'иўч'óнкъју; м'éл'н'иса, ат'éц, цáпл'а, ч'ап'éц, цънá, дъ купцá, м'éс'иц* и другие примеры с *ц* твердым; Октябрьский р-н, с. Нижняя Грайворонка: в соответствии *ч* приведены примеры с *ч'*; *сапáм'и, пал'и́сы* (часть сохи), *хр'áссы́* (крестцы), *ав'éс, аднадвóрсы, óфсы́, ав'éс, м'éл'н'ис* (род. п. мн. ч.), *ат сóнса, сав'éскъја, аγурсы́, рукав'и́сы, куп'éс, јáјсы, ат'éц, цаны, на канцу́, у́л'ицы, л'ицó, уббóрш'ш'ицај* и другие примеры с *ц* твердым; Старооскольский р-н, с. Теплый Колодезь: в соответствии *ч* приведены примеры с *ч'*; *сéлый, у́л'иса, у́лису, ку́риса, авсá, йайсó, кансы́, кансóм, ат'éс, кон'éс, пшан'и́са, хр'есцá, у цéркву, цапóк, с'и́т'ац.*

Ленинградская область. Лодейнопольский р-н, дер. Болото: *п'éц' стопл'у́* («один раз»), *пéчка, рогáч, час, чорный, ночь, печь, ру́ч'к'и, волоч'у́шка, ч'ейку́; јáгн'ит'с'а, ку́р'иса, с сыпл'áтам'и, ку́рица, яйцó, цáпл'а, молодéц* и другие примеры с *ц* твердым; Мгинский р-н, дер. Колосарь: в соответствии *ч* приведены примеры с *ч'*; *м'éл'н'иса*; в соответствии *ц* приведены также примеры с *ц* твердым; Осьминский р-н, дер. Пушкино: *паплáч'ᵘу, ч'ᵘылав'éк, абуч'ᵘáј, шыч'ᵘáс, ч'ᵘавó, чыты́р'и, дефчóнка, качны́, часóф, шту́чку, нáчал'и, нáчыста, учы́т', агур'éчык, дóч'ка, н'ич'евó; д'ан'и́сы* (денницы), *у́мн'иц'ᵉа, да ку́р'ис, ц'ᵉанá, красáв'ис, óфцы, д'ан'и́цы, за агурцóм, ат'éц*;

там же, дер. Жилино: *в'анч^ч'ал'ис', ч^чыр'ис óз'ира, у в'éн'ицк'и, д'éвацк'и, чатыр'е, па пр'ичын'и, п'ир'ајéхаччы, н'ичавó, чыста, кýчы, чóрну, мал'чышка, кóл'чык, п'éч'ку, ч'игýн; ч^чéл'нај, чéлый, на крыл'чáх, кýр'иц^са, к ц'ар'ý, к ц^св'éту, ав'éц, на ýл'ицы, јајца, аф'ицéр, цыпк'и, агур'éц, мълацџá, пацылавáл.*

Московская область. Виноградовский р-н, с. Фаустово: в соответствии *ч* приведены примеры с *ч'*; *в бал'н'úс'и, ýл'иса, цэ́ны, м'исцá, јајцы, на ýл'ицы, ат'éц;* Дмитровский р-н, дер. Соколово: в соответствии *ч'* приведены с *ч'*; *ýл'иса*ъ*, кансóм, ат'éс, кан'éс, пшын'úса*ъ*, кýр'иса*ъ*, авсá, јисó, ýл'ису, сéлый, кансы́* — «более молодое поколение говорит *ýл'ица*ъ*, кýр'ица*ъ и т. д.»; Куровской р-н, с. Мисяцево: *сп'úц'ец'к'и, проц', прас'áтъц'к'и, ц'елнóк, кýц'ец'ка, т'иц'óт, на п'éц'к'е, кацэр'гá, цыстъ, тыцы́на, пцóлк'и, н'úтъцк'и, выруцáл'и, частъ, пръучы́лсъ, чавó, харчы́, смачы́ла, ноч, учы́л'и, чай, ч'еты́р'ъ, ч'ердáк, рабóч'их, уч'úл'иш'ш'е, ч'ер'енк'ú, растóч'ък, м'éс'ис;* в соответствии *ц* приведены также примеры с *ц* твердым; Орехово-Зуевский р-н, дер. Белавино: *цай, цы́сто, полуцы́л, цýдо, цугýн, пл'ецó, цовó, дóцка, бóцка; офсá* (овца), *ýл'ица, кýр'ица, йайцó, концóм, кон'éц.*

Новгородская область. Мстинский р-н, дер. Посад: *дóц'ка;* в соответствии *ч* приведены также примеры с *ч'*; *кýр'иса, сáпл'а, молод'éс;* в соответствии *ц* приведены также примеры с *ц* твердым.

Орловская область. Кромский р-н, дер. Кутафино: в соответствии *ч* приведены примеры с *ч'*; *пт'úс, у бал'н'úсу* — «данные слова были произнесены мужчиной 65 лет»; *м'éс'ац, аурцáм'и, лафцáм'и, сóнць, цéл'най* и другие примеры с *ц* твердым; Орловский р-н, дер. Грачевка: в соответствии *ч* приведены примеры с *ч'*; *хълад'éс*ч*, ат'éс* («единичные примеры, записанные от одного объекта»), *атцá, ýл'ица, зацóп'иш, кузн'éц, пъшын'úца, цынóй, па цын'é.*

Псковская область. Лядский р-н, дер. Марьинско: *на харч^чы́, ч^черн'úка, чылов'éк, чосáт', чужы́х, молóчн'ик, óчын', учы́т'ил', зажéч, колачы́, в'éчыр, чолов'éк, молочкá, с'еч'áс, ч'ај, кр'ич'áл, нач'инáй; ц'éлый, жыл'úч^ча, ч^чылавáт', полот'éнсы, полот'éнсов, с отцóм, офцá, кóл'цы.*

Рязанская область. Пронский р-н, дер. Терновая Погореловка: в соответствии *ч* приведены примеры с *ч'*; *пт'úса,* в соответствии *ц* приведены также примеры с *ц* твердым.

Тульская область. Дедиловский р-н, дер. Мостовая: *чáстачайк'ý, мълачý, чугýн, пл'ичó, чавó, ноч', ч'úста, пълуч'úл, доч', дóч'к'а, ц'éлый, афсá* (овца), *ýл'ица, кýр'ица, авцá, на ýл'ъцу, нъ канцý, ат'éц, ицџó.*

Ярославская область. Большесельский р-н, дер. Лутошкино: в соответствии *ч* приведены примеры с *ч'*; *кýр'иса* — с пометой «реже», *ýл'ица, кýр'ица, офцá, јајцó, ýл'ицу, цэ́лый, концы́, концóм, от'éц, кон'éц;* Пречистенский р-н, дер. Огнецово: *ц''áсто, ц''ай, ц''úсто, полуц''úл, ц''ýдо, молц''ý, ц''угýн, пл'ец''ó, п'ятац''óк, ц''егó, ноц'', доц'', дóц''ка, бóц''ка, кол'éц''ко, ов'éц''ка* — «*ц''* — шепелявый звук, мягкий, более близкий к *ч'*», *ч'áсто, ч'áй, ч'úсто* и другие примеры с *ч'*; *ýл'иса, кýр'иса, ýл'ица, кýр'ица, овцá, яйцó* и другие примеры с *ц* твердым.

Приведенный материал по тем редким, разбросанным в территориальном отношении говорам, где представлена утрата затвора одной аффрикатой *ц* (*ц* > *с*), показывает, что данное явление во всех этих говорах сосуществует с каким-то более устойчивым типом употребления аффрикат. Характерно при этом, что изменение *ц* > *с* выступает только в говорах, представляющих наряду с этим и твердое *ц*.

Подчеркнем также, что это явление наблюдается преимущественно в говорах с исконным различением *ч'* и *ц* и притом — в говорах южновеликорусского типа. Ни в глубине массива юго-восточных цокающих говоров, ни на центральных территориях северо-западных (Новгородских) цокающих говоров это явление не имеет даже и разбросанного распространения. По отношению к единичным говорам, в которых *ц* > *с* отмечено при цоканье, возможно предположение о сочетании в них двух различных по употреблению аффрикат систем консонантизма: цокающей и нецокающей, но знающей изменение *ц* > *с*. Предпосылки для подобного сочетания были на нашем северо-западе при взаимодействии говоров новгородского и ростово-суздальского происхождения. Изменение *ц* > *с*, развивавшееся в нецокающих говорах, могло также проникать в соседние говоры при усвоении соответствующей лексики, представляющей данное изменение.

На территории цокающих говоров северо-востока с характерным для них мягким цоканьем (в настоящее время в большинстве говоров сочетающимся с различением *ч'* — *ц*) изменения *ц* > *с* нет. Твердое *ц*, появляющееся в этих говорах в позднее время, в одних случаях под влиянием нормализованного типа языка, в других — в результате отвердения *ц* при мягком цоканье, не утрачивает затвора, так как ко времени появления твердого *ц* в этих говорах процесс изменения *ц* > *с* в русских говорах, во всяком случае, был резко заторможен.

Анализ материала по говорам, представляющим утрату затвора только одной аффрикатой *ц*, явно указывает также на развитие этого процесса первоначально и, видимо, в основном в конечных слогах слов. При этом едва ли вероятна зависимость изменения *ц* > *с* в конечных слогах от положения по отношению к ударению. Это изменение встречаем как в заударных конечных слогах (*кýр'иса*, *ýл'иса*, *ýл'ису*, *ýл'исы*, *н'éм'ас*, *к н'емсу*, *тáнсы*, *пшен'úсу* и под.), так и в ударных конечных слогах (*от'éс*, *кон'éс*, *jajcó*, *овсá*, *аүурсы́* и под.) независимо от того, предшествует ли *ц*, изменившееся в *с*, гласному или стоит после него.

В противоположность этому возможность изменения *ц* > *с* в начале слова является, несомненно, резко ограниченной. Как известно, круг слов, начинающихся звуком *ц* и притом достаточно широко употребляемых в народных говорах, невелик; наиболее употребительные из них: *цена*, *ценный*, *ценить*, *цеплять*, *царапать*, *царь*, *царство*, *царица* (последние три преимущественно в дореволюционном фольклоре), *цеп*, *цель*, *целиться*, *цевка*, *цыган*, *целый*, *цела*, *целиком*, *целина* и некоторые другие.

Однако случаи, когда бы изменение *ц* > *с* отмечалось в начале слова, по данным приведенных говоров, совершенно единичны, даже и по сравнению с этим небольшим кругом слов (см. приведенный выше материал). При этом иногда изменение *ц* > *с* в этом положении явно лексикализовано, т. е. не связано с общим изменением *ц* > *с* в говоре, как, например, в словах: *сыплята*, *сарапать*, *свет* (цвет). Здесь данное изменение встречается, судя и по другим имеющимся в нашем распоряжении материалам, вне связи с более широким изменением *ц* > *с*.

Таким образом, изменение *ц* > *с* выступает перед нами как явление, связанное с положением этого *ц* в конце слова, где, очевидно, твердая аффриката *ц* произносилась с ослаблением, а затем и исчезновением затвора. Данная закономерность изменения *ц* > *с* сохраняет свое значение и в тех говорах, где представлена утрата затвора обеими аффрикатами. Однако отчетливее она прослеживается именно

в тех говорах, где аффриката *ч'* не утратила затвора; причина этого обстоятельства будет ниже объяснена.

В отличие от говоров с утратой затвора в аффрикате *ц*, говоры, где эта утрата наблюдается лишь в аффрикате *ч'* (*ч'* > *ш'*), широко распространены на основной описываемой нами территории, хотя за пределами этой территории они так же редки, как и говоры с изменением *ц* > *с*. При этом изменение *ч'* > *ш'* на основной территории выступает во многих говорах как результат собственно фонетического процесса. В нашем распоряжении имеется целый ряд сообщений о говорах, в которых совсем не отмечено употребления *ч'*: в соответствующих случаях представлено только *ш'*, потенциально возможное во всех фонетических положениях — перед гласными, в сочетании с согласными и на конце слова. Подобные говоры встречаются преимущественно в южной и особенно юго-западной части описываемой территории, в Курской и Орловской областях.

Само собой разумеется, также, что нет основания отделять от подобных говоров или противопоставлять им и такие говоры, где наряду с широким употреблением *ш'* известно также и *ч'*, получающее постепенно все большее распространение в результате непрерывно возрастающего влияния нормализованного типа языка.

Значительно также распространены результаты изменения *ч'* > *ш'* в говорах западной части Калужской области, принадлежность которых к числу южновеликорусских говоров несомненна, как это показывают карты составляемого в настоящее время «Атласа центральных областей к западу от Москвы». Таким образом, изменение *ч'* > *ш'* можно рассматривать как явление, характерное для значительного массива в пределах южновеликорусского наречия. За пределами этого основного массива употребление *ш'* вм. *ч'* отмечают, как правило, лишь в единичных словах.

Приведем соответствующие данные по говорам, знающим утрату затвора одной лишь аффрикатой *ч'*.

Калужская область. Барятинский р-н, дер. Асмолово: *каз'о́нъш'къ* (казёночка), *ш'аты́р'ъ*, *ш'аво́*, *ав'е́ш'ик*, *кру́жъш'ка*, *ба́лъш'ка*, *ш'ир'ип'а́нъйъ* (черепичные), *б'иш'* (бич), *ру́ш'къ*, *в'ар'о́въш'ку*, *н'и хаш'у́*, *т'ап'е́р'иш'а*, *аканш'а́т'ъл'нъ*, *нъ пл'еш'о́*, *на пл'аш'у́*, *пълуш'а́ит'*, *м'аст'е́ш'къ*, *к'ирп'ачо́м*, *в'ид'о́ръчка*, *в'ид'о́ръчку*, *н'ич'аво́*, *ав'е́ч'ак*; «в говоре этимологическое *ц* употребляется правильно»; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Плота: *зда́щи*, *кусо́щк'и*, *щ'иты́р'ъ*, *б'ищ'*, *накру́щ'ивайу*, *н'е́щ'им* (нечем), *чшасо́вщик*, *мълыш'ка́*, *д'е́въш'ка*, *сара́йш'ику*, *йа́блыш'к'и*, *р'иб'атыш'к'и*, *старонъш'ка*, *рабо́ш'ай*, *с'иш'а́с*, *ба́нъш'ку*, *про́вълъш'к'и*, *була́въш'ку*, *нъш'а́л'н'ик*, *чугу́н*, *то́рбъчка*, *про́вълъчк'и*, *ч'асо́в*, *ка́ч'к'и*, *кач'иру́а́*, *н'иу́ч'онъјa*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Бельня: *ущ'о́най*, *щ'ийку́*, *м'е́щ'ик*, *разъщ'ту́* (разочту), *ща́стъ*, *на п'е́щку*, *вучш'и́т'*, *нъчш'е́й*, *йаш'м'е́н'*, *вр'е́м'иш'ка*, *нъш'е́й*, *на п'е́ш'ку*, *мъла́ш'ка*, *до́ш'ка*, *бо́ш'ка*, *кра́л'иш'ка*, *чай*, *час*, *гърла́ч*, *пр'ишо́чи*, *чаты́р'ъ*, *вч'и́лъс'* (учился), *ч'ис'т'ен'ка*, *ч'а́п'ъл'н'ик*, *ч'им*, *пла́ч'у*, *ч'илав'е́к*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Думиничский р-н, дер. Пыренка: *наш"а́тъц*, *на́ нъш"*, *в'е́ш"ърам*, *ш"иты́р'и*, *н'иш"аво́*, *ш"арн'и́лъ*, *н'и́тъш'къцу*, *ш"угуно́ш"к'и*, *ба́нъш"ка*, *јаш"м'е́н*, *наш"а́л'и*, *ш"ужа́ца*, *ч"ъты-р'о́х*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Сорочка: *мал'ш"и́шка*, *б'и́ш"*, *ш"иты́р'иста*, *пла́ш"ит'*, *завш"о́ра*, *кр'иш'а́т'*, *хо́ш"ут'*, *ч'иты́р'и*, *рабо́ч'ъі*, *ч'ълав'ек*, *нач'а́л'и*, *но́ч'ју*, *абы́ч'ъј* и другие примеры с *ч'*; *ко́л'сы*, *ат'е́ц*, *атца́*, *мълад'е́ц*; Износковский р-н, дер. Межетчина: *т'а́им*, *н'иш'аво́*, *з до́т'ир'цу*, *ут'и́-*

т̄'ил'им, спыл'т̄'ивыц̣, пт̄'ол, т̄'итв'ер'х, плат̄'у́ (плачу), выут̄'ит', сут̄'ји, т̄'ет'в'ира, нош'ју, нъш'ават', гаршот̄'ик, л'ис'н'ит̄'исвъ; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; там же, дер. Полусадово: н'ит̄'аво́, ду́рът̄'ка, п'ет̄к'и, т̄'атыр'и, дот̄'ку, платот̄'ик, ув'ел̣ит̄'ина, т̄'илав'ек, м'иканорыт̄' (имя собств.), ц̣ад'илът̄'ка, нът̄'ава́л'и; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; Козельский р-н, дер. Староселье: ш'удно́, н'идал'еш'е, н'иш'аво́, слу́ш'ај, пъш'ин'ит', круш'онку, нош'ју, пр'ан'иш'к'им'и, ш'ем, ош'ен', слуш'а́јно, су́ш'ја, пъш'аму́, уш'ит', д'евъш'к'и, з дош'кај, на р'еш'ку, ш'орныи, ш'ирн'ика, на п'еш'ку, на п'еш', ш'аса́; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; Медынский р-н, дер. Нероново: хош'ит'и, пълуш'ит', л'иш'ен'йъ, л'иш'ит', л'еш'ут, п'иш'у́ръш'ка, дош'ър'и, плаш'у́, дош', бу́лъш'ку, п'енъш'ку, пъгран'иш'н'ик, т'олъш'к'и, ф съндуш'к'е, уш'ит'ъл'н'ица, нош', н'еш'им, малш'ат', п'еш'ку, палу́ш̣к'у, поду́шыш'к'и, йу́бъш'к'у, нъш'ават', мал'ш'ик'и, т'ич'от', нынч'и, пам'ел'ч'и, да́в'ич'а, ч'а́шк'и, св'етъч'к'а и другие примеры с ч'; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; там же, с. Никитское: выскъш'ил, ийш'къ, л'иш'илъ, с'т'ир'еш', ш'атыр'и, мал'ш'ишкъ, кр'иш'ат, тр'а́пъш'куй, мну́ш'к'и, ф п'еш'ку, мълаш'ка́, в'ид'оръш'ку, ш'ужой, з дамош'към, дош'к'ина, да́ш'н'ицы, ду́ръш'ка, ш'ай, хош'ит'и, ав'еш'ку, т'олъш'къ, агурш'ик, ф сара́йш'ик'и, савош'ик, палу́ш'им, п'иш'ат', н'инъш'къ, уш'ил, хаш'у́, пъ наш'а́м, кусош'ък, у бъγаш'ей, ст'ир'еч', р'ич'на́йъ, оч'ън', п'ич'ен'йъ, к'ип'аточ'ку, вълач'от' и другие примеры с ч'; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; Мещовский р-н, дер. Коровино: к'ип'иш'онъц̣, топш'ут', уш'ин'икоw, нон'ш'а, ис к'ирп'иш'а́, к'ирп'иш'оw, к'ирп'иш', ла́выш'н'ик'и, крупш'атк'и, палуш'аит', п'иш'оныц̣, н'и хоч'ут', ч'арпа́ју, у ку́ч'ку, шшепъч'к'и, к в'еч'иру, ч'уγу́н и другие примеры с ч'; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; там же, дер. Шалово: н'иш'аwо́, платош'к'и, ш'арн'ика, п'еш'къ, к'ир'п'иш', ч'илнок, с'т'ир'еч', γърла́ч', ч'аснок, аγу́р'ч'ик'и, ба́бъч'к'им' и другие примеры с ч'; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; Мосальский р-н, дер. Выгорь: в'илъш'к'и, пъш'ом, прудош'ик, к'ирп'иш'ом, ш'илав'ек, йаш'м'ен', пружынаш'ку, л'у́л'иш'ка, ш'ат'в'ортый, н'а хош'ут', пъскуш'а́ла, пуш'^{ч}ка́м'и, аш'^{ч}а́рка, ш'^{ч}ат'в'ортъй, зъкрич'^{ш}ел, т'ип'ер'ич'^{ш}а, н'ъч'иво́, ч'а́йу, су́мъч'къ, ч'истъйа, н'ъ с ч'ем, н'а хоч'у, γър'а́ч'им и другие примеры с ч'; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; там же, дер. Фурсово: пълуш'а́йит, уш'ильш'ъ, с'истый, н'ъш'^{ч}иво, д'ефш'^{ч}онка, уш'^{ч}илс'а, ш'^{ч}ор'н'ин'кова, ш'^{ч}атыр'и, ш'^{ч}ирн'ика, лу́ч'шы, ст'ожъч'к'и; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; Спас-Деменский р-н, дер. Чебуши: тош'нъ, п'ир'аборъш'к'и, д'евъш'ка, троиш'ка, л'еш', л'иш'ит', пау́ш'ит', нъ зда́ш'у, зъ руш'онку, хвътъка́ртъш'к'и (фотокарточки), съмауш'къйу, н'ъ уш'илс'а, н'иш'иγо́, д'еваш'ку, дош'к'ин, к нъш'а́л'н'ику, ноч'ч'у, ч'ир'из, хоч'им, каз'ел'ч'иха, р'еч'к'и, м'ис'т'еч'къ и другие примеры с ч'; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; Сухиничский р-н, дер. Калужкино: «в говоре преобладает произношение ч с утратой затвора — как ш'. Реже произносят ч'»: ш'иста, ш'итыр'е, уш'илс'а, зъш'иво́, ш'орт, ш'есна, уш'ит'е^{и}л'н'ица, уш'а́ствъвъл, д'ифш'онка, ш'ас'т', зна́ш'ит, ма́л'ш'икъм'и, му́ш'аје^{и}т, атв'иш'а́ј, хош'ит, кр'иш'ит, нош'ју, јайш'ък, ш'еснъ, н'ипаш'ом, зна́ш'ит, пърас'онъш'ик, т'ал'онъш'ик, тыс'аш'и, му́ш'итца, пълуш'илъс', ш'илав'ек, пам'ел'ч'е^{и}, ч'ирну́шк'и, вч'ите^{и}л'н'ицъј, заму́ч'аје^{и}т', доч', из афч'ин и другие примеры с ч'; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; там же, дер. Шибаевка: н'иш'аво́, нош', ш'ълав'ека, н'еш'ива, нъ ш'исок, пълуш'ат', быш'ок, заш'ем, н'иш'аво́, уш'илъс', ку́ш'кам'и, жердъш'к'и, пл'иш'о, п'еш', шп'ил'ш'к'и,

ст'ир'éш', пълуш'áт', иш'м'éн', п'éш'ку, кóш'ку (кочку), с абóръш'к'им'и, палóсъш'ка, у враш'éй, мълш'ал'и́выј, р'éш'ка, мáл'ш'ик, крáдуш'и, уш'и́тца, т'ил'óнъш'ка, д'éвъш'к'и, пáлъш'к'и, сабáш'ка, мýч'аитцъ, мълач'кá, ч'л'ен, малч'и́, лýч'шы, γр'ич'и́ха и другие примеры с ч'; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; Тарусский р-н, дер. Крутицы: ш'ир'адý, ав'éш'к'и, ф ш'улáн'и, д'éвъш'ка, уш'и́лас', мал'ш'и́ш'к'и, н'и нъш'инáл, в'éш'ирам, н'ипаш'óм, н'иш'авó, нóш'ју, п'иташ'óк, ш'ижóлыји, нъш'авáт', уш'ил'и, каш'áјит', кýш'ир, дифш'óнкам, т'ип'éр'иш'а, ш'уγуны́, малш'и́т, ш'аj, нош', дóш', бóш'к'и, сýпш'ику, наш'инáјит, каш'áт', кр'иш'и́т', ш'ин'и́ла, пр'áн'иш'ка, ч'áста, ч'и́ста, пл'ич'ó, ч'и́ш̄'инај — «в быстрой речи ч шепелявое, в медленной — почти чистое, с некоторым призвуком»; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым.

Курская область. Боброво-Дворский р-н, с. Коньшино: 'γр'аш'и́ху, ўнýш'ик, ш'óрнаја, γар'áш'áја, ш'илав'éка, стуш'áл'и, ш'ир'в'áм'и, γаγóш'ит', н'и хаш'ý, заш'éм, бóш'ку, нош', шшóташ'к'и, раγаш'óм, у сáцш'и́ку, ш'ирпáк, хвóртыш'ка, шшакóш'иш, бл'акóш'ит', малаш'ý, јаји́ш'к'и, вóш'ир'ит', нóш'ју, ш'итыр'óх, з д'éваш'кац, какóш'ит', ч'аты́р'и, доч', плáч'у, нóнч'а, пл'ач'ó, д'ин'óч'ик и другие примеры с ч'; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; там же, с. Осколец: ш'аj, ш'áсто, палуш'и́л, ш'и́сто, ш'ýдо, пл'еш'ó, ш'егó, нош', дóш'ка, дóш'иш'ка, анýш'и, ч'ер'ев'и́к'и, т'ап'éрч'а, стакáн'ч'ик'и, у п'éч'ку, хоч' и другие примеры с ч'; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; там же, дер. Присынок: муш'éн'ја, ш'ас, кр'иш'áла, пш'óлку, хар'ш'и́, ш'илав'éка, ш'ужи́м, дош', н'и́ниш'ку, к дóш'к'и, ш'јі (чьи), кóш'ит (кочет), замýш'ила, кр'уш'кóў, у наш'áл'н'ика, вы́л'аш'ит', д'éваш'ку, мáмаш'ка, разóш'ик, н'иш'амý, наш'áл, нош', уш'и́л'ис' и другие примеры с ш'; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; Иванинский р-н, с. Колпаково: ш'истатý, лýш'и, н'иш'ивó, л'аш'и́л'и, н'ихаш'ý, кр'иш'áт', дóш'ир'а, ш'и́р'ис, мал'ш'и́шка; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; там же с. Сосково-Ломня: палущáт', щиснóк, п'ъщýрка, щýх-щух; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; Конышевский р-н, дер. Нижне-Песочная: óш̄'ън', нош̄', паш̄'от, ш̄'éр'т'и, ш̄'ужој, пъш̄'амý, пар'адъш̄'ик, ав'э́ш̄'ка, кр'иш̄'и́т', ш̄'уγýн, уш̄'ит'ъл'; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; там же, дер. Старая Белица: н'иш'авó, ш'аснóк, варóш'ит', какóш'ит, ш'аты́р'и, б'иш', бáбъш'ик, ш'éс'т'и, унýш'ик, н'иш'и́стъјъ, паш'ýит', нош', дош'. вуш'и́тцъ, ш'ýркъ, (чурка), кл'уш', дóш'къ, р'ýмъш'ку, иш'м'éн', п'éш'къ, рýш'къ, ш'áп'ил'н'ик, абóръш'къ, жыр'иб'óнъш'ик, кр'иш'и́т, уш'áстък, ч'ур'óмухъ; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; там же, дер. Узник: п'éш'ка, ш'ајн'ик, ш'аj, заш'éм, пш'илá, къш'ир'γá, мáл'ш'ик, д'éвъш'ка, ш'итáт', дъ ш'ит'в'ир'γá, у ш'ит'в'éр'х, н'и паш'ин'и́лъ, ръγач, ч'áј, внýчка, ч'аj, ч'уγýн, луч'óк, пр'ич'итáт', н'ич'ивó, абóръч'к'и и другие примеры с ч'; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; там же, дер. Черничино: ш̄'аj, ш̄'и́ста, пълуш'и́ла, ш'уγунóк, махóтъш'ка, γаршóш̄'к, ш̄'ътв'э́р'γ; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; Кореневский р-н, дер. Журавля: тýш'а, ш'ас'т', п'иш'ýрка, м'ашóш'ик, ав'éш'ик, вýш'ит', руш'éј, ш'óрнъја, сп'и́ш'к'и, ш'áју, д'éвъш'к'и, рýш'к'и, квóш'къ, уш'и́лс'а, јаш'м'éн', пръш'итáл'и, ш'иты́р'и, пъдм'иш'áт', хóш'им, ав'éш'ик, зáјш'ик, валш'óк, харш'и́, ш'илав'éк, пълуш'áју, унýш'ик, п'иш'áтнъја, ш'ужóј, γър'иш'ó, пълуш'áју, п'иш'áт'; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; Льговский р-н, с. Борисовка: д'эваш'ка, иγрýшаш'къ, óш'ин', анýш'к'и, пл'иш'ó, ч'ивó, пл'ич'ó, мýч'ит'; в соответствии ц приведены примеры с ц твердым; там же, с. Дуров-Бобрик: сматóш'к'и (шма-

точки), *уш'бнъй, ш'илав'ек, малш'у, ш'итв'ортъй, ч'ижолъй, лу́ч'ч'и, ч'ужымы, вуч'и́лъ;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Износково: «*ч* произносится мягко (*ч'*) или *ш'*»: *пълуш'и́л, ш'и́стъ, пл'иш'о́, ш'аго́, бо́ш'къ, дош', д'е́тъч'ш'к'и, нъ да́ш'ч'у, ча́стъ, чугу́н, доч, до́чкъ;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Медвенский р-н, с. Благодатное: *д'е́въш'ка, кр'уш'ок, н'иш'иво́, нирабо́ш'ий, ш'ула́н'ш'ик, па́лъш'ка, л'исто́ш'ик, зна́ш'ит', ш'ир'о́муха, ш'угу́н, ч'угу́н, ч'ип'е́ц, ч'исно́к; ц'е́лай, ц'е́п, пр'иц'е́л'ит', цыпл'о́нок, вад'ица, хълад'е́ц, байе́ц, са́л'ца;* там же с. Второе Любицкое: *хлъпаш'и́, н'иш'иво́, д'ивш'о́нка, кр'иш'и́, гър'аш'и́ха* (гречиха), *ш'о́рнай, ма́л'ш'ик, р'е́ш'ка, дош', ч'илав'е́к, пла́ч'а, ч'и́стай, ч'имъда́н, у до́ч'ир'а, кр'ич'и́;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Липовец: *ш̄'а́ста, ш̄'а́й, ш'иста, палуш̄'и́л, ш̄'у́да, мал'ш̄'у́, ш̄'угу́н, пл'иш̄'о́, п'иташ̄'о́к, ш̄'иго́, нош̄', дош' до́ш̄'ка, бо́ш̄'ка, ш'о́рнъй, аш'арн'и́ла, ис ш'о́рнъй, кълш'а́к, събруш'а́м'и, ш'ем то́п'им, ш'а́пл'а, ш'ип'е́ц;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Нижне-Реутец: *ш'а́сто, ш'а́й, ш'и́сто, полуш'и́л, ш'у́до, молш'у́, ш'угу́н, пл'еш'о́, нош', дош', бо́ш'ка, ану́ш'и, ч'ш'арн'и́т', пл'е́ш'и, атаро́ш'ка, п'е́ш'к'и, въртн'иш'о́к;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Панино: *ш'а́стъ, у п'е́ш'к'ъ, нош', ч'а́стъ, ў п'е́ч'к'ъ, ноч', ш'ш'а́стъ;* в соответствие *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Спасское: *ма́л'ш'ик, ш'а́ста, д'е́ваш'ка, н'а́н'иш'ка, в'е́ш'ар, ш'иво́, хо́ш'ут', ш'итв'е́р'х, наш'ива́т', ш'ужо́й, ву́ш'ит'ас', в'иш'е́рн'а, пла́ч'ит', ч'а́пл'а, ч'угу́н;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Прохоровский р-н, с. Красное: *ку́ш'у, ш'ай, н'е́ш'им, по́ш'ту, бу́лаш'ак, о́ш'ин', на́ш'ал, атскаш'и́л,у нуш'ка, на ш'ирадку́* (на очереди), *ниш'иго́, хо́ш'а, тип'ериш'а, палуш'у́, да ве́ш'ира, ку́пш'ия, па ш'о́рнай, харш'и́, зна́ш'ит, стариш'ко́в, баш'она́к, харш'и́, на п'яш'и́, ш'астъ, сара́йш'ик, д'ифш'а́т, ш'угуны́, атв'иш'а́йтя, ш'аты́р'и, до́ш'иш'кя, уш'ира́, наш'ина́йца, хо́ш'иш, с'иш'а́с, су́пш'ик, тар'е́лаш'ка, ло́жыш'ка, но́ньш'а;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Солнцевский р-н, с. Чертошное: *ш'и́стаја, нъзнаш'ш'а́јитца, кр'иш'и́т'; пыш'ин'и́т', уш'и́лс'а, ту́ш'а, пш'о́лы, нъ ш'ају́, ш'о́рт, ш'ем, д'ивш'а́та, ш'е́т'в'иръ, ш'ирда́к, с ш'урбако́ў, каш'е́л'и, ды́ръш'ка, ч'иты́р'и, доч', грач', нъ пл'ич'о́, до́ч'ка, жалч'е́ји* (жальче); в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Хомутовский р-н, дер. Стрекалово: *пръш'ш'ита́л'и, наш'ш'л'е́х, на́ нъш'ш', ру́ш'ш'ыш'ка, ш'ш'а́шка, с п'е́ш̄'къју, куда́кш'ш'ит, па́лъш'ш'къју, ру́ш̄'к'и, наш'ш'у́јут; нош̄', ма́л'ш'ш'ик, ш'ш'и́стъ, пр'ивуш'ш'и́т', пла́ш̄'ут', ч'ужы́х, дач'ка́, ч'асо́ф, харч'е́й, уч'ира́с', н'ич'о́на* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Орловская область. Болховский р-н, дер. Медвёдки: «на месте *ч* произносится чаще всего звук, средний между *ч* и *щ*, обозначаемый буквой *ш'*; реже *ч*» — *ш'арну́шк'и, ш'аты́р'и, с'иргуш'о́м, па ш'а́шк'и, н'и хо́ш'ит', уш'ира́с', уну́ш'ка, кап'э́иш'к'и, п'э́ш'к'и, ку́ш'ку, иш'м'э́н', ч'угу́н, чу́рка, ч'ирв'а́к, скуч'а́т'* — «иногда одно и то же лицо произносит звук *ч* и звук, средний между *ч* и *щ* — *ш'*»; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Володарский р-н, дер. Богданчиково: «На месте *ч* иногда произносится мягкое *ч* (*ч'*), иногда — мягкое *ш*(*ш'*). В большинстве случаев трудно установить, произносится ли *ч'* или *ш'*. Поэтому в большинстве случаев я употребляю знак *ш'*. . .»: *ш'а́ста, ш'ај, ш'и́ста, пълуш'и́л, малш'у́, пл'иш'о́, п'ьташ'о́к, ш'аво́, нош', дош', до́ш'ка, бо́ш'ка, ч'у́да, ч'угу́н;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Долгоруковский р-н, с. Меньший Колодезь: «на месте *ч* во всех словах произносится звук,

средний между *ч* и *щ*, обозначаемый через *ш'*»: *у п'аш'ýрку, сустр'а-ш'áт', ш'ас'т', ш'арнýшк'и, нъш'авáт', каш'арγá, ш'арпájут', уш'арá, ш'ар'н'úл'ица, л'аш'úтцъ, ш'óрнъја, ш'áшку, уш'úт'ал', п'э́ш'ку, к'ирп'ú-ш'ик, развараш'ивъл'ис', унýш'къ, рýш'ка, жуш'кóв;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Знаменский р-н, дер. Кобыльская: *н'иш'авó, на р'éш'к'и, дош', ш'ирв'атóш'ина, д'éвъш'ка, γрýбъш'ка, нош', л'аш'úл'и, ш'атыр'и, луш'óк, дъплаш'ý, стуш'áтца, зъкр'иш'áла, плаш'им, т'ил'óнъш'ик, н'éш'им, кр'иш'ý, ш'ит'в'ер'х, γус'á-тъш'к'и, ат р'éш'к'и, аγýрш'ик'и, ш'áj'н'ик, ш'уγýн, ш'áп'ел'н'ик, ч'ума;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Кокарева: *ат п'éш'к'и, в'ир'óвъш'к'и, н'иш'авó, кóн'ш'ик, пъш'амý, т'алýшъш'ка, пърас'óнъш'ка, кóзъш'ки, ш'атыр'и, јайш'к'и, јайш'къ, м'а-шóш'ик, мáл'ш'ик, пъдуш'úл'ис'á, тýш'и, ав'éш'к'и, аγýрш'ик'и, марó-ш'ит', къш'ер'γá, у ш'уγýнч'иках, ч'ит'в'ерх, рýч'ка;* «в большинстве случаев слышится *ш'* вм. *ч*, но в некоторых словах *ш'* близко к *ч'*»; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Коптево: *уш'úлас'а, д'эв'ш'áтă, γар'ш'э́ја, дóш'ка, п'иш'áтъвъл'и, у пл'э́ш'и* (в плечи), *пъш'амý, вывш'ила, н'иш'ивó, ијúш'ка, ч'илав'э́ка, унýч'ка, ич'м'éн', н'ич'авó, н'идал'э́ч'ъ, в'ин'ч'áл'и* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Моховский р-н, с. Золотарево: «на месте *ч* произносится звук, средний между *ч* и *щ*, подходящий ближе к *щ*, обозначаемый *ш'*»: *ш'áста, ш'ай, ш'úста, пълуш'úл, ш'ýда, малш'ý, ш'уγýн, пл'иш'ó, п'иташ'óк, нош', дош', дóш'ка, бóш'ка*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Мценский р-н, дер. Бобрик: *мáл'ш'ик, дош', унýш'к'и, в'э́ш'ирам, па-ш'арпн'ú, м'э́ръш'ку, ш'атыр'и, ч'итыр'óх, ч'ужóй* — «даже одно лицо на месте *ч* говорит *ш'* и иногда *ч*»; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Сергиевское: «на месте *ч* произносится *ш'*»: *ш'áста, ш'ай, ш'áшка, ш'орт, ш'óрнъй, пл'аш'ó, ш'уγýн, ш'ур-бáн, ш'уп, малш'ý, ш'úр'ай* (чирей), *пълуш'úл, ш'э́рт'и, ш'эй, руш'э́й, нош', дош', нóш'ка, бóш'ка, дóш'ка;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Никольский р-н, с. Навесное: *с'п'úш'к'и, ш'ут'-ш'ут', в'иш'арá, р'éш'ка, стар'иш'кá, паш'óм, ржыш'к'и, д'ивш'á-там, па ш'éт'в'ирт'и, пр'ивыш'ка, дóч'ир'и, случ'úтца, ч'илав'éк, па-ч'úшша, п'éвч'их, пълуч'úл'и*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Покровский р-н, дер. Зубково: *ш'уγýн, пл'иш'ó, ш'á-ста, дош', ш'úста, ш'уγýн, ш'аj, нош', дóш'ка, нóш'ка;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Успенское: *пр'и-ш'итájут', н'иш'авó, в'э́ш'эр, мълаш'кá, з дóш'ир'jу, дóш'къй, бъγаш'ú, к'ирп'úш'икав, хаш'ý, унýш'ка, пъшан'úш'к'и* (пшенички), *п'э́вш'их, ры-ш'áт', д'ин'óш'къв, пътч'ин'áйс'и, уч'арáс', ч'úс'т'ин'к'ија, ч'э́тв'ирт'и, канч'аjит', уч'úт'ал'* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Свердловский р-н, дер. Ново-Петровка: *ч'^ш'áста, ч'^ш'úста, ч'^ш'ай, палуч'^ш'úл, нач'^ш'áл'ства, у кýч'^ш'к'и, нóч'^ш'йу, пач'^ш'óм, ч'^ш'асы, к'ирп'ич'^ш'ú, пл'ич'^ш'ó, паш'инájут', к'ирп'иш'ú, дош', ш'итыр'и, т'ип'э́р'ш'а, пръш'итáла, кълаш'éй, харш'ú, пълуч'áл'и, п'эч'эн'jав, н'ич'авó, ч'асóв, т'ип'э́р'ич'а, ч'итыр'и, ч'úсл'инка*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Сосковский р-н, дер. Маслова: *н'иш'^ч'авó, н'ич'^ш'авó, стъкáн'ч'^ш'ик, п'ин'óч'^ш'к'и* (пенёчки), *γóраш'к'и, н'иш'авó, съскаш'úла, јаблънъш'к'и, н'иш'авó, пъш'амý, д'и-с'áтъш'ку, пъшан'úш'к'и, п'иш'óнай, јайш'к'и, дóш'к'и, јáблъш'къ, нош', нóч'ч'у, пълуч'úл, у ч'óм, абл'ихч'éн'јь, ч'атыр'и, д'ин'óч'ък* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Тросн янский р-н, с. Ломовец: *ш'áста, ш'ай, ш'úста, палуш'úл, мал-ш'ý, пл'аш'ó, нош', ш'ислó, т'эп'э́р'иш'и, нъш'ивáт', ш'óрныја, ш'эрв'áк,*

ш'эрн' (Чернь, нас. пункт); *јайш'ка, сталпш'атыја, аш'к'й, дъ Ш'арн'йүъва, наш'ина́л'и, ч'ату́р'и, ма́л'ч'ик*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Урицкий р-н, с. Городище: *н'иш'ч'аво́, в'из'о́ныш'к'и, ynу́ш'ка, нош', ш'илав'е́к, на п'е́ш'к'и, кр'иш'и́т, ло́жыш'ка, пъш'аму́, на ш'итв'ир'е́н'ках, пъл'аш'и́л, кр'иш'а́т', ш'ату́р'и, с'ар'ш'а́т', дош', до́ш'ир'и, ч'е́хл'ик, н'ич'аво́, ав'э́ч'ик, ко́н'ч'ал, уч'ара́с', скор'е́ич'а* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Хотынецкий р-н, дер. Жудрё: *д'е́в'иш'ч'ий, на п'е́ш'ч'к'е, с'ева́лаш'ч'ку, р'е́ш'ч'ка, ла́ваш'ч'ка, дро́баш'ч'ку, уш'ч'ара́с', у в'е́ш'ч'ар'а, буүо́рш'ч'ик, назна́ш'ч'ил'и, т'ип'е́р'иш'ч'а, кл'у́ш'ч'ик, бо́ш'ч'кам'и, кала́ш'ик, у бо́ш'ках, к'и́ш'ку, ану́ш'к'и, ү'р'иш'и́ха, ма́ш'ъха, баш'о́нак, у пш'ала́х, ш'ерв'ака́, дош', скуш'а́ит', м'ишо́ш'к'и, с'арпо́ш'ик, но́ш'йу, му́ш'ил'ис', ч'ита́йут', ч'ерн'и́ка, ч'айку́, къч'ерүа́*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Ивановское: *ү'р'иш'ч'и́ха, пла́ш'ч'ухо́ш'ч'ит', н'иш'аво́, ш'и́р'ис, до́ш'ир'у, пудо́ш'ик, д'е́таш'ка, к'ирп'иш'у́, шо́пш'ит, н'и хаш'у б'е́ш'* (бечь, инф.), *уш'ит'ел'а́, кр'иш'а́ла, до́ш'ир'и, ш'о́рн'ин'к'ийа, үълубо́ш'ик, ноч'ч'у, м'ист'е́ч'ка;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же с. Пятницкое: *ш'ч'айку́, руш'ч'айк'и́, садо́ш'к'и, п'иташ'о́к, ш'ату́р'и, ш'о́рта, п'ирнаш'ива́л'и, пла́ш'ут', ану́ш'к'и, за р'е́ш'къйу, ш'ату́рнацџат', о́ш'ир'ит', йайш'ка, ч'ату́р'и, случ'и́лъс'а, уч'ара́, ноч', ч'арн'и́ла;* в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Стрекалово: *наш'ш'л'е́х, на́ нъш'ш', ру́ш'ш'ыш'ш'ка* (ручечка), *ш'ш'а́шка, с п'е́ш'ш'къју, куда́хш'ш'ит', но́ш'ш', ма́л'ш'ш'ик, ш'ш'и́стъ, пла́ш'ш'ут, ч'ужу́х, дач'к'а́, ч'асо́ф, уч'ира́с', пупо́ч'ик, ч'а́п'ъл'н'ик* и ряд других примеров с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Шаблыкинский р-н, дер. Старые Рядовичи: *рабо́ш'и, пла́ш'у, уш'ера́с'а, нъзнъш'а́л'и, мо́рkваш'к'и* (морковочки), *аүурш'ик'и, н'иш'аүо́, до́ш'к'и, јайш'ък, н'амно́жыш'ка, назна́ш'ин, уш'и́л'и, в'е́ш'ир, ш'илав'е́к, ш'ир'апо́к, малш'и́, на ш'ърдаку́, л'аш'и́цъ* (лечиться), *пл'ату́шыш'ку, абл'ахч'е́н'ја, ч'ир'ап'и́цу*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Смоленская область. Всходский р-н, дер. Большая Мышинка: *уш'и́лъ, пълуш'а́йу, ма́л'ш'икъм, палу́ш'ут', ска́ш'ит', к даш'к'е́* (к дочке), *скуш'а́йу, кыш'а́т'* (качать), *үърла́ш'ик, ш'ърн'и́къ, ту́ш'ъ* (туча), *н'иш'аво́, ш'аво́, хва́ртуш'ик, плато́ш'ик, жър'б'о́нъш'ик, ш'ъп'е́л'н'ик* (чапельник), *ш'а́ш'ъш'къџ* (чашечкой), *ка́чка, но́чуџ, чъп'ел'е́сн'ик* (чапельник), *хва́ртучьк, ч'ъп'е́лъ, куткудахч'ит'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Милятино: «На месте *ч* произносится звук, близкий к мягкому *ш'*, похожий на *т'ш'*»: *үърла́ш', үърла́ш'ик, үаүо́ш'ит', л'е́хш'и, ш'а́стъ, п'иташ'о́к*: «В речи молодого поколения слышится звук более чистый, ближе к *ч* книжному»: *пл'ичо́, но́чкъ, бо́чкъ, ч'и́стъ*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Пусто́шка: *ш'аво́, н'ипаш'о́м, үърла́ш', үърла́ш'ик, ш'ъп'е^и л'н'и́к, ш'ату́р'ъ, ш'астъ, избаш'о́м, ш'и́стъиъ, н'иш'о́въ, ш'ыстако́л, нъ ш'ърдаку́, пш'ела́, на р'е́ш'к'ъ, по двъ ш'ълав'е́къ, нач'а́л'и, у садо́ч'ку, уч'е́н'иъ, ръскр'ич'елъс', стъка́нч'ик*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Тульская область. Воловский р-н, дер. Селиверстово: *за р'е́ш'ку, лу́ш'ку, л'иш'и́т* (лечить), *хлапо́ш'ут', н'е́ш'ива, д'е́въш'ка, до́ш'къй, нош', абуш'и́лс'а, пъкр'иш'а́ла, зна́ш'ит, кр'уш'ко́м, с ру́ш'къй, пъштал'йо́н, ш'уүу́нка, ч'ир'ас ш'у́р, къш'ир'о́шка, пъш'ита́т', хо́ш'ут, л'еш'илс'и, в'аза́нъш'ку, па р'е́ш'к'и, мъла́ш'ка́, в л'асо́ш'к'ъ, у тр'а́пъш'кък* и другие примеры с *ш'*; «У всех, с кем в деревне беседовали, *ч* звучит либо как *ч'*, либо как *ш'*, причем *ш'* какое-то не резкое, не очень бросающееся в глаза. Соотношение *ч'* и *ш'* не у всех одинаковое, но

все же *ч'* в большей или меньшей степени преобладает»; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц'*; Куркинский р-н, с. Полевые Озерки: *измýш'ш'илс'и, ýш'ш'утца, уш'ш'ûл'ис', тóш'ш'нъ, сыпл'áтъш'ш'к'и, д'éвъш'ш'к'и, рýш'ш'к'и, малш'ш'áт', ш'ш'илав'éк, р'идóш'ш'ик, ш'ш'итыр'и, ш'ш'улк'û, в'ин'ш'ш'áтцъ, в'ил'иш'ш'áјут* и другие примеры с *ш'*; *тýч'къ, трýбъч'ку, събач'óнкъ, ис тýч'к'и, ч'илав'éч'јим, ч'ас'т', тап'éр'ич'а, с'ич'áс* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Тульский р-н, дер. Демидовка: *ш̄'áсто, ш̄'ай, ш̄'ûсто, полуш̄'ûл, ш̄'ýдо, молш̄'ý, ш̄'угýн, пл'еш̄'ó, паташ̄'óк, ш̄'авó, нош̄', дош̄', дóш̄'ка, бóш̄'ка, чáсто, чай, чûсто, получûл, ночь, дочь* и другие примеры с *ч'* — «в говоре встречаются обе формы в равной мере»; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

За пределами основной территории распространения изучаемого явления почти не встречаем говоров, в которых изменение *ч'* > *ш'* являлось бы столь широким; случаи этого изменения, отмечаемые в отдельных разрозненных говорах, бывают в них обычно единичными, лишь изредка получая относительно более широкое распространение.

Владимирская область. Владимирский р-н, дер. Чирково: в цокающем говоре при твердом цоканье и явлениях перехода к различению *ч'* и *ц* отмечено также и *с'еш'áс, бш'ен', д'éвош'к'и, дóш'ен'ка*; там же, с. Лунево: при аналогичных данных о цоканье отмечено также и *бш'ен', уш'ин'ûцы, м'ест'éш'ко, дáш'н'ик'и, дош', пош'удн'éје, знаш'éн'ице, полуш'áл'ù, назнáш'ил'и, тóш'но, мáл'ш'ик, нóш'цу, н'иш'евó, лýш'е* (т. е. относительно широкое распространение данного явления); Ставровский р-н, дер. Новоселки: при аналогичных данных о цоканье отмечено *н'éш'ево, пъш'емý*; Юрьев-Польский р-н, с. Кинобол: при аналогичных данных о цоканье отмечено также и *с'ейш'áс, н'иш'ýт', бóш', н'иш'овó*.

Калининская область. Кировский р-н, дер. Завирье: при чоканье и различении *ч'* и *ц* отмечено также и *ш̄'áцу, ш̄'óрн'ин'къц*.

Московская область. Кимовский р-н, дер. Алексеевка: *ш'áстъ, ш'ай, ш'ûстъ, пълуш'ûл, ш'ýдъ, маш'ý* (мочу), *ш'игýн, пл'иш'ó, п'иташ'óк, ш'авó, нош', дош', дóш'къ, бóш'къ, анýш'к'и, уш'ә́н'ја*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Рязанская область. Желтухинский р-н, дер. Уланово: при различении *ч'* и *ц* отмечено также и *п'é̂ш'ш'к'и, внуш'ш'áт, знáш'ш'ит, н'иш'ш'авó, ш'ш'авó, ш'ш'аснóй;* Ряжский р-н, с. Шереметево: при различении *ч'* и *ц* указано: «лишь особая судьба *ч*, утрачивающего затвор в таких случаях, как *крýжыш'ка, лóжъш'ка, ч'áжъш'ка*»; Старожиловский р-н, с. Насилово-Сазоново: при различении *ч'* и *ц* отмечено также и *кн'ûжеш'к'и*.

Ярославская область. Курбский р-н, дер. Колесово: в цокающем говоре при твердом цоканье и явлениях перехода к различению *ч'* и *ц* отмечено также и *дóш'ка*; Рыбинский р-н, дер. Кирилловское: при аналогичных данных о цоканье отмечено также и *ш'áсто, ш'ûсто, т'еш'óт*.

Приведенный материал не оставляет сомнения в том, что во многих говорах юго-запада Европейской части СССР употребление звука *ш'* в соответствии аффрикате *ч'* — широко распространенное собственно фонетическое явление. Некоторые современные говоры, в которых наблюдатели совсем не отмечают употребления *ч'* (см. приведенные выше данные: Калужская область — Износковский и Козельский районы; Курская область — Боброво-Дворский, Иванинский, Конышевский, Кореневский, Медвенский и Прохоровский районы; Орловская область — Долгоруковский, Моховский и Мценский районы), представ-

ляют, таким образом, систему согласных с одной аффрикатой *ц*. Мягкое *ш'*, исторически возникавшее в подобных говорах в результате утраты затвора аффрикатой *ч'*, является в них одиночным звуком в ряду других шипящих, всегда твердых звуков. Связь по характеру образования, имеющаяся между аффрикатами *ч'* и *ц*, особенно ощутительно сказывавшаяся на том этапе, когда обе эти аффрикаты были мягкими, в случае появления *ш'* вм. *ч'* исчезает. В связи с тем, что в говорах русского языка отсутствуют пары слов, различающихся друг от друга употреблением только *ч'* или *ц*, а также отсутствует и фонетически регулярное чередование *ч'* и *ц*, никакой связи этого рода нет также и между вновь возникшим *ш'* и сохраняющимся *ц*.

Специальные замечания, сделанные некоторыми наблюдателями относительно того, что в отдельных говорах, даже и при наличии употребления в них *ч'*, произношение *ш'* является преобладающим или наиболее широко распространенным в речи старшего поколения (см. выше данные по Сухиничскому р-ну Калужской области; Володарскому, Знаменскому и Мценскому районам Орловской области и др.), позволяет сделать предположение о том, что еще в недавнем прошлом говоров с *ш'* — *ц* было больше, что появлением *ч'* они обязаны воздействию нормализованного типа языка, непрерывно усиливающемуся на протяжении развития национального русского языка.

Нельзя также не подчеркнуть, что широкое употребление *ш'* в соответствии *ч'* при сохранении *ц* характерно именно для изучаемых говоров юго-западной территории, а не для единичных говоров, знающих это изменение за ее пределами. Имеет значение для последующего выяснения истории этого явления и то обстоятельство, что говоры, представляющие его наиболее широко, расположены преимущественно в западных районах южных областей этой территории — Курской и Орловской. К западной половине Курской области относятся такие районы: Конышевский, Кореневский: Льговский, Медвенский, Солнцевский, Хомутовский, где, как показывают только что приведенные материалы, наиболее широко распространена замена *ч'* > *ш'*. Лишь Боброво-Дворский и Прохоровский районы из числа тех, по которым выше приводились материалы, расположены в восточной части Курской области.

В Орловской области широкое распространение интересующего нас явления почти полностью относится к ее западной половине (Болховский, Володарский, Знаменский, Моховский Мценский, Покровский, Свердловский, Сосковский, Троснянский, Урицкий, Хотынецкий районы).

Выше подчеркивалось также, что в говорах с заменой *ч'* на *ш'* эту замену за пределами юго-западной территории обычно отмечают лишь в единичных случаях, при широком использовании наряду с этим других типов употребления аффрикат.

Напомним, что в говорах с заменой *ц* на *с* как на юго-западной территории, так и за ее пределами мы не видели существенных различий в характере и степени роспространения употребления *с* в соответствии *ц*, это употребление одинаково оставалось факультативным явлением конца слова.

Наряду с говорами, в которых широко представлено употребление *ш'* вместо *ч'*, на юго-западной территории встречаются также и говоры, где употребление *ш'* значительно сужено за счет распространения *ч'*, также начинающего, как правило, употребляться в любой фонетической позиции; это говоры, в наибольшей степени подвергшиеся влиянию нормализованного типа языка или соседних говоров с различением *ч'* и *ц*.

Имеющийся в нашем распоряжении материал не дает оснований для того, чтобы подтвердить следующее предположение С. И. Коткова: «В настоящее время происходит процесс постепенного отмирания *ш'*. Особенно благоприятствует замене *ш'* аффрикатой *ч'* положение перед *у*»[14].

Отход от употребления *ш'*, по-видимому, не характеризуется закономерностями фонетического характера (положение перед различными гласными, согласными и т. п.). Зато по данным ряда говоров вполне определенно выявляется, что при отходе от употребления *ш'* это последнее может задерживаться на стыке морфем в случаях типа *дбш'ка*, *мáл'ш'ик*, в связи с чем употребление *ш'* становится морфологизованным, на что и указывают приводимые далее материалы.

Брянская область. Брасовский р-н, с. Алёшенка: «Сочетание *ч'к* произносится, как *ш'к*, но возможно произношение *ч'к*»: *на р'éш'ку, лужáиш'ку, кáртъш'ка, рáмъш'ка, јайш'к'и, к'йш'ку* (кичку), *п'ил'óнъш'к'и, д'éвъш'ка, бýлъш'к'и, на кóиш'к'и, на п'éш'к'и, јáмъш'ку, бураш'кóў, кружóш'към'и, палýш'ка, рýш'к'и, бъуáш'ка, вáл'иш'к'и, мълаш'кó, дóш'ка, быш'кá; јáрьч'к'и, д'евач'ка, п'éч'ич'ка, кóстъч'ка, р'еч'ка* («подобное произношение сочетания *ч'к* встречается реже»), *ч'йст'ила, л'ач'йтца, пълуч'áл, ноч', ч'ужóј, пл'ач'ó* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Виженка: «На месте *ч* мягкого во всех случаях, кроме сочетаний *ч'н, ч'к* произносится *ч'*. Один раз объект № 1 произнес *ш'йс'т'ин'ка*. Во всех других словах отклонения от литературного произношения не отмечено: *ч'áста, ноч', 'ч'aj, ч'ajк'ý, пълуч'йл, малч'ý, мóлч'а, ч'ууýн, мáл'ч'ик, ч'ужóј*. В сочетаниях *ч'н, ч'к* вместо *ч* произносится *ш'*. Правда, возможно и произношение *ч'к, ч'н*, но оно встречается реже. Особенно сохраняется эта звуковая особенность в языке женщин: *чудáш'ка, дóш'ка, дóстъш'к'и, кýш'ку, вад'йш'к'и, късуйш'к'и, кóхтъш'к'и, у р'éш'ку, мълаш'к'á, лóжыш'к'и, крýжыш'к'и, дýръш'ка, склáдъш'к'и, мáмъш'ка, ч'улóш'к'и, клубóш'ка, пр'ивыш'ка, стóпъш'к'и, дýдъш'ку, кáртъш'ку*, но и *лáзъч'к'и*»; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Ольшаницы: *клубóш'ик, н'йтъш'ик, у р'аз'йнъш'ку, пýн'иш'къ, л'ап'éшыш'късм'и, бч''ин', варóч''ийит, ръуач''й, в'ар'óвч''итыји, б'ич''ýх, валóч''ит, жéрдъч''късм'и, кр'ич''йт', курлыч''ут', какóч''ит', р'éч''к'и, ч''йслах, нáч''ил'и, ч'алнóк, ч'ауó, ч'ажóлъй, нын'ч'а, ч'улóк, късч'ир'уá, уаубч'ит', ч'ух, тýч'а, уч'ирáс', вóч'ир'ит'* и другие примеры с *ч'* и *ч''*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Суземский р-н, дер. Подгородная Слобода: *дóш'ка, нóш'ка, скам'éиш'ка, Рáи'шка* (Раечка), *п'éш'ка, ч'áжъш'ка, р'éш'ка, ч'ууýн, ч'уд'исá, пл'ач'ó, ч'аó, за нóч'ч'у*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Калужская область. Людиновский р-н, дер. Ухобичи: *рýш'к'и, кáш'ка, сýмъш'ка, бóш'к'и, рýш'ка, даш'кá, стър'иш'к'й, мыч'йт, кудáхч'ит, м'аýч'ит', уáўч'ит', кр'ич'áт'* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Медынский р-н, дер. Брюхово: *ч'ш'ай, ф п'éч'ш'ку, ч'ш'ужыи, мат'ш'áлът'ш'ку, л'ис'н'йцъствъ, цыпъш'к'и, д'éвъш'к'а, крыл'éш'къ, рýш'ку, л'éнъш'ка, сынóш'к'ъ, мълаш'к'ó, тр'áпъш'к'а, йóлъш'к'у, рýш'ку, дáш'нъйа, кр'ич'йт', кóфтъч'ку, дóч'ър'и, уч'йл'йш'ш'ъ, лýч'шъ, пч'ол* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Курская область. Воловский р-н, с. Александровка: *аббръш'ка, т'áпъш'к'им'и, п'éч'ку, ч'áстъ, ч'йстъјь, ч'итыр'и, плáч'у,*

[14] С. И. Котков. Заметки по консонантизму курско-орловских говоров, стр. 43.

доч', р'е́ч'ка и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Хомутовский р-н, дер. Самохваловка: *дащька́, бо́щька, ч'ай, ч'и́ста, ч'угу́н, ноч', пляч'о́, доч'* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Орловская область. Измалковский р-н, дер. Знаменка: *уш'и́тъвъл'и, пъ jajи́ш'кам, ша́пӑш'к'и, до́ч*$^{ш'}$*к'а, абно́сач*$^{ш'}$*к'и, хат'о́нач*$^{ш'}$*к'а, паво́зъч'ка, пъч'аму́, пч'ал'н'и́к, д'эва́ч'ка, зъплач'у́, уну́ч'к'и* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Колпнянский р-н, дер. Белый Колодезь: *пъшан'и́ш'к'и, або́рыш'к'и, до́ш'ка, ч'улк'и́, аγу́рч'икӑ, ў м'ашо́ч'е"к, к ч'аму́, ў п'е́ч'ку*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Мценский р-н, с. Большое Тёплое: *ш'асо́к, д'е́выш'к'и, н'и́тъш'к'и, до́ш'ка, п'е́ш'ка, jаи́ч'ка, ву́ч'итца, ч'ать́р'и, ч'ир'в'э́й*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, с. Спасское-Лутовиново: *уну́ш'к'и, дамо́ш'кав, мълаш'ка́, р'иб'о́нъш'ка, л'асо́ш'ку, бо́ш'ку, д'э́ваш'ка, γадо́ш'ка, т'в'ато́ш'к'и, вуγало́ш'к'и, дош', до́ш'ир'и, стуч'и́т', к в'ич'арку́, п'эч', н'ьч'иво́, пъч'аму́, но́ч'ју* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Новодеревенский р-н, с. Суры: *до́ш'ка, н'и рак'и́тъш'к'и, пач'о̣м, у́ч'утца, доч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Тульская область. Арсеньевский р-н, дер. Байдино: *уну́щки, пъ п'ато́щку, кът'ало́щки, ущастак, ч'а́ста, ч'ай, ч'и́ста, палуч'и́л, ч'у́да, малч'у́* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Воловский р-н, дер. Караси: «обычно *ч'*; несколько раз отмечено *ш'*, не у всех объектов и редко»: *ав'е́ш'к'и, разо́ш'ка, на р'е́ш'ку, му́ш'ка, д'е́въш'ка, на п'е́ш'ку, ч'и́с'т'ит', д'ивч'а́ты, зач'и́с'т'иш, ч'уγуны́, кр'ич'и́т', ч'иво́* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Ефремовский р-н, дер. Михнево: *в'ир'о́въш'к'а, кро́мъш'ка, п'е́ш'ка, в'ир'о́въч'к'и, ану́ч'и, аўч'и́ны, ч'у́н'и, ч'уло́ч'к'и, ч'ап'ил'у́шка, ч'аj, ч'а́шку, д'е́въч'ка, ту́ч'ка, но́ч'иj* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Ленинский р-н, с. Ямны: *ско́бъш'к'а, р'е́ш'к'а, ку́ш'к'и, йу́пъш'к'а, ча́ста, чаj, чи́ста, палучи́л, чу́да, малчу́, чуγун, пл'ачо, п'тачо́к, ноч, доч, бо́чка, ко́фтъч'к'а, п'е́ч'к'у, б'ъсп'ир'е́ч', ч'ас'т', ч'и́сто* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Плавский р-н, дер. Савватеевка: *ба́нъш'к'а, кувшы́нш'ик, ина́чь, с'ича́с, чьркан'о́м, афча́рн'ик, ч'арда́к, ч'ацк'у́, ч'ать́р'и, ту́ч'а, л'асо́ч'к'и, пъч'аму́* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Сафоновский р-н, дер. Ермянка: *у́ш'ицца, ту́ш'а* (2 раза), *на р'е́ш'ку, р'е́ш'ка, л'ап'о́ш'иш'к'и, на п'е́ш'ку, сп'и́ш'к'им'и, до́ш'к'им'и, укла́дъш'ка, п'е́ш'ку, γр'еч'иху, д'евъч'к'а, γар'а́ч'ай, ас'арч'а́йа, у́ч'ицца, доч', йу́пъч'ка* и другие примеры с *ч'*; *с'е́лъйу* (це́лую) — «видимо, случайное произношение, так как больше ни разу не слышали никакого намека на подобное произношение»; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; там же, дер. Залесское: *пълав'и́нъш'ку, ло́ж'иш'к'и, н'амно́ж'иш'ка, п'е́ш'к'у, с вну́ш'к'им'и, зна́ш'ит*; «чаще *ч'*, произношение *ш'* отмечается значительно реже»: *ч'асо́в, уну́ч'ьк, кн'и́жич'к'и, д'е́въч'к'и, ма́л'ч'ик, ло́ж'ич'ку, хо́ч'ит'а* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым; Тульский р-н, дер. Бабанино: *р'е́ш'к'а, ку́ра'ш'к'а, каро́баш'к'а, п'е́нъш'к'у, ч'а́ста, ч'ай, ч'и́ста, пълуч'и́л, ч'у́да, малч'у́* и другие примеры с *ч'*; в соответствии *ц* приведены примеры с *ц* твердым.

Как мы видели, приведенный материал содержит иногда прямые указания на реликтовый характер случаев произношения *ш'* в соот-

ветствии *ч'*, отсутствующих в других фонетических и морфологических условиях, за исключением случаев произношения на стыках морфем *-ч'к* и в суффиксе *-ч'ик*. При отходе от широкого употребления *ш'* не наблюдается лексикализации: *ш'* может быть употреблено в самых различных словах, как и в самых различных фонетических условиях, но спорадически. Лишь случаи типа *дбш'ка*, *п'éш'ка*, *кл'ýш'ик* оказываются в некоторых говорах действительно устойчивыми и достаточно распространенными.

Само собой разумеется, что стабилизация *ш'* в приведенных случаях является временной и условной, особенно в современных говорах, испытывающих все возрастающее воздействие нормализованного типа языка. Произношение *-ч'к*, *-ч'ик*, наряду с *-ш'к*, *-ш'ик*, а в дальнейшем и вытеснение этого последнего фиксируется также приведенными выше сообщениями (ср. характерные в этом отношении указания: Брасовский р-н Брянской области; Воловский р-н Тульской области и др.).

Должен быть принят во внимание и характер территориального распространения подобного реликтового произношения *ш'*. В говорах Тульской области, где это морфологически ограниченное употребление *ш'* отмечено наибольшим количеством сообщений, утрата затвора в аффрикатах резко идет на убыль, хотя в недавнее время была здесь, несомненно, распространена широко. Об этом свидетельствует факт существования на территории этой области своеобразных «островов», в пределах которых говоры с утратой затвора в аффрикатах встречаются относительно часто, в то время как на остальной части территории этой области они имеют разбросанное распространение. Известно, что в говорах Тульской области имело место давнее и глубокое взаимодействие южновеликорусской и северновеликорусской диалектных групп, в связи с чем говоры так называемой Тульской группы южновеликорусского наречия в ряде отношений сближаются со среднерусскими говорами[15].

Напомним также, что выше, при анализе говоров, в наибольшей степени сохраняющих произношение *ш'* в любых фонетических условиях, мы имели возможность отметить очень мало подобных говоров именно на территории Тульской области.

Говоры Брянской области, по данным которых также достаточно отчетливо прослеживается морфологизация произношения *ш'*, расположены на западной окраине общей территории распространения утраты затвора в аффрикатах, чем и объясняется, что именно здесь намечается исчезновение данной диалектной черты.

В говорах Курской, Орловской, Калужской областей, где до последнего времени еще широко распространено употребление *ш'* в соответствии *ч'*, ограничение этого употребления определенными морфологическими условиями представлено реже.

Итак изменение *ч'* > *ш'* может быть признано наиболее характерным языковым явлением в отношении употребления аффрикат для говоров выделяемой нами территории. Вне сочетания с изменением *ц* > *с* явление *ч'* > *ш'* локализуется, в основном, в западной половине этой территории, именно здесь достигая наибольшей последовательности в своем распространении. В восточной, особенно юго-восточной, части территории значительно распространены говоры, в которых изменение

[15] Ср. Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка. «Вопросы языкознания», 1952, № 6, стр. 41. Особенности формирования Тульской группы говоров рассмотрены в данной статье в связи с анализом явлений предударного вокализма.

ч' > *ш'* сочетается также и с изменением *ц* > *с*. Как говорилось выше, изменение *ц* > *с*, когда оно одно представляет в говоре явление утраты затвора в аффрикатах, обычно наблюдается лишь в позиции конца слова, не являясь, таким образом, широко осуществляемым изменением *ц*. Эту свою особенность изменение *ц* > *с* сохраняет в ряде говоров и при сочетании с изменением *ч'* > *ш'*. Однако следует подчеркнуть и то обстоятельство, что во многих говорах, представляющих утрату затвора обеими аффрикатами, изменение *ц* > *с* приобретает более широкий характер, т. е. встречается и в начале слова.

Приведем материал, характеризующий те говоры, в которых при сочетании изменений *ч* > *ш'* и *ц* > *с* это последнее достигает значительной широты употребления.

Курская область. Беленихинский р-н, с. Гнездилово: *з γр'иш'áнъй, нъш'áм'и, ш'ахлы́, нъ пл'иш'áх, сплаш'óны, стр'éш'у, стрóш'им, н'éш'им, ткаш'и́ха, ш'аj, ш'éт'в'ерт', ш'óрнъj, луш'и́нкъм'и, кр'уш'óк, н'а хóш'ъ, ш'ужój, памóш'им, ш'илав'ек, нá нъш', п'еш', дош', дýръш'ку, д'éвъш'к'и, бураш'к'и́, на р'éш'к'и; у сыγáнк'и, сéнтра, ш'апсы́* (чепцы), *ш'апсóў, ш'ипсóм, н'éмсы, м'áл'н'исъ, йайи́шн'исъ, пшан'и́сы, л'исó, пъ л'исý, л'ис'и́съ, мáсл'исъ, с'éрсъ, аγурсы́, пад м'éл'н'исъй, байсы́, на кансé, нъ пал'и́су* (на палицу — часть сохи), *пáл'ис, у кал'сé, зájсъш, м'ис'исá, ш'ип'éс, ат'ес, рукав'и́сы, хр'ист'éс, м'éс'ис, цóд'им, у с'éнцъх* (2 раза), *атцóш* (2 раза), *дъ кънцá, ў хр'асцý, жыр'апцы́*, и другие примеры с *ц* твердым; там же, с. Лески: *ш'аj, кр'иш'áт', ш'арн'и́ка, уш'и́т', вышш'итцъ* (выучится), *суш'и́лъ* (сучила — гл. прош. вр.), *пш'илá* (пчела), *ш'апсы́* (чепцы), *ш'ýдъ, тýш'ъ, дóш'ир'и, к'ирп'иш'éj, дóш'ир'йу, пъ ш'аты́р'и, пър'áдъш'ку, дóш'иш'къ, с'éвъш'к'и* (цевочки), *дош', р'идóш'к'и, анýш'к'и, пуш'к'и́, мóш'ут, хаш'ý, нóш'йу, руш'йи́; сéл'нъjъ, сéрквъ, рукав'и́сы, ўýл'ису, л'ис'и́сы, у пáл'съх, м'ъс'исáх, ш'апсы́, из пшан'и́сы, ат'éс, н'éм'ъс, кан'éс, йайи́с, рад'и́м'ъс, на ýл'ицы, танцýйут, с'éнцы, w Данцé, атцá, зáйцы* и другие примеры с *ц* твердым; Больше-Солдатовский р-н, с. Сторожевое: *пызавш'ирá, уш'и́т'ел'н'ица, л'и́ш'на* (лично), *вуш'óнаjа, пъш'иму, wóш'ър'ит', óш'ин', уш'óч'ик* (учетчик), *уш'ирá, рабóш'им, ш'éт'в'ира, ш'асóвн'а, мáл'ш'ик, хóш'ем, уш'и́ла, палýш'иш, нъ пл'еш'áх, д'ивш'óнкаj, тýш'а, нъш'уwáл'и, кулаш'к'и́, аш'к'и́, ш'ем, дóш'к'а, знáч'ит', доч', ч'улк'и́; сéрква, сéнт'ир, сан'и́т'* (ценить), *знат' сéну* (знать цену), *сепáм'и, сéлыj, красáв'иса, м'éс'ис, на ýл'исы, ат'éс, м'ис'асóв, аγур'éц, цéркву, н'éм'ъц, сóнца, йайи́шн'ица, зацóп'ут, м'áл'н'ица, пълат'éнца, ат'éц, ав'éц*; Воловский р-н, с. Ломигоры: *малш'и́т'ъ, пъш'амý, ш'áст'и, н'иш'авó, пълуш'ájим, абуш'и́т', сп'и́ш'ка рýш'ка, аббóръш'ка, тýч'а, уч'и́тца, ч'óрнъjа, ч'уγунý, раγач', в'ид'óръч'ку* и другие примеры с *ч'*; *салá* (цела), *санá, сыпл'áтъч'к'и, сапóч'ка, сыл'икóм, сапóч'ка, вад'и́сы, вад'и́са, н'éмсы, п'атнáсът', н'éмсъх, н'éм'ис, м'аccá* (мясца), *аўсá, сáл'са, з'амл'и́су, кал'сó* (2 раза), *кан'éс, ав'éс, jайс, з'амл'и́су, тр'инáсът', н'éм'ис, сав'éскъj, двáсът', м'éл'н'иса, тр'и́сът, кýзн'иса, кузн'éс, пшын'и́са, ýл'ису, рáзн'иса, пал'и́са, аўсý, кóл'иса* (колется), *бадáиса, рукав'и́сы, п'итнáсът', ýл'исы, пр'исап'и́л'и, цы́фры, канцý, цанá, атцóм, цéлыjа, ат'éц* и другие примеры с *ц* твердым; Золотухинский р-н, дер. Первое Скородное: *ш'áсто, ш'ай, палуш'и́л, малш'ý, ш'угун, ш'и́ста, ш'ýда, п'иташ'óк, пл'иш'ó, ш'ево, дош', дош'ка, нош', бош'ка; ýлиса, кýр'иса, авсá, яйсó, ýлису, сéлый, кансы́, кансóм, атéс, канéс*; Ивнянский р-н, дер. Берёзовка: *т'ип'éр'иш'а, с уш'и́т'ил'н'исъй, уш'и́т', д'ийш'óнк'и, ураш'и́* (врачи), *н'иш'иγó, ш'и́ста, ш'исóў, ш'ей, анбáрш'ик, п'ит' захóш'а, плáш'ут', уш'áстак, р'éш'ка; сеп, сел, пъ дъраγóй сан'é, с л'исá, Сы́рсъва* (Сырцево, соседняя деревня)

пшан'и́са, за́йсы, кýр'ису, йайсó, ра́зн'исъ, ат'éс, м'éс'ис, к калхóзн'исы аүурсы́, ма́сл'исъ, късав'и́са, купа́цца, руүа́цца; там же, с. Драгунское: *к'и́ш'ку* (кичку), *ска́ш'а, ш'а́стыйи, н'иш'иүó, ш'иса́ два, у ш'ула́н'и, ш'илав'éк, ш'улк'и́, н'éш'им, уш'óра, ш'иса́ два, ш'а́стыйи, п'аш'у́ръш'ку, тóпш'ут', ма́л'ш'ик, наш'н'éтцъ, н'и пърш'а* (ни парча), *п'éш'ку* и другие примеры с *ш'*, *ч'*[ш']*а́ста, ч'*[ш']*а́стъ, кóчит, съч'ас, ч'ас'т', ч'и йéс'т', ч'и н'има́, дóч'къ, кр'ич'и́т, стуч'éл, вý ч'а* (3 л. ед. ч.), *зъ кл'уч'авóй* и другие примеры с *ч'*; *с'éн'т'ър, кл'инсу́йут'* (обивают избу лучиной), *у какóм м'éс'ису, сéр'кв'и, у п'а́л'сах* (в пяльцах), *аүурцы, пал'и́ца, пшан'ицу, м'éс'иц, цéрква* и другие примеры с *ц* твердым; Краснояружский р-н, с. Теребрино: *къла́ш', ш'у́дна, кълъш'а́, ш'и́ш'тынъја* (чищеная), *быш'óк, јайш'ка, ш'ајóк, ш'асы́, пр'ип'éш', пълуш'и́л'и, къш'ир'үа́, ш'ълав'éк, ръүа́ш', зъкр'иш'а́т', п'éш'у, уш'а́стъват'; сану́, сéлъја, сéрква, сыүа́рка, ају́су, п'а́тн'иса, н'éм'ьс, к'ита́јсы, пт'и́су, пъ м'аз'и́нсу, л'исó, м'ил'и́с'ија, л'икв'ида́с'ија, кв'ита́нсија*; Кривцовский р-н, с. Нагольное: *ш'ирда́к, пъш'иму́, ш'иса́, вш'ира́, дб ш'ир'и, уш'и́тца, ш'иты́р'и, д'ивш'а́та, ш'а́ју, уш'óтш'ик, хóш'ит'а, ш'иүунóч'ка, уш'а́стък, ш'ужа́ја, руш'éј, па́л'ш'икъм, н'иш'ивó, дош', п'еш', уну́ш'ка, пш'óлы, ш'éпш'ик, жымш'үүóм* и много других примеров с *ш'*; *ч'ирпа́к, въръст'нич'óк, снач'а́ла, ч'ирн'и́л, р'éч'к'и, ноч'* и другие примеры с *ч'*; *сапа́м'и, сапы́, сап'и́нк'и, сéпъм, съм'интóвънъј, на у́л'исы, л'уб'и́т'ил'н'иса, л'ис'и́су, пт'и́са, јајсó, кан'éс, на ма́рл'ису, пшан'и́са, авса́, вý л'иса, мълад'éс, н'éмсы, н'éмсъв, сéпъм, ат'éс, па́л'ес, јајсó, пал'и́са, пал'и́сы, кýр'иса, у бал'н'ису, пшан'и́су, м'éл'н'иса, л'ис'и́са, л'ис'и́сы, пт'и́сы, ахв'исéр, карсы́* (им. п. мн. ч. от «корец») и много других примеров с *с* твердым; *рукави́цы, хл'éбн'ица, кар'éц, карцóм, процéнтъв, у цыба́рку* и другие примеры с *ц* твердым; Ленинский р-н, с. Лобазовка: *луш'óк, п'э́ш'ка, мал'ш'и́шка, иш'м'éн', үър'аш'иха*, (гречиха), *ш'алó, ш'ас, вуш'óнъј, үар'иш'ó, н'иш'ивó, каш'э́л'и, ју́пъш'ка, р'э́ш'ка, дóш'ка, д'éвъш'ка, уну́ш'ка, ру́ш'ка, ану́ш'ка, пл'аш'ó, ла́тъш'ка, мал'ш'и́шка; кýр'иса, јисó, паүр'э́б'иса, у́л'иса, жур'э́б'иса, кансы́, па́л'ас, т'э́ст'иса* (тéстице от «тесто»), *л'ис'и́са, м'э́с'ас, зајас*; Льговский р-н, с. Марицы: *Д'ирка́ш'* (Деркач), *б'ис п'éш'к'и, зл'и п'éш'к'и, т'иш'óт', н'иш'ьвó, пам́óш', ш'иты́р'и, т'ил'óнъш'ик, зда́ш'и, нъч'ина́л'и, б'ич', къч'ир'үа́, ч'а́п'ъл'н'ик, д'éвъч'ка, мълъч'ка́*, и другие примеры с *ч'*; *сарь, сэлый, сем'ънтъм, пшан'и́са, ат'éс, н'éмсы, пт'и́сы, кан'éс, ф с'éнсах, у бал'н'и́сы, н'éм'ис, са́л'съм, на м'éл'н'исы, кýр'ица, зацéп'ут', пълат'éнц*[а]*, ц*[е]*éрква, у Мар'и́цы, укръвáйутцъ, на м'éл'н'ицы, на м'éл'н'ицу, ръшиъва́йутца*; Мантуровский р-н, с. Борзёнково: *р'éш'ка, на ш'а́йн'ик кусóш'ик, н'éш'им, йа́шыш'ик, н'иш'ивó, нъ м'ашóш'к'и, паст'и́лаш'к'и, аббраш'к'и, паш'и́ст'им, ка́ш'к'и, с пъмаш'а́м'и, д'éвъч'ка; сэ́лый, сеп, сапóк* (уменьш. от «цеп»), *сепа́м'и, сап'и́нка, сар', сар'и́са, у́л'иса, кýр'иса, авса́, яйсó, у́л'ису, консы́, от'éс, п'а́тн'иса, йайц*[е]*ó, у кансы́, кансóу, калхóзн'иса, у́л'ица, яйцó, кýр'ица;* там же, с. Кривая: *щáста, щай, щ'и́ста, палущи́л, щу́да, малщу́, щугу́н, пятащóк, щаво таб'é, нощь, дощь, дощка, бóщка, слу́ш'ий, н'иш'ивó, ул'и́ш'ка, н'и шóш'ин', ш'исла́, мóш'ут', у п'éш'ку, ис пóлаш'к'и, прóш'ныйи, суш'и́л'и рука́м'и, снаш'а́ла, в'ид'óраш'ку, ш'алнóк, пъш'ита́й; сэ́лый, сыба́рка, суканы́, с*[ы]*éўка, у́л'иса, кýр'иса, яйсó, кансы́, кансóм, ат'éс, кан'éс, авса́, ат'éц*[с]*, кр'éсн'иса, калхóзн'иса, нъ кат'и́ц*[а]*, у йун'и м'éс'ицы, палат'éнцам, б'из атца́, цéўка*; там же, с. Верхосеймье: *ш'а́ста, ш'и́ста, ш'ас, пляш'ó, бóш'ка, малш'у́; у́д'иса, кýр'иса, авса́, яйсó, сэ́лай, ат'éс*; Поныровский р-н, с. Степь: *ш'а́ста, ш'и́ста, ш'угу́н, пл'иш'ó, вóш'ин'* (очень), *ш'ас; вý л'иса, исó, ат'э́с, сэ́лай д'эн', кан'э́с*; Прохоровский р-н.

дер. Карташовка: ш'илав' éк, ш'аты́р'и, н'иш'ивó, ш'и́ста, клюш', р'идóш'кам'и, криш'áли, клюш'овая, апалш'éнсы, н'иш'иγó, ш'у́итя, ш'ужóја, ш'óрнаја, наш'н'é (3 л. ед. ч.), р'éш'к'я, наш'áл'и, наш'áл'н'ик, ш'аты́р'иста, ш'исавóй, ш'асóв, скáш'им; сéрква, при сари́змя, у сáрскам, ку́риса, агурсы́, пти́су, нéмсы, мéсясу, ахвисэ́ра, дварéс, сóнса, страни́сы, авсá, яйсó, ву́л'иса, апалш'éнсы, рáзн'иса, м'éс'асу, вуш'и́т'ил'н'иса, атсап'и́с'а, γран'и́су, двар'éс, сóнса; там же, дер. Скоровка: стр'иγáш'ш', дош'ш', ту́ш'и, пш'ш'илá, ш'ш'итв'óртъм, у́ш'ч'ътца, квóш'ч'ка, раγáш'ч', ш'ч'ердáк, каш'ч'ер'óшка, палу́ш'ч'ит, уш'ч'ен'и́са, ав'éш'ч'к'и, н'иш'ó, тóш'ч'нъ, дóш'ч'ка, ш'ч'услá, заш'ч'éм, пъш'ч'иму́, с'иш'ч'áс, ш'ч'áстъ, фч'óрá, уч'у́, ч'ирн'áвъја, у нóч'ках, доч', ч'аты́р'и и другие примеры с ч'; сéнтр, в сáрску (в царскую), сáрствъвал, сапáм'и, кал'сó, пшан'и́су, пáл'ис, ч'ир'ип'и́съју, јáш'ш'ир'иса, хр'естсы́, укрáјин'ис, м'éс'ьс, л'ис'и́са, уш'ч'ен'и́сы, н'éм'ис, кабыл'и́са, атсы́, пт'ис, аγурсы́, жыр'иб'éс, шкóл'н'иса, байсы́, м'ил'исан'éр, пт'и́са, танцу́јут', цепáм'и, у́л'ица, кал'цó, мълад'éц и двугие примеры с ц твердым; Свободинский р-н, дер. Гремячий Колодезь: дош', спат' хóш'им, ш'иму́, с пл'еш' ды у́ п'еш', хóш'а, уш'óра, д'éвъш'ка, тълкаш'и́, уну́ш'ка, ш'áпл'а, б'иш'óу́ка, плáш'ит, н'и нъч'ивáл, йа н'и прóч''', н'ич'ивó, б'из к'ирп'ич'á, п'еч', ст'ир'éч', б'ир'éч'; сап'и́нка (цепинка — часть цепа), сéлый γот, пшан'и́са, пт'и́са, на рубсáх, мáсл'иса, кар'éс, куз'н'ес, вад'и́сы, кал'цó, аγурцы́, син'цá; там же, дер. Кононыхино: уш'ирá, мнóγа мъскв'иш'éй, кóхтъш'к'и, мóш'ут', бóш'ку, óш'ин' бал'шóй, ш'аты́р'иста, мълъш'кá, óш'ир'ат (очередь), инáш'а, аш'ишáт', п'ат' пáш'ак, пълуш'áт', уш'ин'икóм, γаγóч'ит; два сéнт'ира за с'éлыи су́тк'и, с'éрквы, пъшан'и́сы, пáл'ас, купсóу́, у кансы́, ат'éс, рáз'н'иса, п'áтн'иса, аднадвóрсы, Сóнсау́, у бал'н'и́цы, аγурцы́; Советский р-н, с. Нижнее Гурово: уш'ш'и́лс'и, уш'ш'и́л, у́ш'ш'ит'ил'éј пъш'ш'аму́, ш'ш'éтв'ирт', раш'ш'и́с'т'ут, в'éш'ш'ирьм, нъмаш'ш'илыс', наш'ш'áлс'и, н'иш'ш'авó, ш'ш'итв'ирт'á, н'и ш'ш'артá, н'иш'ш'авó (2 раза), ш'ш'ирт'óш, ш'ш'иш'ш'áс, уш'ш'и́т'ил'н'ица, малш'ш'и́, ш'ш'óрныја, кр'уч'óк, ноч', врач', кáч'ка, ч'áпл'а и другие примеры с ч; сылавáтца, сылавáт', пр'исóпл'инъ (прицеплено), н'и санá, суканы́, сапл'áлс'а, сапл'áл'ис'а, сап'и́нка, сапóм, ап'ирáсыју, сп'исáл'нъ, бал'н'и́съ, сп'и́сым'и, сыпл'áты, с'éн'т'ир, у с'éркву, с'éл'ныју, к с'éркв'и, с'éлыј, пал'и́съ, р'ивал'у́сыји, јајса, ку́р'иса, авсу́, пáл'сы, у́л'ису, кал'сó, л'исó ат'éс, пáл'ис, м'éс'ис, пъшан'и́су, нъ п'атнáсът', аγурсы́, аднадвóрсы, на пáл'съх, на стáнсыји, пáл'цыф, пт'и́ца, цéл'ныју, кузн'éц и другие примеры с ц твердым; там же, с. Кшень: с ш'ш'итв'ирт'и́ны, пъш'ш'аму́, пълуш'ш'áл, ш'ш'услá, уш'ш'и́т'ил'н'ица, ш'ш'и́ставъ, ру́ш'къј, нóш'ш'ју, ш'ш'илав'éк, ш'ш'ист'éј, н'иш'ш'авó, ты́с'иш'ш'и, ану́ш'и, ш'ирдáк, кр'уш'óк, пáлъш'к'и, луш'кóм, дóш'къ, пш'óл, в'иш'ар'и́нк'и, ш'áстъ, ш'илав'éк, ш'аты́р'и, ш'ác'т'ју, уш'и́тцъ, уш'ин'и́су, у́ш'ут, ш'итáт', н'иш'авó, ч'у́ју, доч', дурач'к'и, к'ирп'и́ч'икъ, с'ич'áс, луч'óк; суканы́, р'ивал'у́сыја, сп'исал'и́стъ, санá, н'éмсы, ад'д'ил'éн'јисы, мáт'исы (матицы), сáп'инъ, м'ил'и́сыји, н'éм'ис, ав'éс, пал'и́са, кал'сó, сп'исáл'нъ, пъшан'и́сы пáл'съф, сы́нкъвыји, пъсапл'áјит', соп (цеп), ат'éц, крыл'цó, р'ивал'у́цыји, кр'исцá (крестца), танцу́јут и другие примеры с ц твердым; там же, с. Переволочное: ш'ш'у́ствују, н'иш'ш'авó, ш'ш'алнóк, нош'ш', ш'ш'ир'апóч'към, ч'улóш'ш'к'и, уш'ш'áстък, н'éш'ш'им, уш'ш'и́т'ил'н'ица, ш'ш'áстъ, мáл'ш'ш'ык, к'ирп'ич'á, ч'ирпакóм, нач'у́јим, п'éч'ку, уч'éн'ја, на пч'óл и другие примеры с ч'; с'éркъф', суканы́, с пáл'сым'и, кал'сó, пáл'исъф, на м'éл'н'ису, м'éл'н'исы, пáл'сым'и, пáл'съм (2 раза), пáл'сы, пал'и́са, м'éл'н'иса, јáјсы, ав'éс, сéркау́, н'éм'ис, јајсó, бл'и́нцы, хр'ист'éц, цéнт'ир, м'éл'н'ица, кал'цó, л'в'и́це и другие примеры с ц твердым; Старо-

оскольский р-н, с. Каплино: пъш'аму́, ш'итыр'и γо́дъ, дв'е д'е́въш'к'и, ру́ш'към'и, ру́ш'к'и, п'е́ш'ка, р'е́ш'ка, ш'ерт'а́к, н'ъч'иво, ў ку́ч'у, јич'м'е́н', ч'у́ју, γо́лъч'къ (иголочка), ч'ай, вну́ч'ка; кал'со́, аγур'е́с, аγурсы́, сеп, пъшан'и́са, пал'и́са, пал'и́ца (часть сохи), пшан'и́цу, купца́; Суджанский р-н, дер. Плёхово: ш'а́стъ, пъзъкр'иш'а́л'и, ш'ай, паўш'и́лъ, γар'а́ш'ии, ў ш'уγуннай, н'е́ш'ъм, ў су́мъш'ку, ў каша́лъш'ку, тш'аγо́ нъ^{т}ш'ува́т', ч'аγо́, ўч'ъра́с', ч'ър'апо́к; ву́л'иса, кан'е́с, к се́рк'ши, рукав'и́сы, па́л'ьс, ку́р'исъ, цеп, ву́л'ицъ, астава́цьтцъ, астава́цьцъ; Тимский р-н, с. Забелье: хо́ш'ит'а, н'иш'аво́, стака́н'ш'ик, заш'е́м, γраш'и́, п'иш'а́тным'и, дош', пъш'аму́, ш'а́ста, мужыш'коў, ру́ш'ка, ш'о́ртъш'к'и, ш'о́рных, ш'у́тъш'ку, ш'асту́шк'и, кн'и́жыш'к'и, кр'иш'а́л'и, ш'ирн'а́въја, ш'и́ста, уш'и́тца, пъуш'а́стъвъл'и, γар'а́ш'ива, р'иб'о́нъш'ик, ма́л'ш'ик' п'иш'а́т', мълато́ш'ик, н'иш'аво́, слав'е́ш'к'и; сыγа́н, јаји́с, у бал'н'и́су, супсу́, сам'е́с, ат'е́с, из-за сыпл'а́тък, л'исо́, с'е́рсъ, с'инса́, с атсо́м, бра́т'ис, пл'им'а́н'н'иса, суканы́, р'из'е́с (резец), с се́л'ју, тансу́јут, ра́зн'иса, пла́т'јису, атл'и́шн'исеј, у з'е́ркал'су, ра́зн'ису, у бал'н'и́сы, пъсалу́јус'а, н'и усо́п'ис'с'и (не уцепишься), и другие примеры с с твердым; нъ канце́, це́лъ, у с'инца́х, кал'цо́, ат цыл'ины́ и другие примеры с ц твердым; там же, с. Погожее: мълаш'ка́, п'е́ш'ку, пъш'аму́, паду́ш'еш'ку, даш'ир'е́, јашм'е́н', н'иш'аво́, д'пу́ш'о́нкъ, па́лъш'к'и, ш'о́рнаја, ш'еты́р'и, суш'и́т', ш'аты́р'и, хаш'у́, ш'ита́ла, м'а́ш'ик, ш'и́ст'ат, с'аты́р'и, пълуч'а́јут', в'е́ч'ир, γадо́ч'ка, ч'ич'о́тку, кл'уч'у́, п'еч' и другие примеры с ч'; сар'и́змы, сапа́м'и, ме́л'н'иса, аγурсы́ (2 раза), про́сенты, с у́л'исы, н'е́мсы, н'ем'ис, рукав'и́сы, п'итна́сът', о́всы, у кансу́, атса́, л'ис'и́са, пл'им'е́н'н'иса, ста́нцыји, м'е́с'иц, с'е́рцу, авца́ и другие примеры с ц твердым.

Орловская область. Верховский р-н, дер. Карповка: ш'аты́р'и, наш'а́л'и, у ш'ужо́м, нъш'ила́с'а, н'иш'аво́, уш'и́тил'а, ко́н'ш'ут', уш'и́т', уш'и́т'ил'н'иса, хо́ш'иш; сапам'и, сап'и́нка, сэ́лай, на збо́рсах, н'э́м͵ас, ку́р'иса, ат'э́ц, γо́рн'ица, пал'и́ца; там же, с. Скородное: ш'асы́, н'иш'аво́, заш'н'е́т', ш'илав'е́к, ш'ас, ш'айк'у́, уш'ара́, д'ивш'а́та, пл'аш'о́, ш'уγу́н, пъш'аму́, с уш'о́ту; уш'и́т'ел'н'исы, авса́, ат'е́с, у́л'иса, на у́л'ису, ку́р'иса, н'е́м'ис, јајсо́, р'исе́п (рецепт), красав'иса; Глазуновский р-н, с. Верхнее Тагино: ш'а́шку, уш'и́л'ис', нъскаш'и́л, ш'ужы́м, клаш'о́к, к ш'аму́й-та, н'иш'аво́, но́н'ш'а, разо́ш'ик, дош', та́ш'ка, ха́тъш'ка, мълаш'ка; «на месте согласного ц произносится чаще всего звук с, реже ц»: сеп, сап'и́нка, се́лъй, бал'н'и́са, у́л'иса, л'исо́, у бал'н'и́су, у кансу́, пашын'и́су, кап'ира́сыја, зайсъф, сам'е́с, ат'е́с, м'е́с'ас, канцы́, с'е́рце, це́лъй; там же, дер. Захаровка: «На месте ч произносится согласный ш'»: у до́ш'ир'и, п'еш', стаја́ш'ија вада́, у р'е́ш'ку, заш'е́м, ко́хтыш'ка, н'иш'аво́, наш'и́сл'ил'и, вад'и́ш'ку, ш'иво́ш, наш'а́т', ко́н'ш'ил'и, уш'и́т'ил'н'иса, мал'ш'и́шка, враш'и́, ш'илав'е́к, п'е́ш'ка, наш'а́л'н'ик, ш'исла́, ту́ш'а, кусо́ш'к'и, у сара́йш'ик, у ку́ш'ку, аγу́рш'ика, по́рш'инах, кр'уш'о́ш'ик; «На месте ц произносится согласный с: у с'е́нсы, сыпл'а́тъш'к'и, аγурсо́в, б'ис па́л'сав, за́йсов ат'е́с, аднадво́рсы, авса́, ав'е́с, на се́ркв'и, куз'н'аса́м'и, се́лай, м'е́л'н'исы, ма́с'л'иса, н'е́мсы, рупсы́, хр'ис'т'е́с, кар'е́с, у́л'исы, н'е́мсав, ку́р'иса, ийсо́, рад'и́мса, уш'и́т'ил'н'иса, хв'иршал'и́са; Должанский р-н дер. Дубровка: вы́уш'ила, к'ирп'и́ш'икам'и, н'иш'аво́, на п'е́ш'к'и, на р'е́ш'к'и, до́ш'к'и, ав'е́ш'к'и͵ н'иуш'о́ныји͵ нош'͵ слуш'и́лас'͵ д'е́в'ит͞' ја, с'в'арш'к'и́, с'в'ирт͞'о́к, до́чк'и, малачк'а́, напалав'и́нъчку, п'ир'иво́тч'ик, ач'ит͞а́ју, ч'итыр'о́х, н'ич'аво́, шку́рач'к'у, јач'м'ан'к'у́ и другие примеры с ч'; с'в'е́там, у с'е́ркву, с'ел'ико́м, с'ентр, с'е́н'ас, сп'исал'и́ска (специалистка), пал'и́са, кл'а́͞сы (клясться), ав'е́с, ат'е́с, с'е́рса, у јал'су́ (в Ельце), па у́л'исам, пт'и́са, нъ у́л'исы, тансу́ит', јайсо, пшан'и́цу, аγурцы́, ав'е́ц, γато́в'ица,

у јал'цу́ и другие примеры с *ц*; там же, с. Кривцова Плота: *зада́ш'а, н'е́ш'ива, бо́ш'ку, о́ш'ин', л'аво́ныш'* (Леонович), *л'аш'и́тса, ка́рташ'к'и, γадо́ш'ку, н'иш'аво́, на́ш'ал, два ш'иса́, эаш'э́м кр'иш'и́т', ш'эм, јаи́ш'ка, палу́ш'ку, та́пъш'ик, вад'и́ш'к'и, д'э́ваш'ка, кънахв'э́тыш'к'и, о́ш'ир'ат', но́ш'ју, парс'о́ныш'ка, паш'ин'и́т', ш'и́с'т'ин'ка, уш'от, уш'а́ск'и, рабо́ш'ии, уш'а́с'н'икам, но́н'ш'а, М'иш'у́р'ин, у ку́ш'к'и, у́ш'имс'и, палуш'и́т', п'э́ш'к'и, ш'иса́, Ш'апа́јива, ч'иты́р'и, лу́ч'ч'и, ч'ич'а́с, н'и раэач'т'э́мс'и, ма́л'ч'ик, унуч'о́нăк* и другие примеры с *ч'*; *к сэ́рκв'и, сэла́, сапл'а́јэтца, салу́јэ, с'э́рса, къп'ира́сăи, пт'и́съју, бал'н'и́са, ку́р'ису, ја́јсы, н'э́мсы, абл'иγа́сыи, за ахв'исэ́ра, ста́нсыја, стаха́нав'эс, кан'э́с, за́јас, м'э́с'ас, аγурсы́, јаи́шн'иса, пал'и́саја, аγурцо́ф, с'эрцам, у јал'цэ́, самал'уб'и́мцы*;势 Дросковский р-н, дер. Орловка: *палуш'и́т', у о́ш'ир'ад'и, ш'а́ста, ш'у́тыш'к'и, ш'и́ста, уш'ира́с'а, пла́ш'а, н'иш'аво́, к ш'ътьр'о́м, палуш'и́ла, ш'у́да, ш'уγу́н, пл'аш'о́, п'иташ'о́к, нош', до́ш'ка; бо́ш'ка, ш'ужо́i̯, эада́ш'и*; *у́л'иса, ку́р'иса, авса́, јаi̯со́, м'э́с'ас, кан'э́с, аγур'э́с, ат'э́с, кансо́м, удав'э́с, с'э́лаi̯, пал'и́ца*; «только в этом слове произносят все звук *ц*»; Залегощенский р-н, с. Нижнее Скворчее: *н'и хо́ш'ит', н'иш'аво́, н'э́ш'им, уш'и́тца, ш'иlав'э́к, в'э́ш'ирам, д'э́выш'ка, скам'э́иш'к'у, наш'а́л'и, ш'аса́ два́, уш'и́т'ил', ва́л'инъш'к'и, пъдуш'о́ра, д'ивш'а́т, быш'к'и́, с'ирас тр'и дн'а, ко́хтъч'к'и, ч'э́ч'в'ира, ч'ас, ч'ут'*; *п'а́т'н'иса, н'э́мсы, γо́рн'иса, вад'и́сы, с крыл'со́м, кан'э́с, на эбо́рсах, н'э́м'ас, сап'и́нка* (часть цепа), *авса́м'и, аднадво́рсы, к сэ́р'к'в'и, сэ́лай, на ста́нсыју, ат'э́с, у кан'э́с, γо́рн'иса*; Знаменский р-н, дер. Рагозина: *уш'ора́с', к ш'ему́, до́ш'ер'у, зна́ш'ит', стър'иш'о́к, н'и уч'и́ла, р'е́ч'ка, дъч'ер'е́й, н'и́тъч'ку, у п'е́ч'ку* и другие примеры с *ч'*; *сана́, сано́ј, сыпл'а́ты, л'ис, апалч'е́н'ес, на у́л'исы, м'е́с'ицаў, за́јцаў, муч'и́цы* и другие примеры с *ц* твердым; Колпнянский р-н, дер. Лески: «На месте *ч* произносится звук, близкий к *щ*»: *ща́ста, щи́ста, палущи́л, щу́да*; «на месте *ц* произносится звук *с*»: *у́л'иса, ку́р'иса, јайсо́, канса́*; там же, дер. Лесовка: *ш'ш'а́стъ, ш'ш'и́стъ, ш'ш'ай, ш'ш'уγу́н, малш'ш'у́, пълуш'ш'и́л, пл'аш'ш'о́, п'ьташ'ш'о́к, нош'ш', бо́ш'ка, до́ш'ка*; *у́л'ъса, ку́р'ъса, авса́, јайсо́, у́льсу, сэ́лъй, кансы́, кансо́м, ат'э́с, канса́м'и*; там же, с. Рождественское: *щ'а́стъ, щ'ай, щ'и́стъ, пълущ'и́л, малщ'у́, щ'уγу́н, п'ътащ'о́к, нощ', дощ', бо́щ'къ*; *у́л'исъ, ку́рьсъ, авса́, јайсо́, у́льсу, сэ́лъй, кансы́, кансо́м, ат'э́с, кан'э́с*; Корсаковский р-н, дер. Александро-Гнидовка: *на да́ш'и, пр'икл'уш'ил'и, ш'а́шка, ш'ас, пла́ш'а, тру́быш'ку, н'и прахарш'и́с'с'и, н'иш'аво́, у ш'а́ст'т'а* (в части), *нош', т'иш'о́т', н'а мо́ш'а, ш'ай, п'э́ш'к'и*; *мэ́с'ас, сал'ико́м, сэп, сап'и́нка, јайсо́, кар'э́йсы, к'ита́јсы, аγурса́м, на у́л'исы, с'и́т'ас, с'ан'са́*; Ливенский р-н, дер. Гранкино: *ш'а́стыја, ш'ају, ш'и́ста, уш'ира́с, уш'ит'ил'е́й, у ш'уγу́нк'и, н'и хаш'у́, н'иш'аво́, н'и́тъш'к'и, п'е́ш'ку, кр'уш'к'и́*; *сапа́м'и, м'е́с'ас, сала́* (цела), *сана́, о́всу, се́лай γот, аγурсы́, к у́л'исы, у бал'н'и́сы, хр'ист'е́с, ат'е́с*; там же, дер. Малахово: *ш'аты́р'и, д'ивш'о́нк'и, уш'и́тца, м'ишо́ш'ка, γар'а́ш'ија, у ш'ит'в'е́рх, пахл'о́быш'к'и, клаш'о́к, пла́ш'а, ру́ш'ка, н'и хаш'у́, дош', даш'е́р'ја, н'иш'иво́, но́нч'е, пч'о́лы, н'а лу́ч'ч'и*; *о́всы, на γран'и́сы, кап'ира́сыја, сала́, аγурсо́в* (2 раза), *с'е́нсы, бра́т'ас, сапа́м'и, ахв'ице́р, байцы́, жан'и́тца, у́ш'итца, на шышна́дшыт', пр'ицап'и́лас', атцап'и́лас', дватцат'и́, н'е́мцав, Аб'ерцы* (назв. села); Никольский р-н, дер. Екатериновка: *р'е́ш'к'и, во́тыш'к'и, буγајо́ш'ик, уш'а́стък, луш', стака́н'ш'ик, ина́ш'и, нъш'ава́т', пъ пр'ивы́ш'к'и, ру́ш'ка, кл'уш'и́, дъш'ир'е́ј, на п'е́ш'ку, мо́ш'ут', уш'и́лъс', пъш'аму́, ав'е́ш'к'и, мълаш'ка́, ко́зъш'к'и, стър'иш'к'и́, ш'уда́ш'ка, махо́тъш'ка, быш'к'и́, јаји́ш'ка, ш'а́шк'и, ш'ер'о́ма* (черемуха), *ш'а́ст'и, ш'е́тв'ира, ма́л'ш'ик, харш'и́, н'иш'аво́, пълуш'а́т' уш'ара́с', ръγаш'и́,*

нóш'и, ш'астýш'к'и, ван'ýш'а, снаш'áла, аш'к'ú, уш'óныји, узд'éш'ка, тýш'и, каш'éл'и, пáл'ш'икав, унýш'ка, у л'асóш'ку, к в'éш'иру, уш'ит'ал'á, д'ивш'áты, у р'éч'ку, тóрбъч'ка, врач'éј, ноч', д'ивч'áт, вч'арáс' и другие примеры с *ч'*; *пáл'ис, бáр'ес, сóнса, с аүурсóв, пал'úсы, сапл'áт, сапáм'и, сап'úнка, ав'éс, л'ис'úса, óвсы, на м'éл'н'ису, п'атл'úса, јајúс, ат'éс, үал'úсын, аүурсы́, н'éм'ас, кузн'éс, авсá, кýр'иса, с м'éс'ас, аүур'éс, тансýјт'а, ýл'иса, р'ивал'ýсыи, пл'им'éн'иса, абл'иүасыи, вад'úсы, пшын'úцы, л'ид'инцы́, м'éс'ица, на канцé, сп'ицал'úсту, цыпл'áты* и другие примеры с *ц*; там же, с. Троицкое: *уш'ýс'а, п'éш'к'и, кáш'ка, на уш'óб'и, уш'от, з д'éвъш'къј, к уш'úт'ил'н'исы, ш'илав'éка, кр'уш'óк, ш'éтв'ира, дош', ш'асóф, ш'áјн'ик, луш'ký, пр'ивы́ш'ка, кл'уш', нóш'ју, д'ефш'áтъм'и, заш'éм, пъш'амý, ш'улáн, атв'еш'áј, нъш'илá, пълуш'áја, ш'éтв'ъръ, ш'ýн'и, ш'илав'éш'иству, кóш'ат* (кочет), *ш'áста, нъуш'áл'и'с', тýш'а, дóч'ир'и, ч'аты́р'и, нъч'авáла, ч'авó, ноч'* и другие примеры с *ч'*; *ýл'ису, јáјсы, у сéркву, к уш'úт'ил'н'исы, сыпл'áта, м'éс'исъф, тансавáт', хлóпсы, рáзн'иса, пшан'úса, всап'úлс'и, сáпл'а, кýр'иса, кузн'асы́, пáл'сам'и, мълад'éс, с'éнсы, пáл'сы, калхóз'н'иса, сапы́, саркóвнују, с'амнáцът', с'éнцы, кваснúцы, им'éјутца, пшан'úцу, аүур'éц,* и другие примеры с *ц*; Новосильский р-н, дер. Мужиково: *ш'айк'ý, паш'имý, ш'илав'э́к, пъ ш'аты́р'и, уш'úт'ил'н'иса, дал'э́ш'а, ш'úстыја, ускаш'úла, ш'ас'т'á* (части), *уш'úла, малаш'к'ó, ч'аты́р'и, к ч'амý, да р'э́ч'к'и; у сэ́л'и, пасалýис'с'и, сыпл'áта, пт'úса, пъшан'úса, прасэ́нты, абл'иүáсыји, аүурсы́, кап'ирáсыја, с'ансá, уш'úт'ил'н'исы, у бал'н'úсы, у н'э́мса, у сэ́ркв'а, с'э́нсы, н'э́мсы, м'э́л'н'иса, ýл'исы, пýүв'исы*; Русско-Бродский р-н, с. Теляжье: *ш'ужы́м, аш'э́ј, үр'иб'ашóш'ик, нóн'ш'и, у п'э́ш'к'и, уш'óныји, ш'авó, пъвараш'ý, туш'á, уш'úл'и, óш'ьн', үраш'ú, ýш'ьтца, атл'úч'к'и, ч'илав'э́к, малч'áт', нач'áл'н'ька, ч'ир'из ч'ас* и другие примеры с *ч'*; *сэ́ндра* (центр), *сыпл'áтъ, суканы́, сар', купсы́, малад'э́с, јáјсы, ýл'ица, аднадвóрцы, с'э́рца, кан'э́ц, у хр'асцý, сыкупáцыи* (из оккупации), *пл'им'ен'н'ица*; Сосковский р-н, с. Мыцкое: *ч'ш'аты́р'и, дóш'ка, ш'úстаја, н'éш'им, ш'úс'тут', ш'ай, ш'áста, д'éваш'к'и, вýш'итца, у дóш'к'и, дóч'ки, унýч'к'и, уч'óба, ч'ай, с п'éч'к'и, пълуч'áла* и другие примеры с *ч'*; *сéрква, сыбáраш'ка* (цыбарочка, ведро), *на вýл'ису, лапшы́съ, ат'éс, с м'éс'ис, с'ит'ьс, бал'н'úсы, у н'éмса, уч'úса* (учиться), *ýл'ица, кýр'ица, авцá, кузн'éц, пáшанцá, ăүурцóв* и другие примеры с *ц* твердым; там же, с. Прилепы: *н'иш'авó, дóш'ка, каш'áјут', сынóш'ик, ш'áстă, үалýпш'ик'и, д'э́ваш'к'и, душóнаш'к'и, дóш'иш'ка, дýшыш'ка, ш'умá, ш'úст'ит', фурáжыш'ку, нош', п'еш', н'éш'им, ны́н'ш'и, кан'ш'áтца, пъталóш'ик, ш'исло́, ш'áст'и, плáш'у, хóш'ит', кýш'к'и, ш'óрнъйа, пáл'ш'ик, бы́лъш'к'и, ш'ит'в'óра, клубóш'к'и, н'ич'авó, д'э́тыч'к'и, ч'ужóй; м'э́с'ис, н'э́м'ис, пр'и н'э́мсах, ат'э́с, пъшан'úса, сэ́ркву, јајúс, ав'éс, с'úт'ис, па пáл'су, пáл'ис, агур'éс, дъбравóл'ис, сóл'сы, м'éл'н'исý, танцавáн'ја, цанá, с'анца, за атцá, цан'э́, јајúц.*

Подчеркивая еще раз весьма определенную территориальную локализацию говоров, в которых сочетаются результаты изменений *ч'* > *ш'* и *ц* > *с* (центральные и восточные районы Курской и Орловской областей, т. е. юго-восток изучаемой территории), укажем, что за пределами этой юго-восточной части говоры, представляющие утрату затвора обеими аффрикатами, редки.

Брянская область. Дятьковский район, с. Слободúще: *раскр'иш'áл'ис, кр'иш'áл, н'иш'авó, на п'éш'и, сарáјш'ик, пълуш'úла, л'éш'утца, нá нъш', лóжыш'ку, на п'éш'ки, хáтъш'ку, п'éт'иш'ка и* другие примеры с *ш'*; *нóч'ч'у, пл'ач'ó, стър'ич'к'ú; в нáшым сáрсв'и, м'éс'ис, н'éм'ис, н'éмса, тр'и м'éс'ис'а, ад'úнъсат', кар'éс, у с'им'éнтным,*

γбал'н'и́цы, крыл'цо́, п'а́тн'ица, пр'ице́пшыкъм, с'инца́, пъшан'и́цу и другие примеры с *ц*.

Ивановская область. Ильинский р-н, дер. Хлебницы: *бл'у́д'еш'ка, пъш'аму́, граш', н'иш'ьво́, то́ш'но, ш̄'энъш'к'и* (щеночки), *пъкаш'а́й, н'иш'ово́, ш'еты́р'ъ, ш'ужо́й, пош'о́м, д'ефш'о́нк'и, нат п'е́ш'jу, ш'ас, уч*$^{ш'}$*а́ск'и, ноч*$^{ш'}$*, нав'ерч*$^{ш'}$*ены, полу́ч*$^{ш'}$*ай, ч*$^{ш'}$*ерте́ц* (часть плуга), *ру́ч*$^{ш'}$*ки, ч*$^{ш'}$*а́сто, оку́ч*$^{ш'}$*ит', гр'е́ч*$^{ш'}$*а, jач*$^{ш'}$*ме́н', ч*$^{ш'}$*аj пит', ч*$^{ш'}$*о́рнай, ч*$^{ш'}$*о́рны, кач*$^{ш'}$*е́ли, ш̄'олч*$^{ш'}$*о́к, ч*$^{ш'}$*эм, то́ч*^{ш}*нъ, зна́ч*$^{ш'}$*ит, пл'е́ч*$^{ш'}$*и, ч*$^{ш'}$*ово́*, примеры с *ч'*; *хле́бниц*^{с}*ы, ц*^{с}*э́рквы, у ку́рис, отес, па́лес, сэ́ркаф', нъсара́пала, усара́пнул*, примеры с *ц*.

Калужская область. Мещовский р-н, дер. Мармыжи: $^{ч'}$*ш'и́стъjъ, у*$^{ч'}$*ш'уγу́н,* $^{ч'}$*ш'ьтыр'о́х, ш'ай, у́ш'итцъ, jа́блъш'к'и, γар'а́ш'им'и, ш'ийку́, пълуш'а́й, γаγо́ш'ит, кр'иш'и́т', мыш'и́т', цыпл'а́тъш'к'и, т'ип'е́р'иш'а, ў п'е́ш'к'ъ, б'ир'ез'н'иш'о́к, ш'о́рнъй, ш'а́стъй, кума́ш', п'еш', н'е́мъш'к'и, н'иш'ишо́, аγу́рш'икъ, да́ш'а дош', тарш'а́л'и, саро́ш'къ, к'и́ш'къ, нош', изво́зн'иш'ъл, зна́ш'ит', бо́ш'къ, пълуш'и́л, туш'а́, кирпиш'о́м, б'ир'е́ш', уз'де́ш'къ, зна́ч'ит', аγурч'ькъ, ч'е́р'ъс; м'е́с'ис, пъшын'и́сы, з'имл'апа́шъс, сыпо́ш'ки* (цепочки), *ат'е́с, къбыл'и́с, цыпл'а́тъш'к'и, атца́, цв'е́ту, аше́ц, цыпа́м'и, цыпы́, с атцо́м, пъшън'и́цу.*

Московская область. Щелковский р-н, с. Петровское: «На месте орфографического *ч* произносится звук *ш'* (т. е. мягкий звук *ш*, но не долгий), поэтому жителей с. Петровского называют даже *п'итро́фс'т'ийь ш'игунт'и*, да и сами жители села рассказывают, что у них все на *щи* (*ш'и*) говорят»: *ш'иво́ т'иб'е, уш'и́т'ьл'ьм, зъм'иш'а́т'ъл'най, о́ш'ьн', jиш'м'ин'а́, тыш'и́н'н'ик, гр'и́ш'у* (гречу), *ш'ър'ьс до́м* (через дом), *пъш'ина́т', нъп'иш'о́м, сп'и́ш'ьк, ф тр'и ш'аса́, та́мъш'къ*^{а}; «На месте *ц* произносится как правило звук *с* (однако иногда произносят и *ц* или звук, средний между *ц* и *с* — *цс*)»: *у́л'ису, с'э́лый, консы́, от'э́с, кон'э́с, у́л'исъ*^{а}*, ку́р'исъ*^{а}*, офса́* (овца), *jайсо́, за сэ́ну, м'э́л'н'ису*.

Рязанская область. Горловский р-н, с. Хворощёвка: *м'е́лац', д'ит'о́нъц'кя, де́във'ки, нац'ч'нут, пе́ч'шки, ч'ша́пля, сыноч*^{ш}*ки, дош', ш'уг'унк'а́ми, ш'айкю́, аб'исп'е́ш'ит', де́въг'кя, ч'а́шку, ч'а́шъц'кю;* относительно *ц* указано: «как в литературном языке, но у одного объекта — *ат'е́ц'-та, с'вяты́, афса́, я́йс, квита́нсия, ака́сия, аγуре́с, пръдаве́с, ме́сис, сыпля́тъми, я́йсы, спи́сы*».

Тульская область. Куркинский р-н, дер. Даниловка: *нош', уш'и́ца, о́ш'ип, п'ал'ш'ик, п̆'и ш'о́нка, пъш'аму́, пълуш'и́л, н'и нъш'ава́ла, ш'им, вы́скъш'ут', ш'иво́, ш'илав'э́к, ш'ай, хаш'у́; у́л'иса, ку́р'иса, афса́, ийсо́, н'е́м'ис, йа́йсы, йа́йс, с'е́ркъф, с'ей, за́ис, св'аты́, прас'т'е́скъй.*

Проведенный выше анализ материала показывает, что в качестве наиболее архаичных говоров, представляющих утрату затвора обеими аффрикатами, следует выделить такие, в которых авторы ответов особо подчеркивают широту, исключительность распространения этого явления, т. е. такие, в которых нет аффрикат как согласных звуков особого типа, но где имеется особая мягкая шипящая фонема *ш'* и где бо́льшую широту употребления приобретает фонема *с* (см. выше те сообщения, в которых совсем не приводятся случаи употребления *ч'* и *ц*). Отсутствие указаний на употребление *ч'* и *ц* объясняется, конечно, прежде всего тем, что диалектологи чаще фиксируют свое внимание на явлениях, наиболее характерных для говоров. Однако, несомненно, что именно при сочетании изменений обоего рода (*ч'* > *ш'* и *ц* > *с*) результат этих изменений становится наиболее устойчивым, наиболее широко распространенным в соответствующих говорах, а случаи употребления *ч'* и *ц* чрезвычайно редкими.

К ИСТОРИИ УТРАТЫ ЗАТВОРА В АФФРИКАТАХ.

Обращаясь к истории процессов, приведших в ряде говоров к утрате затвора в аффрикатах *ч'* и ц, следует прежде всего принять во внимание особенности территориального распространения явлений, сложившихся на основе этих процессов.

Результаты *ц* > *с*, если рассматривать их независимо от того, сочетаются ли они в том или ином говоре с изменением *ч'* > *ш'* или выступают самостоятельно, в общем сосредоточены в восточной части описываемой территории и не могут считаться характерными в равной мере для всей территории, выделенной нами при картографировании (см. карту 4). В связи с тем, что *ш'* вм. *ч'* более равномерно распространено по всей данной территории, можно подчеркнуть, что говоры, сочетающие *ш'* вм. *ч'* и *с* вм. *ц*, также имеют более восточную локализацию.

Напомним, что как на основной территории, так и за ее пределами, в употреблении *с* вм. *ц* наблюдаются одни и те же закономерности: это явление выступает обычно в конечных слогах слов, распространяясь на начальные слоги лишь в говорах, где явления *ч'* > *ш'* и *ц* > *с* соединяются друг другом и где более широкое распространение *с* вм. *ц* в разных фонетических позициях, может быть, вызвано параллельным широким распространением *ш'* вм. *ч'*.

Что же касается употребления *ш'* вм. *ч'*, то наблюдаются существенные различия в этом употреблении на основной территории и за ее пределами, где оно встречается лишь в редких говорах в единичных словах, в то время как в говорах основной территории может наблюдаться полная или почти полная замена *ч'* на *ш'*.

В связи со всем сказанным можно прийти к выводу, что вопрос о генезисе утраты затвора в аффрикате *ч'* может и должен быть рассмотрен отдельно от вопроса об изменении аффрикаты *ц* в *с* и что наиболее характерным для юго-западного массива южновеликорусских говоров следует признать именно изменение *ч'* в *ш'*, в то время как изменение *ц* в *с* является или являлось в прошлом, очевидно, характерным для разных групп говоров в пределах южновеликорусского наречия; на территории же его юго-западных групп наблюдается лишь наибольшее развитие этого процесса в прошлом или лучшее сохранение его результатов, особенно в тех случаях, когда употребление *с* вм. *ц* поддержано употреблением *ш'* вм. *ч'*.

С. И. Котков, считающий, что история утраты затвора в аффрикатах должна изучаться как история внутренне единого явления, опирается на следующие соображения:« ... восточные границы *ш'* вм. *ч'* и *с* вм. *ц* в Орловской области примерно совпадают. Это побуждает нас связать историю обоих отмеченных явлений»[16]. Как показывает картографирование материалов, относящихся к данным явлениям, различие в их территориальном распространении определяется не восточной, а западной границей этого распространения. Учет территориального распространения должен сочетаться с наблюдениями над закономерностями, присущими изучаемым явлениям; закономерности их также являются различными. В результате приходим к выводу, что при рассмотрении истории таких явлений, как *ч* > *ш'* и *ц* > *с*, у нас нет оснований рассматривать их историю как единую и одинаковую.

Изменение *ц* > *с* могло возникнуть в соответствующих говорах лишь после отвердения *ц*, так как в противном случае звук *с* сохра-

[16] С. И. Котков. Указ. соч., стр. 49.

нял бы свою мягкость. Время отвердения *ц* в различных говорах русского языка точно не установлено.

В говорах Новгородских и Псковских, для которых в более позднее время характерно твердое цоканье, равно как и в говорах Ростово-Суздальской Руси, большинство из которых, видимо, переходило от различения *ч'* и *ц'* мягких к различению *ч* мягкого и *ц* твердого, еще и в XIV в. сохранялось мягкое *ц*, как это утверждает ряд исследователей (см. «Введение», где приводятся соответствующие ссылки). Судя по этим данным, отвердение *ц* в соответствующих северновеликорусских и некоторых средневеликорусских говорах нельзя отнести ранее, чем к XV в.

Отвердение *ц* в южновеликорусских говорах могло быть и более ранним процессом. Напомним в этой связи следующее высказывание А. А. Шахматова: «Что же касается южновеликорусских памятников, то таковых от старого времени до нас не дошло почти совсем; московские памятники XIV в. обнаруживают сильное севернорусское влияние; поэтому, например, написания, как *колцѧ*, *отцѧ*, *гуслицѧ* в Дух. Калиты 1328 г., нельзя приводить в доказательство мягкости *с* в южновеликорусских говорах XIV в.»[17]

Утрата палатальной артикуляции при произношении *ц* в южновеликорусских говорах, сохранявших различение двух аффрикат, в ряде случаев представляла собой первый этап последовательного упрощения данной аффрикаты — утрату палатальности. Этот этап характерен для большинства говоров, как северных, так и южных. Второй этап данного процесса — утрата затвора — имел место во многих южновеликорусских говорах. Об этом свидетельствует тот факт, что закономерности второго этапа являются едиными по своему характеру во всех тех южновеликорусских говорах, где отмечают употребление *с* в соответствии *ц*; это употребление наблюдается, как правило, в конечных слогах слов.

Современная территория преимущественного распространения такого явления, как употребление *с* в соответствии *ц*, наиболее всего соответствует территории так называемых Верховских княжеств, входивших в XII—XIII вв. в восточную часть Черниговского княжества. Население Верховских княжеств оказывалось периферийным и тем самым могло обособляться в отношении языкового развития на различных этапах своего существования.

В XIV в., в период временного обособления западной части южнорусских княжеств в составе Литовского княжества, Верховские княжества являлись восточной окраиной Литвы. Позднее, в XV в., когда территория Верховских княжеств вновь включается в состав Московского государства, влияние этого последнего также долгое время не было достаточно ощутительным[18]. В подобных условиях складывались благоприятные предпосылки для развития диалектных новообразований (в частности, для изменения *ц* > *с*), по понятным причинам не получивших широкого распространения: в XIV и XV вв. развитие подобных диалектных новообразований в восточной части южнорусской территории оказывалось заторможенным, поскольку в языковом развитии этих территорий получали все большее значение тенденции центростремительного (в отношении к говорам центра Московского

---

[17] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915, стр. 347.

[18] См. «Очерки истории СССР», т. II, гл. I, раздел V «Образование территории русского централизованного государства». М., 1953, стр. 132—144; ср. также карты № 1 и 3 в приложении к указ. соч.

государства) характера. Кроме того, следует считаться и с тем, что во многих говорах ранее имевшееся изменение *ц* > *с* устранялось позднее под влиянием общенародной формы языка.

Приведенные соображения объясняют тот факт, что восточная граница территории преимущественного распространения *с* в соответствии *ц* (как, впрочем, и восточная граница *ш'* из *ч'*, где распространение обоих этих явлений совпадает) близка к границе между Литовским и Московским княжествами в XIV—XV вв.[19] Ограниченное распространение утраты затвора аффрикатой *ц* по сравнению с утратой затвора *ч'* в более западном направлении, подтверждает предположение об общем южновеликорусском происхождении явления *ц* > *с* и об определяющем значении для его развития тех процессов, которые были связаны с обособлением более западной части этой территории. Интересны соображения А. И. Соболевского по поводу особенностей территориального распространения в Курской губернии говоров так называемых саянов, произносивших *с* в соответствии *ц*. А. И. Соболевский склоняется к мысли, что изменение *ц* > *с* первоначально было характерно для языка предков современного южновеликорусского населения[20] (как указывалось выше, некоторые исследователи считали саянов иноязычным по происхождению населением и в качестве наиболее отличительной особенности их говора обычно называли изменение *ц* > *с*).

А. И. Соболевский, обратившийся с целью выяснения этого вопроса к этнографическим данным, установил, что саянами на данной территории является как раз наиболее исконное население[21], и доказал, что на тех же территориях цуканами называют обычно монастырских крестьян, сравнительно недавних переселенцев, произносящих, в отличие от коренного населения (саянов), *ц*, а не *с*. У цуканов обычно еще свежи предания о том, что они вышли из центральных губерний России. Исконное население, саяны, и «продразнило» пришлых цуканами; как правильно указывает А. И. Соболевский, видеть в цуканах цокающих или цокавших северян нет никаких оснований. О цуканах как пришлом, чуждом элементе в среде окружающих деревень имеется свидетельство и в заметке А. Сидорова[22].

Что касается отдельных говоров, знающих употребление *с* в соответствии *ц* на территории Владимирско-Поволжских или среднерусских говоров, то для решения вопроса о происхождении в них этой черты необходимо изучить происхождение каждого из этих говоров. Во всяком случае, важно подчеркнуть, что на этой территории мы не находим очагов, где бы распространение данной диалектной черты было бы в какой-то степени ощутительным.

Нельзя не отметить, что понимание роли только что перечисленных исторических процессов, имевших определяющее значение в формировании основных групп южновеликорусского наречия, нашло отражение в одной из ранних работ А. А. Шахматова, указавшего, что в составе современных южновеликорусских говоров, с исторической точки зрения, следует различать три основных группы:

«Южновеликорусские говоры — это первоначальные юго-восточные говоры: среди них следует различать: 1) раньше других примкнув-

[19] См. «Очерки истории СССР», т. II, стр. 132—144.

[20] См. А. И. Соболевский. Заметки о северных говорах. «Русский филологический вестник», т. LIV, 1905.

[21] См. там же, стр. 35, 40—41.

[22] См. А. Сидоров. О цуканах дер. Евфросимовки Рогозецкой вол. Тимского у. Курской губ. «Живая старина», год пятнадцатый, вып. 3, СПб., 1906, стр. 54—56.

шее к говорам северо-восточным московское наречие, 2) говоры, не входившие в состав литовскорусского союза, напр., рязанские, 3) говоры, входившие в XIII, XIV, XV вв. в состав означенного союза. Среди последних надо различать группы говоров смоленских, группы говоров черниговских, группы говоров орловских, калужских, тульских. Тщательное исследование всех этих говоров, в связи с изучением говоров белорусских, укажет, вероятно, звуковые, их различающие, особенности и определит первоначальную группировку юговосточных говоров»[23].

В исторических условиях, способствовавших развитию языковой особенности, в общем не чуждой и другим группам южновеликорусского наречия, но резко в них заторможенной (*ц* > *с*), могли возникать и узко местные диалектные новообразования, имевшие ограниченную сферу распространения. Подобным специфически местным явлением следует, видимо, считать, в отличие от изменения *ц* в *с*, изменение *ч'* в *ш'*. Основанием для этого служит не только преимущественное распространение этого явления именно на данной территории (говоры с *с* в соответствии *ц* за пределами описываемой территории тоже встречаются относительно редко), но и наличие именно здесь наиболее широкого развития *ш'* вм. *ч'*, независимо от положения в слове, чего за пределами основной территории не встречаем.

Наряду с изменением *ч'* в *ш'*, в качестве языковых черт, представляющих собой узко местные новообразования, можно назвать, например, яканье суджанского типа, имеющее в общем сходное распространение. Этот тип яканья, сложившийся вероятнее всего в результате трансформации более древнего типа диссимилятивного яканья, складывался здесь, очевидно, также на территориях, теснее всего связанных общением в условиях их существования на периферии Литовского княжества, в известном отрыве от более восточных территорий. Распространение на территориях к западу жиздринского типа яканья, известного в говорах современной Белоруссии, также свидетельствует о том, что в пределах западной части южновеликорусского наречия, взятой в целом, существовали и обособленные группы говоров.

Близки по характеру своего распространения к описываемым явлениям и такие, как произношение заударных *и* и *е* в определенных случаях в конечном закрытом слоге в виде *'а* (*бросял*, *вывял*), произношение сочетания *вн* как *мн* в словах «давно», «равно» (*дамно*, *рамно*).

Оценка употребления *ш'* в соответствии *ч'* как специфически местного явления хорошо согласуется и с тем, что на общей территории, где известна утрата затвора в аффрикатах, именно *ш'* вм. *ч'* встречается наиболее часто как в сочетании с *с* вм. *ц*, так и самостоятельно, и в том и в другом случае достигая в ряде говоров широты и последовательности собственно фонетического явления (см. карту 4).

С запада говоры, представляющие употребление *ш'* вм. *ч'*, не имеют непосредственной границы с говорами, различающими *ч* и *ц* твердые (см. карту 4): между этими говорами расположена ясно выделяющаяся на карте полоса собственно южновеликорусских по своему типу говоров с различением *ч'* мягкого и *ц* твердого.

Напомним, наконец, что употребление *ш'* вм. *ч'* в говорах за пределами основной территории отличается по своему характеру: здесь оно лексикализовано, встречается обычно только в отдельных словах; в ряде сообщений специально подчеркивается, что явление это наблюдается спорадически.

[23] А. А. Шахматов. К вопросу об образовании русских наречий. «Русский филологический вестник», т. XXXII, № 3, 1894, стр. 10—11.

В связи со всем сказанным имеются основания считать процесс изменения *ч'* в *ш'* специфически местным процессом, развивавшимся в период относительно обособленного существования определенных групп населения.

Одним из возможных предположений при рассмотрении вопроса о причинах первоначального возникновения данного явления могло бы быть предположение, что изменение *ч'* в *ш'* возникло на основе процессов междиалектного взаимодействия [24].

Не исключено, что во многих говорах западнорусского типа, переживавших отвердение *ц* одновременно с говорами на южнорусских территориях, т. е. в достаточно раннее время (см. выше замечание А. А. Шахматова по этому вопросу), процесс отвердения вслед за этим распространялся и на *ч*. Взаимодействие южных говоров, имевших *ч* мягкое, с западными, имевшими *ч* твердое, очевидно, приводило к тому, что начинали произносить *ш'* вм. *ч*, поскольку акустически твердое *ч* производит обычно впечатление звука, в котором шипящий элемент преобладает. На первый взгляд подобному объяснению противостоит указанное уже выше обстоятельство, заключающееся в особенностях территориального распространения *ш'* вм. *ч'*; в настоящее время непосредственного соприкосновения говоров с *ш'* вм. *ч'* и говоров с *ч* и *ц* твердыми не наблюдаем. Как уже говорилось, на запад от территории говоров с утратой затвора в аффрикатах находится полоса говоров с различением *ч* мягкого и *ц* твердого, которая, в свою очередь, достаточно четко отграничена от территории, занимаемой говорами с *ч* и *ц* твердыми. В пределах территории преимущественного распространения утраты затвора в аффрикатах часто встречается также различение *ч'* и *ц*.

Однако по данным составляемых атласов и, в частности, «Атласа русских народных говоров юго-западных областей Европейской части СССР», мы можем предположить, что различение *ч'* и *ц* является вторичным на указанных территориях и распространявшимся здесь в направлении с востока на запад. Дело в том, что в ряде говоров описываемой территории, представляющих различение *ч'*, а также *ш'*, как результат изменения мягкой шипящей аффрикаты и одновременно знающих смягчение *к* после мягких согласных и *j* (*ва́н'к'а*, *ч'айк'у*), это смягчение отсутствует после *ч'* или *ш'* (*доч'ка* или *дош'ка*). Таким образом, можно допустить, что различение *ч* и *ц* твердых, сложившееся на юго-западе еще к XIV в. (см. выше), уже успело значительно распространиться к тому времени, когда, в результате отрыва западной части территории, в ее пределах могло наметиться вторичное распространение южновеликорусских особенностей восточного типа, в частности, различение *ч'* и *ц*. В этот период и могла сложиться здесь та передача *ч* твердого как *ш'*, которая наблюдается в говорах данной территории. Таким образом, предположение относительно развития изменения *ч'* в *ш'* под влиянием междиалектного взаимодействия не лишено оснований. Наличие результатов изменения *ч'* в *ш'* в процессе междиалектного взаимодействия находим к тому же в говорах, испытавших это взаимодействие в более давнее время, тогда как на западе сохраняется полоса говоров, наиболее последовательно представляющих различение *ч'* и *ц*.

Едва ли правомерным является предположение о том, что утрата затвора аффрикатой *ч'* произошла под влиянием утраты затвора аффри-

---

[24] Эту точку зрения см. в работе: С. И. Котков. Заметки по консонантизму курско-орловских говоров, стр. 49—50.

катой *ц*. Приведенный материал показывает, какой широты достигает в большом количестве говоров употребление *ш'* вм. *ч'*, в то время как *с* вм. *ц* в тех же говорах может и отсутствовать.

Возникновение такого диалектного новообразования, как *ч'* > *ш'*, которым данная группа говоров отличается как от более восточных, так и от более западных говоров, могло иметь место в относительно поздний период, когда восточные земли Литовско-Русского государства снова воссоединяются с Московским государством, а на более западных территориях, где ранее неоднократно распространялись языковые процессы южновеликорусского происхождения, оформляется система белорусского языка [25].

Само собой разумеется, что после соединения с Москвой на территории западных групп южновеликорусского наречия в течение долгого времени могли еще развиваться своеобразные языковые процессы, в известных случаях приводившие к возникновению узкоместных диалектных новообразований. О развитии *ч'* > *ш'* не ранее этого периода, т. е не раньше конца XV — начала XVI в., свидетельствует совершенное отсутствие этого явления в западном и слабое распространение в восточном направлении.

Былые связи с западными говорами в это время устраняются. На западе завершается формирование белорусского языка.

Наличие следов изменения *ч'* в *ш'* в отдельных словах в некоторых говорах восточной части южновеликорусского наречия могло определяться прежде всего распространением самих этих слов в процессе междиалектного взаимодействия, а также явиться результатом переселения носителей южновеликорусских говоров западного типа на восток. Попадая в новую диалектную среду, эти последние постепенно утрачивали свои специфические особенности, что определялось двойным, но единым по существу воздействием, а именно — воздействием общенародной формы языка, а также южновеликорусских говоров восточного типа с исконным различением *ч'* и *ц*.

Изменение *ч'* в *ш'*, возникающее как узко диалектное новообразование в период, предшествующий образованию национального языка преднационального периода, едва ли может быть отнесено к более позднему времени. Это новообразование и характерное для него территориальное распространение не могли сложиться на начальном этапе существования национального языка, поскольку связи центральных территорий государства с югом страны в этот период усиливаются. Даже если бы в это время и имело место возникновение тех или иных новообразований в пределах отдельных групп южновеликорусских говоров, то не было предпосылок для того, чтобы распространение подобных новообразований ограничивалось только западной частью южновеликорусских говоров.

В некоторых говорах ко времени развития *ч'* > *ш'*, вероятно, имелось уже употребление *с* в соответствии *ц*. Соединение этих двух, однородных по своему конечному результату явлений, выражающихся в утрате аффрикат как самостоятельных фонетических единиц, вело, очевидно, к тому, что употребление *с* вм. *ц*, ранее ограничивавшееся

---

[25] Ср.: «При изучении тех черт белорусских говоров, которыми они сближаются с южновеликорусскими, следует выделить по крайней мере два этапа: описанный выше более ранний — эпоху продвижения аканья на запад и юго-запад — и более поздний — эпоху постепенного включения восточных земель Литовско-Русского государства в состав Московского государства и вызванного этим вторичного, уже вполне южновеликорусского влияния» (Р. И. Аванесов. Вопросы образования русских говоров, стр. 135).

конечными слогами слов, становится более широким и возможным во всяком положении в слове. Приведенный выше материал показывает, что существование на юго-западе южновеликорусского наречия таких говоров, где, по крайней мере у определенных слоев говорящих, полностью отсутствуют аффрикаты *ч'* и *ц*, является вполне реальным фактом.

Следует специально остановиться на вопросе о том, находится ли утрата затвора в аффрикатах *ч'* и *ц* в закономерной связи с изменениями в рядах свистящих и шипящих, т. е. с развитием так называемой шепелявости при произношении названных звуков. Поводом для постановки данного вопроса является прежде всего указание А. М. Селищева: «Полагаем, что изменение в рядах шипящих и свистящих согласных, представляемое говорами курских саянов и мещанами курских пригородов, идет исстари: оно было (в том или ином виде) в речи их предков, выходцев из какого-нибудь приокского края. Таково же происхождение шоканья немногих сел Ливенского у. Орловской губ.» [26]. В данной работе А. М. Селищева не находим примеров, иллюстрирующих приведенное положение, нет в ней и сведений о территориальном распространении тех явлений, которые А. М. Селищев объединяет под названием «изменения в рядах шипящих и свистящих согласных». Следуя указаниям А. М. Селищева, С. И. Котков пытается поставить в прямую связь утрату затвора в аффрикатах и взаимную мену свистящих и шипящих: «В нашем представлении мена свистящих и шипящих, с одной стороны, утрата затвора аффрикатами — с другой, органически связаны. Поэтому страницы, посвященные аффрикатам, заключаем кратким сообщением о мене свистящих и шипящих и шепелявости» [27].

Однако подтвердить выдвинутое положение сколько-нибудь значительным материалом С. И. Коткову также не удалось. Приводимые им единичные случаи мены *с—з* и *ш—ж* в отдельных разрозненных словах не идут ни в какое сравнение с материалом, который тот же автор приводит, анализируя явление утраты затвора в аффрикатах; да и этот небольшой круг примеров следовало бы сузить, исключив как совершенно нехарактерные для системы употребления свистящих и шипящих в говоре такие случаи, как *шалхветка*, *шкелет*, *шпички*, *зал'еза* (железо), *шкорка* в названии «шкорка-скорка» (оба вида данного корня известны в славянских языках вне связи с наличием или отсутствием шепелявости).

Карты атласа юго-западных областей дали нам возможность сопоставить территорию утраты затвора в аффрикатах с территорией, на каторой наблюдаются изменения в рядах свистящих и шипящих. Эти два вида изменений не имеют ничего общего в своем распространении: шепелявое произношение, представленное преимущественно для мягких свистящих, распространено чрезвычайно узко и много западнее, чем утрата затвора аффрикатами. Возможно, что оно связано по своему происхождению с тем вторичным усвоением мягкости согласных перед *е*, *и*, которое складывалось в процессе взаимодействия говоров, имевших разную степень палатализации согласных, на что справедливо указывает Р. И. Аванесов [28], устанавливая происхождение такой поздней по времени возникновения черты белорусского языка, как цоканье и дзеканье.

---

[26] А. М. Селищев. Соканье и шоканье в славянских языках, стр. 737.
[27] С. И. Котков. Указ. соч., стр. 51.
[28] См. «Вопросы образования русского языка в его говорах», стр. 134.

Сохранение определенных языковых особенностей в наиболее архаическом состоянии именно на части территории западной группы южновеликорусских говоров, как и развитие здесь же определенных диалектных новообразований по внутренне единым закономерностям, уже давали повод некоторым авторам, в частности С. И. Коткову, выступать против широко распространенного взгляда, согласно которому восточнославянское население на целые века исчезало или почти исчезало в Курско-Орловском крае [29].

Употребление *с* в соответствии *ц*, последовательно развившееся и наиболее устойчиво сохранившееся на юго-западной части южновеликорусского наречия в связи с тем, что эти территории существовали известное время в отрыве от основной территории великорусской народности, и развитие такого явления, как утрата затвора аффрикатой *ч'*, имеющего свои внутренне единые закономерности на той же территории, могло возникнуть лишь в языке населения, связанного длительной предшествующей традицией общего языкового развития.

---

[29] См. С. И. Котков. Говоры Орловской области (фонетика и морфология). Автореферат диссертации. Орел, 1952, стр. 26.

ПРИЛОЖЕНИЕ

УКАЗАТЕЛЬ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ, МАТЕРИАЛ ПО ГОВОРАМ КОТОРЫХ ИСПОЛЬЗОВАН ПРИ СОСТАВЛЕНИИ КАРТ

Материал, использованный при подготовке работы «История аффрикат в русских народных говорах» и при составлении основных для данной работы карт, представляет собой преимущественно ответы на вопросы 34 и 35 «Программы собирания сведений для диалектологического атласа русского языка» (М.—Л., 1945). Эти ответы составлены участниками диалектолотических экспедиций Института русского языка (в дальнейшем — Института языкознания) Академии наук СССР и кафедр ряда высших учебных заведений РСФСР, проводивших свою работу, в основном, в послевоенные годы (1946—1955). Материалы эти хранятся в рукописном виде в Секторе диалектологии Института русского языка Академии наук СССР. Частично при составлении карт были использованы материалы, собранные при подготовке диалектологических атласов до 1945 г., т. е. до выхода в свет названной «Программы».

При картографировании этого материала, охватывающего весьма значительное число населенных пунктов, расположенных на большой территории, не оказалось возможным наносить на карту каждый из этих населенных пунктов, а затем ставить возле них знаки, указывающие на то или иное употребление аффрикат, как это делается в составленных и составляемых в настоящее время атласах русских народных говоров, опыт работы над которыми в целом был нами использован. Значительную трудность представляло бы в этом случае отыскивание на карте того или иного населенного пункта, да и самое распределение этих пунктов по территории оказывалось недостаточно равномерным, так как сетка обследования в первые годы работы над атласами нередко нарушалась.

В связи с этим в качестве минимальной территориальной единицы, в пределах которой размещались знаки, указывающие на употребление аффрикат (на наших картах этими знаками являются штрихи разного цвета и рисунка), были приняты районы на территории тех или иных областей. При этом во всех случаях принималось то районирование, которое было в период собирания соответствующего материала. Так, по Архангельской, Вологодской, Калининской областям, Карельской АССР, Кировской, Ленинградской, Новгородской, Псковской областям принималось, в основном, районирование, относящееся к 30-м годам нашего столетия, а по Брянской, Великолукской, Владимирской, Воронежской, Горьковской, Ивановской, Калужской, Костромской, Курской областям, Марийской и Мордовской АССР, Московской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, Смоленской, Тамбовской,

Тульской областям, Чувашской АССР и Ярославской области — районирование, относящееся к 40-м годам.

На территории каждого района ставилось такое количество штрихов соответствующего цвета и рисунка, которое соответствовало количеству имеющихся сообщений по говорам данного района.

При размещении штрихов в пределах района не учитывалось, таким образом, реальное размещение населенных пунктов, к которым относились те или иные сообщения. В связи с этим на небольших отрезках или частях картографированной территории мы не найдем точного отражения территориального размещения разновидностей того или иного явления; не имеет значения также длина отдельных штрихов, нанесенных в пределах района, так как она определяется лишь размером территории, занимаемой данным районом.

Однако на значительных частях территории характер размещения того или иного явления отчетливо выступает на картах, построенных на использовании данного приема картографирования, что и дало возможность выявить определенные изоглоссы, обособляющие в пределах русского языка отдельные территории, различающиеся употреблением аффрикат.

Для нахождения районов на карте использовалась калька с членением территории Европейской части СССР на области и районы; на законченных картах эти границы не наносились, так как они мешали бы отчетливому восприятию границ соответствующих языковых явлений.

На 172—210 стр. приводится список населенных пунктов, материал по говорам которых был использован для данной работы. Названия населенных пунктов располагаются по областям и районам, а в пределах последних по алфавиту.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

Вельский район

д. Григорово
д. Крылово
д. Лукинское
д. Меледижская
д. Смольянец
д. Тёмная
д. Теребино
д. Усть-Шоноша

Верхне-Тоемский район

д. Гончаровская
д. Евдокимовская
д. Малетинская
д. Нижняя Тойма
д. Прилуки
д. Севтра
д. Сергиевская
д. Старковская
д. Старо-Аксёновская

Вилегодский район

д. Быково
д. Маурино
с. Никольское
д. Нырма
д. Путятино
д. Селяны
д. Слобода
д. Сосновская

Виноградовский район

с. Березник
д. Борок
д. Верхняя Кица
д. Конецгорье
с. Морж
с. Тулгас
д. Усть-Ваеньга

Емецкий район

д. Ваймуга
д. Звос
д. Погост
д. Сельцо
д. Средьмехреньга
д. Хаврогоры
д. Хоробрица
д. Чащовка
д. Шелекса

Каргопольский район

д. Абакумово
д. Горка
д. Еремеевская
д. Ещерино
д. Калитинская
д. Кеврола
д. Киселевская
д. Колпаково
д. Кононова
д. Кузьмино
д. Кучепалда
д. Лазаревская
д. Лапинская
д. Лекшмо-Бор
д. Лихая
д. Новинки
д. Орлова
д. Тихманга
с. Ухта
с. Шильда
д. Ягрема

Карпогорский район

д. Пиримень
с. Сура-Сурский
д. Шардонема

Коношский район

д. Березняки
д. Верховье
д. Давыдовская
д. Дико-Зеленая
д. За́болотная
д. Зани́во
д. Заречье
д. Першинская
д. Топоровская
д. Феду́ловская
д. Хмелёвое

Котласский район

д. Заухомье
д. Прошутино
д. Шипицыно

Красноборский район

д. Бернятино
д. Верхнее Заборье
д. Монастырская Пашня

Ленский район

д. Ирта
с. Козьмино
д. Лантыш
д. Новые Прилуки
д. Тохта
д. Харинская
д. Чорва

Лешуконский район

с. Белощелье
д. Березник
д. Вожгора
д. Кеба
с. Кельчемгоры
с. Койнас
д. Олема
д. Палащелье
д. Русома
с. Селище
д. Устьниземье
с. Цепогоры

Мезенский район

д. Азополье
д. Погорелец
д. Сёмжа

Няндомский район

д. Дор
д. Елгомская
д. Куфтырёвская
д. Макаровская
д. Орьма
д. Остров
д. Пал
д. Сергоручей
д. Турово
д. Устьнименьга
д. Федосеевская
д. Шултус

Онежский район

д. Воймозеро
д. Во́рзогоры
д. Калгачиха
д. Кожпоселок
д. Корельское
с. Кривой Пояс
с. Кушерека
д. Летняя

д. Луза
с. Лямца
с. Малошуйка
д. Мелеховка
д. Нименьга
д. Носовщина
д. Огрушино
д. Павловская
д. Петровская
д. Пушлахта
с. Тамица
с. Унежма
д. Юдмозеро

Пинежский район

д. Верхняя Паленьга
д. Кузомень
д. Пильегоры
д. Сояла
с. Труфоногоры
д. Устьпинега
с. Юрола

Плесецкий район

д. Заозерье
д. Ик
д. Кочмас
д. Малые Озерки
д. Нёрмуша
д. Оксово
д. Прошкова
д. Тарасово
д. Шелекса
д. Ярнема

Приморский район

д. Дураково
с. Лопшеньга
с. Луда
с. Нёнокса
д Сюзьма
с. Уна

Приозерный район

д. Верещагинская
д. Вершинино
д. Воробьи
д. Гороховская
д. Звягиso
д. Кузьмияская
д. Першлахта
д. Рахтино
д. Ручей
д. Самково
д. Степановская
д. Федотово
д. Шард-озеро
д. Ширяиха
д. Янгора

Ровдинский район

д. Березник
д. Заручевье
д. Игнатовка
д. Клиновка
с. Ровдино
д. Тронино

Сольвычегодский район

д. Вёшкурье
д. Емшино
д. Емышево
д. Устье

Устьянский район

д. Бестужево
д. Климовская
д. Орлово
д. Сабурово
д. Спасское
д. Тарасонаволоцкая
д. Труфиновская

Холмогорский район

д. Бор
д. Вавчуга
с. Верхняя Паленьга
д. Копачёво
с. Курья
с. Матигоры
д. Мыза
с. Нижняя Паленьга
д. Орлецы
д. Ступино
д. Угзеньга
д. Усть-Пинега
с. Ухтостров
д. Часовенская
д. Чухчерема

Черевковский район

д. Васьково
д. Едома
д. Кухтырёвская
д. Лущёво
д. Новогородская
д. Первая Гриденская
д. Синицкая
д. Смоляки
д. Чалья
д. Черменинская
с. Ягрыш

Шенкурский район

д. Алексеевская
д. Выставка
д. Ивановская
д. Коромысловская
д. Ледь
д. Петровская
д. Рыбогорская
д. Большая Сюма
д. Устьпаденьга
д. Шеговары

БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Брасовский район

с. Алёшенка
д. Виженка
с. Дарковичи
д. Добрунь
д. Домашово
с. Журиничи
д. Козёлкино
д. Ольшаницы
с. Хотылёво

Воронокский район

с. Азаровка
с. Алейниково
с. Андрейковичи

Выгоничский район

д. Маковье
с. Субботово

Гордеевский район

д. Алисовка
д. Антоновка
с. Творишино

Дубровский район

д. Сальнь

Дятьковский район

с. Слободище

Жирятинский район

д. Буда
с. Княжичи

Жуковский район

д. Гришина Слобода
с. Летошники
с. Овстуг

Злынковский район

с. Барки
с. Добродеевка
с. Лысые
с. Рогово
д. Серовка

Карачевский район

д. Барыбино
д. Большая Семеновка
д. Каменная Гора
д. Рёвны

Клетнянский район

д. Алексеевка
д. Малаховка
д. Сметковщи́на
д. Черная Грязь

Климовский район

пос. Засно́вье
с. Новый Ропск
д. Хохловка

Клинцовский район

с. Великая Топаль
д. Гута-Коре́цкая
с. Ло́патни
пос. Святе́ц
с. Ущерпье

Комаричский район

д. Евдокимовка
д. Логирёвка
д. Тули́чево
с. Угревище

Красногорский район

с. Верхличи
с. Медведи
с. Николаевка
с. Увелье

Мглинский район

с. Курчи́чи
д. Мамаёвка

Навлинский район

с. Борщёво
д. Ворки
д. Гладское
с. Глинное
д. Гололобово
пос. Еловики
д. Прилепы
с. Соколово

Новозыбковский район

с. Святск
с. Скоробогатая Слобода
с. Старый Кривец
с. Шеломы́

Погарский район

д. Бугаёвка
хут. Джуровка
д. Михновка
д. Случевск

Почепский район

с. Доманичи
с. Красный Рог
пос. Немчино
с. Рогово
с. Старая Красная Слобода

Севский район

с. Быки
с. Ново-Ямское
с. Хинель

Стародубский район

с. Галинск
с. Логоватое
с. Пантусово
д. Случок

Суземский район

с. Гаврилова Гута
с. Горожанка
д. Подгородняя Слобода
с. Страчёво
д. Чухрай

Суражский район

с. Кулаги
с. Овчинец
д. Сенча́
д. Фёдоровка

Трубчевский район

д. Бобовня
д. Горошково
д. Кветунь
с. Любец
д. Уруково

Унечский район

д. Коро́боничи
с. Найтоповичи
д. Товбозино

Чуровичский район

с. Каменный Хутор
с. Хоромное
с. Чёлхов

ВЕЛИКОЛУКСКАЯ ОБЛАСТЬ

Андреанопольский район

д. Снегирь

Бежаницкий район

д. Большие Ляды
с. Дворцы
д. Макарино
д. Порхово́к

Бельский район

д. Волыново
д. Ивашково
д. Реха́нова
д. То́лстики

Великолукский район

д. Букино
д. Демидово
д. Тарасы́
д. Черпеса

Жарковский район

д. Гряда
д. Зикеево
д. Макарово
д. Озёры
д. Чичаты

Идрицкий район

д. Ильичино

Ильинский район

д. Ковали
д. Крутики
д. Трубники

Красногородский район

д. Блияны
д. Ломы
д. Мозули

Кудеверьский район

д. Волково
д. Губино
д. Клюки
д. Ляпино

Куньинский район

д. Залучье
д. Ковришкино
д. Мешкова

Ленинский район

д. Бы́стри
д. Голенищево
д. Ключевое
д. Раменье

Локнянский район

д. Атрепово
д. Фёдорково

Невельский район

д. Дубище
д. Малая Будница

Нелидовский район

д. Борки
д. Голосово
д. Дрогачёво
д. Латыши
с. Ново-Никольское
д. Чёрнушка
д. Шумилы

Новосокольнический район

д. Алё
д. Козлово
д. Фетинино

Октябрьский район

д. Ба́рияно
д. Осташково
д. Поляки
д. Семеновское
д. Тарасиха
д. Холм
д. Читорейка

Опочецкий район

д. Болдино
с. Глубокое
д. Пружки
д. Столбово

Пеновский район

д. Большие Горки
д. Городище
д. Кудь
д. Лебедево
д. Серёдка
д. Слаутино
д. Тимохино

Плоскошский район

д. Бла́зново
д. Гаврилково
д. Лотоково
д. Медведево
д. Юринки

Подберезенский район

д. Гоголево
д. Горка
д. Дунаево
д. Дунаево-Ветно
д. Красный Бор
д. Сергейцево
д. Шеменец

Пореченский район

д. Нестерово

Пустошкинский район

д. Чури́лово

Себежский район

д. Ляхово
д. Черная Грязь

Сережинский район

д. Ратча
д. Семёхияно
д. Яновище

Торопецкий район

д. Воробьи
д. Короли
д. Шатры

Усвятский район

д. Пралище
д. Пыси
д. Ра́гозы
д. Узкое
д. Шергияи

Усмынский район

д. Алфимково
д. Ду́бровка
д. Жуки
д. Кретивля
д. Потеплино

Усть-Долысский район

д. Кривица

Холмский район

д. Демидово
д. Кузёмкино
д. Осцы
д. Потяпалово
д. Сопки
д. Стёпаново
д. Тухоми́чи
д. Филино

ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Александровский район

с. Годуново
д. Калинино
с. Круте́ц
с. Новосёлка
д. Подсо́сенье

Владимирский район

д. Гри́дияо
с. Лунёво
с. Погреби́щи
с. Сеславское
д. Соколово
с. Спасское
д. Чирково

Вязниковский район

д. Григорово
д. Лу́кново
д. Малые Осинки
д. Малые Удо́лы
д. Селякино

Гороховецкий район

д. Городищи
д. Ови́нищи
д. Шубино

Гусь-Хрустальный район

д. Арсамаки
д. Васюнино
д. Вёшки
д. Дёмино
д. Е́грево
с. Зако́лпье
с. Иванищи
д. Оста́шево
с. Эрлекс

Камешковский район

с. Епишово
д. Матки́
с. Патакияо

Киржачский район

д. Дубровка
с. Люби́меж
д. Смо́льнево
д. Хме́лево

Ковровский район

д. Дмитриево
д. Душилово
д. Княжская
с. Милиново
д. Осипово
с. Хвата́чево
д. Шиловское

Кольчугинский район

д. Запа́жье
с. Ильинское
д. Семёнково
с. Флори́щи

Курловский район

д. Астахово
д. Икшево
д. Ильино
с. Колпь
д. Купреево
д. Курлово
д. Ленки́
д. Липовые Поляны
д. Мокрая
с. Окатово
д. Уляхино

Ляховский район

д. Воютино
д. Максимовка
д. Малый Санчур
д. Паново

Меленковский район

д. Двоезеры
с. Девятино
с. Илькино
д. Каменки
д. Ратново
с. Синжаны
с. Скрипино

Муромский район

д. Берёзовка
с. Благовещенское
д. Зарослово
с. Карачарово
с. Молотицы

Небыловский район

с. Богородское
с. Небыло́е

Никологорский район

д. Андреевка
д. Ивановка
д. Мочалки
с. Харино

Петушинский район

д. Болдино
д. Волосово
с. Во́спушки
д. Дровново

Покровский район

д. Ко́стино
с. Марково
д. Ольхово

Селивановский район

д. Вощиха
с. Захарово
д. Новлянка
д. Скалово
д. Татаровка

Собинский район

с. Бере́зники
д. Зубово
д. Копнино́

Ставровский район

д. Вишенки
д. Кишле́ево
д. Кури́лово
д. Новосёлки

Струнинский район

д. Астафьево
д. Дуденево

Судогодский район

д. Бахтино́
д. Вольная Артёмовка
с. Гонобилово
д. Дорофеево
д. Колесня́
д. Митино
д. Мичурино
д. Овсянниково
д. Шипилово

Суздальский район

с. Весь
д. Ки́декша
с. Санино
д. Субботино
с. Ту́ртино

Фоминский район

с. Боровицы
д. Зимёнки
д. Золотово
д. Рождествино
с. Татарово

Юрьев-Польский район

д. Бильдино́
с. Ки́нобол
д. Оси́новец
д. Подо́лец
с. Фро́ловское

ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Андомский район

с. Андома
д. Горняя
д. Ре́бово
д. Сойда
д. Ухтозеро
д. Югозеро

Бабаевский район

д. Балмасово
д. Володино
д. Званец
с. Кальцево
д. Малахово
д. Пальцево

Бабушкинский район

д. Анисимово
д. Грозино
д. Дьякова
д. Косиново
д. Тевигино
д. Тимаяова Гора
д. Фетиио
д. Харино
д. Чунино

Белозерский район

д. Алексино
д. Барково
д. Березняк
д. Замошье
д. Перховта
д. Тёкутово

Бирякoвский район

с. Биряково
д. Большая
д. Воробьево
д. Голуби
д. Дороватка
д. Загоскино
д. Иваново
д. Косиково
д. Кувшиново
д. Пеякино
д. Прокшино
д. Семёново
д. Старое
д. Уваровица
д. Чучково
д. Ягодное

Борисово-Судский район

д. А́кишево
д. Большое Борисово
д. Межерьё
д. Нижняя Шома
д. Плёсы

Вашкинский район

с. Вашки
с. Дружияное
д. Дурасово
с. Нестерово
с. Ухтома

Велико-Устюжский район

д. Анисимово
д. Балагурово
д. Горка
д. Ильмиская
д. Красавино
д. Кривая Берёза
д. Нижняя Шарденьга
д. Пестово
д. Угол
д. Чучеры
д. Щекино
д. Юдино

Верховажский район

д. Большое Ефимово
д. Боровино
д. Ботыжная
д. Кошнево
д. Макиевская
д. Митюк
д. Сурмино

Вожегодский район

д. Анциферово
д. Анцифровская
д. Бекетовская
д. Большая Климовская
д. Васильевская
д. Вожега
д. Горки
д. Заозерье
д. Ивонинская
д. Коротыгинская
д. Малеевская
д. Мануйловская
д. Мигулевская
д. Нижняя
д. Никульское
д. Окуловская
д. Онисимовская
д. Погорелка
д. Пожар
д. Порохино
д. Сырнево
д. Улитинская
д. Усть-Вотга
д. Фуниково
д. Хмылица
д. Ягрыш

Вологодский район

д. Богородское
д. Бывалово
д. Ваталино
д. Горки
д. Григорьевское
д. Доводчиково
д. Дюково
д. Закобякино
д. Ивановское
д. Конищево
д. Корытово
д. Лантево
д. Лукинцево
с. Погорелки
д. Погорелово
с. Покровское
д. Прокино

Вытегорский район

с. Вытегра
с. Девятины
с. Ежезеро
д. Куштозеро
с. Троица-Подлесная
д. Чахлово
д. Шульгино

Грязовецкий район

д. Васильевка
д. Воскресенье
д. Дёмино
д. Дураково
д. Колотилово
с. Константиново
д. Медвешково
с. Никола
д. Носово
д. Онопино
д. Погодаево
д. Семенц во
с. Скородумка

Кадуйский район

с. Большой Смердяч
д. Красное

Кирилловский район

д. Баковское
д. Болванцы
д. Большое Заказье
д. Бонема
д. Васькино
д. Горка-Соровская
д. Захарьино
д. Кириллово
д. Коварзино
д. Малое Шевелево
д. Передово
д. Родино
д. Ферапонтово
д. Чистый Дор

Кичмен-Городский район

д. Алексеево
д. Алферово
д. Бато
д. Омелин Дор
д. Сирино
д. Шестаково

Ковжинский район

д. Бадожский Погост
д. Васильевское
д. Коново
д. Ларина
д. Рагозино
д. Тюричево
д. Якшино

Кубено-Озерский район

д. Андронцево

Междуреченский район

д. Андреевское
д. Барское
с. Врагово
д. Дмитриково
д. Космово
д. Косово
д. Лаврентьево
д. Михалково
д. Парфенка
д. Парфеново
д. Племянниково
д. Разуево
с. Старое
д. Стрелки
д. Федотеево
с. Шейбухта
с. Шуйское

Мяксинский район

д. Аксёново
д. Кустец
д. Леушино
д. Сурково
д. Чабино
д. Чурина
с. Щетинское

Никольский район

д. Верховина
д. Дор
д. Завражье
д. Займище
д. Ильинское
д. Каменный Починок
д. Кострош
д. Куданга
д. Кузнецово
д. Малое Оксилово
д. Нигино
с. Никольское
д. Полежаевка
д. Утиралово
д. Челпаново

Нюксенский район

д. Бобровское
д. Жар
д. Звегливеч
д. Зеблуха
д. Кишкино
д. Макарьино
д. Овинчи
д. Шульгинская

Оштинский район

д. Кузнецовская
д. Мегорский Погост

д. Мининская
д. Низ

Петриневский район

д. Дермянинское
д. Красково
с. Лохта
д. Прислон
с. Угрюмово
д. Чукша

Пришекснинский район

д. Большое Нифонтово
д. Городище
д. Дёменское
с. Ковжа
д. Костинское
с. Потеряево
с. Никольское

Рослятинский район

д. Василёво
д. Жубрино
д. Коншарна
д. Красивино
д. Крутец
д. Пендус
д. Терихово

Сокольский район

д. Капустино
д. Кобылино
д. Когаш
д. Конаниха
д. Мишуткино
д. Оларево
д. Подъельное
д. Родионово

Тарногский район

д. Большая Дементьевская
с. Верхтарногское
д. Давыдовская
д. Дор
д. Игнатовская
д. Ильинская
д. Кваски
д. Кузминская
д. Нижнее Катеринино
д. Осинник
д. Осиповка
д. Селивановская
д. Тырково
д. Шевелевская

Тотемский район

д. Бор
д. Гавшино
д. Ивановская
д. Игошево
д. Калининское
д. Камешкуры
д. Кудринское
д. Нефедиха
с. Никола

д. Печеньга
д. Село
д. Софрониха
д. Федоровская
д. Черепаниха

Уломский район

д. Большая Дора
д. Бор
д. Дуброво

Усть-Алексеевский район

д. Викторово
д. Возманов Починок
д. Воронино
д. Горбачёво
д. Долмашёво
д. Еловино
д. Косково
д. Луковцино
д. Мекинницино
д. Обрадово
д. Первомайское
д. Погосск
д. Ташериха
с. Усть-Алексеево
д. Ушаково
д. Якушино

Усть-Кубинский район

с. Бережное
с. Богородское
с. Богослово
с. Гляденово
д. Горка
д. Грифониха
с. Заднее
д. Замоще
д. Марковская
д. Мыс
д. Никифоровская
д. Никола-Корень
с. Никольское
д. Поповское
с. Устье
с. Чирково
д. Язово

Устюженский район

д. Ваяское
д. Глинки
д. Долоцкое
с. Лентьево
с. Марфино
с. Устюжна

Харовский район

д. Боярское
д. Кубин-Бор
д. Кудрявцево
д. Насоново
д. Харовская
д. Шилоково

Чагодощенский район

д. Гора

с. Избоище
с. Покровское

Чарозерский район

д. Берёзово
д. Васильевское
д. Волохтома
д. Григорьево
д. Демидовское
д. Екимово
д. Ескино
д. Иваново
д. Ившино
д. Козлово
д. Колбино
д. Кречетово
д. Лихачёво
д. Лобаново
д. Лохта
д. Медведево
д. Мерёжино
д. Монастырск
с. Нестерово
д. Никулинская
д. Ново-Спасское
д. Погорелая
д. Ракула
д. Родники
д. Русино
д. Сварозеро
д. Селино
д. Семёновское
д. Сидоровская
д. Тимошино
д. Федьково
д. Чаронда

Чёбсарский район

д. Беседное
д. Дюково
д. Кононово
д. Корнищево
д. Нестерово
д. Светилки

Череповецкий район

с. Ботово
с. Даргун
д. Дора
с. Любец
д. Матурино
д. Мусóра
с. Нелазское
д. Пача
с. Плешаново
д. Подрябиньево
д. Серово
д. Сокольe
д. Успенская Слобода
с. Чаево
д. Шеино

Шольский район

д. Верховье
д. Кийно
д. Марково
д. Панкратово
д. Слобода

ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

Алексеевский район

с. Афанасьевка
с. Подсереднее
с. Русская Матренка
с. Хлевище

Бобровский район

с. Азовка
с. Сухая Березовка
с. Липовка
с. Пчелиновка

Будённовский район

с. Гредякино
с. Прилепы

Ведугский район

с. Старая Ведуга
с. Стадница

Вейделевский район

д. Белый Колодезь
с. Куликовские Ляпяги
д. Ровны́

Голосновский район

с. Малая Верейка
с. Новосильское

Гремяченский район

д. Александровка
с. Ивановка

Дмитряшевский район

с. Верхняя Колыбелька
с. Отскочное

Землянский район

с. Большая Верейка

Каширский район

с. Коломенское
с. Красный Лог
с. Можайское
с. Московское

Нижнедевицкий район

с. Верхнее Турово
д. Кучугуры
с. Новая Ольшанка

Никитовский район

с. Валуйчик
с. Ряшино

Ново-Усманский район

с. Масловка

Острогожский район

с. Веретье

Репьевский район

с. Бутырки
с. Истобное
с. Россошки

Ровеньский район

с. Двуречье
с. Старая Ивановка

Семилукский район

с. Лосево

Сине-Липяговский район

д. Дмитриевка
с. Михново

Уколовский район

с. Задомное
с. Лесное Уколово
с. Расховецк

Хлевенский район

с. Воробьёвка
с. Манино

Хохольский район

д. Матренки
с. Семидесятское
с. Хохол

Хреновский район

с. Хреновое

Шаталовский район

с. Владимирское
с. Солдатское

ГОРЬКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Ардатовский район

с. Михеевка
д. Урвань
с. Чуварлей-Майдан

Арзамасский район

с. Абрамово
д. Березовка
с. Панфилово
д. Протопоповка
с. Шерстино

Балахнинский район

с. Бурцево
с. Зарубино
д. Кочергино
пос. Малое Козино
д. Пречистино

Богородский район

д. Алексеевка
д. Баркино
д. Большое Куликово
д. Хабарское

Больше-Болдинский район

с. Кистенёво
с. Михалковский Майдан
с. Новороссийск 2-й
с. Чире́сь

Больше-Мареськевский район

с. Елфимово
с. Кондрыкино
д. Ляпня

Больше-Мурашкинский район

с. Григорово
с. Ивановское
с. Кишкино́
с. Малое Мурашкино

Борский район

д. Ваганьково
с. Городищи
д. Коринки
с. Развилье

Бутурлинский район

с. Андросово
с. Большие Бакалды
с. Вергизай
с. Кета́рша
с. Кетрось
с. Круте́ц
д. Напа́лково

Вадский район

с. Вазьян
с. Спас-Зеленые Горы
с. Старое Меленино

Варнавинский район

д. Анисимово
д. Бархатиха
д. Большое Сергино
д. Веселовка
д. Зиновья
д. Ивановский Починок
с. Макарий
д. Непогодиха
д. Починок-Видоватое
д. Собакино
д. Фалино

Вачский район

с. Зеленцово
д. Федурино
д. Черновское

Ветлужский район

д. Базан
с. Исаиха
д. Лямиха
д. Морозиха
д. Офониха
д. Хитропиха

Вознесенский район

с. Варнаево
с. Линейка
с. Нарышкино
с. Новосёлки

Володарский район

д. Зо́лино

Воротынский район

с. Каменка
д. Надеждино
с. Разнежье
д. Са́пино
с. Семья́ны
с. Фокино

Воскресенский район

с. Владимирское
д. Егорово
д. Лала́кино
с. Нестиа́ры
с. Успенское
д. Щербачиха

Выксунский район

с. Верхняя Верея
д. Ново-Дмитриевка
д. Новая Деревня
д. Осиповка
с. Решное
с. Сноведь

Гагинский район

с. Исупово

д. Карауловка
с. Утка

Городецкий район

д. Мякишево
д. Ожигихино
д. Хахалино
д. Ягодно-Чистое

Дальне-Константиновский район

с. Арманиха
с. Березники
д. Большое Сескино
с. Же́дрино
д. Криу́ша
д. Кужадон
с. Ма́ргуша
с. Мигалиха
с. Таможниково

Даниловский район

д. Новая

Дзержинский район

пос. Гавриловка
пос. Чернореченские Дворики

Дивеевский район

д. Гавриловка
с. Кремёнки
д. Полупочинки
с. Смирново

Заветлужский район

д. Копанки́
д. Малое Содомово
д. Нестерино
д. Починок-Рябиновский

Залесный район

д. Белые Пруды
д. Высоково
д. Гари́
д. Елкино
д. Мостовка
д. Огибное
д. Парамоново
д. Починок-Красный
д. Смольки́

Калининский район

д. Машкино
д. Патрачата
д. Шмотиха

Княгининский район

д. Осёлок
с. Спешнево
с. Шишковердь

Ковернинский район

д. Дёмино
д. Куприно
д. Малые Мосты
д. Ма́рковка
д. Михайлово
д. Овсянниково

Красно-Баковский район

пос. Высоковка
пос. Заставка
д. Красногор
д. Межка
д. Онышино
д. Суббори

Кстовский район

с. Большие Вишенки
с. Вязовка
с. Чернуха

Кулебакский район

пос. Велетьма
с. Гремячево
с. Ломовка
д. Пушлей
с. Рогово
д. Родняково
с. Савостлейка

Курмышский район

д. Малое Ртищево
с. Шокино
д. Ягодное

Линдовский район

д. Городишки
д. Комарово
д. Митюшино
д. Николина Кулига

Лысковский район

с. Валки
с. Варга́ны
с. Великовское
д. Владимировка
д. Ле́тнево
с. Макарьево
с. Плотинка
д. Черная Маза

Лукояновский район

д. Мерлиновка
с. Чуфарово

Мордовщиковский район

д. Бельтеевка

Мухтоловский район

с. Кологреево
с. Липовка
с. Саблуково
д. Щёточное

Наруксовский район

с. Азра́пино
с. Ново-Михайловка
д. Ново-Николаевка
с. Резоватово
с. Учуевский Майдан

Павловский район

д. Амачкино
д. Козловка
д. Мещёры
с. Фроловское

Первомайский район

д. Алатырь
с. Берещино
д. Нелёй
с. Обухово

Перевозский район

с. Гридино
д. Заключная

Пильневский район

с. Балеевка
д. Ожгибовка
с. Озёрки

Починковский район

с. Ильинское
с. Пеля Казённая
с. Симбухово
с. Шишадеево

Работкинский район

с. Кадницы
с. Ляписи
д. Малиновка
д. Шмойлово

Разинский район

д. Бутская

с. Николай-Дар
с. Романовка
с. Салдаманов-Майдан

Салганский район

с. Маресево

Семеновский район

д. Бараниха
д. Беласовка
д. Большое Оленево
д. Лыково
д. Паромово
д. Пафнутово
д. Поло́ма
д. Сухобезводное
д. Телки́
д. Хвостиково
с. Шалдёж

Сергачский район

с. Богородское

Сеченовский район

с. Свинуха

Смирновский район

с. Большая Арать
с. Большие Печёрки
с. Мисюриха
с. Спасское

Сосновский район

д. Венец
д. Волчиха
д. Николаевка
с. Селитьба

Спасский район

с. Бронский Ватрас
д. Скучиха
с. Тубанаевка

Талызинский район

с. Сарбаево

Тонкинский район

д. Вахрамейки
д. Вязовка

Тоншаевский район

д. Кужал
д. Ошминское
д. Писари́
д. Пустошка

Уренский район

д. Большая Козляна
с. Емельяново
д. Каменное
д. Климово
д. Малое Кириллово
д. Стафеево
д. Холкино
с. Чёрное
с. Ши́тово
д. Щелочиха

Хмелевицкий район

д. Деветярики
д. Никитиха
д. Ново-Шорино
д. Хмелёвка

Чернухинский район

с. Второрусское
с. Ковакса
с. Старая Пустынь

Чкаловский район

д. Андреево
с. Саламаты
д. Тимонькино

Шатковский район

д. Гаврилово
с. Калапино
д. Крутец
с. Силинский Майдан
с. Хирино

Шахунский район

д. Григорьевское
д. Полетайки

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Верхне-Ландеховский район

д. Лыково
с. Сметанино
д. Филатово

Вычугский район

д. Захарьиха
д. Кашино

д. Овечкино
д. Репрёво
с. Семигорье
д. Чертовищи

Гаврилов-Посадский район

д. Кунеево
с. Мирславль
д. Новосёлка

с. Шекшо́во
д. Яковцево

Ивановский район

д. Гоголево
д. Елюнино
д. Конохово
д. Круглово
д. Тюрюково

Ильинский район
д. Никитинское
д. Петрилово
д. Хлебницы

Ильинско-Хованский район
д. Колокуново

Кинешемский район
д. Галкино
д. Закусихино
д. Зименки
с. Ильинское
д. Кривякино
д. Лапшиха
д. Шеломово
д. Ягодинская

Комсомольский район
д. Писцово
д. Плосково
д. Савино
д. Церковново

Лежневский район
д. Дягельково
д. Михеевская
д. Увальево
д. Ясново

Лухский район
с. Благовещены
д. Большая Вишня
д. Жуковка
д. Запрудново
д. Писцово

Наволокский район
с. Есеплево
д. Ломки

Палехский район
д. Клитино́
с. Майдаково
д. Медвежье
с. Палех
д. Ульяниха

Пестяковский район
д. Андреиха
д. Макарова
д. Михайловское

Приволжский район
с. Новое
д. Ратово
д. Рыспаево
д. Филисово

Пучежский район
д. Воронцово
д. Соколово-Подлесное
д. Шихириха

Родниковский район
д. Болотново
с. Михайловское

Савинский район
с. Алексино
с. Большое Кстово
д. Мишкулаиха

Середской район
д. Голчаново
с. Игнатовское
с. Медведково
д. Рогулово
д. Шолгомощь

Сокольский район
с. Большие Гари
д. Дорофеево
д. Кузино
с. Нюхалово

Тейковский район
д. Васильево
д. Ермолиха
д. Мосяково
с. Нельша

Шуйский район
д. Водяново
с. Егорий
д. Марково
д. Михалково
д. Овсянниково

Южский район
с. Гаврищево
д. Легково
д. Лукино
с. Рыло

Юрьевецкий район
д. Андреевка
с. Дорки
д. Ефимово
д. Завражье
д. Мохнево
с. Пелегово
с. Проталинки
д. Родинка
д. Селенцево

КАЛИНИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Бежецкий район
д. Ильицыно
д. Поляково
с. Сукромны
д. Сулежский Борок

Болговский район
д. Булдаково
д. Городок
д. Корыхново
д. Млёво
д. Пахотино́
д. Рютино
д. Савино
д. Святое
д. Чешово

Брусовский район
д. Гоголиха
д. Починок

д. Пятницкое
д. Шенева

Весьегонский район
д. Бодачёво
д. Горка
д. Грязлицев
д. Дуброва
д. Лекма
д. Никулино
д. Плосково

Высоковский район
д. Иверское

Вышневолоцкий район
д. Белавино
д. Варежа
д. Гряды

д. Долгих
с. Ильинское
д. Кузнечиха
д. Кулотино
д. Никифорково
д. Подол
д. Рагзино
д. Терелесово
с. Федово

Горицкий район
д. Дуброво
д. Пустыри
д. Соловьева
д. Федорово
д. Яковлевское

Емельяновский район
д. Воеводино
д. Калошино

Есенович-
ский район

д. Андреево
д. Ильятино
д. Ям

Завидовский
район

с. Городни
с. Завидово

Зубцовский
район

д. Алексино
д. Аносово
д. Васильевское
д. Молозино

Калининский
район

д. Антоново
д. Денисово
с. Каблуково
с. Михайловское

Калязинский
район

г. Калязин
д. Мизгирёво
д. Пахомова
д. Печищи
д. Степаньково
д. Фалево
д. Юрново

Каменский
район

д. Высокое
д. Нестерково
д. Страхини

Кашинский
район

д. Давыдово
д. Головеньки
д. Семеновское
д. Соломыслово

Кесово-Гор-
ский район

с. Бережай
д. Васильково
д. Елисеево
д. Желдыбино
д. Красная Апалиха
д. Мартыново
д. Попепы
д. Юрьевское

Кимрский
район

д. Долматово
д. Керузино
д. Крюково
д. Пекуново
д. Плосково
д. Хотилово

Кировский
район

д. Бортники
д. Бураково
д. Гниловка
д. Завирье
д. Мисково
д. Соколово

Конаковский
район

д. Архангельское
д. Баранниково
д. Большие Ручьи
д. Скрылёво

Краснохолм-
ский район

д. Красново
с. Рачево

Кушалинский
район

д. Волково
д. Почеп

Леснойрайон

с. Лесное
с. Сорогожское

Лихославль-
ский район

д. Доманиха
д. Олино
д. Сальниково

Луковников-
ский район

д. Вороново
д. Денежное
д. Карманиха

Лычковский
район

д. Рыкалов

Максатихин-
ский район

д. Ванькин Бор
д. Гузеева
д. Карельский Городок
д. Красуха
д. Лебедева
с. Сельцы

Медновский
район

д. Заболотье

Молодотуд-
ский район

д. Жаднево
д. Хмелёвка

Молоковский
район

д. Богдаево
д. Доры
д. Нивы
д. Новосёлка
д. Поречье

Нерльский
район

д. Плутково

Новоторж-
ский район

д. Большое Вишенье
д. Захожье
с. Климово
д. Костешино
д. Прутёнка
д. Печки
с. Спас
д. Шеметово
д. Юрьецево

Овинищен-
ский район

д. Васильки
д. Губачёво
д. Ещево
с. Кесьма
д. Плосково

Оленинский
район

д. Долгиновка
д. Новинки
д. Холмец

Оршинский
район

д. Бабня
д. Литвинцево (Лиховка)
д. Медведево
д. Ха́рлово

Осташковский
район

д. Анушино
д. Дудкино
д. Замошье
д. Заплавье
д. Зеленик
д. Кравотынь
д. Липовец
д. Ляханово
д. Межники
д. Овинец
д. Радухово
д. Ревеницы
д. Трестино
д. Федоров Двор

Погорельский
район

д. Буево
д. Добрино
д. Почурино

Рамешковский
район

д. Берег
с. Медведиха
д. Некрасово
д. Рамешки

д. Холмы
д. Хромцово

Ржевский район

д. Бутово
д. Гороватка
д. Лаптево
д. Митьково
д. Мясцо́во
д. Оленино
с. Покров-Итомля

Сандовский район

с. Большое Малинское
д. Матвейцево
д. Мухино
с. Павское
с. Пнёво

Сонковский район

д. Вымла
д. Пуршево
д. Сабурово
д. Широкуша

Спировский район

д. Песчаница

Старицкий район

д. Стегнишино

Теблешский район

с. Ивановское

Тургиновский район

д. Кобылкино

Удомельский район

д. Белавино
д. Загорье
д. Млёво
д. Мушина
д. Осетрикова
д. Сидорова

Фировский район

д. Горшково
д. Кузнецово
с. Рождество
д. Савёлово
д. Ходуново

КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

Бабынинский район

д. Внуково
д. Вязовна́
д. Рассудово
д. Сеньково

Барятинский район

д. Асмолово
д. Бельня
д. Зимни́цы
д. Плота

Боровский район

д. Балабаново
д. Бутовка

Высокинический район

д. Воронино
с. Ивановское

Детчинский район

с. Быково
с. Дольское
д. Пешково

Дзержинский район

с. Бели
с. Дорохи
с. Курганы
с. Маковцы
д. Самородка

Дугнинский район

с. Зябки
с. Костомарово

Думиничский район

д. Земни́цы
д. Пы́ренка
д. Сорочка
д. Хотьково

Жиздринский район

д. Мужитин
д. Мурачёва
д. Ослинка
с. У́лемль

Износковский район

д. Межетчина
д. Полусадово
д. Тычки

Калужский район

д. Григоровка
д. Квань
с. Никольское

Кировский район

д. Лосиная
д. Малая Песочня
д. Мамоново

Козельский район

д. Гранный Холм
д. Плюсково
д. Староселье

Куйбышевский район

д. Гуличи
д. Ду́бровка

Лев-Толстовский район

с. Копытцево

Людиновский район

д. Косичино
д. Ухобичи

Малоярославецкий район

д. Локонское
с. Недельное
с. Спас-Загорье
д. Тиняково

Медынский район

д. Брюхово
д. Кочубеевка
д. Нероново
с. Никитское

Мещовский район

д. Коровино
д. Мармыжи
д. Матчино
д. Шалово

Мосальский район

д. Выгорь
д. Грачёвка
д. Усто́ша
д. Фурсово

Перемышльский район

д. Голчань
с. Ильинское
д. Рождествено

Спас-Деменский район

д. Гнездилово
с. Любунь
д. Утриково
д. Чебуши

Сухиничский район

д. Калужкино
д. Хлопье
д. Шибаевка

Тарусский район

д. Крутицы
д. Селивёрстово

Угодско-Заводской район

д. Боёво
д. Корсаково

Ульяновский район

д. Вейна
д. Жуково
с. Кирейково
с. Крапивна
с. Панево

Ферзиковский район

с. Воинка

с. Кольцово
с. Черкасово

Хвастовичский район

с. Кцынь
д. Ло́вать

Юхновский район

д. Глухово
д. Кувшиново
д. Плоское
д. Ру́синово

КАРЕЛЬСКАЯ АССР

Населенные пункты без указания района

д. Андреевка
д. Великая Нива
с. Верхний Шальгопорог
д. Верховье
д. Водла
д. Голышевская Новинка

Беломорский район

с. Выгостров
д. Вирьма
с. Надвоицы
с. Сумский Посад
с. Шуерецкое

Заонежский район

с. Вырозеро
д. Онежаны
д. Фомино

Медвежегорский район

д. Ворожигора
д. Данилово
д. Кунасозеро
д. Лекса
д. Лотское
д. Лумбуши
д. Пергуба
д. Пигматка
с. Повенец
д. Пудожгора
д. Пяльма
д. Тагозеро
д. Тайгинцы
д. Чолмужа
с. Янгозеро

Петрозаводский район

д. Вонжынск
д. Ладва

д. Есино
д. Жаринкова
с. Космозеро
д. Коробейниково
д. Лахта
д. Лонгасы
д. Педа́-Сельга
пос. Соломенное
д. Суйсаари
д. Ял-Губа

Повенецкий район

с. Ёгозеро
с. Пески

Прионежский район

с. Деревянное
д. Машозеро
д. Пяжева-Сельга
д. Таржеполь

Поморский район

д. Шижни

Пудожский район

д. Авдеево
д. Балдина Гора
с. Великостров
д. Глубокое
д. Гора
д. Гумар-Наволок
д. Дубово
д. Калакунда
д. Канза-Наволок
с. Коладозеро
д. Колово
с. Корбозеро
д. Кривцы
д. Куга-Наволок

д. Морская Масельга
д. Рассолово
д. Сергиево
д. Слобода
с. Упица
д. Усть-Колода
д. Янгозеро
д. Марнаволок
д. Отовозеро
д. Охтом-Остров
д. Палоручей
с. Песчаное
д. Подберезье
д. Подпорожье
с. Пудож
д. Путилово
д. Рагнозеро
д. Ранина Гора
д. Семеновская
д. Сердечкина
д. Стешевская
д. Сумозеро
д. Тамбичозеро
д. Шалы
д. Ялгансельга

Сорокский район

д. Воринжа
д. Ёндогуба
с. Колежма
д. Лапина
с. Нюхча
д. Оштомозеро
д. Пертозеро

Шуньгский район

д. Гобсельга

Шолтозерский район

с. Ржаное Озеро

КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Арбажский район

д. Изиповка

Даровский район

д. Стародубцы

Кикнурский район

д. Ворона

д. Золотари
д. Ивановское
д. Соломинская
д. Старая Пижанья

Котельнический район

д. Гущины
д. Самоулки
д. Шмелёвское
д. Шурчилы

Курляковский район

д. Видякино
д. Куршаки
д. Русская Толшева
д. Сандалово
д. Чесноки

Лальский район

д. Астафьева Гора
с. Верхо-Лалье
д. Ляпково
д. Папулово
д. Сомово

Макарьевский район

д. Глинно

Мурашинский район

д. Гаврёнки
д. Крысаново

Ново-Троицкий район

д. Кленовое
д. Политенки
д. Поляки
д. Пчелинская
д. Тохтинцы

Опаринский район

д. Большая Речная
д. Верхняя Валманга
д. Верхнеплоская
д. Гляденовская
д. Гремячевское
д. Дуванное
д. Зайково
д. Изгновская
д. Колоулино
д. Кошелево
с. Красное
д. Кривец
д. Нижне-Зотинская
д. Нижняя Плоская
д. Первая Важня
д. Салауровская
д. Шабуры
д. Шадрино

Подосиновский район

д. Веснегово
д. Выползово
д. Гащинская
д. Гребнево
д. Захарьевская
д. Кленикова
д. Кобылкино
д. Лодейная
д. Маялово
д. Осаново
д. Починки
д. Ровдино
д. Савино
д. Фомино

Санчурский район

д. Александровская
д. Бурово
д. Жданово
д. Лазарева
д. Макарово
д. Орловский Починок

Свечинский район

д. Баруткины
д. Гущины
д. Дрягунята
д. Кроты
с. Октябрьское
д. Спасское
д. Хмельнички
д. Шалагиновы
д. Шапки

Тужинский район

д. Березники
д. Евсино
д. Клубки
д. Тайбанур

Шабалинский район

д. Алёнкино
д. Коврижные
д. Макаровская
д. Новожилы
д. Ново-Заводской Починок
д. Новые Лелеки
д. Ончуровская
д. Протасы

Шарангский район

д. Арзаматово
д. Зыково
д. Ивановка
д. Лоскутово
д. Малые Колемары
д. Полозово

Черновский район

д. Бушуи
д. Кунеево
д. Мосино
д. Полысаево
д. Раменье

Яранский район

д. Красный Овраг
д. Кукушки
д. Ново-Баженово
с. Рождественское
д. Рыжаково

КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

Антроповский район

д. Бородино
д. Жихарево
д. Истомино
д. Никулино
д. Сорыгино
д. Филёво
д. Филино

Боговаровский район

д. Сороковые

Буйский район

д. Большое Ермолино
с. Борок
д. Глебовское
д. Голочёлово
д. Каликино
д. Починок
д. Слобода
д. Толстиково

Вохомский район

д. Бельково
д. Вторая Хмелёвая
д. Высоково
д. Громово
д. Кокоры
д. Конышово
д. Копоти
д. Малая Стрелка
д. Малиновка
д. Нижнее Лядово
д. Одеговье
д. Окулово
д. Петрушонки
д. Пустошки
д. Сурнаково

Галичский район

д. Кузёмкино
д. Даниловское
д. Дыхалово
д. Жидково
д. Иванькове

Игодовский район

д. Болтушки
д. Говеново
д. Нелидки
д. Новинки
с. Стырово
д. Сырнево

Кадыйский район

д. Никитино
д. Чернышево

Кологривский район

д. Вонюг
д. Ильинское
д. Каменка
д. Кильны
д. Копьёво
д. Морхинино
д. Рубцово
д. Тимово
д. Церковное
д. Шилекша

Костромской район

д. Колесóво
д. Коряково
д. Сухоногово
д. Шувалово

Красносельский район

д. Макшино
д. Шолохово

Макарьевский район

д. Большие Рымы
д. Кокуй
д. Колбино
д. Марковица
д. Никулино
с. Тимошино
с. Унжа

Мантуровский район

д. Знаменка
д. Княжево
д. Малышино
д. Медведица
д. Рогово
д. Стрелица
д. Усолье
д. Хлябишино

Межевский район

д. Зыково
д. Ивановское
д. Колодезная
д. Королево
д. Подёньевица
д. Середняя

Нейский район

д. Головешкино
д. Горевое
д. Марьино
д. Ушениха

Нерехтинский район

д. Артюково
с. Елесна
д. Петровское

Ореховский район

д. Коньшино
д. Коптево
д. Матвеевское
д. Ожегино
д. Погост
д. Федоровское
д. Шемякино

Павинский район

д. Берёзовка
д. Большой Пызмас
д. Ипатово-Копанец
с. Леденга
д. Липово
с. Носково
с. Петряево
д. Починок
д. Пустошка
д. Черемошница

Палкинский район

д. Баланино
д. Родино
с. Словинка

Парфеньевский район

д. Бáхарево
д. Большое Отряково
д. Герасимово
д. Кукушкино
д. Рубцово
д. Трифоново

Поназыревский район

д. Бурундучиха
д. Верхне-Прудовский Починок
д. Городок
д. Дубовка
д. Никитино
д. Размахино

Приволжский район

д. Климово

Пыщугский район

д. Кажирово
д. Крутая
с. Михайловица
д. Огарково
д. Рыжаково

Семёновский район

д. Дарьино
д. Долгово
д. Марково
д. Мелехово
д. Подражки
д. Сокерино

Солигаличский район

д. Васильево
д. Нетёсово
д. Погребнóе
д. Селезéнево
д. Спирино

Судайский район

д. Борисово
д. Костино
д. Шартаново

Судиславльский район

д. Верёвкино
д. Дьяково
д. Завражье
д. Куломзино
д. Скоморохово
д. Славново

Сусанинский район

д. Дор
д. Кокошино
с. Максимовское
д. Хреново

Чухломский район

д. Аверково
д. Аниково
д. Аринино
д. Дудино
д. Ефаново
д. Михалёво
д. Одинцово
д. Рубцово
д. Фёдоровское
д. Хорошево

Шарьинский район

д. Безнег
д. Большое Варакино
д. Большая Талица
д. Костино
д. Кряж
д. Луни
д. Пахарь

КУРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Белгородский район

д. Алмазовка
с. Никольское
д. Раково
с. Старый Город

Беленихинский район

с. Гнездилово
с. Лески́

Беловский район

с. Введенская Белица
с. Вишнево
с. Долгий Колодезь

Бесединский район

с. Алябьево
с. Муравлёво
с. Троица

Боброво-Дворский район

с. Коньшино
с. Концево
с. Осколец
д. Присынок

Больше-Полянский район

с. Бере́зовка
с. Бурдино
с. Красная Поляна

Больше-Солдатовский район

с. Сторожевое
с. Ширково-Немча

Больше-Троицкий район

с. Белый Колодезь
хут. Са́ввин
с. Цепляево

Борисовский район

Климов Хутор
с. Крюково

Валуйский район

д. Лавы
с. Насоново

Велико-Михайловский район

с. Богородское

Верхне-Любажский район

д. Ржава

Воловский район

с. Александровка
с. Вышнее-Большое
с. Ломигоры

Волоконовский район

Астахов Хутор
с. Афоньевка
с. Витчининово
с. Репьёвка
с. Фощеватово

Глушковский район

д. Бу́дки
д. Неониловка
д. Панкратовка

Горшеченский район

с. Богатырёво
с. Рындино

Грайворонский район

с. Дроновка
с. Казачья Лисица
с. Мокрая Орловка

Дмитриев-Льговский район

с. Киликино́
с. Нева́рь
с. Почепно́е
с. Хинецкое

Золотухинский район

с. Дерлово
Хут. Косогор
д. Мужланово
д. Первое Скородное
д. Фентисово

Иванинский район

с. Колпаково
с. Сосково-Ломня

Ивнянский район

д. Березовка
с. Драгунское
с. Курасо́вка
с. Сухо-Солотино

Касторенский район

с. Котовка
с. Прокуророво
с. Семеновка

Конышевский район

д. Нижне-Песочная
д. Старая Белица
д. Узни́к
д. Черничино
д. Юрьевка

Кореневский район

д. Жура́вля
д. Секе́рино
с. Успеновка

Корочанский район

с. За́ячье
с. Попо́вка
с. Сетно́е

Краснояружский район

с. Вязовое
с. Надёжевка
с. Русская Берёзовка
с. Теребрино

Кривцовский район

с. Нагольное

Крупецкий район

д. Анатольевка
с. Бегоща
с. Городище
д. Щекино́

Ленинский район

с. Лобазовка
д. Стречниво
д. Филиппово

Льговский район

с. Борисовка
с. Дуров-Бобрик
с. Износково
с. Марицы
с. Пристень
д. Эммануиловка

Мантуровский район

с. Борзёнково
с. Верхосеймье
с. Кривец

Медвенский район

с. Благодатное
с. Второе Любицкое
с. Второе Рождественское
с. Ли́повец
с. Нижний Реутец

с. Панино
с. Спасское

Микояновский район

с. Журавлевка
хут. Красная Алексеевка
с. Щетиновка

Михайловский район

д. Курбакино
с. Погорельцево
с. Старый Бузец
с. Троя́ново

Ново-Оскольский район

д. Большая Яруга
с. Оскольское
с. Песчанка
д. Проточное

Обоянский район

с. Афанасьево
с. Белая
с. Котельниково
с. Филатово

Октябрьский район

с. Бычёк
с. Нижняя Грайворонка

Поныровский район

с. Степь

Пристенский район

с. Колбасовка
с. Троицкое

Прохоровский район

д. Карташовка
с. Красное
с. Скоровка

Ракитянский район

д. Коровино
с. Псковское

Рыльский район

с. Кострова́

Саженский район

д. Сажное
д. Ушаково

Свободинский район

с. Гремячий Колодезь
с. Кононыхино

Скороднянский район

с. Масловка

Советский район

с. Грязно́е
с. Кшеяь
с. Нижнее Гурово
с. Переволочное

Солнцевский район

с. Орлянка
с. Выползово
с. Черемошное

Старооскольский район

с. Верхне-Чуфи́чево
с. Каплино
с. Те́рехово
с. Тёплый Колодезь

Становлянский район

с. То́лстое

Стрелецкий район

с. Верхняя Медведица
д. Зорино
с. Михайлово
с. Полянское

Суджанский район

с. Дарьино
д. Плёхово
д. Русская Поречная

Тербунский район

с. Васильевка

Тимский район

с. Забелье

с. Погожее
с. Похонок

Уразовский район

с. Кукуевка
с. Старый Хутор
д. Ураево

Фатежский район

с. Никовец
д. Фатьяновка
д. Шмарное

Хомутовский район

с. Клеве́нь
д. Переступино
д. Самохваловка
д. Стрекалово

Черемисовский район

с. Русановка
с. Толстый Колодец

Чернянский район

д. Андреевка
д. Баклановка
д. Прилепы

Шебекинский район

Хут. Гремячий
с. Репное
с. Старая Таволожанка
д. Щигорёвка

Шигровский район

д. Басово
с. Касиновка
с. Новосёловка
с. Скыткино

Ясеновский район

с. Богородицкое

Ястребовский район

с. Головище
с. Крутые Верхи
с. Никольское

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Алеховшинский район

д. Вляйкиничи

Белозерский район

д. Артишино

Винницкий район

д. Артюшино
д. Пишталёво

Вознесенский район

с. Большая Пустошь
д. Гимрека
с. Посад

Воеводовский район

д. Кар-Поло
д. Щеглово

Волосовский район

д. Голятицы
д. Даймище
с. Калитинó
д. Княжево
д. Летошицы
с. Местаново
д. Сóсново
д. Чёрная

Волховский район

д. Вóльково
д. Красная Горка
д. Лигово
д. Надозерье
с. Немятово
д. Ульяново

Гатчинский район

с. Вохоново
д. Кемск
д. Кургино
с. Никольское
д. Пехенец
д. Симанково
д. Чернецово

Гдовский район

д. Мошки

Ефимовский район

д. Врачёво
д. Вяз
д. Озерёво
д. Панькино
д. Подол
д. Пудрино
д. Сомино
д. Струги
д. Фалилеево

Капшинский район

д. Бурмакино
д. Лукино
д. Никулино
д. Никульское
д. Пашозеро
д. Токарёво

Кингесепский район

д. Бабино
д. Вассакара
д. Выбье
д. Зáполье
пос. Ивановский
д. Жабино
д. Клённо
д. Косколово
д. Кошкино
д. Ручьи
д. Сяглы

Киришский район

д. Гатика
д. Гремячево
д. Иконово
д. Малая Будогощь
д. Рысино

Красносельский район

д. Горбунки
д. Михайловка

Лодейнопольский район

д. Болото
д. Верхняя Канома
д. Гумбарицы
д. Имоченица
д. Новая Слобода
с. Средние Мандроги
д. Шоткуса

Ломоносовский район

д. Копорье
пос. Лебяжье
д. Липово

Лужский район

д. Большие Сабицы
д. Бýтковичи
д. Волошово
д. Долговка
д. Жеребут
д. Заполье
с. Красные Горы
д. Лесково
д. Люблино
д. Путятино
д. Сабцы

Мгинский район

д. Гавсарь
д. Горка
д. Колосарь
д. Лаврово
д. Нижняя Шальдиха
д. Падрило
д. Пухолово
д. Сологубовка
д. Сухое
д. Усть Тосна

Новоладожский район

д. Кивуя
д. Рябово
д. Усть-Рыбежна

Ораниенбаумский район

д. Верхние Лужки
д. Ирогощи
д. Малое Коновалово
д. Модолицы

Оредежский район

д. Загорье
д. Кремснó
с. Нестерково
д. Ракитно
д. Стаи

Осьминский район

д. Жилино
д. Зáсобье
д. Захонье
д. Карино
д. Лемовжа
д. Ликовское
д. Мхи
д. Пушкино
д. Твердять

Оятский район

д. Вачукинцы
д. Димитровка
д. Малые Коковичи
д. Мириничи
д. Ондров-Конец
д. Падола
д. Хмелезеро
д. Чаинцы

Павловский район

д. Антропшино
с. Введенское
д. Слудицы

Пашский район

д. Кизлярская
д. Медведково
д. Прокшино
д. Спирово

Подпорожский район

д. Гоморовичи
д. Каковичи

Сланцевский район

д. Большая Жердянка
д. Втроя
д. Заборожки
д. Загривье
д. Монастырёк
д. Переволок
д. Усть-Жердянка

Тихвинский район

д. Андреево
д. Борки

д. Галично
д. Дмитровка
д. Заручевье
д. Клинец
д. Кострино
д. Липная Горка
д. Новая
д. Новое Село
д. Селище
д. Сенно
д. Ситомля
д. Соньково
д. Фишева Гора

Тосненский район

д. Апраксин-Бор
д. Горка
д. Ёглизи
д. Коркино
с. Никольское
д. Новая
д. Попрудка
с. Старoселье
д. Усадище
д. Чудской Бор

МАРИЙСКАЯ АССР

Горно-Марийский район

д. Копань

Звениговский район

д. Шимшурга

Килемарский район

д. Кумья

Козмодемьянский район

с. Арда
д. Ахмылово
с. Владимирское

Медведевский район

д. Кучки
д. Медведево
с. Нурма

Оршанский район

д. Большая Урбень
д. Овечкино

Семёновский район

с. Семёновка

Юринский район

д. Козловец
д. Куржам
д. Мелковка
д. Удельный Шуме́ц

МОРДОВСКАЯ АССР

Ардатовский район

д. Малое Кузьмино
пос. Питерка
пос. Федоровка
с. Четвертаково

Атюрьевский район

д. Каменка
с. Шалы

Атяшевский район

с. Алашеевка

Болдовский район

д. Кулишейка
д. Озёрки

Больше-Березниковский район

с. Николаевка
с. Тазино
д. Фёдоровка

Больше-Игнатовский район

с. Горки
д. Монаково
с. Новые Селищи
с. Спасское

Дубенский район

с. Енгалычево

Ельниковский район

с. Алексеевка
с. Ново-Девичье
д. Софьино

Инсарский район

с. Козловка
с. Петровка

Ичалковский район

с. Береговые Сыреси
с. Протасово
с. Ташкино

Кадошкинский район

с. Вторая Ожга
с. Нагаево
д. Ушлейка

Ковылкинский район

с. Высокое
с. Чекашева Поляна
д. Червлёная

Козловский район

с. Ведяпцы
с. Каменка

Кочкуровский район

с. Воеводское
с. Русское Давыдово
с. Тёпловка

Краснослободский район

с. Новый Усад
д. Слободские Дубровки

Ладский район

с. Голубцовка
пос. Маркино

Лямбирский район

с. Александровка

Майданский район

с. Русское Коломасово
с. Янгужинский Майдан

Мельцанский район

с. Верякуши
с. Ирсеть
ст. Федоровка

Наруксовский район

с. Васильевка

Пурдошанский район

с. Булаево
с. Жегалово
с. Русское Корино

Ромодановский район

с. Анненково

с. Еремеево
д. Уришки

Рузаевский район

с. Аргамаково
с. Архангельское Голицино
д. Бекетовка
д. Быко̀вка
с. Саловка

Рыбкинский район

д. Матвеевка
д. Новая Резеновка
д. Русская Ла́шма

Саранский район

с. Блохино
с. Грибоедово
д. Екатериновка
с. Ключарёво
с. Протасово

Старо-Синдровский район

с. Долговерясы
с. Новые Авгуры
с. Синдрово-Завод
д. Среднее Поле
д. Старая Рябка

Старо-Шайговский район

с. Летки
с. Ново-Троицкое
с. Подверниха

Темниковский район

с. Кушки
с. Старый Город

Теньгушевский район

д. Клемещей
с. Куликово
с. Старая Каче́евка

Тордеевский район

с. Виндрей
д. Засецкое
с. Мальцево

Чамзинский район

с. Маколово
с. Медаево
с. Мёртовщина
с. Пичуры

Ширингушский район

д. Киселёвка
с. Покасс
с. Русский Лундан

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Балашихинский район

д. Новая

Бронницкий район

д. Булгаково
с. Воскресенское
д. Толмачёво

Верейский район

д. Головинка
д. Залучное
д. Митяево
д. Пареево

Виноградовский район

д. Бочевино
д. Ворщиково
с. Фаустово

Волоколамский район

д. Ефимьево
с. Матрёнино
д. Мусино́
д. Щекино́

Воскресенский район

с. Елкино
с. Петровское

Высоковский район

д. Ко́лосово
д. Кузнечиково

Гремячевский район

д. Берёзовка

Дмитровский район

д. Во́лдынское
д. Ковригино
д. Соколово

Донской район

с. Смородино

Егорьевский район

с. Калионово
с. Коврево
с. Куплия́м
с. Михали́
д. Полбино
с. Рыжево

Загорский район

д. Бере́зники
д. Верхние Дворики
д. Ворохобино
д. Дивово-Галино
д. Зубцово
д. Легково
д. Шубино

Зарайский район

с. Астанкино
с. Большие Белыничи
с. Журавна
с. Мишино
д. Саблино

Звенигородский район

с. Захарово
д. Ликино
д. Маслово
с. Наро-Осаново
д. Супонево
д. Угрюмово
д. Устье

Истринский район

д. Вельяминово
д. Сорокино
д. Талица
с. Холмы

Каширский район

д. Зубово
д. Коростылёво
д. Корыстово
д. Лазаревка
д. Руднево
д. Стародуб
с. Тараскево

Кимовский район

д. Алексеевка
с. Белоозеро
с. Хитровщи́на

Клинский район

с. Майданово
д. Трехде́нево

Коломенский район

с. Городец
с. Дари́щи

с. Колодкино
с. Молодинки
с. Мякинино
с. Мячково
с. Пирочи
с. Семёновское
с. Шереметьево

Коммунистический район
д. Глухово
д. Надмошье
д. Терехово
д. Шульгино

Константиновский район
с. Богородское-Лапино
д. Вергино
с. Власово
д. Закубéжье
с. Кучки
д. Лихéнино
с. Новая Шýрма
д. Самотовино

Коробовский район
д. Лека
д. Перхýрово
с. Харлампéево
д. Ширяево

Кривандинский район
д. Власово
д. Úлкодино
д. Левинская
д. Маланьинская
д. Подболотново
д. Пожинское
с. Пустошá

Куровской район
д. Абрамовка
д. Игнатово
д. Ляхово
с. Мисяцево
д. Соболево

Лопасненский район
д. Алфёрово
д. Высоково
д. Зыкеево
д. Покров-Погост
д. Мелихово

Лотошинский район
д. Астренево
д. Ново-Лисино
д. Срывково

Луковниковский район
д. Горки

Луховицкий район
с. Дединово
с. Лесное
с. Маты́ра
с. Подлесная Слобода
с. Руднево
д. Слёмские Бóрки

Людиновский район
д. Косичино

Малинский район
с. Щапово

Михневский район
с. Верзилово
с. Кузóвлево
с. Кузьмино
с. Растуново
с. Хатýнь

Можайский район
с. Бородино
с. Глазово
с. Горячкино
с. Мышкино

Наро-Фоминский район
д. Бекасово
д. Большие Семёновичи
с. Каменское
д. Плесенское
д. Хмырово

Ново-Петровский район
д. Никитское
с. Рождествено
д. Савино
д. Чáново

Ногинский район
д. Буньково
д. Дядькино
д. Марьинка
д. Степаново
д. Стулово
д. Щекавцево

Озерский район
д. Горы
д. Ольхово
с. Протасово
с. Речицы

Орехово-Зуевский район
д. Белавино
д. Войнова Гора
д. Никулино

с. Севастьяново
д. Сольково
д. Федотово

Осташевский район
д. Берёзки
д. Клишино
д. Прозорово
д. Сумароково

Павлово-Посадский район
д. Алфёрово
д. Васютино
д. Демидово

Подольский район
д. Крюково
д. Луковня
д. Сальково
д. Скрипино

Пушкинский район
д. Назарово

Раменский район
д. Аксёново
д. Еганово
д. Заболотье
д. Карпово

Рузский район
д. Бельково
с. Васильевское
с. Михайловское
д. Ракитино

Серебряно-Прудский район
с. Баршово
д. Куребино
с. Митякино
с. Подхожее
с. Узуново

Серпуховский район
д. Арнеево
с. Енино
с. Калиново
с. Калугин
с. Коргашино
с. Липицы
д. Московка

Солнечногорский район
д. Починки
д. Субботино

Сталиногорский район
с. Иван-Озеро

Ступинский район
д. Алеево

Талдомский район
д. Бабахино
д. Дубки́
д. Костино
д. Кунилово
д. Федоровское

Уваровский район
д. Лусось
д. Преснецово
д. Сытино

Узловский район
д. Пашково
д. Сухановка

Ухтомский район
д. Выхино
д. Капотня

Холм-Жирковский район
д. Печатниково

Шатурский район
с. Петровское

Шаховский район
д. Дунилова
д. Елипархово
д. Павловское
д. Плоское

Щелковский район
д. Булаково
д. Мишнево
д. Никифорово
с. Петровское
д. Рязанцы

НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Батецкий район
д. Большие Кусони
д. Воронино
д. Гусины
д. Дрёглы
д. Кострони
д. Курино
д. Нехино
д. Остров

Белебелковский район
д. Заполье
д. Ровная
д. Шушелово

Боровичский район
д. Березицы
д. Болонья
д. Волок
д. Дудинó
д. Дурилово
д. Ефремово
д. Колупалово
д. Овсянниково
д. Окладнево
д. Плавкóво
с. Семерицы
д. Сестрёнки
д. Тухун

Валдайский район
д. Вороново
с. Глебово
д. Красилово
д. Новотроицы
д. Русские Новики
д. Симаниха
д. Сухая Ветошь
д. Ящербово

Волотовский район
д. Большие Гривны
д. Взгляды
д. Меньково
д. Соловьёво

Демянский район
с. Ватолино
д. Великий Заход
д. Горостцы
д. Кузнецово
д. Мошóнка
д. Скребель

Древельский район
д. Загванье
д. Нижнее Станино
д. Новинка
д. Хилино
д. Хортицы

Залучский район
д. Большое Засово
д. Бор
с. За́лучье
д. Озёрки
д. Тарасино
д. Ходы́ни

Крестецкий район
с. Амосово
д. Курово
с. Ламерьё
д. Ляхово
д. Старое Рахино
д. Шеребуть

Лычковский район
д. Вольная Берёзка
д. Горшковицы
д. Задняя
д. Кипино
д. Кирилловщина
д. Мелеча
д. Семёновщина
д. Ямница

Любытинский район
д. Галица
д. Каменка
д. Комарово
д. Курино

д. Мошки
д. Токарёво

Маловишерский район
д. Глутно
д. Горнешно
д. Заполек
д. Зеле́нщино
д. Кашира
с. Любцы
с. Марконницы
д. Морозовичи
д. Огзово
д. Усадье

Метченский район
с. Самокража

Молвотицкий район
д. Быково
д. Лаптево
д. Новая

Мошенский район
д. Андрюшино
д. Гридино
д. Дорохово
д. Звад
д. Клеудино
с. Кобожа
д. Крутец
с. Ореховно
с. Погорелово
д. Семёнкино
д. Сутóки
д. Шипино

Мстинский район
д. Гостцы
д. Льзень
д. Посад
д. Словыть

Новгородский район
л. Горное-Морино
д. Долгово

д. Ермолино
д. Котовицы
с. Мста
д. Оссия
д. Полищи
д. Финев Луг
д. Чауни
д. Чечулино

Окуловский район

д. Верховик
д. Каево
д. Мельницы
д. Наволóк
д. Опечек
д. Полежалово
д. Харики
д. Хорино
д. Шуя

Пестовский район

д. Богослово
д. Вотросо
д. Елкино
д. Мышкино
д. Нивы
с. Русское Пестово
с. Устюцкое

Поддорский район

д. Барские Кулики
д. Большая Вещанка

д. Губино
д. Люблино
д. Навалóк
д. Перегино
д. Ракитно
д. Ямно

Полавский район

д. Берёзка
д. Дворец
д. Кочешино
д. Мануйлово

Солецкий район

д. Боровня
д. Скирино

Старорусский район

д. Бакачино
д. Борисово
д. Великое Село
д. Веряжа
с. Взвад
д. Виджа
д. Дретено
д. Нагаткино
д. Перетёрки
д. Подолож
д. Рамушево
д. Устрика
д. Юрьево

Уторгошский район

д. Борок
д. Збуд
д. Кáзовицы
д. Малый Уторгош
д. Низы
д. Острова

Хвойнинский район

д. Демидово
д. Измайлова Гора
д. Лопатино
д. Погорелки
д. Смердомца
д. Спасово
д. Шилово

Чудовский район

д. Большая Любунь
д. Глушица
с. Ямно

Шимский район

д. Менюша
д. Подгощи
д. Солоницко
д. Теребутицы
д. Шипицы

ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Болховский район

Пос. Архангельское
с. Войново
д. Городок
с. Кривцово
д. Медвёдки
д. Милятино
д. Мúхнево
д. Плоское

Верховский район

д. Карповка
с. Скородное

Володарский район

д. Богданчиков (Тонкое)
д. Красные Горки
д. Малсевка

Волынский район

д. Большие Бутырки
д. Спасское

Глазуновский район

с. Верхнее Тагино
д. Захаровка
д. Ново-Полево

Дмитровский район

д. Брусовец
д. Круглое
д. Рублино

Долгоруковский район

с. Большая Боёвка
с. Дубовéц
д. Каменка
с. Меньший Колодезь
д. Русская Козинка
с. Свишни

Должанский район

д. Дубровка
с. Кривцова Плота
с. Степановка
с. Успенка

Дросковский район

Пос. Орловка

Елецкий район

д. Быкóвка
д. Козеево
с. Рогатово

Задонский район

с. Калабино
д. Кóлесово
с. Ксизово
с. Уткино

Залегощенский район

с. Нижнее Скворчее
с. Новая Залегощь

Знаменский район

Пос. Вытебеть
д. Кобыльская
д. Кокарева
с. Коптево
д. Рагозина

Измалковский район

д. Знаменка
д. Каменка
д. Прилепы

Колпнянский район

д. Ахтырка (Феонино)
д. 2-й Белый Колодезь
д. Карташовка
д. Лески

д. Лесовка
д. Логачёвка
с. Рождественское

Корсаковский район

д. Александро-Гнидовка
д. Парамоново
с. Спасское

Краснинский район

с. Гудаловка
д. Екатериновка
д. Мамоново
с. Мокрое
с. Нижнее Дрезгалово
с. Рождество

Краснозеренский район

с. Верхняя Любовша
д. Кукуй
с. Рассошное
с. Успенское
д. Щербачи

Кромский район

д. Большое Рыжково
с. Гуторово
с. Добрынь
д. Дьячая
с. Кутафино
хут. Ново-Троицкий
д. Стрелецкая

Ливенский район

д. Гранкино
с. Козьминка
д. Малахово

Малоархангельский район

с. Ивань
с. Каменка
д. Костино
с. Луковец

Моховский район

д. Большая Круглица
с. Желябуга
с. Золотарево
с. Карпово
с. Ломовое

Мценский район

д. Бобрик
с. Большое Тёплое

д. Жилино
д. Рябиновка
д. Сергиевское
с. Спасское-Лутовиново
д. Черемошны
д. Ярыгино

Никольский район

д. Екатериновка
с. Жéрино
с. Навесное
с. Троицкое

Ново-Деревеньковский район

д. Домны
д. Раевка
с. Суры́

Новосильский район

с. Заречье
д. Мужиково
д. Селезнёво
д. Чулково

Орловский район

д. Грачёвка
д. Лаврово
д. Орехово

Покровский район

д. Зубково
с. Трудки
с. Успенское

Русско-Бродский район

с. Нижний Жерновец
с. Теляжье

Свердловский район

д. Городище
с. Змиёво
с. Козьминское
д. Костантиновка
д. Ново-Петровка
д. Озерна́

Сосковский район

д. Ефимовка
д. Маслова
с. Мыцкое
с. Прилепы
д. Рубчая

Становлянский район

д. Арсентьево
с. Грунин Варгол
д. Чернолески
д. Ястребин Колодезь

Судьбищенский район

с. Плоское

Тельченский район

д. Аниканово
д. Дежкино
д. Шумово

Троснянский район

с. Ломовец
с. Малахова Слобода
с. Муравль
с. Никольское
д. Редогощ
с. Студенок
д. Турейка

Урицкий район

с. Городище
с. Дашково
д. Себякино
д. Солнцево

Хотынецкий район

д. Жудрё
с. Ивановское
с. Пятницкое
д. Стрекалово

Чернавский район

д. Козеево
с. Хухлово
с. Чернава-Пятницкая

Чибисовский район

д. Аркатово

Шаблыкинский район

с. Высокое
д. Лобки
д. Навля
д. Старые Рядовичи
д. Юшково

ПЕНЗЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Беднодемьяновский район

с. Веденяпино
с. Липяги
с. Русский Шелдаис
с. Хомутовка

Больше-Вьясский район

с. Гремячевка

с. Дарьевка
с. Казачья Пелетьма
с. Соколовка

Вадинский район

с. Большая Лука́
с. Ко́повка
с. Рахмановка
с. Ягановка

Голицинский район

с. Долгоруково
с. Лухменский Майдан

Земетчинский район

с. Вяземка
с. Оторма

Иссинский район

с. Знаменская Пестравка
с. Костыляй
с. Соловцо́во
с. Уварово

Лунинский район

с. Большое Левино
с. Нижний Шкафт
с. Ново-Трехсвятское
с. Старая Кутля
с. Тоузаково
с. Чирково

Мокшанский район

с. Белогорка
с. Юлово

Наровчатский район

с. Азарапино

с. Большое Кирдяшево
с. Дурасовка
с. Каурец
с. Малая Кавендра
с. Паны

Нижне-Ломовский район

с. Кувак-Никольское
д. Новая Пяти́на

Николо-Пестровский район

д. Базарная Кеньша
д. Коржевка
д. Кравково
д. Междуречье
с. Мокрая Поляна

Салтыковский район

с. Кириллово
с. Сядемка
д. Юрсово

ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Ашевский район

д. Овинцово
д. Палкино
д. Полозово
д. Селище
д. Чихачево

Гдовский район

д. Гверёстка
д. Заборовье
д. Кануновщина
д. Лунёвщина
д. Подо́спа

Дедовичский район

д. Алексино
д. Байково
д. Бахново
д. Большие Крутцы
д. Плещёвка
д. Сивичино
д. Сосницы
д. Хлеборадово

Дновский район

с. Дно
д. Межник
д. Чертёны

Карамышевский район

д. Марьинское
с. Рыдалы

Качановский район

с. Дядно
с. Шумилкино

Лядский район

д. Большой Сварец
д. Верховье
д. Заборовка
д. Замошье
д. Лединки
д. Марьинско
д. Радоселье

Новоржевский район

д. Ве́шелиха
д. Крутцы
д. Осинкина
д. Черноярово

Новосельский район

д. Княжицы
д. Моложане
д. Углы

Островский район

д. Грызавино
д. Гусаково
д. Лобаши
д. Покровское
д. Пусто́шки
д. Шитики
д. Юдино

Павский район

с. Боротно
д. Дертины
д. Подберёзье

Палкинский район

д. Великополье
д. Мылово

д. Сысоево
д. Троши
д. Ягодкина

Печорский район

д. Городище
д. Колпино
д. Кулье
д. Малы́
д. Нижняя Крупская
д. Плесоки
с. Стуколово
д. Таилово

Плюсский район

д. Большие Лышницы
д. Борки
д. Заполье
д. Погребище
д. Толошницы

Полновский район

д. Драготин
д. Замежничье
д. Замогилье
д. Мишина Гора
д. Носовка
д. Подборовье

Порховский район

д. Берёза
д. Болото
д. Дубровна
д. Загорье
д. Заозерье
д. Красуха
д. Старищи
д. Турово

Псковский район

д. Васильево
д. Голодуши
д. Патрово
д. Шванибахово

Пушкино-Горский район

д. Брюшково
д. Вороничи
д. Зимари
д. Кошкино
д. Крылово
д. Мельница
д. Салтаново

Пыталовский район

д. Дрени
д. Паньково
д. Сунево

Середкинский район

д. Аксентьево
д. Красиковщина
д. Люботеж
д. Троицкая Гора

Славковский район

д. Демиденки
д. Ефременки
д. Луг

д. Лютые Болота
д. Малые Пети
д. Романово

Сошихинский район

д. Владимирцы
д. Деревицы
с. Немоево
д. Поварнино
д. Рассолухино
д. Сергино

Струго-Красненский район

д. Рошелёво
д. Сиковицы
д. Слёзово

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Бельковский район

д. Анемнясево
д. Викулово
с. Ибердус
д. Колесниково
с. Кочемары
д. Мимишкино
д. Ча́рус
д. Чуликса

Больше-Коровинский район

с. Лялино
с. Окуньково
д. Петровское

Букринский район

д. Добрая Слобода
д. Ласково

Горловский район

с. Казинка
с. Петру́шино
с. Хворощёвка

Елатомский район

д. Жуково
с. Которово
д. Кусмор
д. Щербатовка

Ерахтурский район

д. Дронино
д. Занины Починки
с. Копаново
с. Кузёмкино

Ермишинский район

д. Корнеевка
д. Милейка
д. Некрасовка
д. Степановка

д. Тонкачево
д. Торопово

Желтухинский район

д. Желтухино
д. Уланово

Зарайский район

д. Верхнее Маслово

Захаровский район

с. Катагоща
с. Плахино
с. Троицкое
с. Федоровское

Ижевский район

с. Выжелес
с. Городное
с. Лубяни́ки
д. Малево
д. Папушево

Каверинский район

д. Большое Агишево
д. Купля
д. Михайловка
с. Старо-Берёзово
д. Темёшево

Кадомский район

д. Варваровка
д. Ивановка
с. Кочемирово
с. Старый Кадом
с. Чермное
с. Юзга́

Касимовский район

д. Балушево-Починки
д. Бочкари
д. Чи́нур

Коломенский район

Блохино

Конобеевский район

с. Желанное
д. Львовка
с. Польное Ялтуново
с. Старо-Чернеево

Кораблинский район

с. Харламовка

Луховицкий район

с. Белоомут

Мервинский район

д. Большое Шадеево
с. Рожок

Милославский район

д. Микулино
с. Спасское

Михайловский район

с. Ижеславль
с. Печерники
с. Прудская Слобода
с. Хавертово

Можарский район

с. Апушка
с. Белоречье
д. Ключи
с. Можары
с. Морозовы Борки
с. Унгор

Муравлянский район

с. Мордово
д. Тяпкино

Октябрьский район
д. Горбатово
д. Завидовка

Пителинский район
д. Кононовка
с. Павловка
с. Соколово
д. Станищи
с. Юрьево

Пронский район
с. Гремячка
с. Красное
с. Се́менск
д. Терновая Погорелка
с. Яблонево

Путятинский район
с. Екатериновка
с. Карабухино
д. Павловка

Рыбновский район
д. Житово
с. Новосёлки
д. Пальные
с. Ходынино
д. Шехмино
с. Шушпаново

Ряжский район
д. Петрово
с. Шереметьево

Рязанский район
д. Александрово
с. Льгово
д. Наумово
с. Никуличи
с. Тарасово

Сапожковский район
д. Васильевка
с. Малый Сапожок
с. Ново-Красное
с. Смыково

Сараевский район
с. Борец
с. Одоевщина
д. Озёрки
с. Телятники

Сасовский район
с. Алёшино
д. Воскресенка
с. Вя́лсы
с. Глядково
д. Демушкино
с. Золотая Поляна
с. Каргашино
с. Ключи
с. Матвеевское
с. Мокрое
с. Пичкиряево
с. Салтыково

Семионовский район
д. Богдановка
с. Никитино
с. Пехлец
с. Пустошино

Скопинский район
с. Дмитриево
с. Корневое

Солотчинский район
с. Аграфенина Пустынь
с. Долшино
с. Дубровичи
с. Казарь
д. Картоно́сово
д. Лопухи
д. Требухино

Спасский район
с. Веретье
д. Выселки
с. Исады
с. Кидусово
с. Панино
д. Тонино

Спас-Клепиковский район
д. Абрахово
с. Большое Курапово
д. Кобылинка
д. Мягково
д. Ольгино
д. Подгорье
д. Поседа
д. Тимохино
д. Ширяево

Старожиловский район
с. Насилово-Сазоново

Тумский район
д. Бахматьево
с. Бусаево
с. Давыдово
д. Култуки
д. Сусо́во
д. Шаранино

Ухоловский район
с. Голицыно
с. Ляпуновка
с. Самодуровка
д. Ясенок

Шацкий район
с. Кулики
с. Ново-Софьино
д. Шача

Шелуховский район
д. Вишнёвка
с. Городище
д. Заречье
с. Новая Пустынь
с. Ухорское
с. Фролово

Шиловский район
с. Берёзово
с. Наследяичье
д. Смирновка
с. Тырново

Чапаевский район
д. Малая Доро́гинка

Чернавский район
д. Бугровка
с. Топилы

Чучковский район
д. Алексаядровка
с. Кистенёво
с. Фролово
пос. Шуваёвка

САРАТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Балаковский район
с. Быков Отрог
с. Еланка
с. Малая Быковка
с. Малый Кутум

Балтайский район
с. Журавлиха
с. Старая Лопастейка

Воскресенский район
с. Березники
с. Воскресенское

с. Нечаевка
с. Новая Алексеевка
д. Ново-Романовка
с. Софьинка

Екатериновский район
с. Качеевка

Красавский район

с. Ковалевка

Краснокутский район

с. Ахмат

Ново-Покровский район

с. Березовка
с. Устиновка

Новоузенский район

с. Петропавловск

Первомайский район

с. Карповка
с. Коптевка

Петровский район

с. Большан Камышинка
с. Таволожка

Питерский район

с. Алексашино
с. Пахарь

Ртищевский район

с. Подгоренка

Фёдоровский район

с. Митрофановка
с. Сырт-Смоленка
с. Тамбовка

Хвалынский район

с. Горюши
с. Поповка

Черкасский район

с. Ключи
с. Крнжим

Широко-Буеракский район

с. Богородское
с. Широкий Буерак

СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Андреевский район

д. Бахметово
д. Васильево
д. Сенчуки
д. Ту́рово

Батуринский район

д. Большие Фомёнки
с. Ново-Попово
д. Покитино
д. При́глово
с. Рыкшино

Велижский район

д. Дитлово
д. Коже́ки
д. Самуси́
д. Селезни

Всходский район

д. Большан Мы́шинка
д. Милятино
д. Простево
д. Пусто́шка

Вяземский район

д. Бесово
д. Богданово
д. Ведерники
д. Марково
д. Ново-Никольское
д. Семёновское

Гжатский район

с. Воробьево
д. Нован и Старая Слобода

Глинковский район

д. Милеево
д. Старое Брыкино
с. Филимоны

Демидовский район

д. Кавширы
д. Ло́скотово
д. Максимово
д. Пашино
д. Сельцо

Дорогобужский район

д. Еловка
д. Каськова
д. Слобода

Духовщинский район

д. Калошино
д. Озерецкая
д. Третьнково

Екимовичский район

д. Алексеевка
д. Васильевка
с. Заболотье
д. Зимницы
с. Крапивна
д. Ново-Берёзовка

Ельнинский район

д. Мухино
д. Старое Мутище
с. Старое Щербино
с. Усть-Дёмино

Ершичский район

д. Блинные Кучи
д. Высокий Борок

д. Мацилёвка
д. Тростна-Ивакина

Знаменский район

д. Сафоново
д. Синюково
д. Янино

Издешковский район

д. Старое Истомино
с. Козулино
с. Старое
д. Таборы

Кардымовский район

д. Ёлча
д. Малиновка
д. Фольковичи

Кармановский район

д. Большое Тнлино
д. Быково
д. Ветрово
д. Лосинино
д. Сухоле́тово

Каспляиский район

д. Лептюхи
с. Сыр-Липки
д. Ходы́ки

Краснинский район

д. Волоедово
д. Не́движи
д. Прохладная
д. Середнево

Монастырщинский район
д. Голевка
д. Гультаевка
д. Зальково
д. Максаёво
с. Романовское
д. Тишковка

Новодугинский район
с. Капустино
д. Мольгино

Оленинский район
д. Большое Борятино

Понизовский район
д. Калериново
д. Кобызи
д. Лежуево

Починковский район
д. Алексеевка
д. Киселёвка
д. Лобково
д. Пирьково
д. Сверчкова
д. Сельцо-Загорье
д. Хатросово

Пречистенский район
д. Амшара
д. Бердяево
д. Вёртка Старая
д. Пашково
д. Селище

Рославльский район
д. Астапковичи
д. Бараново
д. Слаговка

Руднянский район
д. Дрягили
д. Елисеевка
д. Коштуны
д. Мервино
д. Подсосно

Сафоновский район
д. Ржава
д. Троица

Семлёвский район
д. Большое Староселье
д. Глагазино
д. Годуновка
д. Подрезово
д. Селиваново
д. Чёрное

Слободской район
д. Бакланово
д. Дубьё
д. Максименки
д. Рожны

Смоленский район
д. Крицковщина
д. Синявино

Стодолищенский район
д. Гавриковка
с. Ермолино
д. Ивонино
д. Лехтовка

Сычевский район
д. Вязовка
д. Муковесово
д. Писково
д. Поповка
д. Ракитня
д. Субботники

д. Холминка
д. Хреновая

Тёмкинский район
д. Рамоны
д. Сущёво

Тумановский район
с. Вятское
д. Клоково
д. Коробово
д. Рогово
с. Успенское
д. Ширяиха

Хиславичский район
д. Боровая
д. Муравьево
д. Пыковка
д. Растегаевка

Холм-Жирковский район
д. Большево
д. Козилово
д. Пигулино

Шумячский район
д. Балахоновка
д. Богдановка
д. Власково
д. Дунаевщина
д. Зимонино
с. Студенец

Юрьевско-Девичский район
с. Кузьминское

Ярцевский район
д. Мушковичи
д. Скачкова
д. Старое Безменово
д. Суетово

ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Алгасовский район
д. Княжево
д. Погореловка

Бондарский район
с. Бычки
с. Чернавка
с. Прибытки

Гавриловский район
с. Гавриловка Вторая
с. Козьма-Демьяновка
с. Пересыпкино

Граждановский район
с. Куровщино
д. Подвигаловка

Жерцевский район
с. Сукмановка

Знаменский район
с. Александровка
с. Дуплято-Масловка
с. Сергиевка

Инжавинский район
с. Инжавино
с. Калугино
с. Караул

Кирсановский район
с. Иноковка Вторая
с. Несвитча
с. Рамза
с. Чутановка

Моршанский район
д. Елизаветино
д. Михайловка

с. Михайловка
с. Раёво
с. Серповóе

Пичаевский район

с. Вяжли
с. Гагарино

Ржаксинский район

с. Золотовка
с. Перевоз
с. Тимофеевка

ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

д. Куликовка
д. Липовка

Алексинский район

д. Грибово
д. Клишино
д. Мясоедово
д. Плешивка

Арсеньевский район

д. Байдино
д. Боброво
с. Мокрое
д. Сороколетово

Белевский район

д. Бабынино
д. Володьково
д. Зубково
д. Карлово
д. Крюковка

Богородицкий район

с. Болохна
с. Иевлево

Веневский район

с. Арсеньево
с. Березово
д. Бобровка
с. Гати
д. Дубровка
с. Шишлово

Воловский район

с. Верхоупье
д. Караси
с. Никитское
д. Селиверстово

Дедиловский район

с. Быковка
д. Крюковка
д. Мостовая

Дубенский район

д. Абакумово
д. Катешово
д. Столбово

Епифанский район

с. Бахметьево
д. Бучалки
с. Пичаево

Ефремовский район

с. Дубики
д. Михнево

Заокский район

д. Недьяково
с. Страхово

Иваньковский район

д. Княжья Слобода
д. Кутуково
с. Одинцово

Крапивенский район

с. Коренёвка
с. Пришня
д. Супруты

Куркинский район

д. Даниловка
с. Михайловское
с. Полевые Озерки
с. Рязаново

Лазаревский район

с. Ржава

Лаптевский район

д. Митюшино
д. Пешково-Грецово
с. Хотушь

Ленинский район

с. Варфоломеево
д. Мерлиновка
д. Чириково
с. Ямны

Мордвесский район

д. Адашево
с. Знаменская
с. Марыгино
с. Стомна
с. Тулубьево

Одоевский район

д. Окороково
с. Площадь

Рудовский район

с. Большое Шереметьево
с. Глуховка
с. Осино-Гай

Рыбновский район

д. Александровка

Октябрьский район

д. Даровая
с. Кольцово

Плавский район

д. Савватеевка
д. Ступишино

Сафоновский район

д. Ерёмянка
д. Залесское
д. Малые Плоты
д. Натальино

Тепло-Огаревский район

д. Петровское

Товарковский район

с. Кузовка
с. Малёвка

Тульский район

д. Алёшково
д. Алферьево
д. Архангельское
д. Бабанино
д. Гомово
д. Демидовка
с. Ивóровка
д. Марьино
д. Медвенка

Ханинский район

д. Суворово

Чекалинский район

д. Верстье
д. Крюковка
д. Малахово

Чернский район

д. Большая Скуратовка
с. Синегубово

Щекинский район

с. Ясная Поляна

ЧУВАШСКАЯ АССР

Алатырский район
с. Иваньково-Ленино
с. Чуварлей

Аликовский район
с. Русская Сóрма

Вурнарский район
д. Зеленóвка

Ибресинский район
д. Русские Темяши

Калининский район
с. Калинино

Канашский район
с. Вутáбоси

Козловский район
с. Беловолжск

Комсомольский район
д. Александровка
д. Сюрбей-Токаево

Красно-Четайский район
д. Русские Атáи

Кувакинский район
д. Берёзовский Майдан
с. Сурской Майдан
с. Турдáково

Марьинско-Посадский район
с. Кушниково
д. Нóвинск
д. Ураково

Моргаушский район
с. Оринино

Первомайский район
д. Сигачи

Порецкий район
с. Никулино
с. Сиява
д. Шатино

Сундырский район
д. Елкияо
пос. Ильинка

Цивильский район
с. Рындино

Чебоксарский район
д. Гремячево

Чурачикский район
д. Передние Яндоуши

Шумерлинский район
с. Русские Алгашú
с. Шемуршá

Ядринский район
с. Большие Чиганары
с. Засурье
д. Полянки

Яти·ковский район
с. Можáрки

ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Арефинский район
д. Афремово
д. Большие Ночёвки
д. Дор
д. Заломье
д. Козлово
д. Локтево
д. Починок Болотов
д. Телятьево
с. Шаготь

Большесельский район
д. Буйкино
д. Колышево
д. Кузьминское
д. Лящино
д. Лутошкино
с. Новое
д. Ясная Поляна

Борисоглебский район
д. Бурмакино
с. Георгиевское
д. Домнино
д. Дядьково
д. Жадимирово
д. Реброво

Брейтовский район
с. Горелово
д. Копань
с. Михайловское
д. Рысь

Бурмакинский район
д. Гашки
с. Куванино
с. Остров
с. Сеславино

Владычневский район
д. Берендяки
с. Колодино
д. Ларионово

Гаврилово-Ямский район
д. Борисово
с. Осенево
с. Спас
с. Холм-Огарев

Давыдковский район
с. Давыдково

Даниловский район
с. Андрюково
д. Антонково
д. Богатино
д. Борисково
с. Измайлово
д. Реброво
д. Федино
д. Шолохово

Ильинский район
д. Судилово

Курбский район
д. Андрино
д. Бердяки
д. Борисково
д. Колесово

Любимский район
д. Бряково
д. Гиганово
д. Еськино
д. Илькино
д. Пигалево

Мышкинский район

д. Высоково
д. Иваново
д. Костюрино
д. Манушино
д. Нефёдово
с. Юрьевское

Нагорьевский район

с. Андреяново
с. Ведомша
с. Копнино

Некоузский район

с. Введенское
д. Глинник
с. Марьино
с. Некоуз
д. Обуховцево

Некрасовский район

д. Кресцово
д. Лихобразово
д. Михайловское
д. Овсяники
д. Яхробол

Первомайский район

д. Анкудиново
д. Дмитриевка
д. Дядинское
д. Юшково

Переславль Залесский район

с. Городищи
с. Купань
д. Мартынка
с. Никитское
с. Рогозинино

Петровский район

д. Де́ревни
с. Дмитриановское
д. Кошки
с. Рославлево
с. Спас-Смердино
д. Фролово

Пошехоно-Володарский район

д. Гаютино
д. Кладово
д. Овчинкино
д. Пустошки
д. Свинари́ха
д. Щетниково

Пречистенский район

д. Акишево
с. Воскресенское
д. Добраново
д. Огнецово
с. Плишкино
д. Телячья Слобода
д. Хмелевицы
д. Шильпуково

Ростовский район

с. Воржа
с. Воскресенское
с. Климатино
д. Марково
д. Никольское
д. Стрелы
д. Тряслово
д. Халдеево

Рыбинский район

д. Андреевское
д. Большое Семино
с. Глебово
д. Горки
д. Ивашово
д. Кирилловское
д. Киселево
д. Кречково
д. Милюшино
д. Осорьино
с. Раздумово

Рязанцевский район

д. Вёска
д. Любильцево
с. Никульское
с. Славитино

Середский район

д. Баглаево
д. Исады
д. Лыкошино

Тутаевский район

д. Большая Погорелка
с. Великое
д. Вышницы
д. Дьяконово
с. Ильинское
д. Колечково
д. Назарово
д. Панфилово
д. Понгилово
д. Ратислово
д. Самашово
д. Сельцо
д. Шелко́во
д. Щербики
д. Юдаково

Угличский район

д. Васильёво
д. Володинска
д. Куренинова

Ярославский район

д. Губцево
д. Опарино
д. Павлеиха
с. Серёново
с. Сопёлки

ОГЛАВЛЕНИЕ

Варвара Георгиевна Орлова

История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров

*

Утверждено к печати
Институтом русского языка
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Б. С. Шварцкопф*

Технический редактор *И. Ф. Ковальская*

РИСО АН СССР № 8—96В. Сдано в набор 24/XI 1958 г. Подписано к печати 27/III 1959 г. Формат $70 \times 108^1/_{16}$ печ. л. 13,25 усл. печ. л. = 18,67 уч.-издат. л. + 6 вклеек. Тираж 2700 экз. Т-00093. Изд. № 2218. Тип. зак. № 877.

Приложение 6 карт

Цена 16 р. 55 к. (с картами)

1-я типография Издательства АН СССР.
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

Цена 16 р. 55 к.

1-я ТИПОГРАФИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВА АКАДЕМИИ НАУК СССР
Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

КОНТРОЛЕР № 1

При обнаружении недостатков в книге
просим возвратить книгу вместе
с этим ярлыком для обмена